

Академик Кудрявцев о наследии

Зимник-2016

Три концепции пространственного развития Иркутска

Шерегеш-2016

Дискуссия о влиянии элит на архитектуру

Заха Хадид

Мифы 130-го квартала

2016 / 47-48

элиты / elites

проект
байкал /
project
baikal

12+

White Hills

ДЕКОРАТИВНЫЙ ОБЛИЦОВОЧНЫЙ КАМЕНЬ

Продукт White Hills
Представлен в Восточно-Сибирском
регионе и Забайкальском крае
компанией «Фасадные технологии»

Иркутск, ул. Энгельса, 8, оф. 302
Тел. (3952) 484-184
whitehills.ru
fasadom.ru

Что элита?
Кого сегодня так называют
– завтра забыты.
Кого сегодня унижают и убивают
– завтра – элита.

15 января 2016 года – 125 лет со дня рождения О. Мандельштама
Тема ЭЛИТЫ беспокоит умы со времен классической античности. На первый взгляд, все очевидно: элита это те лучшие, избранные, которые наделены решающим влиянием на общество, властью, богатством. Однако при любой попытке уточнить определения – начинаются разночтения.

Газетно Москва утверждает с горечью: элиты всегда самозванны, у кого оказалась власть и богатство, тот и объявляет себя элитой.

Нет, утверждает Вильфредо Парето, элита состоит из людей, реально превосходящих средний уровень общества по своим талантам, воле, энергетике. Спор продолжается.

Тема оказалась настолько многогранной, что мы ни в коем случае не претендуем на ее полноценное раскрытие в одном номере. Показательно, что тема вызвала неподдельный интерес у постоянных авторов ПБ, и они развернули настоящую дискуссию в интернет-пространстве (120). Этот новый для нашего журнала жанр с первой попытки соединил три страны, пять точек на карте.

Как бы мы ни определяли понятие элит, несомненно одно: от их состава, качества, воли и целей зависит многое. Будет ли мир или война, и какие это будут миры и войны? Воцарится ли наконец справедливость или продолжатся беззакония и беспредел? Куда приведут нас крошачьи экономики – в голод или к новому витку благополучия?

От какой элиты – финансовой, властной, профессиональной – больше зависит состояние наших городов? Кварталов?

Формируется ли архитектурный стиль естественным образом, как ответ на запросы общества, отражает ли состояние технологий или авторитарно спускается сверху?

Как обычно, вопросов много, гораздо больше, чем ответов. Вопросы непростые. Что же, тем больше шансов, что новый номер нашего журнала окажется интересным и содержательным, по-хорошему элитарным.

Елена Григорьева

Who are the elite?
Those who are called elite today,
Will be forgotten next day.
Those who are today killed or brought low,
Will be the elite tomorrow.

January 15, 2016 is Mandelstam's 125th anniversary

Since classical antiquity many minds have been concerned about the elites. At first glance, it is obvious that elites are the best and chosen people who have power, wealth and a decisive impact on the society. However, any attempt to clarify the definition leads to discrepancy.

Gaetano Mosca asserts bitterly that the elites are always self-appointed. Those who have power and wealth will claim themselves elite.

On the contrary, Vilfredo Pareto says about the superiority of elites over common people by virtue of their skills, will and energy. The argument continues.

This subject has so many sides that we do not claim its complete coverage within one issue. It is quite telling that this subject aroused keen interest among regular authors of PB, and they launched a discussion in the Internet space (120). Though this genre is new for our journal, it has immediately involved three countries and five points on the map.

Whatever definition we give to elites, it is doubtless that a lot of things depend on their composition, quality, will and goals. Will it be war or peace, and what kind of war or peace will it be? Will justice finally reign, or will iniquities and outrages go on? Will the crumbling economies bring us to hunger or to a new round of prosperity?

Which elite – financial, power or professional – has the greatest impact on the condition of our cities and city quarters? Is the architectural style formed naturally, as a response to the society's requirements? Does it reflect the condition of technologies, or is it imposed authoritatively from above?

As usual, there are a lot of questions, much more than the answers. The questions are urgent and uneasy. Well, the greater the journal's chances to become interesting, comprehensive and elite, in a good sense.

Elena Grigoryeva, editor-in-chief

47-48 элиты / elites

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала издателю Барту Голдхоорну, издательству **А-Фонд**, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск, пер. Черемховский, 1а

корректор
Инесса Бражникова
литературный редактор
Инесса Бражникова
верстка
Татьяна Анненкова
переводчик, редактор раздела «новости МСА»
Анна Григорьева
адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail:
elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

дизайн обложки
Алексей Сергеев

адрес типографии
000 "Типография Призма",
Иркутск, Рабочего Штаба, 78/5
Тираж 300 экз.
Подписано в печать 19.05.16

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Периодичность 4 раза в год
Цена свободная

12+

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

проект байкал/
project baikal
ISSN 2307-4485

47-48 элиты / elites

2

новости	Анна Григорьева по материалам сайта www.uia.archi	Новости Международного союза архитекторов..... 5
	Анна Григорьева по материалам сайта idesignawards.com	Международная награда International Design Awards – 2016 7
	Александр Кудрявцев	Стратегия сохранения и развития исторического наследия РФ: перечень проблем и направление решения 8
москва на марше	Никита Токарев Александр Острогорский	Что делать архитектору с историей архитектуры? 18
конкурсы	Ляна Лазуто Владимир Стегайло Валентина Казакова Алексей Козьмин Владимир Распутин Андрей Гнездилов Ирина Замотина Евгения Арефьева	Международный конкурс архитектурных идей для Сибири «АРХТАЙГА-2016» 20 Конкурс на развитие территории Центрального рынка в Иркутске 22 «АрхБухта. Урбанизация – 2016»..... 24 Три концепции пространственного развития Иркутска 31 Разумный рост и развитие города..... 32 Шесть городов 34 Иркутск – 2040: прагматичные амбиции 36
образование	Евгения Ямова Валерия Нуянзина	Зимник-2016 38
монитор	Анастасия Жмыхова Инна Дружинина Надежда Наумова Инна Дружинина	Поселок Кедровый Яр..... 50 Проект реконструкции студенческих общежитий кампуса ИРНТУ 52
книга	Марина Ткачева	Актуальность прошлого 54
новости	Марина Новикова Марина Ткачева Виктор Логвинов	На Зеленой таял снег. 3–8 апреля 2016 года в Шерегеше прошел XI форум архитекторов-горнолыжников 55 Живопись и судьбы 58 Анатомия механизма, или Саморегулирование по-русски 62
элиты	Константин Лидин Александр Раппапорт Елена Багина 67 Элиты и паразиты 68 Элиты и звезды современной архитектуры 76 От дворцов-святилищ к дворцам-симулякрам 78

Special thanks to Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage. Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief

E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovskiy Pereulok 1a, Irkutsk, Russia

proofreader

Inessa Brazhnikova

literary editor

Inessa Brazhnikova

upmaking

Tatyana Annenkova

translator, editor of the "UIA News" section

Anna Grigorieva

address of the publisher and the editorial board

664025 Chermkhovskiy Pereulok 1a
Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839, +7 3952 332840
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

cover design

Alexei Sergeev

printed by

000 "Tipografia Prizma"
Rabochego Shtaba Street 78/5
Irkutsk
print run 300
passed for printing:
19.05.16

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors.
quarterly publication
free price
12+

спонсоры номера

Архитектурная Фирма Н. Жуковского

Надежда Грязнова	Роль губернской администрации в преобразовании Тамбова в последней четверти XVIII века	84	
Илья Лежава	Сибстрим	92	
Александр Левинтов	Местные и региональные элиты	104	
Елена Багина	О времени, ГП и ММК	110	
Александр Раппапорт	112	
Александр Раппапорт	Роль И. В. Сталина в истории архитектуры	116	
Елена Григорьева		
Константин Лидин		
Александр Раппапорт		
Дмитрий Хмельницкий		
Елена Багина	Дискуссия «Власть и архитектура»	120	
Юрий Волчок	От пропедевтики ВХУТЕМАС к пролегоменам ценности экспериментального жилого Дома на Новинском бульваре в Москве (1927-1930)	127	
Юрий Волчок	Стремление к совершенству в обретении Нового. Возрождение понятия «изящное» для осмысления диалога художественного образа и интеллектуальной идеи в современной архитектурной форме	140	
Марк Меерович	От реформы – к реформе	150	
Елена Багина	О демонах	156	
объект номера	Клубный дом «Булгаков» в Москве	161	
Константин Лидин	Новая элита предпочитает качество	164	
Алексей Сергеев	Комментарий архитектора	167	
Елена Григорьева	Комментарий редактора, любителя качественной архитектуры и качественной литературы	169	
элиты	Франк ван дер Хувен	Бессильная звезда архитектурной элиты О том, как Заха Хадид стала первым человеком, действительно скончавшимся во время строительства стадиона «Аль-Вакра»	170
Татьяна Лебедева	Московский опыт в творчестве Захи Хадид	179	
градо	Константин Лидин	Урбанизация, миграция, информация	184
наследие	Козьма Кварталов	Мифы 130-го квартала. Продолжение	188
post scriptum	Ирина Дагданова	Развитие современного городского квартала на примере городов стран Западной Европы	190
Ирина Алсагаева	199	
авторы	199	

news	Anna Grigorieva using source material from the website: www.uia.archi	UIA News.....	5
	Anna Grigorieva using source material from the website: www.idesignawards.com	Call for entries for International Design Awards 2016.....	7
	Alexander Kudryavtsev	The Strategy for Preservation and Development of the Historical Heritage of the RF: Problems and Their Solutions.	8
Moscow on the march	Nikita Tokarev	How Should an Architect Deal with the History of Architecture?	18
competitions	Alexander Ostrogorsky	The International Contest of Architectural Ideas for Siberia "ARCHTAIGA 2016"	20
	Lyana Lazuto	Competition for the Development of the Central Market in Irkutsk.....	22
	Vladimir Stegailo	ArchBukhta. Urbanization 2016	24
	Valentina Kazakova	Three Concepts for Spatial Development of Irkutsk	31
	Alexei Kozmin	Smart Growth and Development of the City	32
	Vladimir Rasputin	Six Cities	34
	Andrei Gnezdilov		
	Eugenia Arefieva	Irkutsk 2040: Pragmatic Ambitions.....	36
education	Irina Zamotina		
	Eugenia Yamova	Winter University 2016.....	38
	Valeria Nuyanzina		
monitor	Anastasia Zhmykhova	Kedrovyy Yar Settlement	50
	Inna Druzhinina		
	Nadezhda Naumova	Redesign of the Student Dormitories on the INRTU Campus.....	52
	Inna Druzhinina	The Relevancy of the Past.....	54
book	Marina Tkacheva	Snow Melted on the Green. The 11th Forum of Architects -Mountain Skiers Was Held in Sheregesh 3-8 April 2016	55
news	Marina Novikova	Paintings and Fortunes	58
	Marina Tkacheva	Anatomy of the Mechanism or Self-Regulation in the Russian Style	62
	Victor Logvinov	67
elites	Konstantin Lidin	Elites and Parasites	68
	Alexander Rappaport	Elites and Stars of Modern Architecture.....	76
	Elena Bagina	From Palaces-Delubrums to Palaces-Simulacrums	78
	Nadezhda Gryaznova	The Role of the Provincial Administration in Reorganization of Tambov in the Last Quarter of the 18th Century	84
	Ilya Lezhava	Sibstream	92
	Alexander Levintov	Local and Regional Elites.....	104
	Elena Bagina	About Time, GP and MMG	110
	Alexander Rappaport	112
	Alexander Rappaport	The Role of I. V. Stalin in the History of Architecture.....	116
	Elena Grigoryeva		
	Konstantin Lidin	Discussion "The Power and Architecture"	120
	Alexander Rappaport	From the VKhUTEMAS' Propaedeutics to Prolegomena of the Value of the Experimental House in the Novinskiy Boulevard in Moscow (1927-1930)	127
	Dmitry Khmelniitsky	Commitment to Excellence in the New. Revival of the Notion of "the Fine" for Comprehension of the Dialogue between Artistic Image and Intellectual Idea in a Modern Architectural Form.....	140
	Elena Bagina	From a Reform to a Reform.....	150
	Yuri Volchok	About Daemons	156
	Yuri Volchok	Bulgakov Clubhouse in Moscow.....	161
object of the issue	Mark Meerovich	The New Elite Prefers Quality.....	164
	Elena Bagina	The Architect's Comments.....	167
	Konstantin Lidin	Comments of the Editor, Who Likes Architecture and Literature of High Quality	169
elites	Alexei Sergeev	The powerless starchitect. How Zaha Hadid became the first person working on the Al-Wakrah stadium that actually did die	170
	Elena Grigoryeva	Moscow experience in the work of Zaha Hadid	179
	Frank van der Hoeven	Urbanization, Migration, Information	184
urban	Tatyana Lebedeva	Myths of the 130 Quarter	188
heritage	Konstantin Lidin	Development of a Modern Urban Quarter through the Example of Western European Cities.....	190
post scriptum	Kozma Kvartalov	199
	Irina Dagdanova		
	Irina Alsagaeva		
authors			

UIA Seoul 2017 Call for papers and design works

The 26th World Congress of the International Union of Architects, UIA Seoul 2017, will take place at the COEX Centre and at the Dongdaemun Design Plaza in Seoul in Korea, from 3 to 10 September 2017.

The Academic Programme of the Congress has planned to emphasize research and architectural design in the form of presentations and discussions of theoretical research as well as of projects and realisations on the Congress' theme: "The Soul of the City." Three sub-themes can be developed: City and Culture, City and Future, City and Nature.

Proposals for open-ended themes are most welcomed and any other architecte-

tural topics not covered by the three sub themes in connections with the UIA 2017's main theme, "SOUL OF CITY." Possible topics are may be, but are not limited to: Passion (Arts and Passion, Urban Space Arts, Architecture, and Arts) or Human Value (Suturing and Healing, Justice and Equity, and Community Values), and others.

Main dates for design works

Online Submission Open – 15 June 2016. Abstract Submission Deadline – 30 November 2016. Notification of Acceptance – 31 January 2017. Deadline for Presentation File – 25 August 2017

Main dates for papers

Online Submission Open – 15 June 2016. Abstract Submission Deadline – 30 November 2016. Notification of

Acceptance – 31 January 2017. Full Paper Submission Deadline – 31 May 2017.

Feedback on Paper (Request for Revision) – 5 July 2017. Final Paper Submission Deadline – 5 August 2017. Deadline for Presentation File – 25 August 2017

Submission will only be accepted online via the official website using English language.

Contact information:

UIA 2017 Seoul website:

www.uia2017seoul.archi

UIA 2017 Seoul Congress Secretariat:
paper@uia2017seoul.org

Terra Award 2016 1st international prize for contemporary earthen architectures

The international prize 'Terra Award 2016' is an initiative supported by multiple

partners, intended to spotlight the beauty and constructive value of raw earth.

The procedure will take place in three stages starting with a worldwide call for candidatures for realisations in raw earth completed after 2000, followed by a pre-selection of 40 buildings and their diffusion by means of a traveling exhibition and a catalogue and ending with the selection of the winner by an international jury led by Chinese architect Wang Shu. The prize ceremony will take place in Lyon (France) as part of the world earth congress, TERRA 2016 (14 July 2016).

The UIA has endorsed the Terra Award and will be represented on the jury by Albert Dubler, UIA Past President.

Terra Award Website
<http://terra-award.org/>

Новости Международного союза архитекторов / UIA News

Сеульский конгресс МСА-2017: объявлен прием докладов и проектов

XXVI Всемирный конгресс Международного союза архитекторов (МСА) будет проходить в центре COEX и в Тондемун-Дизайн-Плазе в Сеуле (Корея) с 3 по 10 сентября 2017 года.

Научная программа конгресса будет представлена в форме презентаций и обсуждения докладов, проектов и построек в рамках темы конгресса «Душа города» и ее трех подтем: «Город и культура», «Город и будущее», «Город и природа».

Приветствуются также архитектурные предложения на темы, не ограниченные тремя перечисленными подтемами. Работы могут касаться таких вопросов как, например: «Страсть» (страстное служение искусству, искусство городского пространства, архитектура и искус-

ство), «Человеческие ценности» (заживление ран, справедливость и равенство, общественные ценности) и др.

Сроки подачи проектных работ

Начало приема онлайн-заявок – 15 июня 2016 года

Конечный срок подачи краткого описания работы – 30 ноября 2016 года

Извещение о принятии работ – 31 января 2017 года

Конечный срок приема файлов презентаций – 25 августа 2017 года

Сроки подачи докладов

Начало приема онлайн-заявок – 15 июня 2016 года

Конечный срок подачи аннотаций – 30 ноября 2016 года

Извещение о принятии работ – 31 января 2017 года

Конечный срок приема материалов в полном виде – 31 мая 2017 года

Замечания к работам (просьба о пересмотре) – 5 июля 2017 года

Конечный срок приема материалов – 5 августа 2017 года

Конечный срок приема файлов презентаций – 25 августа 2017 года

Заявки принимаются только через официальный сайт и только на английском языке.

Контактная информация:
вебсайт Сеульского конгресса
MCA-2017
<http://www.uia2017seoul.archi>

Секретариат Сеульского конгресса MCA-2017:
paper@uia2017seoul.org

Первая международная награда Terra Award – 2016 в области земляной архитектуры

Международная награда Terra Award – 2016 была учреждена при поддержке многочисленных партнеров с целью привлечения всеобщего внимания к красоте и практической ценности земли как строительного материала.

Процедура присуждения награды проходит в три этапа. Началась она с объявления о приеме заявок со всего мира – проектов земляных построек, реализованных после 2000 года. Затем следует предварительный отбор 40 объектов и их распространение посредством передвижной выставки и публикации в каталоге. И в заключение международное жюри во главе с китайским архитектором Ваном Шу выберет победителя. Церемония награждения пройдет 14 июля 2016 года в Лионе (Франция) в рамках

See the 40 preselected realisations on the Terra Award 2016 Facebook page <https://www.facebook.com/terra.award>

Architecture and Children – New edition of the Golden Cube Awards

The UIA Architecture and children work programme is launching the new edition of its Golden Cube awards, developed to recognise and promote individuals and organisations that help children and adolescents to better understand architecture. Candidates are invited to submit their projects, activities or productions developed with the goal of explaining architecture and the built environment design processes to children or youth. Prizes will be awarded in the following categories: schools, institutions, written

media, audio-visual media.

This edition will recognise projects that were completed or will be in progress between August 2014 and March 2017.

The selection process is in two stages. A national jury organised by each participating UIA member section will shortlist projects to be sent on to the international jury, that will select the four winners. Prizes will be awarded during the UIA Seoul congress on September 2017.

These prizes contribute to the goal set by UIA work programme to raise awareness about the built environment, architecture, the city and sustainable development among the youngest generations.

More information on the Work Programme Website
www.architectureandchildren-uia.com

REGION II Russian and Turkish architects fortify their relationship

In spite of the differences currently dividing the governments of their respective countries, the Chamber of Architects of Turkey (CAT) and the Union of Architects of Russia (UAR) have decided to reaffirm their fraternal relationship and their professional and scientific collaboration. By issuing a shared declaration voicing their commitment to the International Union of Architects (UIA) and to its founding principles, the two Member Sections have made a gesture in favor of world peace.

UIA President Esa Mohamed expressed his desire for peace in this region of the

world and welcomed the declaration with these words: "The UIA is an organization which represents architects on a global level. It is the bastion of solidarity among the world's Architects to promote harmony and protect the environment and human habitat. It is for this reason that the UIA commends the initiatives of its Member Sections, the Chamber of Architects of Turkey and the Union of Architects of Russia in signing a joint Declaration aimed at solidifying the friendship and cooperation between the two National sections and all world Architects."

Read the declaration:
<http://www.uia.archi/sites/default/files/UAR-CAT/UAR-CAT-DECLARATION-05022016-EN.pdf>

граммы МСА «Архитектура и дети» было объявлено о новом выпуске награды Golden Cube Awards, нацеленной на поощрение и продвижение частных лиц и организаций, которые помогают детям и молодежи больше узнать об архитектуре. К участию в конкурсе приглашаются авторы проектов, мероприятий или продукции, которые имеют целью объяснить детям и молодежи процессы, происходящие в архитектуре и застроенной среде. Награды присуждаются в следующих категориях: школы, учреждения, печатные издания, аудиовизуальные средства массовой информации.

Жюри рассмотрит проекты, которые были реализованы или будут в процессе реализации с августа 2014 года по март 2017 года.

Отбор кандидатов пройдет в два этапа. Национальное жюри, организованное каждой секцией-членом МСА, вышет список проектов, отобранных для рассмотрения международным жюри, которое, в свою очередь, выберет четырех победителей. Награды будут вручены на Конгрессе МСА в Сеуле в сентябре 2017 года.

Вручение этой награды способствует достижению цели, поставленной рабочей программой МСА, – повысить уровень знаний о застроенной среде, архитектуре, городе и устойчивом развитии среди молодого поколения.

Дополнительная информация – на сайте рабочей программы МСА
<http://www.architectureandchildren-uia.com>

РЕГИОН II Укрепление взаимоотношений между российскими и турецкими архитекторами

Несмотря на расхождение в позициях, занимаемых руководством двух стран, Палата архитекторов Турции (ПАТ) и Союз архитекторов России (САР) решили заявить о братских отношениях между организациями и о развитии их профессионального и научного сотрудничества. Эти организации выпустили совместную декларацию, в которой выразили свою преданность Международному союзу архитекторов (UIA) и готовность следовать его основополагающим принципам, тем самым выступив в поддержку мира во всем мире.

Президент МСА Эса Мохамед пожелал скорейшего восстановления мирных отношений в регионе и приветствовал декларацию следующими словами: «МСА – организация, представляющая архитекторов на мировом уровне. Это бастион солидарности архитекторов всего мира, стремящихся к гармонии и защите природной и жилой среды. По этой причине МСА выражает признательность своим членам-секциям – Палате архитекторов Турции и Союзу архитекторов России – за инициативу в подписании декларации, нацеленной на укрепление дружбы и сотрудничества между архитекторами двух стран, а также всего мира».

Декларация размещена на сайте
<http://www.uia.archi/sites/default/files/UAR-CAT/UAR-CAT-DECLARATION-05022016-EN.pdf>

Всемирного конгресса земляной архитектуры Terra-2016.

МСА поддерживает проведение конкурса Terra Award – 2016 и направляет своего представителя экс-президента МСА Альберта Дублера для участия в жюри.

Веб-сайт награды Terra Award
<http://terra-award.org/>

Все 40 предварительно отобранных объектов можно увидеть на странице Terra Award – 2016 на Facebook: <https://www.facebook.com/terra.award>

Архитектура и дети – новый выпуск награды Golden Cube Awards
В ходе реализации рабочей про-

The International Design Awards (IDA) announced a call for entries for their 9th awards. Set to recognize outstanding talent, IDA's mission is to encourage creativity and innovation across all design fields, including architecture, fashion, graphic, interior and product design.

IDA offers a fantastic opportunity for multi-disciplinary designers from all over the world to receive the recognition they deserve for producing iconic and influential work. The aim is not only for designers to celebrate great work amongst their peers but to draw attention from those outside the industry to the ways in which

design makes an impact on the world. With winners' work included in press campaigns, IDA design directory, and the annual book of designs, and celebrated at the IDA awards gala in Los Angeles, these prestigious awards are an excellent way for designers to promote work and reach new clients.

Last year's inspirational professional winners:

- Architecture - PLUS-SUM Studio with "Guggenheim Helsinki",
- Fashion - Meiyi Cheung with "Wearable art 2013",
- Graphic - Casa Rex with "Campari Gift Box",

- Interior - Gensler with "San Francisco International Airport 3, Boarding Area E",
- Product - Studio Backs with "Vessel Kitchen".

To see all the winners' projects:
<http://idesignawards.com/winners/index.php>

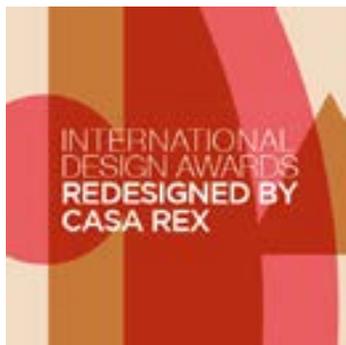
How to enter

Entries to the 9th annual International Design Awards can be made online; if you have work that you think deserves recognition, head to idesignawards.com to find out more.

Музей Гуггенхайма в Хельсинки, проект PLUS-SUM Studio / Guggenheim Helsinki by PLUS-SUM Studio

Международная награда International Design Awards – 2016 / Call for entries for International Design Awards 2016

Новая концепция бренда IDA, разработанная Gustavo Piqueira, Casa Rex / A new concept for the IDA brand by Gustavo Piqueira, Casa Rex

Организаторы международной награды International Design Awards (IDA) – 2016 объявляют о приеме заявок на участие в девятом конкурсе. Премия призвана выявлять выдающиеся таланты, поддерживать творческие замыслы и инновации в области архитектуры, моды, графики, дизайна интерьеров и дизайна продукции.

Конкурс IDA дает замечательную возможность архитекторам и дизайнерам всего мира получить заслуженное признание. Цель конкурса – не только отметить выдающиеся работы, но и привлечь внимание тех, кто не имеет отношение к дизайн-индустрии, показав им широту влияния, которое проектирование и дизайн могут оказывать на мир. Также эта престижная награда дает возможность дизайнерам и архитекторам повысить популярность своих работ и расширить круг клиентов благода-

ря включению работ-победителей в медийные кампании, справочник IDA и ежегодную книгу дизайнеров, а также чествованию победителей на торжественной церемонии награждения в Лос-Анджелесе.

В прошлом году победителями конкурса IDA стали:

- в номинации «Архитектура» – PLUS-SUM Studio, проект Музея Гуггенхайма в Хельсинки;
- в номинации «Мода» – Meiyi Cheung, «Искусство одежды – 2013»;
- в номинации «Графика» – Casa Rex, подарочная коробка Campari;
- в номинации «Дизайн интерьера» – Gensler, Международный аэропорт-3 в Сан-Франциско, зона посадки E;
- в номинации «Дизайн продукции» – Studio Backs, «Кухня-коробль».

Обо всех проектах-победителях можно узнать на сайте:
<http://idesignawards.com/winners/index.php>

Как подать заявку

Подробности об условиях участия в девятом ежегодном конкурсе International Design Awards можно узнать на сайте idesignawards.com.

^ Международный аэропорт-3 в Сан-Франциско, зона посадки E, дизайн интерьера – Gensler / "San Francisco International Airport 3, Boarding Area E" by Gensler

< «Искусство одежды – 2013», автор – Meiyi Cheung / "Wearable art 2013" by Meiyi Cheung

Национальное культурное наследие – важнейшая составляющая социально-экономического и духовного потенциала нашей страны. Шедевры исторической материальной культуры являются символами нации и государства. Существующее законодательное и нормативное поле способно обеспечить охрану культурного наследия, однако не удается переломить негативную динамику безвозвратных утрат объектов культурного наследия – деревянной архитектуры, произведений авангарда, 1930–1950-х годов, советского модернизма. Исчезает историческая среда малых и средних городов. В статье приводится ряд позитивных примеров работы с историческим наследием, в том числе рассматриваются альтернативные методы экономического управления недвижимостью ОКН. Решающая роль в охране наследия принадлежит градостроительному фактору в системе охраны, повышению ответственности властных структур, взаимодействию государства и гражданского общества. Ключевые слова: охрана культурного наследия, законодательная и нормативная база, градостроительный фактор, деревянное зодчество, советский авангард 1930–1950-х годов, советский модернизм, разнообразие альтернативных видов управления ОКН. /

National cultural heritage is a key element of the social, economic and intellectual potential of Russia. The masterpieces of the historical and material culture are symbols of the nation. The existing legislative and regulatory basis ensures preservation of the cultural heritage. However, it is hard to overcome the negative dynamics of the irreparable loss of the cultural heritage sites – the wooden architecture, the works of the avant-garde, the 1930-1950s, the Soviet Modernism. The historical environment disappears in small and medium towns. The article gives several positive examples of dealing with the historical heritage, including the alternative methods of economical management of cultural heritage properties. The leading role in heritage preservation belongs to the town-planning factor in the system of preservation, the rise of the authorities' responsibility, and cooperation between the state and the civil society.

Keywords: cultural heritage preservation; legislative and regulatory basis; town-planning factor; wooden architecture; Soviet avant-garde of the 1930-50s; Soviet Modernism; diversity of the alternative methods of cultural heritage management.

Стратегия сохранения и развития исторического наследия РФ: перечень проблем и направление решения /

Отношение к своему историческому прошлому – главный показатель цивилизованности общества. Значение материальных носителей памяти о прошлом – особенное. Историю можно переписать – и мы являемся свидетелями этого процесса, но невозможно лишить свойства подлинности свидетельства о прошлом памятников архитектуры и градостроительного искусства – их можно только уничтожить, то есть убить. «Дикость, подлость и невежество не уважают прошлое, пресмыкаясь перед одним настоящим» – лучше великого поэта и мыслителя не скажешь.

Как известно, в нашей стране и нашей сфере деятельности отношение к наследию колебалось в XX

веке очень резко от отрицания до обожествления, от уничтожения до восстановления нами же уничтоженного. А. С. Пушкин полагал, что уважение к прошлому генетически заложено в русском человеке, в его природе:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.
(1830)

Прислушаемся вновь к словам и новатора, и историка, и знатока русской души, и нашего «всё».

Показательно нарастание интереса к культурному наследию власти и общества в нашей стране в прошлом году. Только осенью состоялся Международный съезд реставраторов и съезд Союза реставраторов России, выборы временного Совета Национального комитета ИКОМОС в Казани, российско-германский фестиваль «Денкмаль – памятник культуры» в Москве, коллоквиум Агентства по управлению недвижимостью объектов культурного наследия, круглый стол секции «Культурное наследие» технологической платформы «Строительство и архитектура» под эгидой РААСН в Москве. Даже в ежегодном градостроительном конкурсе Минстроя

РФ появилась номинация «Лучшее сохранение объекта культурного наследия». Венцом прошлого года в сфере культуры стало заседание Совета по культуре и искусству при Президенте РФ 25 декабря, где вопросы охраны наследия заняли значительное место, а решения обрели конкретные формы. Из выступления В. В. Путина: «Сохранение исторической памяти – один из ключевых приоритетов. Особая роль здесь принадлежит материальному культурному наследию. В последние годы в центре внимания общественности, средств массовой информации регулярно оказываются, к сожалению, громкие конфликты вокруг охранных зон, разрушение памятников. Необходим самый серьезный анализ таких случаев, в том числе и для выявления пробелов, недоработок в законодательстве... Прошу Минкульт сформировать четкие предложения по защите памятников как федерального, так и регионального да и местного значения от уничтожения и варварского с ними обращения» [1].

Тема сохранения культурного наследия занимает значительное место в «Основах государственной культурной политики», утвержденной Указом Президента РФ от 4 декабря 2014 года. Среди первоочередных задач политики упомяну лишь «практическую реализацию приоритета права общества на сохранение материального и нематериального культурного наследия перед имущественными интересами физических и юридических лиц».

Заседание Совета по культуре и искусству при Президенте РФ 25 декабря 2015 г.

«Сохранение исторической памяти – один из ключевых приоритетов. Особая роль здесь принадлежит материальному культурному наследию. В последние годы в центре внимания общественности, средств массовой информации регулярно оказываются, к сожалению, громкие конфликты вокруг охранных зон, разрушение памятников. Необходим самый серьезный анализ таких случаев, в том числе и для выявления пробелов, недоработок в законодательстве... Прошу Минкульт сформировать четкие предложения по защите памятников как федерального, так и регионального да и местного значения от уничтожения и варварского с ними обращения».

В. В. Путин

The Strategy for Preservation and Development of the Historical Heritage of the RF: Problems and Their Solutions

Обозначены горизонты результативных реализаций Основ – не менее 20 лет, ближайшие результаты – через 5 лет. К сожалению, стратегия реализации этого важнейшего документа еще не разработана.

Ст. 44 п. 3 Конституции РФ гласит: «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» [2]. Охрана памятников истории и культуры находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ (ст. 72) [2]. Таким образом, политическая воля Российской Федерации в сфере охраны наследия выражена совершенно определенно. И все же, по сведениям ВООПИК, страна теряет ежедневно один памятник, а, как известно, эта потеря – безвозвратна.

Состояние материального исторического наследия (градостроительство и архитектура)

Альфа и омега сохранения наследия – Венецианская хартия (Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест), принятая на II Международном конгрессе архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам в 1964 году) [3]. Главный метод – консервация памятника, постоянство ухода за ним. Реставрация – исключительная мера. Реставрация кончается там, где начинается гипотеза. Исторические достопримечательные места – комплексы памятников – должны быть объектом особой заботы. И наконец, раскопки должны производиться

с соблюдением научных норм в соответствии с рекомендациями ЮНЕСКО [3]. Базовым законом в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия (ОКН) является Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ» [4]. В соответствии с законом ОКН подразделяются на следующие категории историко-культурного значения: ОКН федерального, регионального и местного (муниципального) значения.

Указаны особенности приватизации ОКН, которая возможна в отношении тех объектов, по которым завершен процесс разграничения собственности (проведено в четырех регионах – Санкт-Петербурге, Свердловской, Калининградской, Калужской областях), и при условии их обременения по содержанию, сохранению и использованию. Специальные законы субъектов Федерации приняты практически во всех регионах России. РФ ратифицировала ряд европейских конвенций, которые вошли в отечественное законодательство, где ключевой является Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия 1972 года.

Как видим, нормативное поле достаточно разработано, однако нарушениям несть числа. Не смеютворностью же штрафов они объясняются, не только слабостью и малочисленностью контролеров?

Градостроительный фактор
Кардинальной причиной неудовлет-

ворительного состояния охраны наследия является градостроительная политика, вернее, ее отсутствие. Она отсутствует на всех уровнях документации территориального планирования, что подтверждает градостроительный кодекс. В результате развитие культуры не входит в состав обязательных компонентов стратегического развития территорий, в то время как судьбы исторических городов невозможно решить вне планов социально-экономического развития регионов, в том числе развития агломераций.

Печально известна позиция Минэкономразвития, ориентированная на естественное вымирание малых исторических городов. Ряд из них входит в перечень моногородов, но отсутствие государственной программы их возрождения приведет к исчезновению важного звена единой системы расселения страны, «малых столиц» аграрных и лесопромышленных районов, уже терпящих бедствие от обезлюдения сел. Когда мы говорим о «духовных скрепах» нации, первый образ этого феномена – сельская церковь на пригорке, символ малой родины. Очевидно, что необходима программа по консервации руин сельских церквей, потерпевших максимальный урон от разрушений войны и богоборческих усилий и небрежения власти.

В течение почти тысячелетней истории развития Российского государства было создано большое количество городов, многие из которых имеют ценные градостроительные ансамбли, храмы,

монастыри, крепости, дворцы, интересную планировку, археологические памятники. Но как в XX веке, так и сейчас градостроительные, архитектурные и ландшафтные особенности этих городов подвергаются активному наступлению современной застройки, искажению планировки, в том числе главнейших доминирующих объемов – храмовых комплексов, как, например, в Твери, Иваново, Костроме, Москве и многих других городах. Все это приводит к утрате ценного градостроительного наследия.

Впервые необходимость сохранения градостроительного наследия проявилась в ряде директивных документов в 1946–1947 годах. В 1970 году Постановлением СМ РСФСР «Об утверждении списка городов и других населенных мест, имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившие ансамбли и древний культурный слой земли, представляющие археологическую и культурную ценность» были впервые указаны основные ценностные характеристики исторических городов. В 2001 г. утвержденный список исторических городов составил 478 городов. Но принятые директивы и закон 1975 года не смогли остановить утраты градостроительного наследия.

Современное законодательство формулирует ряд положений об условиях градостроительной и хозяйственной деятельности в историческом поселении (ст. 59

Дом Ф. Абеля

Дом за 2 хрущевки

Дом А.Зеленко

^ Историческая, ветхая и аварийная застройка. Самара, 15 марта 2016 г.

и 60 ФЗ «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации»). Но при этом главным условием учета этих условий является включение реально существующих исторических поселений в списки исторических поселений федерального или регионального значения. В настоящее время в таких списках в соответствии с приказом Министерства культуры РФ № 418 и Министерства регионального развития РФ № 339 от 2010 г. в федеральном списке всего 44 города, в него не вошли даже Переславль-Залесский, Тверь, Москва, Великий Новгород, Псков и другие города с многовековой историей.

Очевидно, что в то время, пока этот список будет пополняться, может пройти не одно десятилетие, и все реально существующие города и сотни исторических сел с их неповторимыми градостроительными ценностями окажутся искажены до неузнаваемости. Нужны срочные меры по ужесточению законодательства и совершенствованию системы управления:

- включение исторических поселений в разряд объектов культурного наследия (ст. 3 Закона об объектах культурного наследия);
- в кратчайшие сроки утверждение максимально полного списка исторических поселений;
- разработка по всем историческим поселениям конкретных мер по сохранению их градостроительных особенностей в процессе современной градостроительной деятельности.

Без применения таких срочных

мер огромный очень значимый слой культурного наследия России будет утрачен.

Очевидно, что развитие туризма как экономической отрасли должно быть органично. Один пример – туризм в Великом Устюге, где вся экономическая жизнь происходит на пароходе турфирмы вследствие отсутствия в городе туристической инфраструктуры. Очевидно, что расходы, сделанные на территории самого объекта наследия, составляют лишь 6–10 % от общей суммы, потраченной туристом в этом районе, основную же ее часть он расходует в близлежащих магазинах, гостиницах и других учреждениях [5].

Международные исследования показывают, что на долю культурного туризма приходится 37 % от всего мирового объема туризма, а темпы его ежегодного роста составляют 15 %. Необходимо установить системообразующую роль культурного наследия в туристической отрасли, их экономическую неразрывность и взаимодействие. Дegradaция ОКН неминуемо сокращает прибыльность туризма. Невольно вспоминаешь об эффективности профсоюзного туризма. Действительно, наибольшее возмущение общественности вызывают нарушения градостроительных охранных мероприятий – так называемая корректировка границ охранных зон памятников и ансамблей, особенно усадеб и историко-культурных заповедников. Из широко известных – Бородино, Радонеж, Архангельское, Куликово

поле. В основном подвергаются сокращению охранные зоны конца 1980-х годов, очевидно, тогда сохранение наследия доминировало над коммерческими интересами.

Цитирую Г. И. Маланичеву (ВО-ОПКи): «Сведения о зоне охраны объектов культурного наследия в государственном кадастре недвижимости в большинстве случаев не внесены. По Московской области у 46 объектов культурного наследия утверждены постановлением зоны охраны, но в кадастр внесены только пять, а всего в области 6 тысяч объектов... В Казани отменены зоны охраны памятников более чем на 80 ОКН».

Необходимо вернуть право государственным органам охраны памятников согласовывать архитектурные и градостроительные проекты в зонах охраны, исключенное из Градкодекса, а в Закон об охране – вернуть право согласования Всероссийскому обществу охраны памятников и культуры, существовавшему в версии 1976 года.

Опорный историко-культурный план должен стать обязательной основой градостроительного развития исторического города. Наш опыт – опыт академического совета по наследию – говорит об определенном нежелании городских властей (например, Орла, Курска, Рязани) утверждать этот документ, связывающий руки при принятии волонтеристских решений, продиктованных не только коммерческими интересами, но и желанием продемонстрировать энтузиазм модернизации, прежде всего пода-

вля историческую, т. е. ветхую и аварийную рядовую застройку.

Начиная с Москвы 1980-х годов, в российских городах развивался процесс создания в центрах пешеходных зон. Теперь столицы всех регионов имеют такие градостроительные комплексы, опыт создания которых требует исследования, обобщения и нормирования. В Якутске, например, сначала снесли историческую застройку в центре, а потом заново воссоздали старый Якутск, место привлечения туристов. Но сам опыт комплексного благоустройства с вовлечением в него памятников истории и культуры, заимствованный с инициатив городского сообщества Запада, очень полезен, особенно как опыт частно-государственного партнерства. Очень эффективным в возрождении малых городов стал в США проект «Главная улица», основанный на трастовом (доверительном) управлении недвижимостью в сфере охраны наследия, по которому с 1981 года около 1600 муниципалитетов во всех 50 штатах работали по программе возрождения центральных районов в своих населенных пунктах. По словам Д. Рипкемы, автора книги «Экономика исторического наследия» [5], одного из спикеров Санкт-Петербургского культурного форума в Санкт-Петербурге (2015), «концепция данного метода проекта – экономическое развитие путем сохранения исторического наследия».

Инициатива губернатора Томской области В. Кресса в 2005 году помогла сформировать программу

^ Екатеринбург, ул. Вайнера

^ Нижний Новгород, ул. Покровская

^ Владивосток, ул. Адмирала Фокина

по сохранению в центре деревянной городской застройки – самой уязвимой и хрупкой части материального наследия. В настоящее время в городе утверждена программа на 2014–2019 годы объемом в 0,5 млрд руб. Полагаю, что она способствовала реализации проекта реновации 130-го квартала в исторической части Иркутска. В 2009 году губернатор Иркутска Д. Мезенцев предложил к 350-летию юбилею города создать исторический квартал с деревянной городской застройкой, стремительно исчезающей от истребления и пожаров. Был создан фонд «Иркутская слобода». Группа энтузиастов-архитекторов (Е. Григорьева, Ю. Макаров, М. Меерович, Н. Красная) бесплатно взялась за разработку концепции на месте трущобной застройки, предназначенной к сносу и замене многоэтажными доходными домами. Это был акт гражданской инициативы, принципиально важный в цепочке действий (городская власть в рамках программы ветхого и аварийного жилья расселила жильцов квартала, реализовала инфраструктуру). Участок был разделен на лоты, успешно реализованные на аукционах. Авторы говорят, что 30 % концепции не удалось реализовать, но (помимо экономического эффекта проекта) было восстановлено пять объектов регионального и местного значения, а также около 35 зданий средовой застройки. Опыт интересен во всех аспектах социально-культурного анализа современной жизни и перспектив развития.

Градостроительные ограничения играют решающую роль в охране ансамблей (вспомним восемь исторических панорам Москвы). Уже многие годы по достопримечательному месту – центру Рыбинска – ведет работу советник РААСН Э. А. Шевченко.

Памятники, ансамбли, достопримечательные места: опыт и проблемы

К сожалению, единый государственный реестр ОКН только начал работать, хотя он является основным документом учета и контроля состояния исторического материального наследия, его постоянного мониторинга. Поэтому столь актуально предложение советника РААСН Н. М. Алмазовой о создании технологии Геоинформационной системы для осуществления этой цели.

Пока же воспользуемся данными, представленными в государственных докладах МК РФ о состоянии культуры в 2013 и 2014 годах, а также в Стратегии реализации государственной культурной политики 2016 года [6, 7]. Общее количество ОКН в России на конец 2014 года составило 172 500 объектов (102 500 – федерального значения, 67 800 – регионального, 2 000 – муниципального; 80 800 – археологических). К сожалению, расшифровки этого массива нет. Отмечается утрата 38 объектов (без учета археологического наследия), в том числе выявленных и ценных градоформирующих (Тульская обл. – 10; Новгородская – 9; Московская – 6).

В 2013 году было утрачено 23 объекта, в 2012 – 30, в 2011 – 34. Как видим, к сожалению, позитивная динамика не наблюдается. По состоянию на конец 2013 года под государственной охраной находилось 133 627 ОКН: 129 499 памятников (64 504 – федерального значения 62 652 – регионального, 2 343 – муниципального), 3 489 ансамблей, 639 достопримечательных мест.

Особого внимания заслуживает задача сохранения и учета выявленных ОКН – памятников истории и культуры, рекомендованных к постановке на государственную охрану. На 31.12.2013 их было 116 829 (114 458 памятников, 1405 ансамблей, 966 достопримечательных мест, в том числе 77 310 объектов археологии), в 2014 году – 83 тыс. объектов. Эта категория сопоставима с ОКН, поставленными на учет, но процесс перехода из одной категории в другую чрезвычайно замедлен, прежде всего из-за сложности процедуры. В 53 субъектах РФ не поставлено на охрану ни одного памятника. Еще несколько цифр из доклада 2013 года: состояние памятников, стоящих на охране, оценивалось как хорошее – 14 %, удовлетворительное – 58 %, неудовлетворительное – 19 %, аварийное – 6 %, руинированное – 3 %, не оценено – 29 % (по сравнению с 2012 годом состояние ухудшилось на 1–2 %). 27 ОКН (17 культурных) федерального значения – ансамбли – включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО (всего в Списке 1 031 объект), что довольно скромно

по масштабам исторического наследия России (в Европе лидирует Италия – всего 51 объект, 47 – культурных).

Напомню, что Венецианская хартия разрешает три вида работ – консервацию, реставрацию, раскопки. Закон 2002 года – четыре вида: консервацию, ремонт, реставрацию и приспособление. Опыт последних двух десятилетий говорит, что разрешенных видов работ больше в основном в сфере приспособления.

Консервация прежде всего необходима для памятников истории и культуры, и в городах, и в сельской местности. Даже в Москве фактически музеефицированы лишь фундаменты церкви Св. Троицы в Старых Полях. А сколько было вскрыто археологических реликвий во время строительства в Гостином Дворе, Манеже, на многочисленных стройках! Идут дебаты по остаткам крепости Ниеншанц в Санкт-Петербурге. Мы ждем открытий в Кремле на месте Чудова монастыря, фактически не имеющего демонстрационного археологического слоя. Наши коллеги из Орловской, Курской областей сообщали о незаконных раскопках курганов, городищ. Думаю, что и места бывших сражений Великой Отечественной войны заслуживают уважения как памятники археологии. Закон, требующий немедленной остановки работ при обнаружении археологических объектов, не действует.

Консервация – единственный вид работ на объектах культурного наследия, включенных в Список ЮНЕСКО. Однако высочайший

^ Программа сохранения городской деревянной застройки. Томск, 2005 г.

историко-культурный потенциал места постоянно привлекает любителей общественных инициатив, подавляя приоритеты истории и культуры. Правда, так было во все времена, но только в 1975 году СССР ратифицировал Конвенцию о Всемирном наследии ЮНЕСКО, взяв на себя ответственность за ее выполнение. И Московский Кремль, и центр Санкт-Петербурга, и центр Ярославля, и Соловки, и Кижы и др. подвергались и подвергаются набегам любителей легкой политической наживы, и отражались они не всегда успешно.

Реставрация имеет в России давние традиции, сложились школы высококвалифицированных специалистов, признанных во всем мире. Они заслуженно отмечаются на конкурсах и смотрах. Конкурс «Мосреставрация», ежегодный конкурс Минстроя РФ, Международный фестиваль Denkmal – отличные площадки для популяризации лучших достижений в искусстве реставрации. Эта среда имеет наибольшую насыщенность нормативным и методическим материалом.

Напротив, приспособление (проекты и реализация) вызывает отчаянные споры специалистов и вопросы у общественности. Позволю себе предложить фактическую номенклатуру типов по факту разрешенных работ в этой среде:

- а) реставрация с элементами реконструкции;
- б) реконструкция с элементами реставрации;
- в) воссоздание с элементами реставрации;

г) воссоздание.

Как правило, эти работы применяются к объектам, общественно значимым, престижным, требующим значительных инвестиций и играющим роль политических и экономических точек роста. Они рождаются в результате политических решений и вызовов времени и испытывают на себе прессинг жесткого контроля их реализации, являясь символами того или иного исторического периода. Профессиональные решения базируются на экспертных оценках, рекомендациях и заключениях так называемого ручного управления.

Примеры:

1. Реставрация и реконструкция (Большой театр – ОКН федерального значения (при значительных реставрационных работах исторической части добавлен ряд функциональных элементов, перестроена сценическая часть, воссоздан исторический элемент «стена Бове»); дом дворянского собрания в Вологде; комплекс Московского архитектурного института – ОКН XVIII–XX веков).

2. Реконструкция с элементами реставрации (Новый Эрмитаж в здании Генштаба (перекрыты исторические дворы, превращенные в выставочные залы), Константиновский дворец в Стрельне, Гостиний Двор, Манеж в Санкт-Петербурге; комплекс оперного театра «Геликон» (перекрыт двор усадьбы, превращенный в зал) в Москве; дом Севастьянова в Екатеринбурге, Ново-Иерусалимский монастырь, дом-коммуна в Москве (арх. И. Николаева).

3. Воссоздание с элементами реставрации («фрагментарная реставрация» Большого дворца в Царицыно).

4. Воссоздание (церковь Спас-Нередица, церковь Казанской Иконы Божией Матери в Москве (1990), храм Христа Спасителя (1998), триумфальная арка во Владивостоке, Успенский собор в Ярославле (2010), дворец Алексея Михайловича в Москве).

После указанных работ все памятники сохранили свой охранный статус, хотя уровень подлинности, важный критерий постановки на охрану, резко понизился, а то и вовсе исчез. Известен случай со строительством моста в дельте Эльбы в Дрездене, после чего объект охраны был исключен из Списка ЮНЕСКО. Но это крайняя мера. Однако структурирование работ по приспособлению, обеспечение их нормативной базой, научной методологией, с тщательным анализом существующего опыта мне представляется абсолютно необходимо. Иначе все заменят новоделы, «лучшие, чем оригиналы», но трансформирующие реальный слой материальной истории. К сожалению, опыт формирования достопримечательных мест и особенно их функционирования велик. Как мне представляется, они возникают там, где градостроительный комплекс «не дотягивает» до понятия ансамбля, однако обладает наличием памятников и устойчивым социально-художественным образом. Так было с инициативой жителей Пушкинской площади в Москве, пытавшихся этим статусом

защитить любимое московское место от вторжения гигантского торгового центра и строительства тоннелей. Сейчас разрабатывается проект «Достопримечательные места ВВЦ», изобилующего памятниками и охранными зонами, которые будут подвергнуты корректировке, – очевидно, в сторону уменьшения и возможности нового строительства.

В 2014 году проводилась работа по созданию ОКН в виде достопримечательных мест, в том числе: «Город Переславль-Рязанский», «Поленово», «Тарханы», «Древний Радонеж» и др.

Памятники Радонежа уже много лет являются ОКН федерального значения. За прошедшие годы из охранный зоны передано около 300 га под частную застройку. Новый статус «достопримечательного места» дает возможность разработки новых границ и регламентов, а это означает, что незаконная частная застройка на бывших неотмененных территориях охранных зон может получить законные основания.

Такого рода переводы ОКН из одного статуса в другой позволяют найти юридические поводы для незаконного использования территорий охранных зон. К тому же четкий статус «достопримечательного места» отсутствует как в Законе о наследии, так и в Градостроительном кодексе.

Деревянная архитектура – российский бренд

Древний и самый экологичный строительный материал – древесина – породил уникальное явление

^ Квартал 130 в Иркутске

– деревянную русскую архитектуру [8]. Ансамбли Севера европейской части страны, монастыри, часовни, скиты Севера и Сибири, городская деревянная застройка – поразительное явление в мировой архитектуре и градостроительстве. Кижский погост остается, наравне с памятниками Кремля и собором Василия Блаженного, зримым символом России, ее изысканной культуры и технологического мастерства. Судьба его трагична, грубая интервенция реставраторов породила опасность уничтожения доминанты ансамбля – Преображенской церкви. Реставрационные работы по исправлению последствий этих вторжений были предметом неоднократного обсуждения в РААСН, и я бы хотел отметить вклад академика В. И. Травуша и почетного члена Л. А. Новожилова в корректировку проекта в режиме «щадящей» реставрации с использованием прочностного потенциала сооружения. 11 декабря 2015 года Музей-заповедник «Кижы» получил отчет консультативной миссии ИКОМОС, которая работала на острове Кижы с 29 сентября по 1 октября 2015 года и пришла к заключению, что реставрация Преображенской церкви идет успешно. Конечно, объект культурного наследия высшей категории охраны пользуется особым вниманием ЮНЕСКО и Министерства культуры РФ. Состояние деревянного исторического зодчества в целом внушает опасения: большинство невозвратных утрат памятников – именно в этой сфере. Пока наиболее эффективная

мера их спасения – перемещение в охраняемые территории музеев деревянного зодчества под открытым небом. Всего 27 таких музеев – Архангельск, Боровск, Великий Новгород, Вологда и другие. Но и это не спасает деревянные шедевры: в Костроме, в музее-заповеднике Ипатьевского монастыря, в селе Спас-Вежа сгорела Преображенская церковь XVII века, собранная из самых больших стволов в мире (на нее приезжали смотреть как на чудо люди со всего света). В прошлом году в Иваново сгорела Успенская церковь XVII века. Безусловно, безопасность деревянных ОКН – самый сложный комплекс градостроительных, технических мероприятий, мероприятий МЧС, возможно, законодательных, в силу продолжающейся тенденции к уничтожению памятников.

Наследие 1920–1930-х (авангард), 1950-х (сталинский ампир), 1970–1980-х годов (советский модернизм)

Памятники архитектуры советского авангарда 1920–1930-х годов, по-видимому, преодолели кризисную точку небрежения властей и общества. Идет процесс выявления памятников этого периода и постановки их на охрану, хотя и очень тяжело. В повестке дня – представление в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО шедевров этого периода, серий памятников в Москве, Санкт-Петербурге, Поволжье, на Урале, рекомендованных секцией памятников советского периода ФНМС в связи с поручением президента об активизации

процесса включения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО российских ОКН. Очень трудно идет процесс адаптации общепринятых технологий реставрации – и проектирования, и реализации – в этой сфере, как бы находящейся в другой системе координат, на них не распространяются требования подлинности, заложенные в Венецианской хартии.

Это же относится к архитектуре 1940–1950-х годов (сталинский ампир) (с какой бесцеремонностью портик высотного здания бывшей гостиницы «Украина» перекрыт современным козырьком, несмотря на охранный статус!) и особенно к архитектуре 1960–1980-х годов, уже получившей название «советского модернизма» – оригинальной версии международного направления архитектуры. Снос в Москве целого ряда гостиниц («Интурист», «Минск», «Россия»), кварталов панельных пятиэтажек, «украшение» общественных зданий Казани более современными отделочными материалами дезавуируют значение этого исторического знака нашего зодчества, качество которого давно поняли наши коллеги за рубежом, поставив здания того времени на охрану. В результате такого небрежения произошла трансформация «Детского мира» (арх. А. Н. Душкина) в эклектичный торговый центр, опять же с потерей архитектурной идентичности. Особого отношения требует архитектура оттепели – Дворец пионеров и школьников, гостиница «Юность» в Москве, ТЮЗ и зал

«Октябрьский» в Санкт-Петербурге, центр Зеленограда, театр в Туле, цирки и кинотеатры этого времени. Сегодня под видом реконструкции искажают их облик, а ведь они зачастую формируют ансамбль, как, например, группа академических институтов на Профсоюзной улице, уже претерпевающих большие изменения вторжением коммерческих инвестиций. Надеемся на восстановление здания ИНИОН, в защиту которого выступила московская общественность, в том числе РААСН. Необходимо настоять на охранный статусе здания хореографического училища на 2-й Фрунзенской улице, которому грозят искажения.

Правильное экономическое управление как решение проблем сохранения наследия

«Экономический эффект от сохранения наследия намного уступает тому значению, которое оно имеет для образования, культуры, эстетики и общества в целом... Но если мы хотим сохранить какой-либо объект, то лучше вооружиться экономическими аргументами» [5].

История и география накопила значительный опыт управления недвижимостью в сфере культурного наследия. Фактически к нему применимы все формы – от государственного имущества до частной собственности. В конце концов обществу безразлично, какой форме собственности принадлежит ОКН, – была бы выполнена программа по его содержанию и эксплуатации и обеспечен доступ публики для его посещения. Я не знаю, кому принадлежит комплекс

^ Спасательная археология академика А. Г. Векслера в Москве

исторических зданий, где находится Галерея Зураба Церетели, Музей современного искусства, – они в хорошем состоянии и я всегда могу ими пользоваться.

В России главный собственник ОКН – государство, которое, очевидно, не может вынести бремя управления более чем ста тысячами ОКН при остаточном бюджетном финансировании. Используются формы аренды, в 2012 году в Москве запущена программа аренды руинированных ОКН на 49 лет за 1 кв. м – 1 рубль (программа «Рубль за квадратный метр» [9]) для проведения реставрационных работ в течение пяти лет, однако первичные затраты весьма значительны, это длинные деньги, и неслучайно в Москве на 7,5 тыс. ОКН (2600 – федерального значения, 2,5 тыс. – регионального, остальные – выявленные) в 2013 году на торги было выставлено 10 объектов, реализовано – 5. В 2015-м сдано 7 ОКН, в 2013 и 2014 – еще по 5. Это, безусловно, движение, хотя и очень медленное, по-прежнему в рамках аренды.

В 2012 году губернатор Санкт-Петербурга Г. Полтавченко заявил о программе реставрации, реконструкции и сохранения исторического центра города, на которую выделено более 4 трлн руб. [10]. «Главное – чтобы условия градостроительной деятельности не только в центре, но и на любых территориях города были в законодательном отношении четко регламентированы и предсказуемы для строителей, девелоперов и

горожан» – таково мнение одного из инвесторов. Это определит пути освоения этих инвестируемых средств, вдвое больше оборонного бюджета страны, и столько же, сколько ушло на социальное развитие всей России в 2014 году.

Алексей Ильич Комеч, директор Института искусствознания, выдающийся деятель охраны культурного наследия, считал главным средством кардинального улучшения дела сохранения наследия приватизацию. Мы видим, как неохотно расстается государство с имуществом в сфере наследия, в то время как этот путь реально стимулирует частно-государственное партнерство, в том числе учреждение трастового (доверительного) управления. Взаимодействие в рамках ГЧП многообразно, главное – ответственное выполнение взаимных обязательств, однако известна необязательность государственных структур, меняющих условия своего участия и приводящих к прекращению проектов. Таков опыт проекта возрождения центра Торжка, когда управляющей компании удалось консолидировать 3 млн долл. на эти цели, но администрация города и Тверской области не выполнили свои части договора, и удачно начавшийся пилотный проект доверительного управления в сфере исторического наследия окончился убытком для инвесторов. А ведь доверительное управление, вообще без участия государства, с конца XIX века эффективно работает в англо-саксонском мире, в Индии и ряде стран Западной Европы.

Медлительность внедрения новых экономических форм управления недвижимостью в сфере наследия является одной из причин сохранения негативных тенденций и утрат.

Историко-культурное профессиональное образование – необходимый компонент формирования архитектора и градостроителя

Градостроительным подходом гордилось советское высшее архитектурное образование. Возможность обновления, модернизации среды при проектировании и реализации как отдельного объекта, так и комплекса и жилого массива была уникальной чертой советского градостроительства, которой всегда завидовали зарубежные коллеги. Потому так трудно воспринимался средовой подход, неразрывно связанный с осознанием художественной культурной оценки исторической архитектурно-градостроительной среды. Вспомним, что именно борьба со сносом рядовой исторической застройки была одним из общественных движений перестройки, а сохранение исторического наследия академик Д. С. Лихачев назвал «экологией культуры». Формировалось общественное мнение об архитекторах как разрушителях комфортной городской среды. Цитировали стихи И. Бродского, написанные им в 1973 году:

Вокруг громады новых корпусов,
У Корбюзье то общее с Люфтваффе,
Что оба потрудились от души
Над переменной облика Европы,
Что позабудут в ярости циклопы,
То трезво завершат карандаши.

Как реакция на общественный протест в Москве в 1988 году был создан первый в стране общественный совет при главном архитекторе города, работавший до 2010 года. Благодаря его работе совместно с Москомархитектурой историко-градостроительный анализ вошел в качестве обязательного в проектную документацию, наряду с ландшафтно-визуальным. Практика внедрения предпроектного исследования опережала профессиональное образование, реставрация и реконструкция исторических городов оставались объектом специализированных кафедр.

В 2005 году в Томске прошел семинар «Проблемы архитектурного образования и сохранения архитектурного наследия». Наши коллеги на основе своего педагогического опыта говорили о необходимости при создании любого архитектурно-градостроительного объекта в сформировавшейся среде тщательного предпроектного анализа, при этом отмечается очень важная роль его научной оценки. «Центральным ядром, вокруг которого происходит организация проектного воображения, являются устоявшиеся аксиомы сознания, архетипы или символические образные интерпретации ценностных характеристик культуры, выявляющиеся на стадии научного предпроектного анализа» (УралГАХА). Надо сказать, что методика архитектурного анализа имеет у нас богатую историю – это знаменитые упражнения в рамках курса истории градостроительного искусства, разработанные А. В. Буниным, курс

^ Воссоздание с элементами реконструкции

методологии архитектурного анализа в рамках специализации «Теория и история архитектуры и градостроительства» проф. Э. А. Гольдзамта и О. А. Швидковского в 1980 году, курсы Ю. В. Ранинского, С. С. Подъяпольского, чл.-корр. А. С. Щенкова в МАРХИ. Сегодня почти все специализации и магистерские программы включают в себя эти дисциплины, но до победы этой сферы в формировании современного специалиста говорить еще рано. Хотел бы подчеркнуть значение кафедр реставрации и реконструкции исторических городов как лидеров внедрения принципов сохранения архитектурно-исторической среды в профессиональное мышление. Томские коллеги указывали на особое значение изучения региональной архитектуры, мест расположения вузов. Но на последнем смотре дипломных проектов специализацию «реставрация и реконструкция» представляли 26 проектов, а всего в России 73 школы!

Сейчас идет процесс разработки профессиональных стандартов «Архитектор», «Градостроитель». Предстоит гармонизация их с образовательными стандартами бакалавриата и магистратуры, в котором участвуют РААСН, САР и недавно созданный Союз реставраторов. Необходимо, чтобы знания и умения профессиональной творческой деятельности в исторической среде заняли в них должное место.

Что делать?

Не искать виноватых – для этого существуют другие структуры.

Вместе с тем РААСН, сознавая свою ответственность перед государством и обществом, постоянно исследовала состояние исторического наследия России – и в фундаментальных исследованиях, и в практической работе Академического совета по охране наследия, и в своих отзывах на многочисленные обращения организаций и граждан по случаям нарушений охраны объектов культурного наследия, в отчетах о деятельности РААСН президенту и правительству РФ постоянно обращалось внимание на неудовлетворительное состояние сохранения наследия. В «Прогнозах развития фундаментальных исследований в области архитектуры, градостроительства и строительных наук до 2030 года», подготовленных РААСН в 2009 году, в разделе «Для будущих поколений – сохранение архитектурного наследия и возможности его адаптации в современных условиях» были указаны горизонты развития теории и методов сохранения, реконструкции, реставрации и использования архитектурного наследия. В преамбуле «Прогнозов...» говорится: «Чрезвычайно важным для духовного здоровья нации является преодоление нашей страной нигилистического отношения к собственному прошлому, принятие тех норм сохранения культурного наследия, которые определены международными конвенциями. Сохранение архитектурных памятников – отнюдь не только академическая научная проблема, она касается общества в целом и должна послужить целям ней-

трализации опасностей и рисков, которые несет в себе современная цивилизация, снижению уровня агрессивности определенных слоев населения, повышению занятости, устойчивому развитию населенных мест страны» [11]. Актуальность этого прогноза, безусловно, сохраняется. Для достижения целей, в нем поставленных, предлагаются следующие направления действий:

- Совершенствование законодательной базы в сфере охраны, в сфере градостроительства, взаимодействие с гражданским обществом. Стимулирование охраны и развития ОКН. Приватизация ОКН.

- Совершенствование градостроительных технологий. Разработка ГИС-технологий мониторинга ОКН. Институциональность исторических городов, их перечня, предпочтений и льгот. Утверждение опорного плана центра города как основы территориального развития, комплексное территориальное планирование всех уровней и охраны, и развитие ОКН, синхронное с кадастровым планированием. Развитие нормативной базы планирования градостроительных комплексов и пешеходных зон на основе исторической застройки, в том числе промышленных территорий. Развитие территорий «лофтхаузов».

- Совершенствование методологии реставрации ОКН. Возможное расширение номенклатуры видов работ с ОКН, с обязательным обеспечением нормативным и методическим материалом. Исключение капитального ремонта из ведения работ с ОКН. Развитие технологи-

ческой платформы «Строительство и архитектура» с приоритетом сектора «Культурное наследие».

- Стимулирование привлечения передовых неразрушающих, экологических и продлевающих жизненный цикл ОКН технологий и материалов.

- Развитие многообразия и альтернативных экономических форм управления и развития ОКН.

- Формирование системы популяризации значения (в том числе социально-экономического) историко-архитектурного и градостроительного наследия (общероссийская система СМИ, популярные медиапродукты о шедеврах отечественного наследия и др.).

- Взаимодействие государственных, профессиональных и общественных структур в сфере охраны наследия.

- Введение государственной оценки эффективности работ регионов по сохранению и учету объектов культурно-исторического наследия. Рубрику «Охрана окружающей среды» необходимо сделать более содержательной («Охрана окружающей среды и объектов культурного наследия»), добавив индикаторы (показатели эффективности):

- доля объектов культурного наследия на территории субъектов Российской Федерации, паспортизированных для включения в реестр объектов культурного наследия (%);

- доля территорий объектов культурного наследия, внесенных в земельный кадастр по отноше-

^ Реставрация с элементами реконструкции

нию ко всем объектам культурного наследия субъектов Российской Федерации (%);

- доля выявленных и зарегистрированных на территории субъекта Российской Федерации объектов культурного наследия – достопримечательных мест от их общего числа (%);
- доля выявленных и внесенных в земельный кадастр территорий исторических поселений (%);
- количество выявленных памятников – объектов культурного наследия (единиц);
- доля памятников, отреставрированных или приведенных в удовлетворительное техническое

состояние, в общем числе памятников субъекта Российской Федерации (%);

- общее число утраченных памятников – объектов культурного наследия на территории субъекта Российской Федерации (единиц)
- количество объектов культурного наследия на территории субъекта Российской Федерации, переданных в пользование или в собственность физическим или юридическим лицам (единиц);
- доля утвержденных зон охраны к числу объектов культурного наследия, существующих в субъекте Российской Федерации (%).

Три сценария реализации стратегии

Помните, президент критиковал 25 декабря 2015 года Министерство культуры за отсутствие плана реализации «Основ государственной культурной политики». 29 февраля 2016 года премьер-министр утвердил Стратегию государственной культурной политики до 2030 года. Это – конкретный и честный документ, базирующийся на реальном соотношении сферы культуры и предлагающий возможные пути на перспективу. К сожалению, предлагаемые методы качественно-улучшения отрасли неизвестны,

и возникает естественный вопрос: почему они не использовались ранее, чтобы становить очевидные негативные тенденции?

Итак, три сценария:

1. Инерционный – предусматривает сохранение основных тенденций, проблем и уровня фиксирования (0,57 % ВВП). Можно прогнозировать дальнейшее ухудшение состояния ОКН вплоть до их невосполнимой утраты.
2. Инновационный – предусматривает быстрое достижение качественно иного состояния культуры, ресурсного и законодательного обеспечения уже на 1-м этапе, увеличения расходов до 1,5 % ВВП до 2020 года, в которых доля внебюджетных поступлений будет увеличиваться благодаря государственному партнерству, меценатству и альтернативным источникам финансирования. Это позволит выйти к 2030 году на 90 % ОКН федеральной собственности удовлетворительного состояния.
3. Базовый – определяется постепенным развитием имеющихся позитивных тенденций и постепенным преодолением существующих проблем, увеличением расходов на культуру до 1,4% ВВП к 2030 году, в которых доля внебюджетных поступлений будет возрастать.

Сценарий предполагает продвижение стратегических законодательных инициатив, направленных на стимулирование государственной части партнерства, существенное увеличение финансирования мероприятий по сохранению и государственной охране ОКН. Ожи-

^ Реконструкция с элементами реставрации

дается вывод ОКН из аварийного и руинированного состояния.

К 2020 году должны быть утверждены границы территорий и предмет охраны 40 % ОКН федерального уровня, границы зон охраны 80 % ОКН Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО, границы 75 % исторических поселений. К 2030 году должны быть утверждены границы 100 % исторических территорий, 100% ОКН.

Целевые показатели реализации стратегии сохранения наследия:

- доля ОКН, находящихся в удовлетворительном состоянии, в общем количестве ОКН;

- увеличение числа исторических поселений;

- доля исторических поселений, обеспеченных градостроительной документацией, в общем числе исторических поселений.

В Стратегии особо подчеркнуто, что она предполагает научно-методическое сопровождение разработки и принятия обоснованных управленческих решений на федеральном, региональном и муниципальном уровне. Научно-исследовательские институты наряду с научными центрами и исследовательскими подразделениями образовательных организаций высшего образования осуществляют фундаментальные и прикладные исследования, в том числе в рамках государственных и федеральных целевых программ.

Стратегия является фактически государственным заданием в сфере деятельности по сохранению исторического архитектурного на-

следия, а наша задача – всемерно способствовать ее выполнению.

Александр Кудрявцев / Alexander Kudryavtsev

Литература

1. Заседание Совета при Президенте по культуре и искусству 25 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51016>

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

3. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия, 1964 г.). [Электронный ресурс]. – http://icomos-spb.ru/index.php/component/joomdoc/1964_%20.pdf/download

4. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» <http://base.garant.ru/12127232/>

5. Рипкема Д. Экономика исторического наследия: практическое пособие для руководителей. – М. : Building, 2006. – (Книжная серия ARX).

6. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 году / Министерство культуры РФ [Электронный ресурс]. – <http://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2014/doklad-block.pdf>

7. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2014 году / Министерство культуры РФ [Электронный ресурс]. – <http://www.mkrf.ru/report2014>

8. Все музеи деревянного зодчества России и мира [Электронный ресурс].

– <http://www.nalichniki.com/muzei-derevyannogo-zodchestva>

9. Программа «Рубль за кв. метр» [Электронный ресурс]. – <http://dgi.mos.ru/torgi/imuwestvennue%20aukcionu/the-objects-of-cultural-heritage/realized-projects-kulture/>

10. Что можно отреставрировать и реконструировать в Петербурге [Электронный ресурс]. – http://www.dp.ru/a/2012/09/19/CHto_mozhno_restavrirovat/

11. Прогноз фундаментальных исследований в области архитектуры, градостроительства и строительных наук до 2030 года / Российская академия архитектуры и строительных наук [Электронный ресурс]. – <http://www.taby27.ru/lib/prognoz-fundamentalnyx-issledovanij-arxitektura-refer.html>

References

Constitution of the Russian Federation (adopted at National Voting on December 12, 1993). Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Federal Law of June 25, 2002 N73-83. On cultural heritage sites (historical and cultural monuments of the peoples of the Russian Federation). Retrieved from <http://base.garant.ru/12127232/>

Grozny, D., & Shnurenko, I. (2012, September 19). Chto mozhno orestavrirovat' i rekonstruirovat' v Peterburge za 4 trln rublei [What one can restore and reconstruct in Petersburg for 4 trln rubles]. Retrieved from http://www.dp.ru/a/2012/09/19/CHto_mozhno_restavrirovat/

International Charter for the Conservation and Restoration of Monuments and Sites (the Venice Charter). (1964). Retrieved from <http://icomos-spb.ru/index.php/>

component/joomdoc/1964_%20.pdf/download

Meeting of the Presidential Council for Culture and Art. (2015, December 25). [Transcript]. Retrieved from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51016>

Ministry of Culture of the Russian Federation. State report on the condition of culture in the Russian Federation in 2013. Retrieved from <http://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2014/doklad-block.pdf>

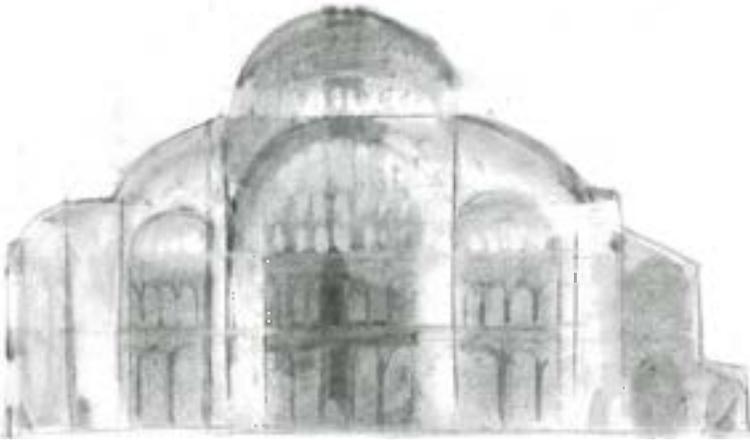
Ministry of Culture of the Russian Federation. State report on the condition of culture in the Russian Federation in 2014. Retrieved from <http://www.mkrf.ru/report2014/>.

Muzei derevyannogo zodchestva [Museums of wooden architecture]. (n.d.). Retrieved from nalichniki.com/muzei-derevyannogo-zodchestva/.

Rubl' za kv. metr [Ruble per square meter] [Television programme]. Retrieved from <http://dgi.mos.ru/torgi/imuwestvennue%20aukcionu/the-objects-of-cultural-heritage/realized-projects-kulture/>

Russian Academy of Architecture and Construction Sciences. (2009). Prognoz fundamentalnykh issledovanii v oblasti arkhitektury, gradostroitelstva i stroitelnykh nauk do 2030 goda [Forecast of fundamental researches in architecture, town-planning and construction sciences until 2030]. Retrieved from <http://www.taby27.ru/lib/prognoz-fundamentalnyx-issledovanij-arxitektura-refer.html>

Rypkema, D. (2006). Ekonomika istoricheskogo naslediya: Prakticheskoe posobie dlya rukovoditelei [The Economics of Historic Preservation: A Community Leader's Guide]. Moscow: Building (Book series ARCH)

Публикация посвящена преподаванию истории и теории архитектуры и взаимоотношениям гуманитарных предметов с проектными дисциплинами. Точкой соприкосновения проектирования и истории может стать обсуждение задач, стоящих перед архитектурой на протяжении ее истории и способов их решения. Образовательным результатом курса истории должно стать не просто знание исторического материала, но и умение студента самостоятельно анализировать проекты и постройки независимо от времени их возведения.

Ключевые слова: архитектурное образование, Архитектурная школа МАРШ, история архитектуры, теория архитектуры, анализ, проектирование. /

The article considers the aspects of teaching of history and theory of architecture and the relations between humanity and design subjects. The touch point of design and history may consist in consideration of the tasks, which have been facing the architecture throughout its history, and their solutions. The educational result of the course should be not only students' historical knowledge, but also their ability to analyze projects regardless of the time of their construction.

Keywords: architectural education; Architectural School MARCH; history of architecture; theory of architecture; analyzing; design.

Что делать архитектору с историей архитектуры? / How Should an Architect Deal with the History of Architecture?

самая утонченная композиция останется огромной и безжизненной скульптурой, а техника не поднимется выше уровня простого строительства.

Эта идея очень созвучна духу и структуре лондонского курса школы The CASS, академического партнера МАРШ. Курс бакалавриата The CASS мы взяли за основу для программы МАРШ, постаравшись адаптировать его к нашим условиям и задачам. Гуманитарные дисциплины носят у нас общее название Critical & Cultural Studies («Критические и культурные исследования»), что подразумевает акцент на воспитании критического мышления, умения анализировать окружающую действительность и архитектуру в ней, прежде всего с точки зрения культурного контекста. При этом знакомого с институтской скамьи академического курса истории архитектуры или истории искусства как такового в расписании не предусмотрено. Исходным материалом для развития исследовательских и критических навыков может быть любая эпоха в истории архитектуры, любые персоналии или явления культуры. Образовательные результаты в основном сводятся к умению работать с источниками, читать и понимать прочитанное, владеть методикой исследования, грамотно и аргументированно вести рассуждение письменно или устно. Основной формой работы в гуманитарных модулях является эссе, в котором есть и исследование темы на основании различных источников – от публикаций до собствен-

ных интервью и натуральных наблюдений, и формулировка собственной авторской позиции.

Взявшись за разработку программы для бакалавриата МАРШ (курс History through Architecture или «История через архитектуру», преподаватели Александр Острогорский и Юлия Талыкова), мы, будучи воспитанными в классической традиции МАРХИ и РГГУ, оказались перед непростой задачей, как сочетать фундаментальную ориентацию на знание, к которой мы привыкли и которую считаем ценностью и преимуществом нашей российской школы, с практической направленностью британского образования.

Идея гуманитарного модуля на курсе бакалавриата состоит в том, чтобы представить историю мировой архитектуры не как перечень памятников или набор персоналий, а через ее фундаментальные проблемы, на которые архитектура отзывалась сотни лет назад и продолжает их решать и сейчас, меняя лишь средства и контексты. В модуле студентам предлагается посмотреть одновременно и на историю европейской цивилизации, и на историю архитектуры. Каждый блок курса предполагает погружение в одну из эпох (от глубокой древности до наших дней) и одновременно – осмысление того, какие отношения возникают у архитектуры с пространством, технологией, меняющимся на протяжении столетий образом жизни, философией, религией. А также, конечно, с властью. Здесь мы предложили студентам пять ситуаций, в которых

Никита Токарев – член правления СМА,
директор Архитектурной школы МАРШ /
Nikita Tokarev – member of the UMA
Board, director of the Architectural
School MARCH

^ Упражнение на анализ световой среды исторических зданий (негатив распределения света в пространстве)

объединены российские властители и архитектурные явления: Иван III и формирование комплекса Кремля, Петр I и создание новой столицы, Екатерина II и развитие Царского Села, Александр I и петербургский ампи́р, в частности ансамбль Дворцовой площади, Николай I и храм Христа Спасителя.

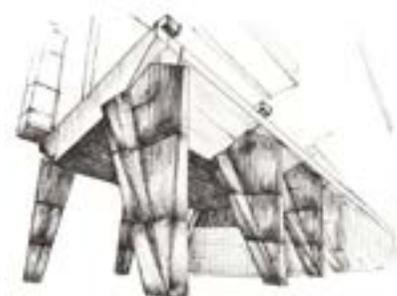
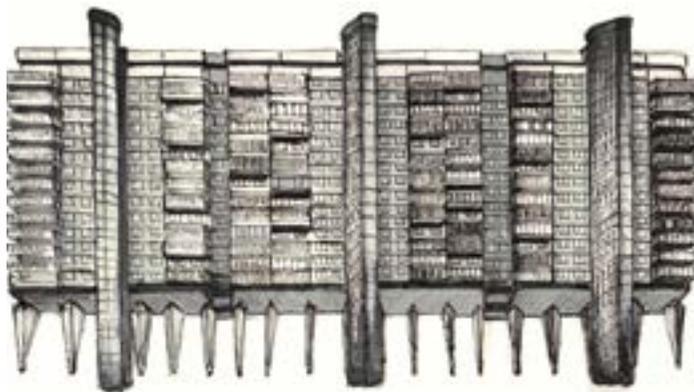
Перед студентами поставлена непростая задача – изучить архитектурные реалии (по предложенным и самостоятельно собранным картам, планам, чертежам, фотографиям) и политические (по аутентичным документам – манифестам, законам, философским и политическим трактатам) и попытаться связать их между собой. Это серьезный вызов, и легко было бы ограничиться только формальными сопоставлениями (которых как раз довольно много в школьных учебниках истории): такой-то царь хотел укрепить престиж державы на европейской арене и потому позвал европейского архитектора, а уж тот что построил, то и построил. Но мы просим студентов установить и продемонстрировать подбором цитат, фактов, графическим анализом, макетом и другими способами, как связаны политические программы и стиль, отражаются ли политическая философия, представления о структуре общества, дистанции власти – в планах комплексов и городов.

Для такой работы студенты – напомним, 1-го курса бакалавриата – уже неплохо подготовлены. Первые месяцы курса прошли, «разобраны» памятники – от Луксора до Капитолийского холма, прочитаны многие

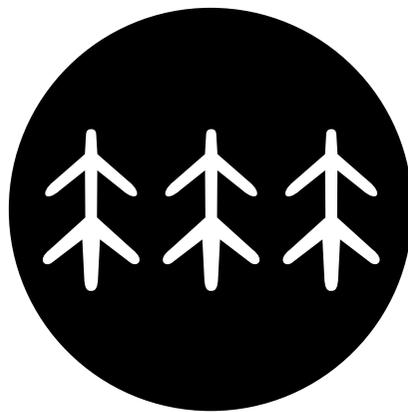
тексты – от Платона и Альберти до Джона Рескина и Алексея Комеча. В конце первого семестра студенты для самостоятельного анализа выбрали здания в Москве, и самые древние, и современные, собрали исторические и архитектурные данные, провели в этих зданиях некоторое время, описали свои ощущения. Но главное задание представляло собой, кажется, все варианты анализа архитектуры – черчение планов и разрезов, макетирование, рисунок, диаграммы объемно-пространственных, функциональных решений.

Объединив свои таланты и знания, студенты теперь попытаются решить одну из самых сложных задач для архитектора – сложную не только интеллектуально, но и психологически. Не всем будет просто признать, что профессия, в которую они пришли, потребует не только создания полезных, прочных и красивых (а как же!) зданий, но и решения вопросов, связанных с высокой ответственностью, причем не только с гражданской, человеческой, но и с профессиональной.

**Никита Токарев
Александр Острогорский /
Nikita Tokarev
Alexander Ostrogorsky**

Небольшое исследование дома на Беговой Андрея Меерсона как пример самостоятельного анализа архитектуры

ARCH_TAIGA

Международный конкурс архитектурных идей для Сибири «АРХТАЙГА-2016» /

организаторы

Сибирский федеральный университет (СФУ), команда проекта «АРХТАЙГА», руководитель Я. Мигас

сайт организаторов

<http://archtaiga.ru/>

партнеры

Красноярская региональная организация «Союз архитекторов России», Визувианская академия этноисторических традиций (Италия), Главное управление по физической культуре, спорту и туризму администрации города Красноярска, строительная компания «СтройТехМонтаж»

Рассказывается о проекте «АРХТАЙГА» (Красноярск) – сибирской платформе для организации международных архитектурных конкурсов для студентов и молодых архитекторов. Каждый год международной аудитории проектировщиков предлагается решить новую задачу. Главная цель проекта – стимулировать обмен идеями между архитекторами, дизайнерами, строителями и жителями городов как Сибири, так и всего земного шара. Участники проекта имеют возможность донести свои идеи до носителей другой культуры и обогатить собственные знания, получить новые умения и навыки. В этом году целью конкурса стало проектирование зимнего парка развлечений в Красноярске на острове Татышев. Ключевые слова: архитектура, дизайн, международный конкурс, остров Татышев, культура, Сибирь. /

The article observes the “ARCH_TAIGA” project – Siberian platform for annual international architectural contests for students and young architects. Every year the designers from all over the world are challenged to find the solution to a new creative task. The main goal of the “ARCH_TAIGA” project is to stimulate exchange of ideas between architects, designers and ordinary people of Siberia and other parts of the world. The project participants have the opportunity to bring their ideas to other cultures, and it enriches their own knowledge and skills as well. This year the contest is set on Tatysh Island – the center of family and active recreations of the city.

Keywords: ARCH_TAIGA, architecture, design, international contest, Tatysh, culture, Siberia.

Концепция

Молодой и амбициозный проект «АРХТАЙГА» создан командой архитекторов, студентов и сотрудников проектного бюро № 2 НИИ НСТ СФУ под руководством архитектора Якова Мигаса при поддержке Сибирского федерального университета. «АРХТАЙГА» – это международный архитектурный конкурс, в первую очередь предназначенный для студентов и молодых специалистов. Его отличительная особенность – ориентированность на Сибирь, ее земли и культуру. Территория Сибири обладает огромным потенциалом как экономического, так и социально-культурного развития, именно этому и должна способствовать новая конкурсная платформа.

Интерес международного сообщества к сибирской земле растет с каждым годом: города активно развиваются, качество жизни за последние двадцать пять лет значительно выросло. Кроме того, в

2019 году в Красноярске состоится важное международное спортивное событие – XXIX Всемирная зимняя универсиада. Укреплению дружеских связей между представителями разных стран и культур должна поспособствовать и «АРХТАЙГА». Обмен идеями и опытом, обогащение собственных знаний, приобретение новых умений и навыков, развитие сибирской земли – вот что лежит в основе этого проекта.

Ледяной город

Красноярск – крупнейший культурный, экономический, промышленный и образовательный центр Центральной и Восточной Сибири. Именно здесь расположен самый крупный университет во всей восточной части России – Сибирский федеральный университет. Одной из главных достопримечательностей Красноярска является остров Татышев. Это живописный

уголок природы, расположенный в географическом центре Красноярска на реке Енисей. История его уходит корнями в глубь веков: когда-то остров принадлежал сибирскому князю Татышу, в честь которого и был назван (в переводе с тюркского «татыш» значит «ласковый, спокойный, мирный»). Сегодня этот остров – любимейшее место отдыха горожан и крупный парк физкультурно-оздоровительной направленности. Здесь обустроены баскетбольные и волейбольные площадки, теннисные корты, высококачественные беговые и велосипедные дорожки и другие места активного времяпровождения. Развитая инфраструктура органично вплетена в окружающую природу: людей, приезжающих сюда, чтобы отдохнуть на природе и покормить плавающих в Енисее уток, не меньше, чем любителей спортивных мероприя-

The International Contest of Architectural Ideas for Siberia “ARCHTAIGA 2016”

ятий. Здесь проходят крупнейшие фестивали и мероприятия города, и в сознании жителей остров Татышев прочно ассоциируется с идеями здорового образа жизни, заботой об экологии, реализацией творческих идей и инициатив. Именно поэтому территория острова и выбрана в качестве первой проектируемой площадки проекта «АРХТАЙГА».

Задачей участников конкурса «АРХТАЙГА-2016» является разработка проекта Ледяного города – зимнего парка развлечений, расположенного на одной из центральных площадок острова Татышев. Ледяной город должен быть спроектирован таким образом, чтобы привлечь не только местных жителей, но и туристов во время Всемирной зимней универсиады. Снежные и ледовые скульптуры и сооружения должны стать частью комплекса, в остальном конкурсанты могут положиться на собственную фантазию. Лучшие проекты будут выставлены на острове Татышев летом, и горожане смогут сами поучаствовать в обсуждении проекта. Согласно концепции проекта «АРХТАЙГА», в конкурсе могут принять участие архитекторы, дизайнеры, художники и представители других профессий, как любители, так и профессионалы. Участие в конкурсе абсолютно бесплатно и не требует никаких вступительных взносов. Все, что нужно от желающих поучаствовать, – это отправить заполненную регистрационную форму организаторам. Главный

приз – поездка в Неаполь или Красноярск на выбор победителя (призовой бюджет 2 500 евро).

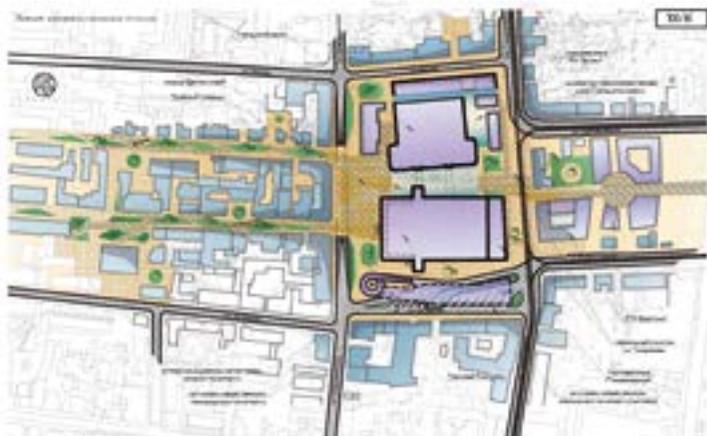
В состав жюри «АРХТАЙГИ-2016» входят признанные отечественные и зарубежные специалисты, эксперты в области архитектуры и строительства. Ход работы жюри, а также все этапы конкурса будут освещаться в социальных сетях «ВКонтакте»,

Facebook, Twitter, Google+.

Прием работ – с 10 апреля по 20 июня. Итоги конкурса будут оглашены 23 октября.

Остается надеяться, что «АРХТАЙГА-2016» – это только начало нового плодотворного обмена идеями между архитекторами, дизайнерами, строителями и просто горожанами.

**Текст: Ляна Лазуто /
Lyana Lazuto**
**Фото: Виталий Раскалов /
Vitaliy Raskalov**

Рассмотрены результаты архитектурного конкурса на развитие территории Центрального рынка, проведенного Иркутским отделением Союза архитекторов России совместно с городской администрацией. Приводятся основные положения работ-победителей, в основе которых – комплексный подход к реконструкции территории, предусматривающий кроме благоустройства дальнейшее градостроительное и функциональное совершенствование. Ключевые слова: архитектурный конкурс, развитие территории, градостроительные и архитектурные решения, комплексный подход. /

The article presents the results of the architectural competition for the development of the Central Market held by the Irkutsk branch of the Union of Architects of Russia together with the city administration. It presents the main concepts of the winners based on the complex approach to reconstruction of the area that includes both improvements and further town-planning and functional development. Keywords: architectural competition; development of the territory; town-planning and architectural decisions; complex approach.

Конкурс на развитие территории Центрального рынка в Иркутске / Competition for the Development of the Central Market in Irkutsk

За последнее время Иркутское отделение Союза архитекторов России совместно с городской администрацией провело три архитектурных конкурса по различным площадкам Иркутска. На наш взгляд, проведение конкурсов – оптимальный способ выявления лучших градостроительных и архи-

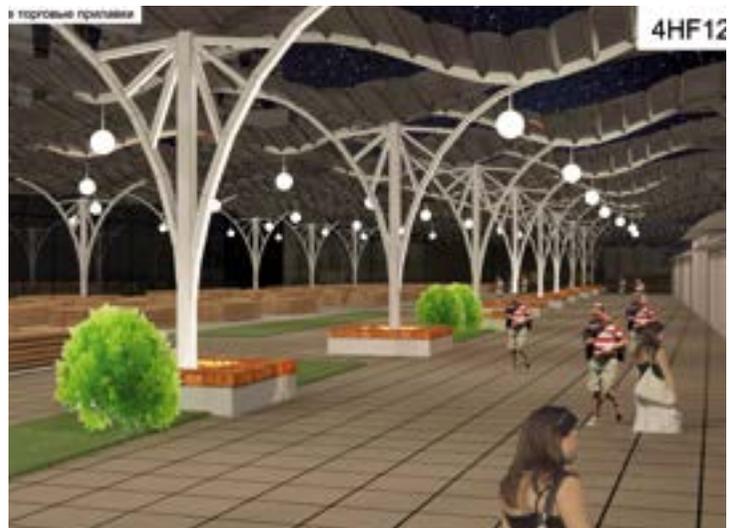
тектурных решений. Необходимо обеспечить возможность организации конкурсов до проведения тендеров на разработку проектной и рабочей документации – с такими решениями ИРО САР неоднократно выходила на администрацию города в последние 15 лет.

Что касается результатов конкурса на развитие территории Центрального рынка в Иркутске, то следует отметить высокий уровень работ, были представлены достойные архитектурные и градостроительные решения (всего рассматривалось восемь проектов). Жюри в составе членов ИРО САР, архитекторов, представителей администрации и руководства Центрального рынка было трудно сделать свой выбор в пользу лучшей работы.

Следует отметить, что администрация Иркутска неоднократно ставила вопрос о реконструкции этой территории. Еще в стенах Иркутскгражданпроекта в конце 1990-х разрабатывалась транспортная схема с предложениями по улучшению движения общественного транспорта. В начале 2000-х Губернаторской премией была

^ v I место. ООО «Перспектива+» (авт. коллектив: И. Козак, В. Войтович, Ю. Шевченко, Н. Елаго, В. Кукалев, Д. Финакова, А. Семиусова, при участии Р. Хотулева, О. Куцаковой)

^ II место. Автор – Е. Чупарин

отмечена работа по комплексному благоустройству части территории Центрального рынка.

К сожалению, многие предложения так и не были реализованы, со временем претерпев серьезную трансформацию не в лучшую сторону. Большой ущерб территории нанесло решение руководства Торгового комплекса о строительстве павильонов вокруг здания ТК и остановок общественного транспорта. Это резко ухудшило функциональные и пешеходные связи и пространственное восприятие этой важной части города.

Работа, победившая в конкурсе, дополняет и развивает концепцию линейного насыщенного развития территории в рамках проектов «Торговая ось» и «Иркутские кварталы». Работы, занявшие 1-е и 2-е место, отличаются комплексным подходом к реконструкции территории, предусматривающим кроме банального благоустройства дальнейшее градостроительное и функциональное совершенствование. Планируется активное использование подземного пространства под автостоянки и строительство подземной парковки по ул. Литвинова, строительство дополнительных коммерческих площадей, пристроенных к зданию рынка со стороны ул. Чехова. Заслуживает внимания предложение авторов продлить ул. Чехова от ул. Дзержинского до ул. Тимирязева с последующим возможным соединением ее с ул. Софьи Перовской. Большой интерес вызвала идея более активного использования пространства между

ТК и зданием рынка с организацией там пешеходной транзитной зоны (улица-пассаж), связывающей ул. Урицкого и будущее направление «торговой оси» в сторону ул. Софьи Перовской. Данное пространство становится главным на этой территории. Жюри также обратило внимание на предложение работы-победителя о трактовке участка ул. Тимирязева между улицами Байкальской и Партизанской как части площади с организацией полноценного пешеходного движения через ул. Урицкого. Все участники конкурса предложили снести павильоны вокруг зданий ТК и Центрального рынка.

Хочется пожелать городской администрации осуществить реализацию проекта развития территории Центрального рынка комплексно, а не ограничиваться мелкими действиями.

Владимир Стегайло / Vladimir Stegailo

> III место. 000 «Сибирская лаборатория урбанистики» (авт. коллектив: А. Козьмин, Д. Кремлева, К. Здышев, А. Репина, В. Казакова, А. Мартынова, А. Московская)

КАК УВЕЛИЧИТЬ продажи!?

Как создаются КОМФОРТНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА!?

Кому продавать товар!?

Повышение качества среды приглашает прохожего поучаствовать в предложенных сценариях. Люди, задержавшиеся в этой среде, – потенциальные покупатели.

конкурс

< Живой логотип фестиваля «АрхБухта»

Автор делится своими впечатлениями о фестивале архитектурного искусства «АрхБухта. Урбанизация», организованном Клубом молодых архитекторов. Фестиваль состоялся в марте 2016 года в Байкальске Иркутской области и был посвящен проблемам Байкальска как моногорода. В рамках архитектурного чемпионата по интеграции с природой командам предлагалось воплотить концептуальную идею согласно теме фестиваля «Импульс для жизни» – выявить потенциал развития Байкальска, сконструировать новое мироощущение горожан, сформировать дух места и усилить смысловое значение природных факторов посредством художественных средств и экологических материалов.
Ключевые слова: Байкальск, моногород, урбанизация, новые смыслы, дух места. /

The author shares her impressions of the festival of architectural art “ArchBukhta. Urbanization” organized by the Club of Young Architects. The festival was held in March 2016 in Baikalsk (the Irkutsk region) and concerned the problems of Baikalsk as a monocity. The architectural competition for integration with nature invited the teams to fulfill their concepts related to the topic of the festival: “Impulse for life”. They were invited to reveal the potential for development of Baikalsk, to create a new view of life among citizens, to identify genius loci and to increase the value of the natural factors by artistic means and ecological materials.

Keywords: Baikalsk; monocity; urbanization; new meanings; genius loci.

«АрхБухта. Урбанизация – 2016» / ArchBukhta. Urbanization 2016

^ Инсталляция «Качели», команда «Зеленые человечки и Ко», Гран-при фестиваля

^ Инсталляция команды «45 градусов», диплом первой степени (Екатерина Матель, Алина Марьясова, Мария Глазкова, Ксения Тарасова)

< Инсталляция «Городской конструктор», команда «Зеленые человечки и Ко» (Алиса Козак, Евгения Ямова, Алексей Сергеев, Захар Сергеев, Евгений Золотухин, Сергей Колосовский, Анастасия Хворостына, Ольга Жуйкова, Наталия Шкедова, Сергей Александров, Роман Литвиненко, Андрей Тереховский)

На пороге весны мы с волнением подсчитывали последние дни до погружения в самое атмосферное и красочное событие года – юбилейный межрегиональный фестиваль архитектурного искусства «АрхБухта. Урбанизация». Теперь, воодушевленные и счастливые, мы расскажем о плодотворных фестивальных днях и вспомним мероприятия, предшествующие этому событию.

Вот уже десятый год в начале марта Клуб молодых архитекторов радушно приглашает представите-

лей творческого сообщества нашей страны на снежные берега Байкала. В рамках архитектурного чемпионата по интеграции с природой командам предлагается воплотить в художественных формах концептуальную идею согласно тематике, заданной организаторами. Цели фестиваля всегда казались очевидными – раскрытие новых граней творческой профессии, отрыв от будничного нормативного проектирования и создание в гармонии с природой. Однако фестиваль стремительно развивался, появлялись

новые смыслы. Так, от философской тематики мы подошли к проблемам насущным, городским, дабы не только оставить след в воспоминаниях участников, но и сделать маленький шаг на пути создания комфортной городской среды.

Байкальск. Новые смыслы

Одна из самых актуальных проблем России – проблема моногородов, многие из которых превратились в депрессивные зоны, находящиеся в глубоком экономическом и социальном кризисе. Байкальск,

как и большинство советских моногородов первой и второй волны индустриализации, возник на пустом месте, что обусловило полное отсутствие на его территории какой-либо идентичности: ни памятников истории и культуры, ни мифов. Закрытие градообразующего предприятия стало переломным моментом в размеренной жизни горожан, потерявшей привычные смыслы. Такая ситуация потребовала поиска иных подходов к развитию территории, созданию новых

^ Панорама строительной площадки фестиваля

^ Инсталляция команды «PROstore», диплом второй степени (Динара Ильина, Яна Нежинская, Елена Митюкова, Валерия Лисовая, Анжелика Пистоленко, Евгений Чув, Максим Конщин, Мария Черкесова)

смыслов существования города и к возрождению городской жизни.

После длительных дискуссий определилась тема фестиваля – «Импульс для жизни». Участникам необходимо было выявить потенциал развития Байкальска, сконструировать новое мироощущение горожан, сформировать дух места и усилить смысловое значение природных факторов посредством художественных средств и экологических материалов.

Так амбициозная команда организаторов, болеющая за будущее сибирского моногорода, задала новую планку и поставила цели и задачи, необычные для ежегодного фестиваля.

Мастерская

Столь масштабная тема, предполагающая реализацию качественных

концептуальных работ, требовала нового формата мероприятия. В начале февраля в рамках архитектурного фестиваля прошла первая творческая мастерская, включающая цикл профессиональных лекций и экспертных консультаций. Для рассмотрения различных граней заданной тематики были приглашены профессора архитектуры, дизайнеры, инженеры и экологи. Открыла мероприятие лекция заслуженного архитектора России, члена-корреспондента РААСН Марка Григорьевича Мееровича, раскрывшая идеологическую составляющую фестиваля и подчеркнувшая значимость выбранного курса. В течение последующих лекций участники узнали о ситуации в Байкальске, его природных особенностях, поучаствовали в интерактиве на тему экoprojectирования, познакомились

^ Во время стройки, команда «Ъ» (Максим Попов, Николай Ворошилов, Вячеслав Козлов, Никита Тамаев, Олег Иващенко)

^ Инсталляция команды «RSTgroup», диплом в номинации «Открытие года» (Даниил Арбатский, Тая Латыпова, Ксения Ошарова, Ксения Ходыкина, Роман Мазепа, Татьяна Наумова)

^ Инсталляция команды «Любовники», поощрительный диплом (Степан Хабардин, Анна Стегайло, Дмитрий Скоморохов, Владимир Акулов, Анастасия Лужанская)

с современными конструктивными системами и инструментами применения их в малых архитектурных формах, а также с психологией восприятия арт-объектов и методами оценки инсталляций компетентным жюри.

Завершили мастерскую консультацию участников фестиваля с представителями экспертного совета, которые поделились профессиональным мнением и помогли подчеркнуть сильные стороны концептуального проекта.

Последний эскизный штрих был сделан, лучшие команды отобраны, всё было приготовлено к началу долгожданного архитектурного события.

«АрхБухта»

Утром 4 марта 20 творческих команд отправились на встречу с заснеженным Байкальском. Здесь были гости из Москвы и Санкт-Петербурга, иркутяне и забайкальские коллеги. Возрастной и профессиональный размах удивлял и радовал: студенты и магистранты ИРНИТУ, молодые архитекторы, дизайнеры, опытные столичные урбанисты, представители администрации Иркутска, программисты и мастера маркетинга, инженеры, ювелиры, профессиональные фотографы и видеографы. Таким невероятным составом мы посетили главную промышленную, ныне закрытую площадку города – БЦБК. В застывших во времени цехах под необъятными металлическими фермами и замершими кранами участники фестиваля проходили испытания, проявляли

v Инсталляция «Лавка Байкала», команда «Эспрессо» (Светлана Карпова, Евгений Третьяков, Владислав Жуков, Александр Пасик)

смекалку и сплывались ради достижения общей цели. После атмосферного квеста организаторы пригласили участников согреться ароматным чаем и познакомиться за традиционным домашним заданием. Представление команд, а также концепций арт-объектов всегда проходит ярко и удивительно изобретательно. Такая практика помогает ребятам выйти за будничные рамки, проявить себя и раскрыть новые грани своих талантов. Напутственные слова организаторов и раздача символики «АрхБухты»

завершили открытие юбилейного фестиваля на столь знаковой для заданной тематики площадке.

Следующий день ознаменовался официальным открытием стройки у подножья могучей горы Соболиной. Получив собственную площадку для строительства, команды отправились дискутировать на тему лучших точек восприятия объектов и строгать заранее подготовленные основные бруски. Помимо основной задачи, участникам было предложено сконструировать уникальные скворечники в рамках акции,

проводимой совместно с благотворительным фондом «Я – Волонтер». Денежные средства, полученные от продажи скворечников, пойдут на лечение маленьких пациентов иркутских больниц.

С засученными рукавами и горящими глазами, вдохновленные гористыми просторами и приветливыми байкальскими лучами, команды без усталости стремились достичь поставленных целей. Множество любопытных взглядов гостей Соболиной лишь раззадорило боевой дух участников. Когда

^ За кострами на «Тропе шамана»

^ Инсталляция «Взгляд на город», команда «Мамба», диплом третьей степени (Максим Подшивалов, Наталья Боровикова, Анастасия Жмыхова, Екатерина Кошкина, Ксения Фрайер, Елена Пашкова, Дмитрий Подшивалов, Игорь Шастин)

v Кубок за третье место в межрегиональном фестивале архитектурного искусства «АрхБухта. Урбанизация»

алое солнце пряталось за снежные склоны, команды отправлялись на вечерние мероприятия – командные игры, познавательные лекции о различных аспектах профессиональной деятельности, о новых возможностях и технологиях, совершенствующих рабочий процесс. Участник фестиваля – главный архитектор Иркутска Сергей Анатольевич Александров в своем приветственном слове рассказал о своем профессиональном пути.

Пока участники возводили рукотворные арт-объекты, творческое объединение «ЭКО-ИДЕЯ» на протяжении нескольких дней конструировало уникальное театральное пространство, замысел которого скрывался даже от организаторов фестиваля. Подготовка мероприятия проходила на площадке «Artlab ЯГОДА», которая впоследствии должна стать новым толчком в развитии города Байкальск как культурного центра, вблизи священного озера. Занавес открылся 7 марта, и каждый участник, ступивший на «тропу шамана», погрузился в невероятный мир. Там властвовали стихии, кружили в своем танце, захватывали дух и оставляли эмоциональный заряд, которым и поделились участники за полыхающими смолистыми кострами. Этот день, как и прочие, завершился теплыми беседами и столь милыми сердцу текстами под звучание гитарных струн.

К пятому дню, когда арт-объекты были завершены, презентационные текстовки прописаны, а постановки отретпированы, все мы с волне-

нием ожидали представителей экспертного совета (в составе которого заслуженные архитекторы России, представители Союза архитекторов и Союза дизайнеров России, опытные инженеры и экологи). Для оценки инсталляций были выбраны следующие критерии: концептуальность; художественная выразительность, образность и эстетичность; взаимосвязь проблематики места и созданной инсталляции; мастерство и конструктивность; завершающее представление арт-объекта.

«Это победа!»

«Это победа!» – оглушительно звучало после презентации каждого арт-объекта. Каждая команда, принявшая участие в фестивале, достойна похвалы и аплодисментов. Каждый участник стремился показать свои навыки, умения и таланты, не побоявшись вступить в битву с профессионалами и «старичками» фестиваля. Хочется отметить, что уровень подготовки участников растет из года в год, а значит, всё не напрасно.

Бронзовым призером была признана инсталляция «Взгляд на город» команды «МАМБА», деликатно исполненная в виде информационного павильона. Здесь слились воедино очертания берегов Байкала, границы населенных пунктов, рельефные изгибы и разрезающие их федеральные трассы. Замысловатая сетка образовала светопропускающие конструкции, а в специально отведенных окнах разместились любопытная информация о Байкальске и озере Байкал. Предста-

^ Квест на БЦБК

витель команды подчеркивает, что «установленный на живописных просторах павильон – лаконичный экоостровок – может стать местом единения с природой».

Второе место получила команда «PROstore» с пирамидальной композицией – символичным прообразом байкальских гор. Арт-объект, сконструированный командой, носит утилитарное значение – это многогранное пространство для детей. Такая вариация на тему детской площадки подразумевает различные виды активности, что так важно для маленьких ребят.

Первое место эксперты присудили команде «45 градусов» за функциональный подход и привязку к месту. Трехуровневая конструкция, собранная из повторяющихся сосновых брусков, образует сидячие места, которые могут трансформироваться и меняться в пространстве. Специальные углубления в торцах позволяют удобно разместить спортивное снаряжение, например во время отдыха или ожидания автобуса.

Гран-при юбилейного фестиваля получила сборная команда из Москвы и Иркутска «Зеленые человечки», которая выполнила две инсталляции. Насыщенная идеологией инсталляция «Качели», по мотивам самонапряженных конструкций В. Ф. Колейчука, поражает своим масштабом.

9-метровые сосновые бревна парят в воздухе, удерживаясь благодаря натянутым тросам. Ко всеобщему удивлению конструкция приводится в действие под весом смелых участников команды – интерпре-

тация на тему качели для взрослых. Перекрещиваясь, основные элементы образуют римскую цифру X, в честь юбилейного фестиваля, а при смене позиции можно увидеть XX, что тонко намекает на продолжение нашумевшего чемпионата. Вторая инсталляция – «Городской конструктор» – призывает к развитию ленд-арта как инструмента для повышения качества городской среды с учетом основ архитектуры – «красоты, пользы, прочности». Название инсталляции не случайно, ведь команда предоставила возможность каждому жителю / горожанину самостоятельно формировать общественное пространство, переставляя элементы. Вариаций множество.

В нынешнем году экспертный совет изрядно подискутировал на тему оценки инсталляций и выбора лучших работ, некоторые представители предлагали и вовсе отменить призовые места и наградить каждую команду в собственной номинации. Но кубки были заготовлены, а нововведения в системе оценки оставлены для будущих фестивалей. Тем не менее поощрительными дипломами было решено отметить два коллектива – команду «Любовники» и молодую команду «RSTgroup» в номинации «Открытие года».

Торжественное закрытие фестиваля завершилось музыкальным концертом иркутской группы «Двое у моря» и юбилейным салютом, осветившим небо тысячами ярких искр. Можно уверенно заявить, что фестиваль прошел на ура.

Часть инсталляций будут радо-

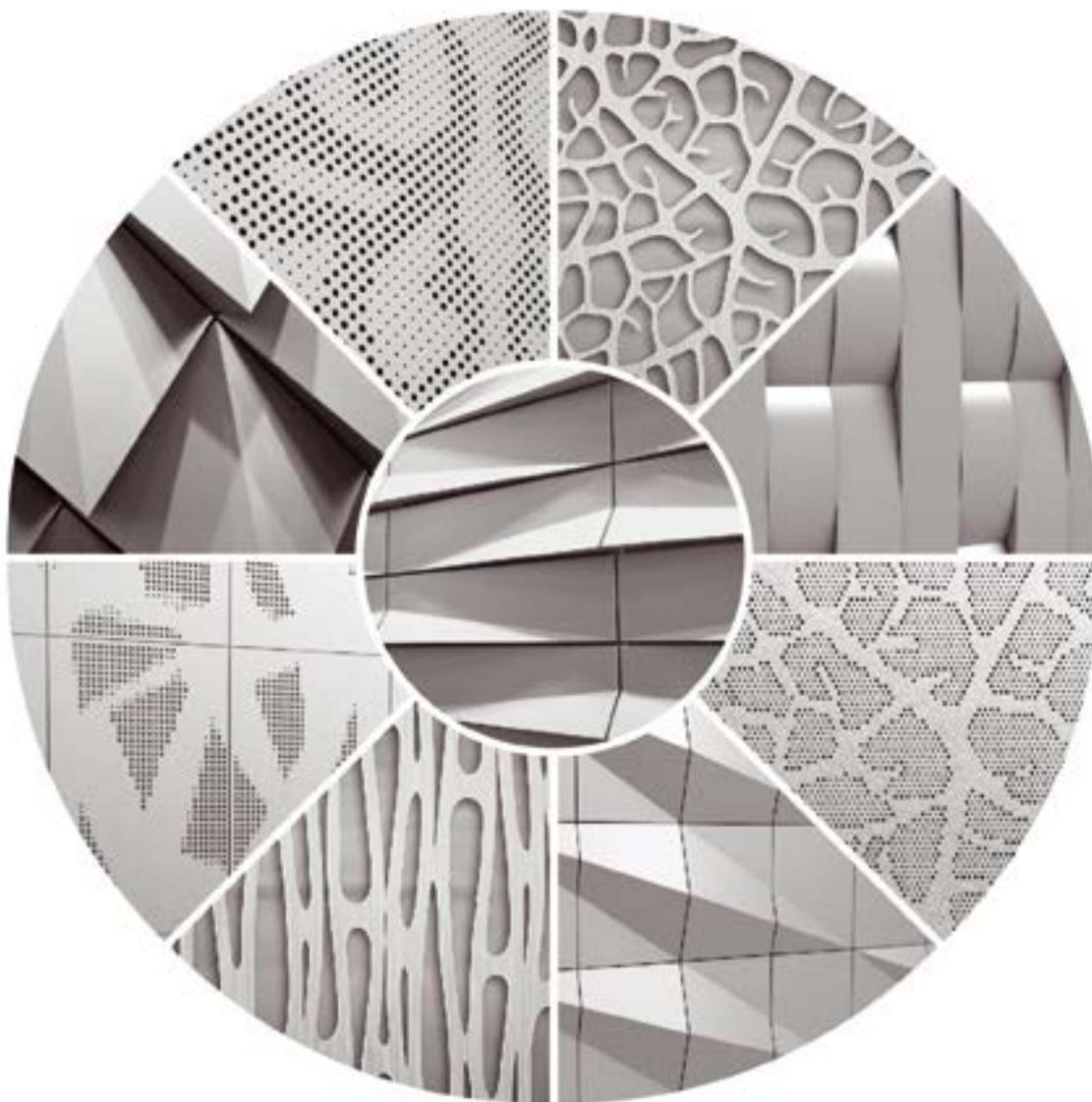

^ Инсталляция «Трансформируемое ДНК Байкальска», команда «ДАЛАДНА», диплом в номинации «Самая активная команда фестиваля» (Евгений Москаленко, Алексей Малов, Анна Мартынова, Арина Московская, Евгений Рупасов, Марина Ившева)

вать жителей и гостей Байкальска, некоторые будут установлены в Прибайкальском национальном парке. Ко Дню города Клуб молодых архитекторов планирует открыть выставку «Эхо АрхБухты», а также выпустить юбилейное издание, повествующее о славной истории фестиваля.

**фото: Мария Сокол,
Евгений Рупасов**
аэросъемка: «СкайМай»
Текст: Валентина Казакова /

**Photo: Maria Sokol,
Eugene Rupasov**
Aerophotography: SkyMy
Text: Valentina Kazakova

Навесные объемные фасады Gradas — это концептуальные решения для эксклюзивных зданий. Уникальный фасад — именно он сделает Ваше здание заметным и узнаваемым. Изделия могут быть выполнены практически из любого материала поддающегося холодной формовке и обладающего необходимыми техническими характеристиками. Благодаря универсальности методов крепления, кассеты GRADAS могут использоваться почти со всеми типами фасадных систем. Опытный технический персонал компании оказывает клиентам полную поддержку в реализации проектов связанных с нестандартными решениями. Наша задача — реализация Ваших идей!

С более подробной информацией можно ознакомиться на сайте www.gradas.ru

 GRADAS
Навесные объемные фасады

Представитель продукта Gradas
компания «Фасадные технологии»
г. Иркутск ул. Ф.Энгельса 8, оф. 302
+7 (3952) 484-184
e-mail: manager@yafasad.ru

Thinking about a new master plan of Irkutsk and taking into account that the real city has long crossed its administrative boundaries, we came to the conclusion that we need a preliminary concept study in order to set proper tasks before the new master plan. Not only within the boundaries of Irkutsk, but also in the context of the adjoining territories. It is necessary to lay down the guidelines for spatial development of the city and its planning frameworks, to discuss and to choose the top-priority options before elaboration of the master plan.

To ensure diversity of the proposals and comprehensive consideration of the key issues, three teams were invited to work out the concept. They are the Irkutsk regional organization of the Union of Architects of Russia, the Institute of Moscow City Master Plan, and the Institute of Spatial Planning "Urbanika". During the five month work we organized one keynote and two project sessions with representatives of developers, the Irkutsk city administration, the City Duma, and public and business representatives. The main problems

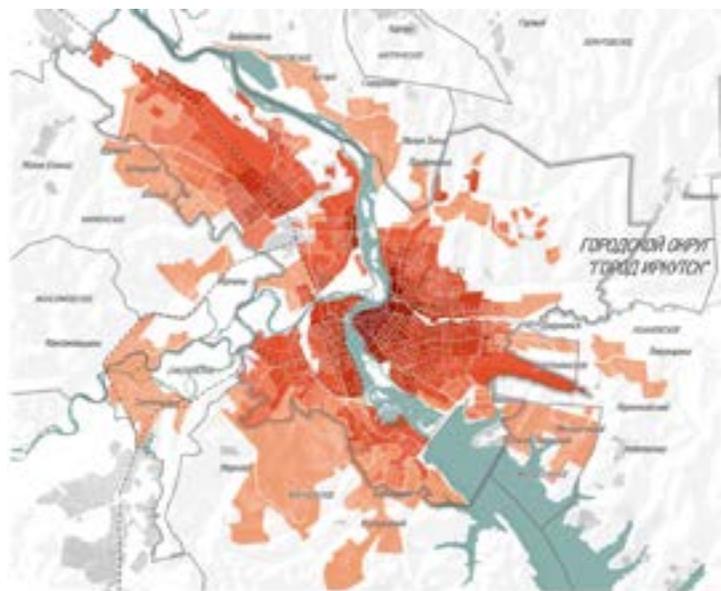
of the city spatial development and their solutions were discussed at the project sessions. As a result, each team proposed their version of the spatial development concept. The three concepts do not oppose, but rather complement each other. They should become a basis for further spatial planning of Irkutsk.

Alexei Kozmin

Три концепции пространственного развития Иркутска / Three Concepts for Spatial Development of Irkutsk

Для современного большого города крайне важно, чтобы процесс пространственного планирования не сводился к разработке формального генерального плана и других градостроительных документов. Необходимо, чтобы пространственное планирование являлось продолжением стратегии городского развития, опиралось на реальные экономические проекты и демографический потенциал. В то же время и стратегическое планирование не может не включать в себя пространственную составляющую. Ведь из состояния территории, возможностей и ограничений городского пространства складываются и сценарии реализации стратегических планов. Ключевые слова: генеральный план Иркутска, планировочный каркас, ландшафтный потенциал, общественные пространства. /

It is crucial for a present-day big city not to reduce the process of spatial planning to elaboration of a formal master plan and other town-planning documents. The spatial planning should flow from the city development strategy and be based on real economic projects and demographic potential. At the same time, strategic planning should include a spatial component, because implementation scenarios for strategic plans come from the condition of the territory, possibilities and limitations of urban space. Keywords: Irkutsk city master plan; planning framework; landscape potential; public spaces.

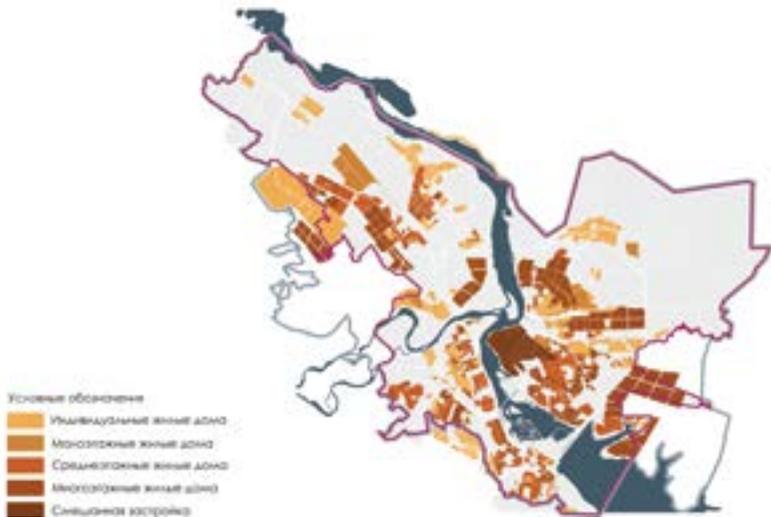

Размышляя о новом генеральном плане Иркутска, о том, что реальный город давно вышел за свои административные границы, мы пришли к выводу, что для правильной постановки задач для нового генерального плана необходима предварительная концептуальная проработка. Причем не только в границах Иркутска, но и с учетом прилегающих территорий. Нужно

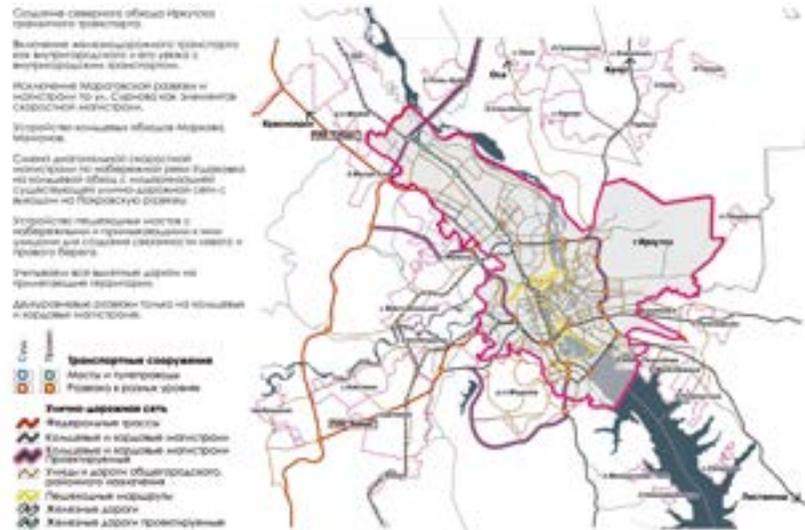
определить основные направления пространственного развития города, планировочные каркасы, обсудить их и выбрать приоритетные варианты еще до разработки генплана. При этом основные положения концепции пространственного развития Иркутска должны лечь в основу технического задания на генплан.

Для работы над концепцией было принято решение привлечь три разных авторских коллектива для обеспечения вариативности предлагаемых решений и все-сторонней проработки ключевых вопросов. Этими коллективами стали Иркутское региональное отделение Союза архитекторов России, Институт Генплана Москвы, Институт территориального планирования «Урбаника». В ходе работ, длившихся пять месяцев, мы провели одну установочную и две проектные сессии с представителями разработчиков, администрации города Иркутска, Городской думы, общественности города, представителей бизнеса. На проектных сессиях были обсуждены основные проблемы пространственного развития города и пути их решения. Каждый авторский коллектив представил свою версию концепции пространственного развития. Нужно сказать, что в результате мы получили не три совершенно разных варианта, а три концепции, дополняющие друг друга. На их основе необходимо вести дальнейшую работу над пространственным планированием Иркутска.

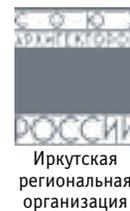
Алексей Козьмин

^ Стратегия развития жилой застройки. Механизмы реализации

^ Развитие внутреннего транспорта. Проектное решение

проблемы внутренних и внешних связей, вовлеченностью Иркутска, в том числе, в международную деятельность, усилением роли как административного центра Восточной Сибири, так и центра деятельности, объединяющего другие регионы. Отсюда важность сохранения функций межрегионального центра – высшего образования, науки, медицинских услуг, туризма, развития городской среды.

Развитие транспортной инфраструктуры. Иркутск должен стать не тупиком, а перекрестком, отсюда важность развития транспортно-логистической связи Иркутска с северными территориями по кратчайшему пути: Иркутск – Жигалово – Усть-Кут – Республика Саха (Якутия). Требуется вынос международного аэропорта, создание транспортно-логистического центра, развитие более тесной свя-

зи с УОБО. Решения по внутреннему развитию транспорта необходимо пересмотреть, устранив некоторые решения (магистраль вдоль Ушаковки и Маратовскую развязку, «Южный обход» вдоль берегов Каи и «Птичьей Гавани»), уничтожающие природный каркас городских территорий, а также фантастичность решений по внутренним транспортным развязкам. Пятый мостовой переход со скоростным трамваем в створе ул. Декабристских Событий и Франк-Каменецкого необходимо исключить из решений по транспорту из-за отсутствия необходимости. Транспортное обслуживание, в первую очередь общественное, требует глубокой модернизации и пересмотра. Мы дали предложения по организации пешеходной связи правого и левого берегов Ангары. Важный момент концепции – размещение Центрального парка

на полуострове Кирова, который должен быть связан пешеходным мостом с набережной в районе мемориального комплекса.

Развитие инженерной инфраструктуры. Этот блок тоже имеет вполне реальные предложения, которые по ряду разделов отличаются от решений по внесению изменений в генплан Иркутска и прилегающих территорий.

Владимир Распутин / Vladimir Rasputin

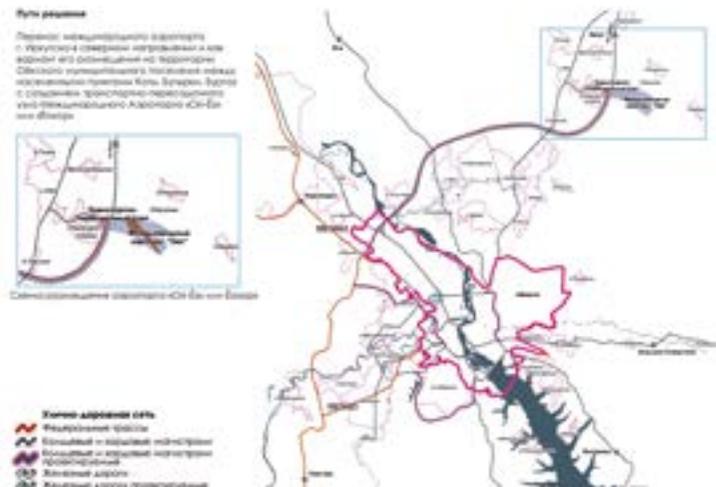
- ^ **Левый берег р. Ангары**
1. Набережная Якоби (рекреационная).
 2. Набережная Академгородка и Кузьмичинские озера (защитно-рекреационная).
 3. Набережная Студгородка (публичная).
 4. Привокзальная набережная (публичная).
 5. Затон (публичная).
 6. Набережная Иркутска (рекреационная).
 7. Набережная р. Каи (природоохранная).
 8. Селиваниха (жилая набережная).
 9. Остров Комсомольский (рекреационная).
 10. Остров Любаша (жилая набережная)

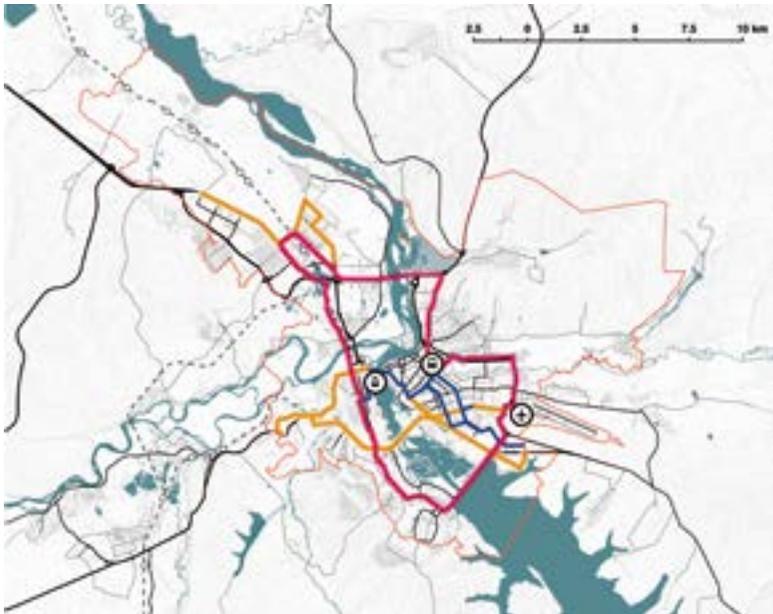
- ^ **Благоустройство прибрежных территорий. Правый берег р. Ангары**
1. Набережная микрорайона Солнечного
 2. «Квадраты» (рекреация)
 3. Набережная Нижней Лисихи (жилая)
 4. Верхняя набережная
 5. Остров Конный
 6. Остров Юность
 7. Набережная по бульвару Гагарина
 8. Цесовская набережная
 9. Нижняя набережная
 10. Набережная по ул. Сурнова (природоохранная)
 11. Набережная р. Ушаковки (защитно-рекреационная)

- ^ **Ленинский округ**
11. Жилкино (жилая набережная)
 12. Набережная промленной зоны (защитно-рекреационная)
 13. Боково (жилая рекреационная)

^ Развитие внешнего транспорта. Проектное решение

Шесть городов / Six Cities

руководители проекта

Максим Перов
Антон Щукин
Александр Скокан
Андрей Гнездилов

авторы

Максим Викулин
Андрей Елбаев
Вероника Ефимочкина
Роман Кучуков
Ольга Максимова
Григорий Мустафин
Наталья Паленова
Мария Степанова
Ольга Таловская
К. Титова

транспорт

Е. Боровик
С. Каряева
В. Шамеев
В. Давыдов
А. Молина
А. Михайлов

экология

И. Ивашкина
И. Харченко
Н. Кирюшина
С. Сахарова

инженерия

А. Рябов
О. Пивоварова
М. Котков
Г. Ермакова
В. Веткина
И. Рябикина
Н. Сладкова
М. Гассан
С. Колединский
Н. Шадикян

Продвижение Российского государства в своем развитии на восток за счет захвата и колонизации новых земель происходило по естественным коммуникационным каналам – рекам и речным долинам. В нашем случае – это долины реки Ангары в сторону Байкала, главного природно-ландшафтного фокуса Восточно-Сибирского региона. Город закладывается на изломе речной долины, где в Ангару впадают сразу два притока – Иркут (давший название городу) и Ушаковка.

Московский тракт, связывавший город с Центральной Россией, естественно прошел по этой же долине, так же как и проложенный в начале XX века Транссиб, сформировав мощный коммуникационный канал, ставший главной осью каркаса расселения в этой части Сибири: река, дорога и железная дорога.

Плотина Иркутской ГЭС, образовавшая мощное водохранилище, фактически купировала возможность дальнейшего естественного движения вдоль реки в сторону Байкала, так как существовавшие пути, в том числе и железнодорожные, шедшие вдоль реки, ушли под воду, заполнившую складки рельефа, образовав неудобные для освоения «фьорды» с крутыми и обрывистыми берегами. Это стимулировало реализацию другого сценария – развитие промышленных территорий, естественно тяготевших к железной дороге, и связанных с ними жилых районов города. Образовавшаяся в результате этих процессов урбанизиро-

ванная система включает то, что можно назвать Большой Иркутской агломерацией, простирающейся от г. Усолье-Сибирского до пос. Листвянка на берегу озера Байкал. Ядром всего этого естественно является собственно город Иркутск в своих административных границах, который также является Малой агломерацией, состоящей по крайней мере из шести пространственно обособленных городских образований: 1) собственно старой части Иркутска, развившегося из своего исторического ядра; 2) района за Ушаковкой и вдоль нее; 3) левобережной части – старого города на Кайском холме, возникшего и разросшегося во многом благодаря железной дороге и пассажирскому вокзалу и далее благодаря университетским функциям; 4) поселка железнодорожной станции Иркутск-Сортировочный и нового микрорайона; 5) территории вокруг авиационного предприятия «Иркут»; 6) поселка Гидростроителей ГЭС, Академгородка и новых микрорайонов.

Таким образом, в нашей концепции пространственного развития Иркутска предлагается перейти от идеи одного города к идее шести «городов», основываясь на том, что в каждом из них есть и / или должен быть свой центр развития со своей уникальной функцией и чертами, т. е. с предпосылками к развитию. Для объединения шести «городов» в три предлагается создание трех центров:

1. Центральный район и район Ушаковки объединяются центром

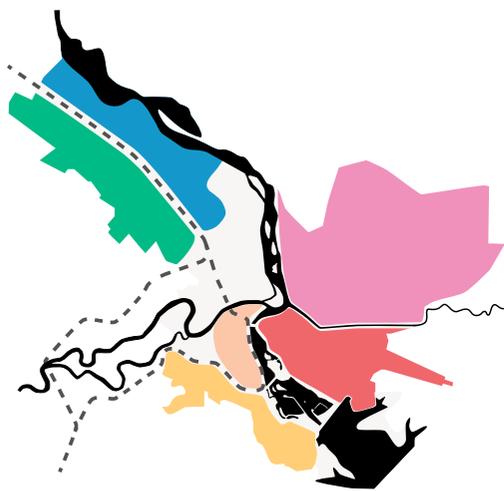
«Иркутск-Сити» в устье реки Ушаковки. Это городской общественный центр смешанной функции на пересечении зеленого и транспортного каркаса двух «городов» (офисы, торговля, жилье и рекреация);

2. Иркутск-2 и Ново-Ленино объединяются «пряжкой» в зоне железнодорожной станции Иркутск-Сортировочный. Учитывая специфику территории, это место обладает потенциалом центра агломерационного значения. По функции – это может быть офисно-деловой и логистический центр;

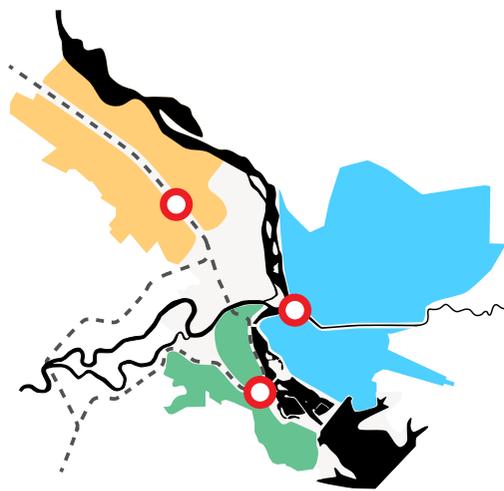
3. Кайский холм и другие холмы соединяются центром на территории примыкания нового Академического моста к левому берегу Ангары. Основная задача этого центра – преодолеть транспортные делители, расположенные на территории, и связать студенческий кластер с Академгородком. Учитывая уже имеющиеся объекты, центр может быть деловой, научной и общественно-спортивной направленности.

Главная проблема современного 6-частного Иркутска, разделенного тремя реками и одним водохранилищем, – это связанность его частей и всего города в целом.

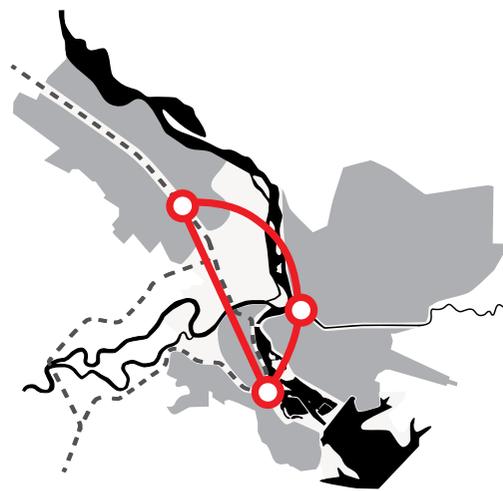
С одной стороны, это транспортная проблема, из которой следует необходимость не только усовершенствования и дополнения транспортного каркаса, но и поиска оптимальной трассировки эффективного внутригородского скоростного пассажирского транспорта (трамвая или автобуса) в сочета-

6 городов

3 города

1 город

Уникальность ландшафта – речной крест
 Проблема развития – шесть городов минус река
 Концепция пространственного развития – три города плюс река

Остоженка
 Архитектурное б

нии с железнодорожной связью (городская электричка). С другой стороны, это проблема осмысления новой роли Ангары и ее притоков. Из досадного «разделителя» городской жизни река может и должна стать экологическим коридором, «сине-зеленым» «соединителем» города, его новым парково-рекреационным центром. Для этого предлагается рассматривать Ангару и ее притоки как единую ландшафтную зону во взаимосвязи с озером Байкал. Для данной ландшафтной зоны предлагается стратегия развития в качестве экологического коридора и парково-рекреационного центра.

Таким образом, необходимо разработать комплексную программу развития речной ландшафтной зоны в Иркутске, для чего рекомендуется:

1. Провести полный анализ геоморфологии ландшафта как городского, так и природного, во взаимосвязи с историческим и культурным наследием, озером Байкал и его ландшафтами, с выявлением рисков и возможностей, слабых и сильных сторон.

2. Разработать методические рекомендации для Иркутска, касающиеся ландшафта, экологического и

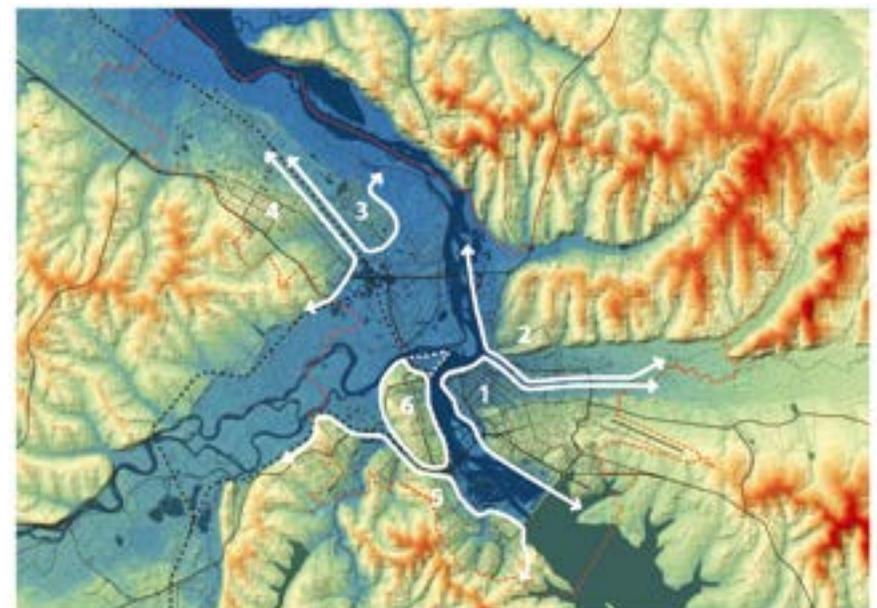
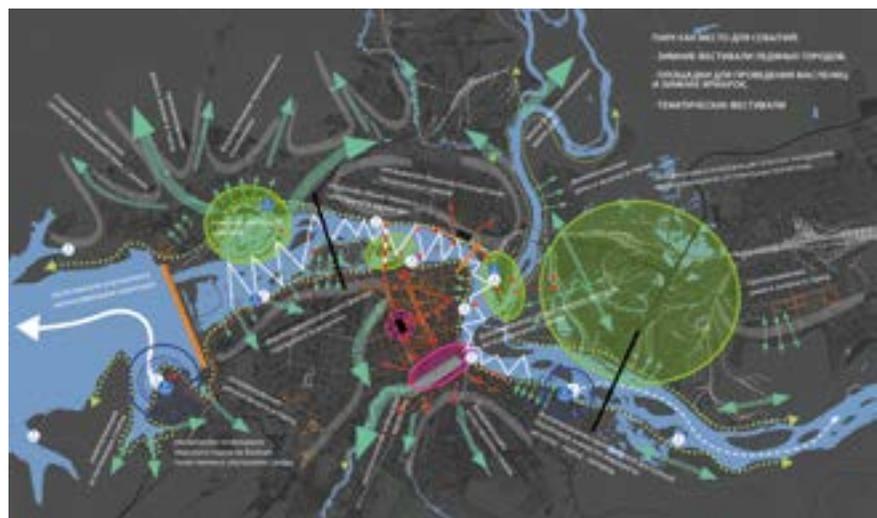
устойчивого развития, относительно повышения значимости и ценности малых рек, долин и склонов в черте города, их гармоничного и корректного включения в ткань города, в природный и городской ландшафт как в общественных пространствах, так и в частных.

3. Разработать методические рекомендации для Иркутска по озеленению и трансформации природного ландшафта.

4. Разработать комплексный проект развития речной ландшафтной зоны Иркутска, учитывая взаимное влияние и потенциал озера Байкал и прилегающих к нему территорий, а также потенциал развития навигации в сторону Братска, с особым отношением к внутригородской навигации и к ее инфраструктуре, к гармоничному и активному включению данных функций в городскую жизнь и природный ландшафт.

Мы считаем, что основной целью пространственного развития Иркутска является полицентричная консолидация всех его разрозненных частей вокруг главной природной ценности места – уникального ландшафта бассейна Ангары и ее притоков.

Андрей Гнездилов

Иркутск – 2040: прагматичные амбиции / Irkutsk 2040: Pragmatic Ambitions

организация

Институт территориального планирования «Урбаника»

авторский коллектив

А. Финогенов, Е. Григорьева,
И. Замотина, Е. Арефьева, Н. Исаичева,
М. Щиголева, А. Сергеев,
В. Васильевская,
О. Шмыкова, О. Можгова,
Д. Горохов, И. Резников,
Е. Резникова, М. Жеблиенок

Говоря о развитии города, необходимо сформулировать его миссию, которая бы наиболее полно отражала видение будущего. В этом контексте миссия города мы видим в следующем: **Иркутск – это сбалансированный городской центр одной из важнейших агломераций Сибири.**

При разработке проекта были выделены базовые направления развития Иркутска, которые послужили опорой при дальнейшей проработке стратегии развития:

- жилищная политика, включающая в себя формирование разных типологий жилья, в том числе арендного, реновацию центральной части города, новое качество социальных сервисов и комфортную городскую среду;

- экономические приоритеты, связанные, в том числе, с развитием высокотехнологичных сервисов, деловой недвижимости и появлением новых типологий недвижимости, а также с развитием сектора гостеприимства;

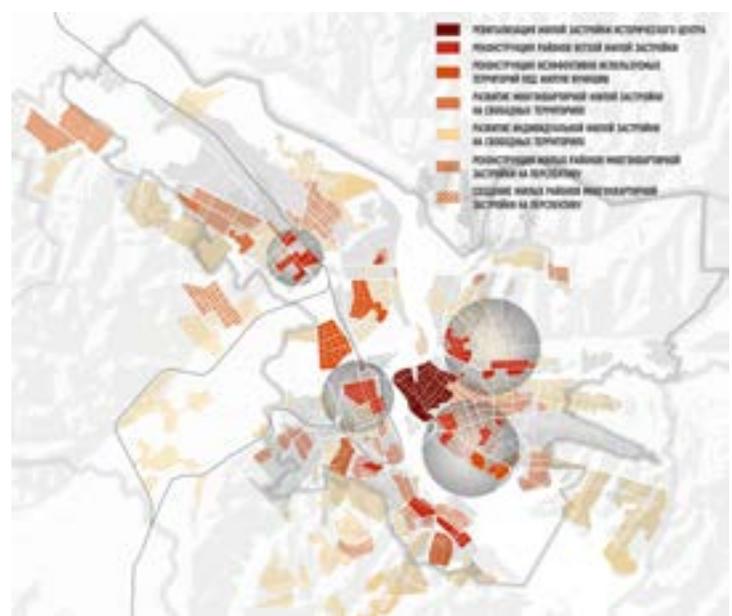
- транспортная политика, включающая в себя развитие транспортной инфраструктуры, общественного транспорта, пешеходных и велосипедных каркасов, а также развитие внешней доступности города;

- оптимизация системы управления, которая в том числе позволит подключить жителей к управлению развитием города;

- политика инфраструктурного развития, которая позволяет говорить об энергосбережении и использовании потенциала новых технологий для сектора ЖКХ и на благо жителей.

Стратегия развития основывается на развитии выбранных базовых векторов.

По итогам работы над проектом был сформирован мастер-план развития города Иркутска и сопредельных терри-

^ Развитие жилой застройки

торий, которые являются составной частью «реального города». Рассмотрим выбранные направления подробнее.

1. Иркутск – научно-исследовательский и образовательный центр

Требованием для реализации данного направления является выход на рынок знаний и новых технологий, который может быть осуществлен, в том числе, посредством реализации следующих направлений:

- формирование единого образовательного пространства;
- опора в развитии на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (R&D);
- создание инфраструктуры для интеграции науки и производства.

Необходимо обеспечение связности объектов научно-образовательного кластера, а также их интеграция в городскую среду. Территории должны быть доступны для общественного транспорта, там могут размещаться библиотеки, исследовательские центры, служба присмотра за детьми, спортивные объекты и другие социальные сервисы.

Основные требования к городской среде при реализации данного вектора стратегии развития следующие:

- мультифункциональность пространства;
- современные общественные пространства;
- формирование устойчивых связей с центром города и инфра-

структурой внешнего транспорта.

2. Иркутск – крупный туристический центр и «ворота Байкала»

Основная цель и показатель в рамках данного направления развития – это увеличение продолжительности пребывания туриста в городе, что позволит повысить доходы от туристической деятельности.

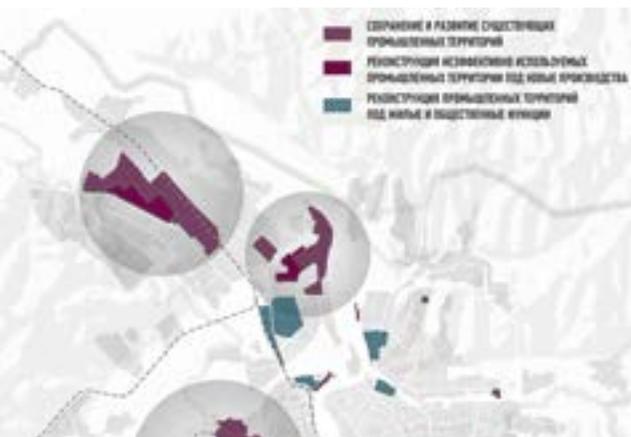
Основные направления развития:

- нивелирование сезонности за счет разных видов туристического продукта (новые музеи и привлекательная городская среда) и событийности;
- реконструкция центра города и расширение границ туристического Иркутска, включение новых территорий (набережных, Левобережья и Иркутска-2);
- позиционирование на внутреннем туристическом рынке, в том числе вступление в конкуренцию за туристический поток с Алтаем, Камчаткой и Уралом;
- активное позиционирование на азиатских рынках, увеличение доли иностранных туристов, что требует повышения качества сервисов.

Также необходимо отметить важность таких аспектов развития, как брендинг территории и капитализация уже существующих аттракторов (историко-культурного наследия, Байкала и ОЗЗ).

3. Иркутск – центр принятия решений

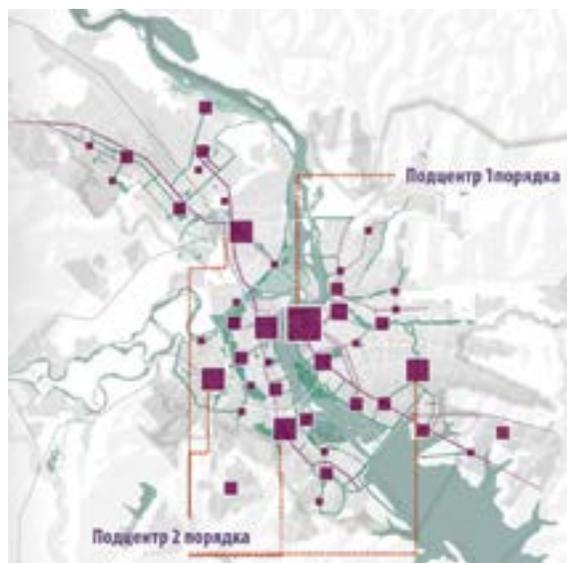
Важно отметить, что данное направление позволит сформировать в Иркутске центр управления

^ Направления развития промышленных территорий

^ Расширение туристических границ Иркутска

^ Каркас общественных пространств

^ Природно-рекреационный каркас

сырьевым (добыча ископаемых в макрорегионе) и водным (крупнейший пресный водоем) мегапроцессами.

В целом развитие подразумевает усиление «столичности» города:

- усиление административных функций города в макрорегионе (Иркутская область, республики Бурятия, Саха-Якутия, Забайкальский край). Фактически можно говорить о влиянии на 27 % территории страны и почти 5,5 млн ее жителей;
- активное привлечение управленческих подразделений бизнеса на территорию.

В рамках реализации необходимо обеспечить безопасную и благоприятную среду для бизнеса и его сотрудников, в том числе переживших из других городов.

4. Иркутск – город развития промышленности и занятости нового поколения и типологий

Основная цель реализации данного направления – увеличение экономической активности на территории и удержание инвесторов в пределах города, его «нерасползание», а также появление новых моделей занятости. Последнее сопровождается появлением общественно-деловых центров нового типа в жилой застройке и на границе с существующей (коворкинги, микроофисы и др.).

Одним из возможных путей решения был определен вариант создания Фонда реконструкции промышленных территорий. Фонд сможет участвовать в финансировании проектов редевелопмента промышленных территорий в каче-

стве как основного инвестора, так и полноценного партнера с другими инвесторами или консорциумами. Основными членами фонда могут быть инвесторы, застройщики, которые уже работают или собираются работать на территории Иркутска.

5. Иркутск – площадка для интеграции новых технологий в области городского развития

- Наиболее вероятные решения:
- интеллектуальный транспорт и умные парковки – в сфере контроля трафика и управления светофорами, регулирования стоимости парковочного места в реальном времени, информирования о наличии парковочных мест;
 - интеллектуальное освещение – в сфере энергосберегающих ламп и датчиков движения, автоматизированной системы управления, установки локальных солнечных батарей, совмещенных с системами освещения пешеходных переходов;
 - видеонаблюдение и безопасность – в сфере внедрения системы контроля и анализа, автоматическое обнаружение тревожных ситуаций, сбор данных о пешеходных и автомобильных потоках;
 - разработка приложения с функциями отображения расписания общественного транспорта, планирования маршрутов по городу, поиска ближайших остановок общественного транспорта;
 - интеллектуальное здравоохранение в виде ведения электронных баз данных медицинских карт и онлайн-записи к врачу с помощью электронных средств и мобильных приложений.

Помимо выбранных направлений стратегического развития в рамках проекта была проработана **стратегия развития жилой среды**, в том числе для слабоурбанизированных территорий. Базовые принципы развития жилой среды выделены следующие:

- появление новых типологий жилья, в том числе с ориентацией на ландшафт местности;
- ревитализация и реконструкция существующего жилого фонда;
- развитие локальных общественных пространств;
- повышение безопасности за счет освещения территории, оборудования ее тревожными кнопками, правильной организации транспортного сообщения.

Было произведено разделение всех жилых районов города на несколько типов по принципу возможности преобразования, в частности восстановление застройки центральной части города (особая программа совершенствования центральной части с сохранением уникальности среды). Отмечена необходимость более лояльной политики в отношении низкоплотной и малоэффективной застройки, а также масштабной реконструкции ветхого и аварийного жилого фонда превышен.

Развитие природно-рекреационного каркаса связано с непрерывностью и качеством организации зеленого каркаса, что обеспечивается формированием востребованной жителями и туристами системы пешеходно-велосипедных

маршрутов. Направления развития природно-рекреационного каркаса были выбраны следующие:

- максимальное озеленение прибрежных территорий;
- восстановление зеленых насаждений существующих территорий;
- возрождение ландшафтного потенциала левобережья (холмы) и его интеграция в жилую среду;
- формирование зеленого каркаса вдоль ручьев в предместьях;
- максимальное озеленение дворовых пространств;
- формирование естественных набережных Ушаковки (на протяжении застроенной территории) и Иркутска (район Глазково и Горького).

Развитие каркаса общественных пространств основано не только на структуре расселения жителей и видах их активности, но и на природно-ландшафтном каркасе города. Основной идеей в рамках действительно полицентричного Иркутска является сохранение полицентричности через городскую рекреацию. А особенностью – сохранение преемственности развития территории («Байкальский луч»).

Одна из основных проектных гипотез – это формирование в рамках зеленого каркаса города общественных подцентров, которые позволят удовлетворить потребность в культурных объектах территории и задействовать сам каркас.

**Евгения Арефьева /
Eugenia Arefieva
Ирина Замотина /
Irina Zamotina**

Подводятся итоги XVII проектной сессии Международного Байкальского зимнего градостроительного университета, тема которой – «Система городских центров. Формирование общественных пространств». Представлены проекты международных команд по реконструкции городских территорий, в том числе в периферийных районах Иркутска. В своих проектах команды предусмотрели различные сценарии использования общественных пространств – в разное время, разными категориями потребителей, в зависимости от функций публичных мест.

Ключевые слова: Зимний градостроительный университет, общественные пространства, сценарии развития территории, качество городской среды, урбанистика, воркшоп. /

The article reviews the results of the 17th session of International Baikal Winter University of Urban Planning Design, the subject of which was "The System of Urban Centers. Formation of Public Spaces". The international teams presented their reconstruction projects for urban areas, including periphery districts of Irkutsk. The teams proposed various scenarios for using the public spaces in different time, by different categories of users, depending on the functions of public spaces.

Keywords: Winter University of Urban Planning Design; public spaces; territorial development scenarios; quality of urban environment; urban studies; workshop.

Зимник-2016 / Winter University 2016

из молодых специалистов различной профессиональной подготовки, представителей разных стран и культур. Зимний университет является единственным партнером Les Ateliers в России.

Участников воркшопа отбирали более чем из 50 университетов-партнеров из 25 стран мира. Кандидатам предоставлялся презентационный материал будущей сессии – Документ № 1 с анонсом темы, после чего им нужно было предоставить анкету, портфолио, CV и традиционную «домашнюю работу» по тематике сессии.

К участию было допущено двадцать пять студентов и молодых специалистов из Германии, Египта, Индии, Китая, Ливана, Нидерландов, Туниса, Франции и впервые из Эквадора. Россию представляли участники из Иркутска и Екатеринбурга. Помимо студентов ИРНТУ, в работе Зимнего университета впервые приняли участие студенты БГУ. Специализация участников – градостроительство, архитектура, дизайн архитектурной среды, транспортная инженерия, административное управление.

Научными руководителями – пилотами сессии – выступили, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук Марк Меерович и член Союза архитекторов России, ведущий инженер проектного отдела МКУ «РиМОС» Олеся Куцакова (Иркутск). Они не только работали с командами на протяжении сессии, но и разработали предварительный аналитический материал, градостроительный анализ проектируемых

участков и техническое задание совместно с ассистентами, молодыми специалистами из Иркутска – Дарьей Финаковой, магистрантом ИАиС ИРНТУ, Станиславом Соколовым, магистрантом ИАиС ИРНТУ, и архитектором Аленой Семиусовой.

Тема нынешней сессии, разработанная научно-методическим советом МБЗГУ совместно с администрацией города Иркутска, набирает свою актуальность, так как современное развитие крупных и крупнейших городов имеет агломерационный характер, задавая более сложную, многофункциональную направленность основного ядра агломерации. Город развивается интенсивно (реконструкция городских территорий – как ядра города, так и периферийных районов), выдвигая новые требования к организации общественно-делового и жилого пространства.

По мнению Марка Мееровича,

нынешняя сессия рассматривает главную задачу общественных пространств – давать возможность беспрепятственно протекать потокам (не только деловым, но и прогулочным), предоставлять людям территориальные возможности для непродолжительных комфортных остановок и кратковременного развертывания максимально широкого спектра публичных действий. Именно в перемещениях между публичными местами и разворачивается образ жизни современного горожанина. Сегодня общественные пространства идентифицируются через ту активность, которую временно начинают вмещать. А наиболее востребованным становится такое пространство, которое приспособлено к приему различной «публики».

В своих проектах международным командам нужно было предусмотреть множество сцена-

19 февраля завершилась XVII проектная сессия Международного Байкальского зимнего градостроительного университета (МБЗГУ), тема которой – «Система городских центров. Формирование общественно-деловых пространств».

МБЗГУ, единственное ежегодное международное образовательное мероприятие в области архитектуры и градостроительства в России, основан на многолетнем опыте Европейских градостроительных мастерских Les Ateliers (г. Сержи-Понтуаз, Франция), где была создана собственная оригинальная методика проведения летних сессий, апробированных в течение 33 лет в разных странах мира, которая состоит в создании конкурсных программ и реализации их в работе проектных групп, сформированных

Организаторы

Иркутский национальный исследовательский технический университет
МНИЛ «Градостроительная школа»
Международные градостроительные мастерские города Сержи-Понтуаэ (Франция)
ИРО Союза архитекторов России
правительство Иркутской области
администрация города Иркутска

риевиспользования общественных пространств – в разное время, разными категориями потребителей, для различных функций, с разнообразным использованием городского оборудования. Командам предоставился редкий шанс превратить конкретный фрагмент городской территории в «точку перемен» для окружающего общественного пространства.

Программа сессии включала в себя самопрезентации, разделение на команды, цикл установочных докладов локальных экспертов, экскурсии на проектные площадки. Промежуточные презентации команд были отработаны с участием локальных экспертов и консультантов.

Состоялись традиционные поездки на Байкал и совместная с экспертами экскурсия в поселок Листвянка и музей «Тальцы». А чтобы участники прониклись сибирским духом и увезли с собой самые теплые воспоминания, было организовано посещение ледяной иордани и Театра народной драмы с традиционными русскими гуляниями.

В рамках сессии также прошли лекции приглашенных экспертов – членов жюри Андреса Пальмиоли (Китай, Италия), Алексея Хриченкова и Елены Багиной (Екатеринбург), Доминики Бадариоти (Франция), Михаэля Кламера (Австрия), Барбары Энгель (Германия), Йолан ван ден Берг (Нидерланды).

На финальной презентации команды продемонстрировали свои проектные предложения российским и международным экспертам.

Всем членам жюри был представлен Документ, который включил в себя дневник сессии, данные о составе команд и жюри, проекты команд и материалы экспертов. В последующем он дополнится анализом сессии, оценкой и рекомендациями экспертов, выводами по проектам команд.

Третий год успешно реализуется практика кратких докладов, с которыми участники выступают в здании мэрии перед руководителями профильных комитетов и депутатами города. Там же была представлена концепция по шестой проектной площадке, экспериментально разработанная в течение сессии командой ассистентов – еще одно нововведение этого года. Команда иркутских и международных ассистентов (Ахмед Алеф, Египет, и Энтони Згреб, Ливан) разработала внеконкурсный проект концепции общественно-делового пространства, примыкающего к зоне застройки многофункционального микрорайона Иркутск-Сити, набережной реки Ушаковки и перспективного транспортно-пересадочного узла (улицы Октябрьской Революции, Фридриха Энгельса, Дзержинского).

Основными идеями разработанной концепции общественно-делового пространства, примыкающего к зоне застройки многофункционального микрорайона Иркутск-Сити, набережной реки Ушаковки и перспективного транспортно-пересадочного узла (улицы Октябрьской Революции, Фридриха Энгельса, Дзержинского), стали:

- организация более четкой

Команда ассистентов

Алена Семиусова / архитектор / Иркутск, Россия
Дарья Финакова / ИРНИТУ, магистрант-градостроитель / Иркутск, Россия
Станислав Соколов / ИРНИТУ, магистрант-архитектор / Иркутск, Россия
Энтони Згреб / дизайнер городской среды / Милан, Италия
Ахмед Атеф / Александрийский университет, аспирант-градостроитель / Египет

связи проектной площадки с историческим центром Иркутска посредством создания пешеходных зеленых коридоров в продолжение улиц Карла Маркса и Тимирязева;

- повышение потенциала развития данной территории, заложенного в градостроительной документации города Иркутска, путем развития сценариев многоцелевого использования территории;

- создание внутренней системы благоустроенных территорий, соединяющих основные существующие и перспективные объекты районного и городского значения – бизнес-центры, проектируемый жилой комплекс и спортивные объекты, а также предложенный проектом многофункциональный культурно-представительский центр, работающий совместно с

существующим автовокзалом, а в будущем с транспортно-пересадочным узлом;

- объединение набережных Ангары и Ушаковки в непрерывное пространство, а также восстановление разрушенных прибрежных ландшафтов Ушаковки;

- использование рельефа для создания нескольких уровней набережной, наполнение разными видами активности, организация зон различного назначения для разных групп посетителей, разделение потоков пешеходов, автотранспорта и велосипедистов с учетом сценарности.

Текст: Евгения Ямова, Валерия Нуязина
Фото: Роман Литвиненко / Text: Eugenia Yamova, Valeria Nuyanzina
Photo: Roman Litvinenko

образование

The microdistrict of "Pervomayskiy", our working area, is a residential district that was constructed by the planning institute "Irkutskgrahdanproject" between the 1970-1990s.

Here live around 30 000 inhabitants. It is an organized urban system, with the Vampilova Street as a main axis. The soviet housing, the dachas, the nature at the boarding areas, the topography, the industrial landscape, all different environments, work together as pieces of a «broken chinese vase», without the «right glue» to put in together.

The strategy is based in four elements:

1. **Enhance of the «urban spine».** The city infrastructures (High-way, train station, etc...) are connected to the Vampilova str. Now it should become a "complete street" with well-defined start and end points, both

well linked to the city center. We extend the Vampilova street from the Pervomayskiy central area to the new Strizhi development, combining all types of transport (car, bus, bike, walk), such as a boulevard.

2. **Elaboration of the east-west «Promenade».** We propose the implementation of an east-west axis to connect it with the city at many different scales. At the large area, to connect the microcenter with the natural city system. Secondly, to link the Universitetskiy, Pervomayskiy and the Sinyushina residential areas with each other and finally to connect the local natural surroundings (Kaya- & Demyanouka river) between them. At the local scale we improve the public spaces along the promenade.

3. **Reinforce the Pervomayskiy square.** We propose to develop the commercial and

facilities functions, to improve the gathering function by designing a main place, «the square» and re-organizing the main bus station.

4. **Creating a network of microcenters.** We improve the different open spaces between the housing and create some microcenters in the neighborhood with diverse proposals for diverse targets, for example a camping area in a forest glade, or an open-air amphitheater for cultural activities, or some dogs parks. In this way we will create a constellation of open spaces that put the Pervomayskiy micro district together.

Our project «Pervomayskiy feat Strizhi» focuses on the area between the Pervomayskiy square and Strizhi. The improvement of this link by a promenade, programs and qualified public spaces will increase the

quality of life of the inhabitants.

We are proposing a creative point of social attraction for the inhabitants who live around the Pervomayskiy, we could have an urban structure extremely flexible and adaptive to various functions and scenarios. Firstly, our object is to construct a popular place that provides an environment of more comfortable pastime for the citizens of all ages, as well as an art object. The main reason of this creation is to satisfy citizens' daily needs. It's also an act to condense activities and to develop a sustainable system in this area.

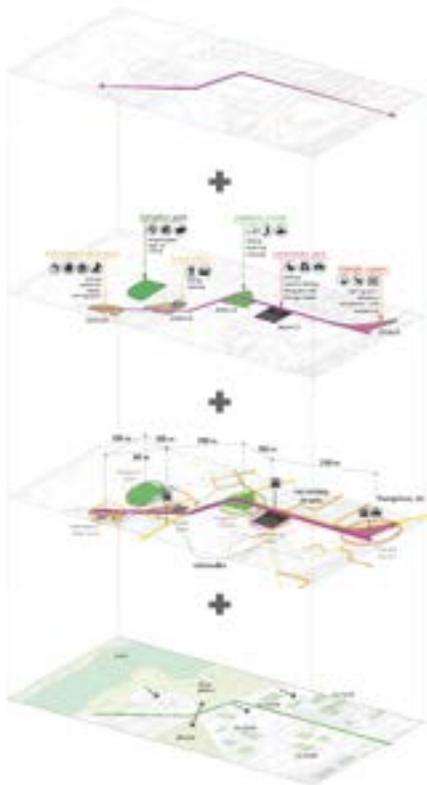
1. **Triangle square.** At the confluence of Vampilova street and the dead end of the bus station is a private parking, here we design the Pervomayskiy main place: «the triangle square».

Команда А: Первомайский с ЖК «Стрижи»

Микрорайон Первомайский (Свердловский округ) – ул. А. Вампилова /

TEAM A: Pervomayskiy feat Strizhi

Pervomayskiy microdistrict (Sverdlovsky district) – Vampilova street

Описание площадки

Проект Первомайского разработан в проектом институте «Иркутск-гражданпроект» в 1970–1990-х. Первый микрорайон застраивался по принципу строчечной застройки типовыми проектами сер. 1-335АС, 1-306С. Для последующей застройки был принят принцип непрерывности жилых групп с перетеканием пространства и созданием уютных сомасштабных дворовых пространств. Межмикрорайонная тер-

ритория решается как парк, хорошо озелененный и благоустроенный.

Общественный центр проектируется в зоне парка на повышенных отметках. В составе микрорайона выделена территория под коттеджную застройку.

Проект команды

В основе концепции микрорайона Первомайского, где проживает около 30 тысяч человек, лежит организованная система городского развития с улицей Вампилова в

качестве главной оси района. Дома, построенные в советский период, малоэтажная частная застройка, дачные кооперативы, различные зеленые насаждения, природный ландшафт – все это контрастирует друг с другом и вместе представляет собой лишь отдельные фрагменты, которые не могут создать полноценную композицию без объединяющего элемента.

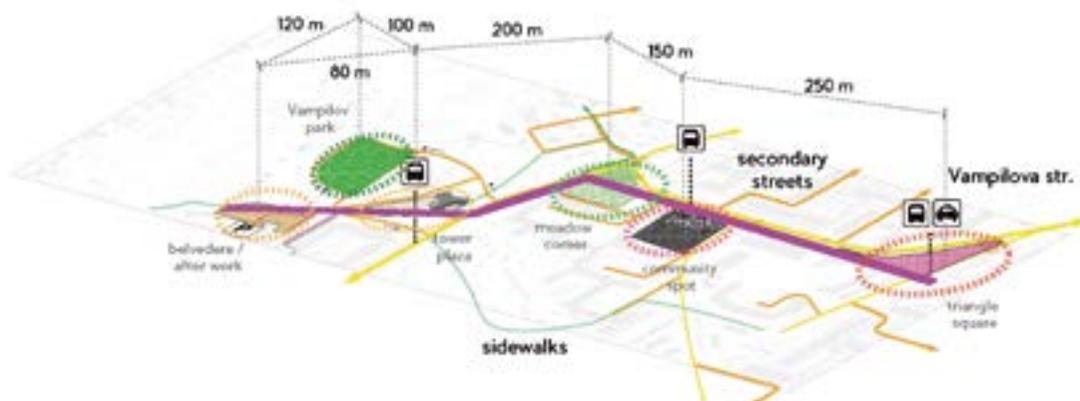
Командой выбраны четыре основных направления развития микрорайона:

1. Повышение урбанистического значения улицы Вампилова, как «позвоночника» района. Предложение – создание зеленого бульвара на участке улицы Вампилова между сквером «Первомайский» и ЖК «Стрижи». Улица Вампилова должна стать complete street – улицей, предназначенной для всех участников движения: велосипедистов, пешеходов, общественного и частного транспорта.

2. Планировочная ось «Восток – Запад». Данная ось объединит западную часть микрорайона с соседним микрорайоном Университетским через ЖК «Стрижи», конечную автобусную остановку и дома советского периода постройки.

3. Сквер «Первомайский». Площадь конечной автобусной остановки должна стать многофункциональным общественным пространством.

4. Система подцентров. Различные открытые пространства между зданиями будут улучшены для создания подцентров с набором разных функций (кемпинг-зона,

2. **Community spot.** This place is located along the Vampilova Street, with a bus station, surrounded by soviet housing and presently there are a little green space, an unorganized parking spot and in front of this place is the N. 6 middle school. We program this place like a community place, for the inhabitants around the Pervomajsky and the teenagers of the school, it's a place to stay, to play, to wait and to share.

3. **Meadow corner.** This space is located on the intersection of four streets, at the end of Vampilova street. Presently it's a little playground for children with a lot of lawn. In the west of this space is an old housing area with private garden and the forest behind. We design tiny hills like a landscaped playground. We plant wild flower with some patchy trees, like a meadow, and the prome-

nade goes across the meadow. The «meadow corner» is a place to relax, to rest, to play and to explore.

4. **Tower plaza.** We recommend designing a place "tower plaza" with trees, furniture in the south of this tower. Furthermore this plaza will be provided by enriched cultural and recreational activities.

5. **Belvedere after work.** In the south-west of Pervomayskiy, there is the cooperative garage area. We improve this area with the end of the promenade and the design of a public space.

6. **Alexander Vampilov park.** We suggest to add a greenamphitheater for the people who appreciate theatres, outdoor cinema, music festivals in the summer. At night, they can also enjoy light festivals with a lot of lighting.

амфитеатр под открытым небом, парк для прогулок с собаками).

Вдоль улицы Вампилова команда предлагает создание променада – комфортного общественного пространства для пешеходов. На тех участках улицы, где сосредоточено наибольшее количество жителей, будут созданы точки социального притяжения с особенной атмосферой, уличной мебелью.

Проектное предложение подразумевает объединение частей микрорайона путем формирования единой системы общественных пространств.

1. Треугольный сквер. На развилке улицы Вампилова, в районе конечной автобусной остановки, сегодня находится платная парковка – именно на этой площадке команда планирует создать сквер «Первомайский».

2. Внутридворовое общественное пространство. Это место про-

ектируется как «маленький город» для жителей и учеников школы. Таким образом, создается место, где можно отдохнуть, поиграть и подождать ребенка.

3. Башенная площадь. Команда предлагает организовать пространство, прилегающее к будущей Башенной площади, с использованием натуральных материалов, деревянной уличной мебели и с игровой зоной.

4. Бельведер для отдыха после рабочего дня. Команда предлагает улучшить конечную точку променада, обустроив там общественное пространство. Предусматривается создание связи между гаражным кооперативом и жилыми домами, частной территорий и общественным пространством, пешеходных дорожек к реке Кае как продолжения променада.

5. Парк им. Александра Вампилова. Предложение команды

Состав команды

Марк Черняк / ИРНИТУ, студент-архитектор / Иркутск, Россия

Винсент Морачини / градостроитель / Франция

Сантьяго Виван / Технический университет Карлсруэ, магистрант-архитектор / Карлсруэ, Германия

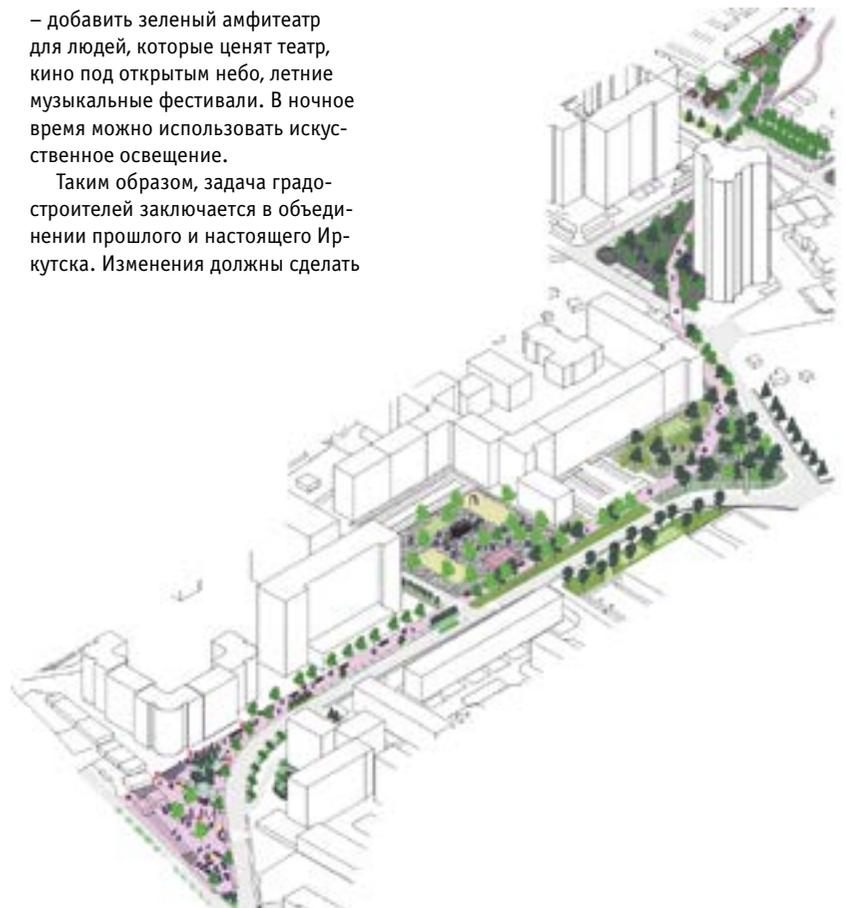
Марина Попова / ИРНИТУ, студентка кафедры менеджмента и логистики на транспорте / Иркутск, Россия

Хэ Сюань / градостроитель / Страсбург, Франция

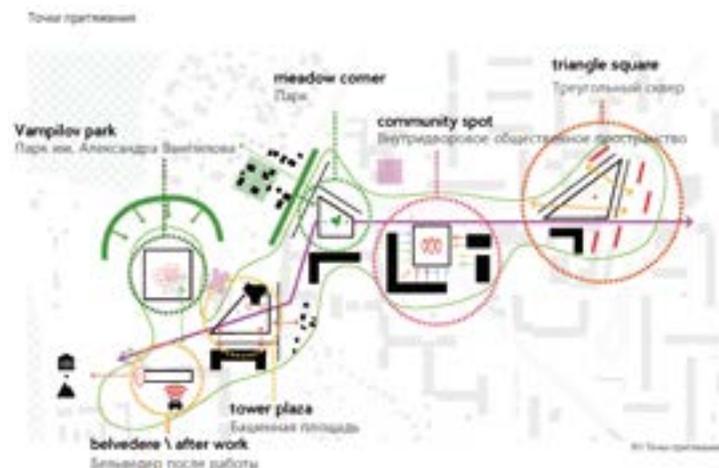
Ассистент: Алена Семиусова / архитектор / Иркутск, Россия

– добавить зеленый амфитеатр для людей, которые ценят театр, кино под открытым небо, летние музыкальные фестивали. В ночное время можно использовать искусственное освещение.

Таким образом, задача градостроителей заключается в объединении прошлого и настоящего Иркутска. Изменения должны сделать

город более устойчивым к будущим преобразованиям, а единая система общественных пространств дает возможность повысить качество жизни в микрорайоне и сделать его более привлекательным для жителей недавно построенных жилых комплексов.

образование

The project site is an uncomfortable street because of the underused and unidentified open spaces, the lack of daily life facilities and the car traffic which creates weak intersections. However, the presence of reachable big natural amenities, the big amount of activities and mixed population and the opportunities created by these open spaces are real strengths that we can enhance.

Our proposal is led by 3 main points:

– Re-connect the site to the natural amenities. Our proposal is to give directions to these sites by means of boards (to river, to park) and to provide the missing links like paths and pedestrian cross from the project's site to the park.

– Create a system of sharing and provide the spaces to implement it. Our proposal

is to create a system of sharing so people from the neighbourhood can share time, knowledges and create things together. In that way we want to create a well working neighbourhood.

– Provide a North/South continuity by re-designing the intersections. The 3 intersections are really uncomfortable and produce gaps in the North/South path. Our proposal is to re-design them in order to provide a continuous road from North to Angara's river.

Create the missing links

The project provides access to the two big natural sites by installing signs, boards and designing the missing links such as paths and crossings. These two light interventions are an efficient way to allow access to the

park and the Angara's river.

Creation of the missing links provides access but also strengthens the whole neighbourhood infrastructure. Our proposal is to re-design intersections and to provide a continuity to this street.

South from the project's site, the intersection issue is resolved by a tunnel. It starts from a park and ends to the existing pedestrian arborated path. In the middle of our street, the intersection is designed as a hub where each inhabitant and user can use several kinds of mobility such as car, bicycle, tramway and bus line. The intersection is designed as a «plateau». In that way, the pedestrians can cross the street without any level change and in a very continuous way. In that way the pedestrians' priority will be strengthened.

North of the project's site, the proposal closes one of the car access from the highway to offer more space and create urban gardening and a playground on the top of the intersection. In that way, this little hill is protected from car traffic and offers an animated view from the road.

Transform the Open Spaces into a shared space

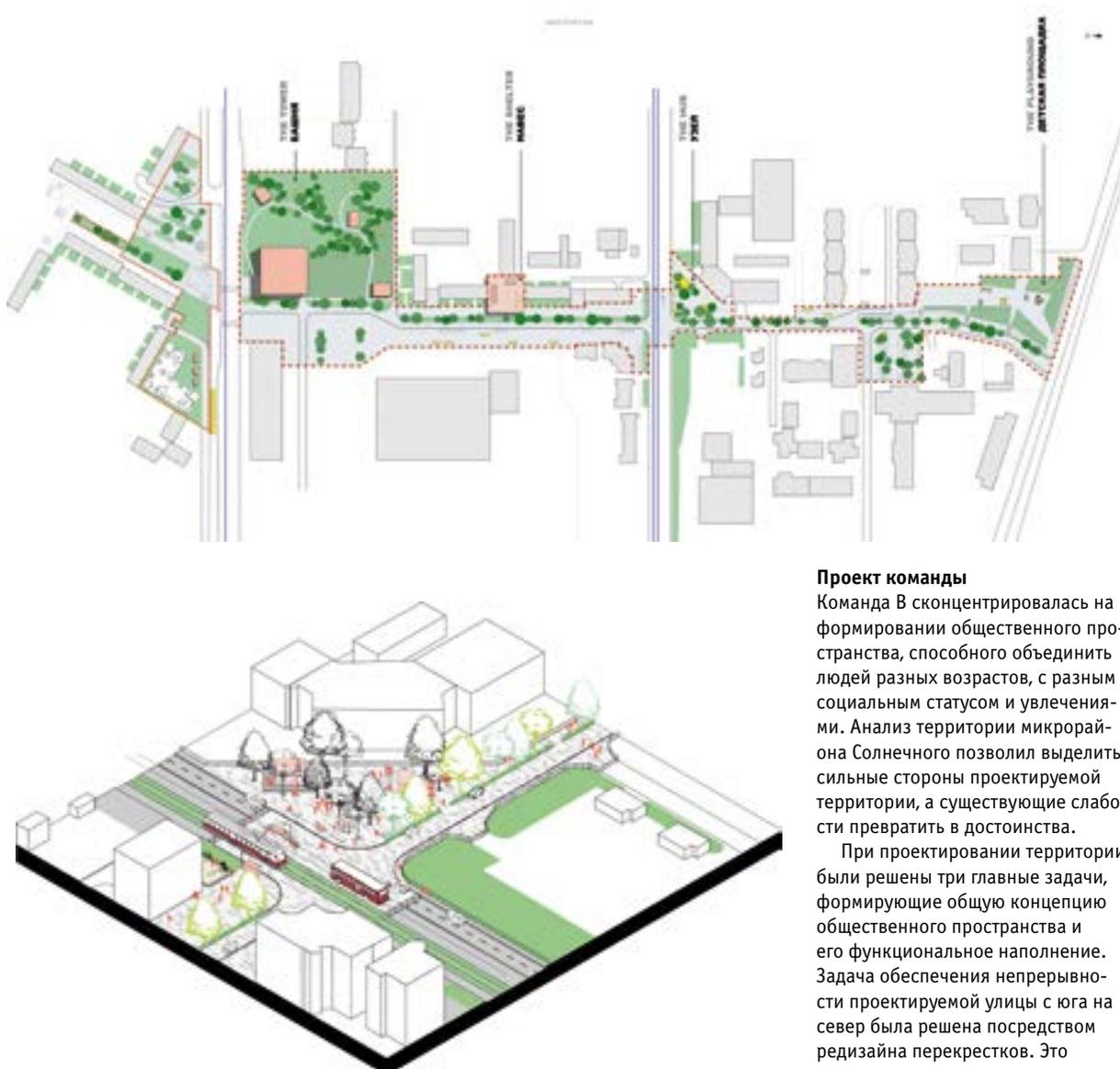
At the neighbourhood scale, the main strategy is the utilization of all the public and unused open spaces. These open spaces will be filled with new facilities which can be used by each inhabitant of the neighbourhood: a new leisure and recreational park, a skateboard park, two urban gardening squares, bars, cafes and grocery shops.

Команда В: «От неиспользуемых открытых пространств к общему городу»

Микрорайон Солнечный (Октябрьский округ) – ул. Дыбовского (остановка «Сибэкспоцентр») /

TEAM B: From Unused Open Spaces to a Shared City

Solnechny microdistrict (Oktjabrsky district – Dybovskogo street (Sibexpocenter stop)

странство проектируемой улицы, разделенное на три части магистральными дорогами городского значения. Была изменена схема подъезда транспорта на территорию, а также создано так называемое плато – подъем высотой 15 см, позволяющий пересекать перекресток без изменения уровня движения пешехода.

Важную часть в проектом решении играет воссоздание связей с окружающими территориями. Территория окружена природными ландшафтами и пересекается магистральными улицами городского значения, воссоздание пешеходных и транспортных связей с которыми позволит связать проектируемую улицу в единую систему с другими общественными пространствами города и обеспечить ее доступность для жителей города.

При разработке функционального наполнения проекта большое внимание было уделено созданию объектов повседневного использования, способных собрать в одном месте самых разных представителей местного сообщества. Так, командой было предложено создание кафе, предоставляющего услуги починки вещей (repairsafe); мест под городские огороды, соседствующих с детской площадкой; территории для проведения мероприятий районного масштаба, таких как ресторанный день или рынок выходного дня, и универсального пространства для организации мероприятий – так называемого навеса.

Для координации работы всех элементов создаваемой структуры

Проект команды

Команда В сконцентрировалась на формировании общественного пространства, способного объединить людей разных возрастов, с разным социальным статусом и увлечениями. Анализ территории микрорайона Солнечного позволил выделить сильные стороны проектируемой территории, а существующие слабости превратить в достоинства.

При проектировании территории были решены три главные задачи, формирующие общую концепцию общественного пространства и его функциональное наполнение. Задача обеспечения непрерывности проектируемой улицы с юга на север была решена посредством редизайна перекрестков. Это позволило визуально связать про-

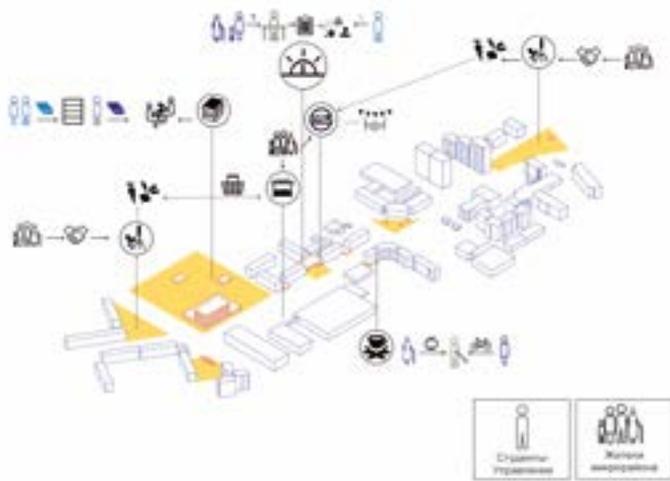
Our proposal is to provide new facilities focused on the idea of sharing: a repair cafe, urban gardening, flea markets, book shelters etc. Most of the new facilities, activities and furnitures are provided for people to meet, share their knowledges and create things together.

Another proposal is the creation of a website: solne exchanges («solne» comes from the site project: solnechny which means sun). In that website, people can get a service in exchange to another service. This site will also inform about upcoming events and the whole project.

These two proposals are a way to give a spirit of sharing in the area and a strong identity.

Design a shared street to provide a continuous space

All these new facilities designed in the former underused open spaces will be linked by one unique space: the shared street. This shared street is a unique space where cars, pedestrian and bicycle circulate at the same level and where the pedestrian has priority. The shared street provides continuity all along the project's site and offers a comfortable space for inhabitants and visitors to walk on.

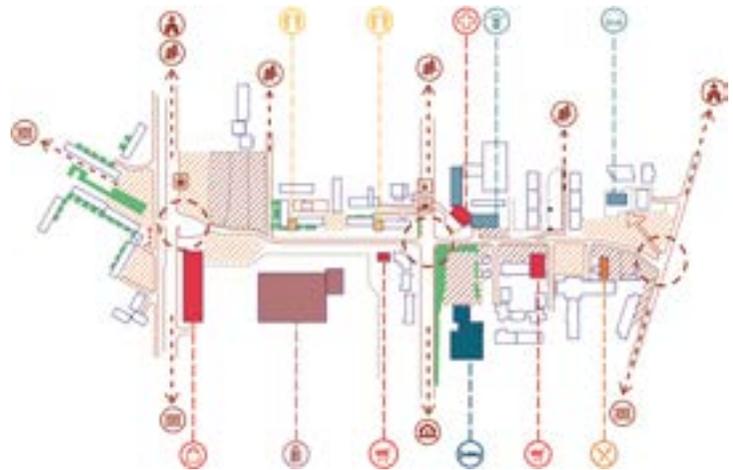
предлагается создание информационного центра для жителей района, а также сайта solne exchanges, на котором будет размещена информация о проводимых мероприятиях и оказываемых на проектируемой территории услугах.

Таким образом, территория, предназначенная для развития в первую очередь местного сообщества, по общему убеждению команды, имеет потенциал стать точкой притяжения для жителей всего

Состав команды

Соня Те Хок / архитектор / Париж, Франция
 Имад Сакр / архитектор / Алджатун, Ливан
 Сара Бастуббе / Технический университет Карлсруэ, магистрант-архитектор / Карлсруэ, Германия
 Татьяна Данилова / ИРНИТУ, студентка кафедры архитектурного проектирования / Иркутск, Россия
 Вениамин Мусинцев / ИРНИТУ, студент кафедры менеджмента и логистики на транспорте / Иркутск, Россия
 Ассистент: Ахмед Атеф / Александрийский университет, аспирант-градостроитель / Александрия, Египет

города и дать толчок к дальнейшему развитию микрорайона Солнечного и прилегающих к нему территорий.

Leninsky District is located in the northern part of the city of Irkutsk. Bauman street is our site of intervention.

Our concept consists of the restoration of the feeling of appropriation and appartenance of the people of Leninsky district to their neighborhood, through a participative approach that will be suggested to them by making them contribute to the creation of activities and the space management of their own district.

Leninsky district will be a pioneer experimental Laboratory for innovation and creativity for spontaneous social and cultural manifestations and events by the people for the people.

This sustainable approach will be reflected also in our urban planning, design and

architectural choices, which will be mainly based on a flexible malleable quality of space offering a maximum of freedom and liberty.

The identity of the Bauman Boulevard is based on the concept of an experimental public space. It is never the same, always renewing, dynamic and socially interactive. The place is a system of third spaces changing constantly according to the social needs and the interest of people, by the people for the people. Bauman Boulevard will never be boring, there will always be something new.

Our proposal is based on the «natural» axis of pedestrian traffic. This will allow slow displacements and human scale and connect the different functions existing on the site. Then the triangulation of activity (for example kindergartens) allows to assign

a thematic to the central space in accordance with inhabitants' needs.

However, motorized mobility is taken into account with the new parking spaces creation. The distribution of bus stops is functional. It is aimed to encourage and ease the use of public transport according to human activities and the concentration of people, rather than on the existent mathematical distribution.

We renew the meaning of public spaces by connecting the two Bauman Street «shores» thanks to the potential unqualified central space. Some objectives appear: giving back this common space to pedestrians, meeting their expectations and giving added value to their street.

EXAMPLE OF SCENARIO

5 scenarios were created on the base of 5 profiles (for summer and winter). The scenarios are realistic. For example, a family uses existing functions (school, bus) and new functions (parking, amphitheatre, new bus stop).

We tried to take advantage of the existing topography of the site by using it for functional purpose without imposing big built up masses to keep the space open and flexible. Certain third spaces such as the amphitheatre, car parking, services are hidden from the urban view. Our promenade flows the shape of the site creating different layers of terraces.

Команда С: «Людьми для людей»

Баумана (Ленинский округ) – улицы Баумана и Розы Люксембург /

TEAM C: Bauman Boulevard. By the people. For the people

Bauman street (Leninsky district) – Bauman and Rosy Lyuksemburg streets

Проект команды

Улица Баумана расположена в Ленинском округе Иркутска, в северной части города. Площадка проектирования практически не используется в соответствии с мастер-планом – в настоящее время это фактически пустырь.

Исходя из собственных наблюдений во время пребывания на площадке, функционального анализа территории, а также социологического опроса в сети «ВКонтакте», команда выделила две основные проблемы данного места: пространство практически не используется людьми, и оно не сомасштабно человеку. На основе этого, а также с учетом осмысления названия улицы (Бауман – «согражданин», Николай Бауман – российский революционер) и построена концепция данного общественного пространства.

Project lucrativity

Our team is fully aware of the need of making the project profitable and we intend to make it feasible through two main principles:

– The task minimum: create a public space which is partially autonomous, autosufficient and financially independent from the city budget.

– The task maximum: make the project economically effective to provide the opportunity of making a financial profit and job opportunities for the local people.

Проект должен помочь жителям Ленинского округа восстановить чувство сопричастности району. Идея команды – предоставить им возможность внести свой вклад в определение и создание видов активности, самим поучаствовать в организации пространства (слоган проекта: «Людьми для людей»). Для этого создается экспериментальное общественное пространство, которое в то же время способствует возникновению новых взаимосвязей между жителями района. Такой устойчивый подход отражается также в градостроительном планировании, архитектурных и дизайнерских решениях, которые базируются на принципах гибкости и пластичности пространства, предоставляя людям максимум свободы.

Для того чтобы сделать пространство бульвара сомасштабным человеку, вся территория разделяется на пронумерованные модули с комфортными для человека пропорциями, и таким образом каждый квартал получает свою идентичность.

Улица Баумана – это современный тип бульвара. Значение места обновляется путем соединения двух «берегов» улицы Баумана центральным пространством. Таким образом решается несколько задач: возвращение общественного пространства пешеходам, придание месту дополнительной ценности (при этом для обеспечения безопасности принят ряд мер по снижению скорости автомобилей).

Для создания экспериментального изменяющегося общественного пространства используются: третьи пространства (пространства между домом и работой, такие как бары, рестораны, салоны и другие) в мобильных зданиях и киосках; пешеходные дорожки, выполненные из мобильного материала, расположенные в соответствии с реальными пешеходными направлениями; пространства, построенные жителями, такие как детская площадка, созданная родителями для их детей; переносные многофункциональные колонны с унифицированным креплением, которые можно использовать как ножки столов, крепления для экранов, перголы, для подзарядки электронных гаджетов, освещения и т. д.

В то же время Бауман-бульвар визуально и фактически объединен

Состав команды

Мария Табитуева / ИРНИТУ, студентка кафедры архитектурного проектирования / Иркутск, Россия

Данил Арефьев / УрГАХУ, магистрант кафедры городского дизайна / Екатеринбург, Россия

Марва Зиди / архитектор / Дели, Индия

Михаил Решетников / БГУ, студент факультета менеджмента инвестиций и бизнеса и недвижимости / Иркутск, Россия

Селин Таттегрейн / Университет Страсбурга, магистрант-градостроитель / Стратсбург, Франция

Ассистент: Энтони Зреб / дизайнер городской среды / Милан, Италия

не только единой атмосферой, но и променадом, проложенным по всей его территории, в центре которого проходит «голубая линия», местами выступающая вертикально в виде уличной мебели, с помощью чего этот основной ориентир можно увидеть в любое время года.

Для рационального использования топографии местности были добавлены следующие функции – амфитеатр, горки и т. п. с использованием естественного уклона, а также подземные парковки. Визуальное разнообразие району добавляет террасирование, в том числе в зимнее время.

Бауман-бульвар (Баулаб) не только физическое общественное пространство, но и виртуальное. Концепция предполагает разработку мобильного приложения, позволяющего своевременно узнавать о проходящих здесь мероприятиях, Бауман-карты, дающей доступ к скидкам на территории бульвара.

Бауман-бульвар должен все время изменяться и насыщаться новыми функциями и трендами. Это динамичное и интерактивное место будет меняться для людей в соответствии с их потребностями, желаниями и интересами.

образование

The site is located in Irkutsk, in Energetikov district, on Akademicheskaya street which is one of the principal axis of the district. It contains residential areas and planned renewed residential ones on the Western part of Stasova street, and new commercial and sport areas on an actual unused area, in the central part of the site, surrounded by Stasova street northward, Kostycheva street westward and Geologov street eastward. The site contains two important bus stations on Akademicheskaya street and Lermontova street, eastward.

The main idea is to renew and improve the existing network and to develop a new centrality for the district along an important axis. This axis is the actual Stasova street and would be developed like a boulevard. It will be part of the global network of the

city and the principal axis, the identity of the local network. The boulevard will be the necklace that will join on the one hand the city with nature, and on the other hand existing and missing activities areas, which would be the pearls.

PLANNING AND DESIGN

The boulevard will begin in the prolongation of Stasova street on the east and end at the intersection with Lermontova street at the west. The project focuses on designing a Boulevard that welcomes district pedestrians on cultural, sharing and recreational areas. To make this area comfortable for every pedestrian where cars are just invited to pass through is another very important aim for the project. The two extremities of the boulevard are planned. The crossroad with Kostycheva

street will allow cars to cross the boulevard slowly and the design will mark that place as a slowing area. Then the crossroad with Lermontova street will be divided into a large pedestrian area and a light signal controlled crossroad. Then pedestrians would perceive this area as their own.

The boulevard will provide playgrounds for children, ice skating area in winter or greeneries, places for selling food, change skiing or ice skating shoes and park bicycles for example. It is designed to provide a larger side for pedestrians, on the south side, and a new entrance for the unqualified area. This space will be the place for urban activities such as seasonal markets. This design has been divided in three parts, the two extremities of the boulevard and the area around the bus station. They represent the three pearls

in our necklace. The design is based on the topographic map, and follows the contour lines shape.

The first part will be the "Gate" of the boulevard. This gate will welcome pedestrians coming by bus in comfortable and warm bus stops with an urban forest created by a special roof. Under this roof, farmers and sellers will offer their products on a food market. This place will also be the mark of the boulevard entrance for car drivers too.

The second part is the boulevard by itself. The idea is to create a multifunctional area which has the ability to change rapidly. This idea is reached by making the area spacious and simple, using only necessary equipment.

Then the last part, the "Stand-off and breath area", will provide calm parks, playgrounds and terraces for the first floors ac-

Команда D: «Городское ожерелье»

Поселок Энергетиков (Свердловский округ, мкр-н Радужный) – ул. Стасова, остановка «Поселок Энергетиков» /

TEAM D: A NETWORK – to connect the urban pearls

Energetikov district (Sverdlovsky district, Raduzhny microdistrict) – Stasova Street, Poselok Energetikov bus stop

Necklace

Проект команды

Для создания полноценного общественного пространства команда обратила внимание на взаимоотношения между городом, пешеходами и природой. Анализ городской ситуации выявил большое количество неиспользуемых открытых пространств на улице Стасова, которые, как бусины ожерелья, нанизаны на транспортную ось города. Данный образ «ожерелья» и лег в основу концепции команды. Он позволит объединить существующие и предлагаемые виды активности в один многофункциональный центр.

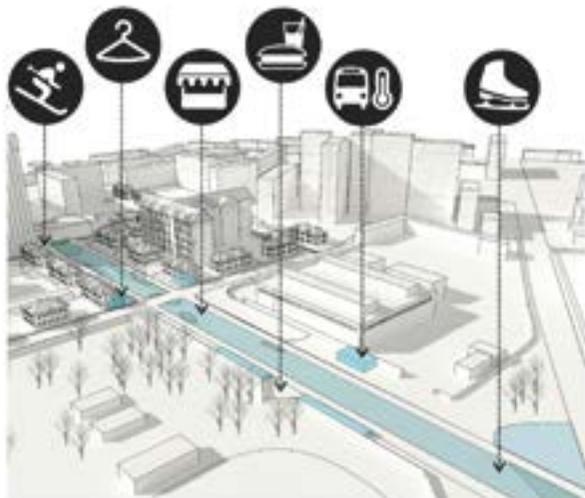
Главная особенность территории – ее расположение на выезде из города, в результате чего она является своеобразными воротами и связывает между собой

город и пригород. Именно поэтому командой на проектируемой территории предусматривается рынок фермерских товаров и стихийный сезонный рынок саженцев весной и летом.

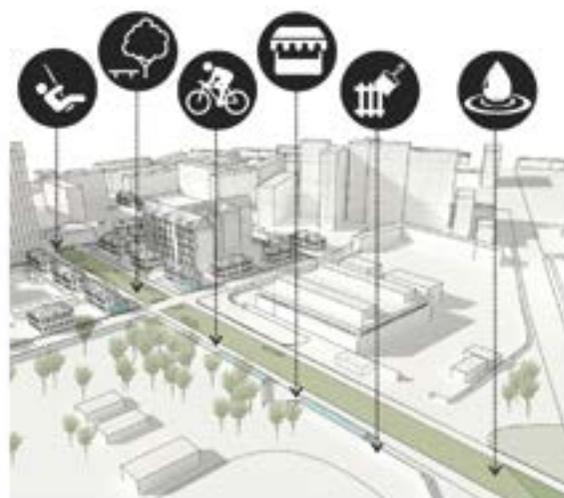
В проекте большое внимание уделено жителям района с их ежедневными потребностями. Проведенный командой социальный опрос жителей выявил нехватку общественных пространств в районе, таких как парк и игровые площадки, а также потребность жителей в сохранении сезонного рынка.

Команда предложила линейный общественный центр, состоящий из «приватного» и центрального бульвара, на продолжении бульвара по ул. Стасова. Разработка бульвара велась в соответствии с двумя принципами, предполагающими наличие физических и визуальных связей. Так, например, организация наземного перехода на перекрестке улиц Стасова и Костычева в виде платформы повысит безопасность пересечения перекрестка пешеходами за счет снижения скорости машин. Также предполагается установка информационных интерактивных стендов и создание тематических модульных пространств. Летом и весной это будет сезонный рынок с прилавками, или место для прогулок, или концертная площадка для музыкальных групп, кафе, киоски с мороженым, спортивные площадки. В зимнее время года бульвар будет использоваться как каток, место для прогулок, а в павильонах будет расположен пункт проката коньков,

Winter - Зима

Summer - Лето

tivities developed in the new buildings. The crossroad with Kostitchiva street will mark an entrance of the boulevard and is planned to be a pedestrian slowing area for cars.

REALISATION

The conception of the boulevard has been made in three steps. The first step provides the construction of the boulevard infrastructure (road, trolley bus infrastructure, lights, and bicycle paths). The trolley depot entrance will move to Kostitchiva street. The first part of the greenery will be planted (trees along the boulevard). Then the bus station will move onto the center of the new boulevard. Trees will be planted on the unqualified area as a forest. Then this forest will provide trees for the future design of the boulevard. The second step is planned

for one year. It provides to change the bus station into a warm bus station. This zone will be one of the “pearls” of our boulevard, with a food kiosk in winter and a moist area in summer for example. Other animations such as open library, greenery or playground will be other important points on the boulevard, as smaller “pearls”.

The third and last step, planned for 2030, according to the existing government master plan provides the renovation of the trolley bus, the extension of the boulevard and the use of grown trees in the first step. The boulevard will remain an important axis for the district, with new activities for citizens on the boulevard extension in the new buildings first floor.

касы и кафе. Главная идея такого общественного пространства – это его трансформируемость: например, в основе павильонов лежат переносные контейнеры, которые дешевы в использовании и легко переоборудуются.

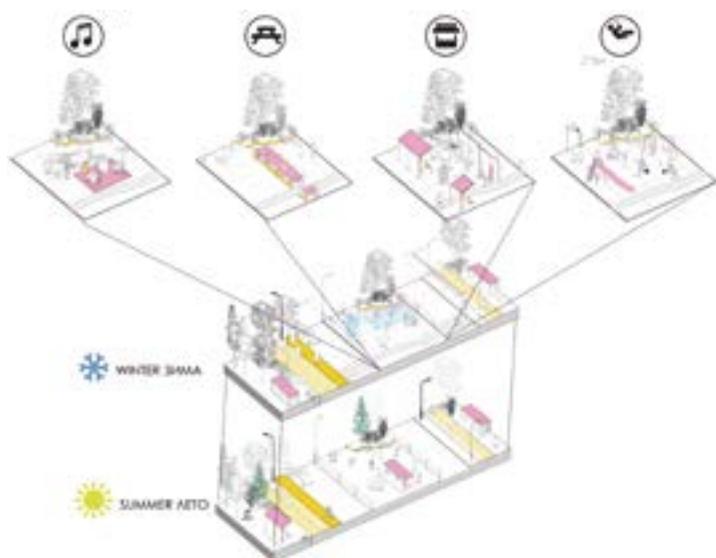
Пребывание на бульваре станет более комфортным за счет создания теплых автобусных остановок, зон общедоступного интернета, санузлов и стоек экстренного вызова спасательных служб. Все это будет способствовать круглогодичному использованию бульвара.

Еще одно предложение команды – использование территории бывшего стадиона под лесопитомник. Там планируется посадка местных неприхотливых растений, устойчивых к агрессивной среде. В

будущем предлагается высадить эти деревья на продолжении бульвара, а на данной территории организовать парк.

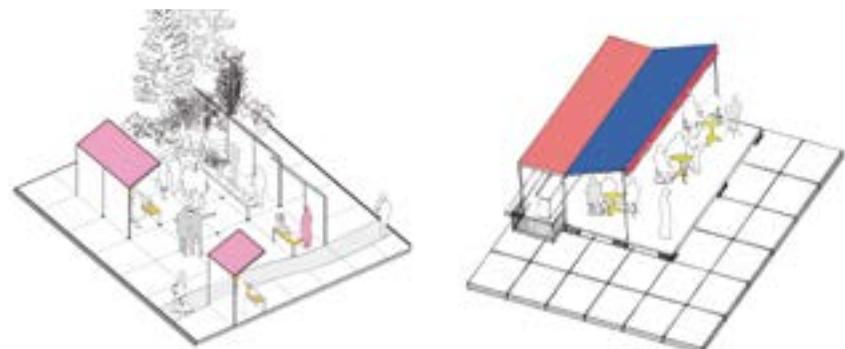
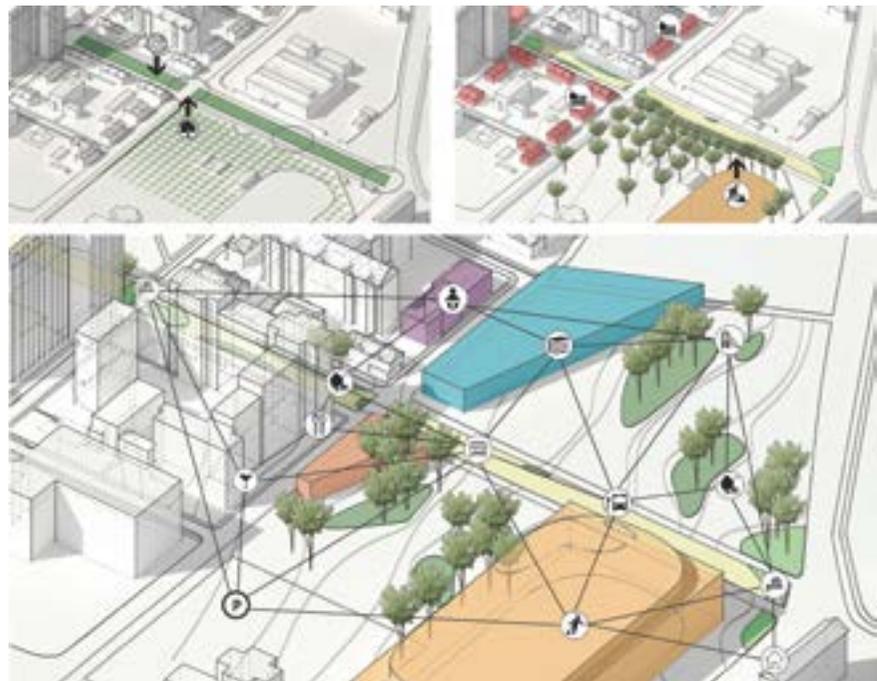
Проект задуман долгосрочным. Новый бульвар станет своеобразным «модулем», который можно будет использовать на территории, продолжающей проектируемый бульвар, как это предусмотрено в генеральном плане Иркутска.

Таким образом, за счет нового бульвара поселок Энергетиков получит пространство для досуга местных жителей, приобретет идентичность и тем самым расширит рамки локальной «специфики» района, перестав быть только промежуточным звеном между городом и пригородом.

Состав команды

Дмитрий Бочкарев / ИРНИТУ, студент ИАиС / Иркутск, Россия
 Мауд Лансу / Бредский университет, студент, дизайнер городской среды / Бреда, Нидерланды
 Леа Симерэй / Университет Страсбурга, студент, специальность «топография и землепользование» / Старстбург, Франция
 Валерия Ставицкая / градостроитель / Иркутск, Россия
 Александре Маргуере / ландшафтный архитектор / Версаль, Франция
 Ассистент: Станислав Соколов / ИРНИТУ, магистрант-архитектор / Иркутск, Россия

The Oktyabrsky district lays in the eastern part of the city of Irkutsk. Through this district several roads lead to the suburban areas around the city, Sovetskaya Street leads to the city center. Because of this, the site is crowded with cars during peak hours. The district also features the Irkutsk international Airport and is the first place where foreigners get their first impression of the city. On the city scale this area seems to have an important connecting function; it is Irkutsk's front door for a significant part of the neighborhood and also for people from all around the world. In reference to «polycentric city system» reasoning, our territory can develop into an Irkutsk's polycenter.

Concept proposal

In the concept we wanted to include all possible potentials for the location. The analysis of the project site pointed out three clusters. Each cluster contains existing activities focus on similar functions. There is the tourist, business and transport cluster on the South of the site. Many activities linked with the airport which guarantees the connection between Irkutsk and the rest of the world; this cluster should serve the city scale. The nature and recreational cluster is located on the Northeast and the educational, retail and cultural functions of the third cluster are concentrated all around the streets junction. These two clusters have to be attractive on the neighborhood scale because of the several activities which are more suitable for

a daily or a weekly use by the inhabitants of the district.

Implementation scenario

The Educational, retail and cultural cluster is our developing area base. The pedestrian mobility over the crossroads is one of our main issues to start the functions connection. The area which makes the corner between Shiryamova Street and Sovetskaya Street has a big potential to become the main public space of our district. Currently the major use of this zone is for parking but our goal is to improve the pedestrian mobility. We have to take advantage of the location which establishes the connection between shops, university, cultural center, library, former military school and bus stops

in Sovetskaya Street. Inhabitants, students and visitors can pass through this area to join other functions. It is a 360° open space which promotes the pedestrian mobility and the meeting points.

The internal zoning is adapted to the pedestrian access ways. First people from Dorozhnaya Street or students from the university will use a pedestrian bridge to cross the large intersection. Whatever their destination (shops, library, bus stop) they arrive in a green and safe area. Several greenery zones where people can play sports or just relax are distributed there and they are linked by raised paths which can be covered in winter. All inhabitants of this quarter have to enjoy the activities: children can play in the playground; elderly people can go for a

Команда Е: «Ворота в Иркутск»

Дорожная (Октябрьский округ) – ул. Дорожная, ул. Ширымова /

TEAM E: The Gateway to Irkutsk

Oktyabrsky district - Dorozhnaya Street Diagnostic

Проект команды

Команда Е разрабатывала проект реорганизации территории в Октябрьском районе под девизом «Ворота в Иркутск». Основанием для этого стало наличие на площадке такого важного в городском масштабе объекта, как аэропорт. Территория реорганизации рассматривается как место, где у гостей города создается первое впечатление об Иркутске. Через эту территорию проходит несколько значимых дорог: улица Урожайная – из предместья Рабочего; совершенно не приспособленная для пешеходов улица Дорожная, идущая из пригородных районов; улица Советская, ведущая в центр города, что является причиной высокого трафика и образования пробок в часы пик.

В концепции команда учла весь

возможный потенциал рассматриваемой территории. Анализ проектной площадки выявил три крупных кластера. Каждый кластер включает в себя существующее функциональное наполнение и может рассматриваться как самостоятельная единица. Однако чтобы территория смогла стать частью крупной полицентрической системы Иркутска, необходимо грамотно решить связи между этими значимыми кластерами, заставив их функционировать как единый публичный центр.

На юге располагается крупный туристический, бизнес- и транспортный кластер, большинство видов деятельности здесь связано с аэропортом. Выше – образовательный, торговый и культурный кластер, включающий образовательные и культурно-развлекательные учреждения, магазины и рынки. И

последний выделенный кластер – это крупный природный парк.

При проектировании команда приняла во внимание несколько городских проектов, которые могут кардинальным образом изменить

схему функционирования данной территории. И в результате были разработаны предложения поэтапного развития. На первой стадии планируется улучшение пешеходных и транспортных связей на

walk and then meet at the cafe. Partnerships can organize hustles at the amphitheater in summer, this place will transform into a skating rink in winter.

The purpose is to maximize the usefulness of this central place. The street design all around this area will highlight the pedestrian mobility. The walkway between the bus stops will secure, a green corridor will improve the access toward car parks relocated around the stores. The connection will link till the residential area of this road side and the square next to the airport. The pedestrian bridge will help to plan Dorozhnaya Street for both pedestrians and cars.

The beginning of the street is a two-lane dual carriageway. With the future highway access it will become a one-way street with

three lanes and one more at the crossing for the cars which turn left toward Shiryamova Street. It will create more space to build a larger sidewalk for the inhabitants from the residential area who want to go to do something in the educational, retail and cultural cluster or in the nature and recreational cluster. Some greenery lines will separate pedestrians from cars.

In contrast to other buildings, the entrance of the industrial zone along Dorozhnaya Street is not by the roadside. There are two car parks which are not appropriate to pedestrian mobility. Regarding the residential area project on this site, one place at least can become a common space without cars, in order to create a unique pedestrian access.

крупном перекрестке. С помощью создания пешеходного моста все пешеходные связи поднимутся над дорожным полотном, что повысит транспортную проходимость. Однако мост не только имеет высокую функциональную значимость для сложного перекрестка, но и выражает особенность места, дух этой части города, символизирующей ворота в Иркутск.

Следующая стадия – повышение качества городской среды на территории культурного кластера. На заброшенной территории будет создан рекреационный парк, включающий крупные зеленые зоны, игровые площадки и открытый амфитеатр, который может быть трансформирован в каток в зимнее время.

Введение новой магистрали возле аэропорта с направлением движения в сторону Байкала, а также реализация городского проекта создания новой улицы, ведущей от аэропорта в центр города, позволит улучшить работу улицы Дорожной. Количество полос уменьшится до трех, по направлению к центру города движение станет односторонним, так как часть трафика уйдет на новые магистрали. Тем самым появится новое полезное пространство для пешеходов.

Также разработан новый пешеходный маршрут, соединяющий два крупных кластера, – своего рода дублер улицы Советской, но для пешеходов.

И наконец, улучшение качества городской среды в природном и транспортном кластерах позволит

создать привлекательное и комфортное публичное пространство в рамках полицентрического города с организацией ежедневных потребностей для жителей без необходимости покидать район.

Состав команды

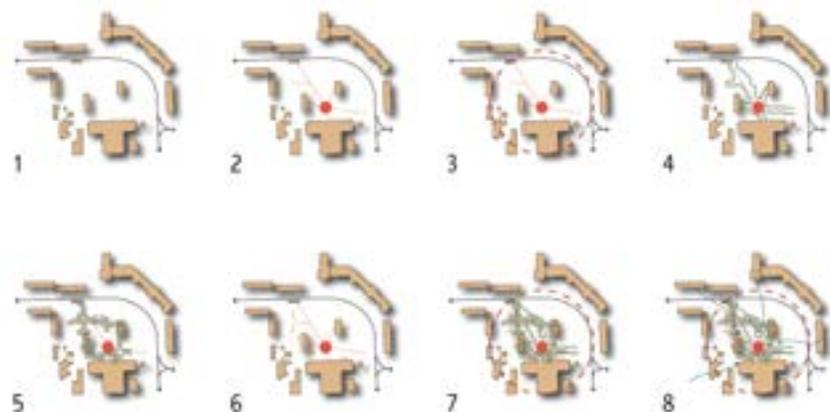
Наталья Кривонос / ИРНИТУ, студентка ИАиС / Иркутск, Россия

Мелани Адам / Университет Страсбурга / студент-градостроитель / Страсбург, Франция

Миленд Кембл / Школа планирования и архитектуры, аспирант / Виджаявада, Индия
Олег Унгаев / БГУ, студент факультета менеджмента инвестиций и бизнеса и недвижимости / Иркутск, Россия

Кай ден Холландер / Бредский университет, студент-градостроитель / Бреда, Нидерланды

Ассистент: Дарья Финакова / ИРНИТУ, магистрант-градостроитель / Иркутск, Россия

Поселок Кедровый Яр / Kedrovyy Yar Settlement

автор проекта
студентка Института архитектуры и строительства ИРНИТУ
Анастасия Жмыхова
руководитель проекта
И. Е. Дружинина

Проект занял диплом II степени Всероссийского конкурса архитектурных и дизайнерских проектов «Ордер воплощения – 2016», состоявшегося в Красноярске в рамках ежегодной выставки «Строительство и архитектура»

Площадка для проектирования поселка Кедровый Яр расположена в Балахнинском районе, в 20 км от Бодайбо Иркутской области, поселок рассчитан на 3 тыс. жителей.

Композиция поселка продиктована особенностями ландшафта: это местность в излучине поймы реки Бодайбо и распадке гор, между которыми протекает ручей. В процессе разработки эскизного проекта выполнен анализ природно-климатических и градостроительных условий, что отразилось на зонировании и планировке территории. Бережное отношение к существующим крупным зеленым массивам из сосны, ели и кедра и к главной доминанте ландшафта, реке, позволили создать гармоничную среду поселка, окруженного неповторимой сибирской природой. Въезд в Красный Яр осуществляется с транзитной магистрали Бодайбо – Артемовский с двух сторон.

Общественный центр поселка формируется вдоль главных композиционных пересекающихся осей. Пешеходная ось ведет от набережной реки через центр Красного Яра по каскадной эспланаде к храму, площадь которого является главной точкой восприятия панорамы поселка. Вторая ось представляет собой линейный общественный центр, акцентированный секционными домами, вдоль которого расположены объекты социально-культурного назначения. Эта ось имеет сложную форму, повторяющую очертания реки и рисунок рельефа, что создает гармоничное сочетание планировки с природной средой. Необходимый уровень комфорта обеспечивается достаточным количеством и удобным расположением в структуре жилой среды объектов культурно-бытового и социального назначения (средняя школа, два детских сада, медицинский центр, полицейский и пожарный участки,

храм), торгово-развлекательных центров (торговый центр, клуб), административного здания и автовокзала.

Особое внимание в проекте уделяется панораме и восприятию поселка с транзитной магистрали. Детский сад и школа со спортивным ядром разместились на пешеходной оси в парковой зоне и фиксируют взгляд в восприятии ближнего фокуса силуэта поселка. Расположение объектов в геометрическом центре обеспечивает удобные и безопасные связи с жилыми территориями. Второй план отмечен линией застройки секционными домами, которые являются фоном для объектов центра. Активный рельеф с перепадами высот (до 20 м) повлиял на размещение террасных домов на склоне горы, формирующих третью линию силуэта в панораме поселка.

Жилая застройка представлена секционными, террасными,

Генплан М 1:2000

блокированными и частными одно- и двухэтажными домами. По возрастному составу население проектируемого поселка состоит из детей (20%), взрослого населения (65%) и пожилых людей (15%). При увеличении численности населения перспектива развития поселения предусматривается выше по течению реки.

Важную роль в композиции поселка играет рекреационная зона, разделенная застройкой на два яруса. Нижний – расположен в пойме реки в прибрежной зоне и представляет собой парк с организацией набережной, спортивных и смотровых площадок, пляжной зоны. Верхний ярус парка опоясывает подножие холма и служит для жителей села местом отдыха, где расположены беседки, мостики и зоны тихого отдыха вблизи ручья.

Анастасия Жмыхова
Инна Дружинина /
Anastasia Zhmykhova
Inna Druzhinina

Экспликация

- 1 Храм
- 2 Производное здание
- 3 Торговый центр
- 4 Кафе
- 5 Администрация
- 6 Ручей
- 7 Гостиный двор
- 8 Полицейский участок
- 9 Администрация
- 10 Школа
- 11 Спортивный стадион
- 12 Детский сад
- 13 Предшкольный детский сад
- 14 Набережная
- 15 Пляжная зона
- 16 Автозаправочная заправочная станция
- 17 Больница
- 18 Автопарк

Проект реконструкции студенческих общежитий кампуса ИРНИТУ / Redesign of the Student Dormitories on the INRTU Campus

автор проекта
студентка Института архитектуры и
строительства ИРНИТУ
Надежда Наумова
руководитель проекта
И. Е. Дружинина

Проект занял 3-е место на смотре-
конкурсе «Градостроительство.
Иркутск-2015» в разделе «Проекты»

Концепция студенческого про-
екта реконструкции общежитий
ИРНИТУ направлена на увеличение
количества мест проживания для
иногородних студентов, улучшение
уровня качества жизни в общежи-
тиях и повышение комфорта рекреационных зон. Перекомпоновка общежитий открывает возможности для устройства дополнительных благоустроенных площадей на уровне земли, а также на эксплуатируемых кровлях, которых на данный момент недостаточно в кампусе.

Реконструкцию зданий общежитий предлагается выполнить по технологии встроенных строительных систем, которая предусматривает полный демонтаж перекрытий, перегородок, внутренних стен и других конструктивных элементов, оставляя наружные несущие стены. Такая технология позволяет осуществлять надстройку зданий независимо от несущей способности старых фундаментов и стенового ограждения, снизить объем работ по укреплению основания, усилению существующих фундаментов, а

также стен, способствует созданию более рациональной планировки помещений. Таким образом, каждый корпус реконструируемого общежития разделен на три секции с аварийными выходами через балконы. В каждой секции предусмотрены лифтовые шахты и системы мусороудаления. Существующие 5-этажные общежития надстраиваются 1–3 этажами, а в поперечном направлении к ним пристраиваются 5–8-этажные вставки.

В планировке и перепланировке блоков предусмотрена различная номенклатура типов жилых ячеек, рассчитанная и на размещение малоомобильных жильцов. Перепланировка блоков позволяет увеличить количество проживающих в общежитиях дополнительно до 74% и повышает качество их проживания в одно-, двух- и трехместных комнатах. Санитарные узлы рассчитаны на 3–5 человек, кухни и небольшие гостиные – на 27–30 человек.

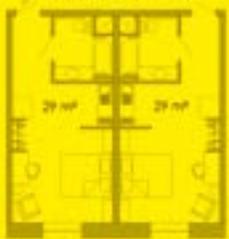
В проекте особое внимание уделено дворovým пространствам, которые приподняты на один этаж.

Во внутренних дворах предусмотрено благоустройство с организацией различных площадок для игр, отдыха и занятий спортом. Доступ в дворовые пространства осуществляется через арки в новых проектируемых блоках. В блоках предусмотрено въезд в подземный гараж-паркинг, расположенный под благоустроенными двориками. Для повышения комфорта проживания в зданиях размещены объекты обслуживания – кафе, социально-бытовые учреждения, библиотека и др. на уровне первых этажей. Вся территория оборудована пандусами для свободного передвижения мам с колясками и инвалидов.

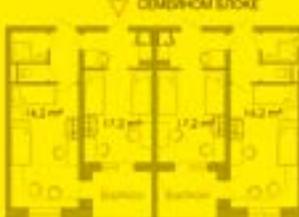
Для повышения звукоизоляции и энергоэффективности зданий предложена навесная фасадная система. Балконные конструкции установлены перед фасадом и опираются на металлические опоры, которые надежно крепятся к корпусам здания на анкерах.

**Надежда Наумова,
Инна Дружинина /
Nadezhda Naumova
Inna Druzhinina**

КОМНАТЫ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С
ОГРАНИЧЕННЫМИ ФИЗИЧЕСКИМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ

ЭНЕРГА НА 8 ЧЕЛОВЕК В
СЕМЕЙНОМ БЛОКЕ

ЭНЕРГА НА 5 ЧЕЛОВЕК

Существующая ситуация

Реконструкция

Новые общественные
пространства

Делается обзор выпущенной в 2015 году книги С. И. Медведева «Иркутск и иркутяне». Выделяются основные темы книги, дается характеристика визуального материала и возможностей использования издания для исследований городского пространства.

Ключевые слова: архитектура, Иркутск, фотография, открытка, портрет, архивы. /

The article observes the book "Irkutsk and its Citizens" by S. I. Medvedev issued in 2015. The article features the key topics of the book and characterizes its visual material and the possibility to use this issue for city space investigations.

Keywords: architecture; Irkutsk; photography; postcard; portrait; archives.

Актуальность прошлого / The Relevancy of the Past

Медведев С. И. Иркутск и иркутяне. Город и его жители на фотографиях и открытках. 1850–1920 / С. И. Медведев. – СПб. : Фаспринт, 2015. – 528 с. : ил.

В конце ноября 2015 года в помещении Иркутского художественного музея состоялась презентация книги С. И. Медведева «Иркутск и иркутяне. Город и его жители на фотографиях и открытках. 1850–1920». Книга продолжает и углубляет уже ставшее библиографической редкостью издание «Иркутск на почтовых открытках» (1996).

Книга соединяет несколько тем: историю города, историю фотографии в Иркутске, персоналии фотографов, пометки о музейной ценности той или иной коллекции, портреты иркутян разного возраста, социального положения и разного времени.

Когда-то приезжая екатеринбурженка, профессор-филолог, после экскурсии по историческому центру Иркутска заметила: «Какой прекрасный губернский город. Жаль, что все это скоро будет разрушено». Ее пессимистический прогноз, к счастью, осуществился лишь частично. И свидетельство этому – узнаваемость «центровых» мест города на тех открытках и фотографиях, которые любовно найдены (подчас в самых немыслимых архивах и семейных коллекциях) и тщательно подготовлены к печати С. Медведевым. Самым естественным образом в книгу вплетается тема сохранности архитектурного наследия. Она касается не только интересных зданий общественного назначения: фотографии не пренебрегали панорамами массовой жилой застройки, по большей части утраченной к настоящему времени. Отбор точек для фотографирования и филокартирования демонстрирует представления авторов снимков о наиболее интересных (или наиболее типичных) видах города, репрезентирующих его характерные особенности.

Заинтересованный читатель имеет возможность сравнить нынешний и исторический облик центральной части города. Происходит узнавание – неузнавание: комментарии к открыткам и фотографиям вводят облик архитектурных памятников в контекст современного Иркутска и – одновременно – позволяют узнать в привычных очертаниях архитектурные памятники. А примечания к тексту и визуальному

материалу позволяют еще точнее соотнести исторические наименования улиц, площадей и скверов вкупе с находящимися на них зданиями с современной панорамой. Книга С. Медведева помогает и в топонимической дискуссии, которая уже много лет ведется на страницах региональной печати, в СМИ и сетях, о возвращении улицам исторических названий. Читатель должен предпринять определенное усилие, чтобы соотнести современные реалии с историческими и оценить возможность и необходимость возвращения прежних названий и – шире – исторической памяти городу, который ее достоин. А комментарии к фотографиям не менее интересны, чем сами фотографии; они дополняют и делают стереоскопическим образ Иркутска.

И автора, и читателей (зрителей), конечно, интересуют жизнь городских улиц и окрестностей города: они документальны, останавливают мгновение события. Но с какого-то момента просмотра я поймала себя на желании попристальнее взглянуть в облик людей. Да и сам С. Медведев пишет, что ценность фотографий не только в их художественном качестве: «Мы оцениваем их как пласт культуры ушедшего времени, где документально верно сохранены атрибуты быта, одежда и, может быть, достоинство портретируемых». Портретные фотографии в большей степени демонстрируют впечатление, которое желали бы произвести сами персонажи; они презентационны. Это лишь добавляет им еще одно

измерение: зритель улавливает, что именно изображенные люди хотели зафиксировать «для памяти», какое «послание» они отправляют в будущее.

Под открыткой, изображающей городской театр, С. Медведев делает замечание: «При раскрашивании открытки были стерты строительные леса и нарисован тротуар с рекламной тумбой и прохожими». Если просмотреть весь массив визуального материала книги, то станет заметной именно эта особенность: фотографам интересны люди, населяющие город. Они присутствуют везде: мастера фотосъемки запечатлевают ярмарки, праздники, юбилейные чествования... Учитывая, что Иркутск конца XIX века гораздо просторнее, чем сейчас, каждая фигура – будь то прохожий, пролетка с кучером или телега с возницей – выглядит гораздо более значимой для общего впечатления от съемки. Тем более интересны заснятые массовые сцены. Хочется разглядеть, чем торгуют на мелочном базаре, что виднеется в витрине ювелирного или кондитерского магазина. Сегодняшний интерес автора книги к повседневности, безусловно, отразился также в отборе интерьерных кадров, событийных фотографий и портретов.

Книга С. И. Медведева – результат кропотливого труда; она является ценным источником для краеведов, горожан, а также специалистов, изучающих городскую антропологию и ее отдельные темы.

Марина Ткачева / Marina Tkacheva

На Зеленой таял снег. 3–8 апреля 2016 года в Шерегеше прошел XI форум архитекторов-горнолыжников / Snow Melted on the Green. The 11th Forum of Architects -Mountain Skiers Was Held in Sheregesh 3-8 April 2016

Может, это не самое высокое место в стране, зато самое удивительное. Съезды лыжного клуба архитекторов проходят в Шерегеше, начиная с 2005 года, и каждый раз здесь другая погода, другой снег, каждый раз что-то происходит иначе, и каждый раз приезжать интересно.

Первая неделя нынешнего апреля в Таштагольском районе Кемеровской области была теплой и солнечной. Возможно, такой выдалась погода, а может быть, снег на горе Зеленой начал таять от особой, теплой и дружеской атмосферы, которую создали участники XI форума ЛКА, получившего три года назад имя собственное – «Архигеш».

В нынешнем формате «Архигеша» есть что-то нерациональное, что сложно объяснить.

Архитектурный рынок создает между коллегами дистанцию, которую они, как правило, не стремятся преодолевать. Тогда зачем сюда одновременно приезжает столько архитекторов? Ведь не для того же, чтобы покататься на лыжах. Не только для этого. «Архигеш» помогает сократить дистанцию, перевести конкурентные отношения на уровень общения. Это в обычной жизни архитекторы – конкуренты, а в Шерегеше они друзья. Сами участники ЛКА говорят, что главная ценность «Архигеша» в том, что здесь собираются единомышленники, здесь встречаешь старых друзей и обретаешь новых.

Здесь бывают горячие споры об архитектуре, но именно эти споры сохраняют дух принадлежности к одному цеху. Так говорят старшие.

Они же говорят, что надо привлекать молодежь, и делают это успешно: молодежи на «Архигеше» практически половина от общего числа участников.

Молодые, приезжающие сюда впервые, скорее всего, ожидают увидеть тусовку людей, которые собрались вспомнить свою молодость. Но когда все начинается: официальное открытие с презентациями команд, в которые вкладываются и творческие силы, и время, и энергия, лекции московских и питерских коллег из ведущих мастерских, знакомства и общение с коллегами из других городов, становится понятно, что это не для старшего поколения архитекторов, точнее, не только для старшего. Здесь быстро стираются возрастные границы и появляется ощущение архитектурного братства. Кто-то из молодых говорит, что кайф от всего этого словами не передать, кто-то ждет очередного «Архигеша» больше, чем Нового года. И это настоящее ожидание с заглядыванием в календарь: когда, когда, когда-а-а-а-а-а?!

Сергей Протос из Новокузнецка влюблен в ЛКА, для него важно общаться, хотя бы немножечко узнавать друг друга, знать, что происходит в профессиональной жизни в других городах. Именно здесь он встретил свою жену. А где еще Сергей мог найти такого близкого человека? Ведь здесь собирается столько ярких, творческих людей, с такой искрой в глазах и теплом в душах.

^ Построение капитанов на открытии форума

В этом году «Архигеш» побил собственный рекорд: число участников достигло 260, ряды архитекторов из Сибири, Урала и Санкт-Петербурга дополнили коллеги из Москвы, Адыгеи и Казахстана.

Московская команда, возглавляемая капитаном Александром Асадовым, в составе Марины Асадовой («Моспроект-4»), Юлия Борисова (UNK project), Антона Надточего и Веры Бутко («Атриум»), Натальи Смирновой и Даниила Лоренца (DNK) приехала на «Архигеш» впервые, как и представитель Адыгеи Беслан Урусов.

Организаторами «Архигеша-2016» выступили архитекторы из Томска. Все помнят 2010 год, тог-

да томичи тоже готовили программу и прием участников. И вот «выстрелили» их новые блестящие идеи: общее для всех команд домашнее задание – подготовить сюжет на тему кинофильма «Карнавальная ночь», и фильм, который снимался, начиная с приезда первых гостей, затем на торжественном открытии и представлении команд, на лекциях, соревнованиях, во время неформальных встреч и карнавального спуска с горы Зеленой. Тизер фильма был смонтирован к официальному закрытию «Архигеша» и показан под смех и аплодисменты участников. Спасибо томичам! Спасибо всем архитекторам из команд Новокузнецка, Кемерово, Москвы,

< Иркутская команда во главе с капитаном Андреем Красильниковым

Санкт-Петербурга, Екатеринбург, Новосибирска, Иркутска, Омска, Барнаула, Красноярска и Адыгеи!

**Марина Новикова /
Marina Novikova**

Прямая речь

**Вера Тен, главный архитектор
Новокузнецка**

Хорошо, что встречается такое количество профессионалов, очень полезно общение в неформальной обстановке, в том числе и обсуждение профессиональных проблем. И конечно, опыт наших коллег из Москвы, которые делали доклады

о своем творчестве, очень важен в первую очередь для молодежи. Хорошая погода, хорошее катание на горе и успехи в соревнованиях. География чемпионов расширяется: появляются новые, из разных городов, такие же активные, такие же спортивные, которые могут показывать хорошие результаты. Поэтому все, кто получил свои медали, увезли мечту, обязательно вернутся, чтобы покорить гору в следующем году. А кто не получил – будет стремиться к этому. «Архигеш» снова состоялся, для всех участников это очень большой заряд: и творческий, и спортивный, и эмоциональный – на целый год. И это здорово!

Рассматриваются тематические, изобразительные и содержательные особенности творчества сибирского художника Анатолия Погребного. Обсуждаются вопросы о значении исторического опыта живописи и культуры для становления индивидуального творчества. Описываются особенности натюрморта, тематических картин и портрета в творчестве художника.

Ключевые слова: изобразительное искусство, Анатолий Погребной, графика, живопись, портрет, натюрморт, творческая индивидуальность, история культуры. /

The article observes thematic, graphic and semantic peculiarities of the works by Siberian artist Anatoly Pogrebnoy. It discusses the significance of the historical experience of pictorial art and culture for the development of personal creativity. The article describes the peculiar features of the artist's still lifes, thematic pictures and portraits.

Keywords: fine art; Anatoly Pogrebnoy; graphics; painting; portrait; still life; creative manner; history of culture.

Живопись и судьбы / Paintings and Fortunes

^ Художник на фоне автопортрета

По склону Фудзи ползи –
На гору мечты...
Кобаяси Исса
(пер. В. Вяземского)

В сложном многообразии современного изобразительного искусства не теряются только самые значительные и оригинальные художественные явления. К таким явлениям относится творчество усть-илимского художника Анатолия Олеговича Погребного (1955), живописца с достаточно устоявшейся репутацией в художественной среде. Его произведения неоднократно получали самую высокую профессиональную и общественную оценку на региональном и всероссийском уровне.

Анатолий Олегович начал свою творческую деятельность в 1975 году, совмещая ее с производственной работой в мастерских художественного фонда Братска. Но уже первая персональная выставка состоялась у него в Иркутске в 1985 году. Именно тогда он заявил о себе как оригинальный, своеобразный художник с большим творческим потенциалом.

Не знаю, почему мне пришла в голову ассоциация с этим популярным хайку. Может, потому, что от прекрасной обстоятельной и разнообразной выставки Анатолия Погребного (Иркутский художественный музей, 21 января – 28 февраля 2016 года) самое первое впечатление – вдумчивая неторопливость и спокойствие?

За окном музейного зала остаются суета, скорость, опоздания, постоянные взгляды в айфоны и

погруженность в звуки, раздающиеся из наушников... В самом же зале нужно постоять, подумать. Здесь время замедляется, а в каком-то отношении и останавливается. Платон в одном из своих диалогов сближает момент времени с вечностью, называя его чудесным существом, которое во времени не пребывает. Но время содержит в себе и прошлое, и настоящее, и будущее. Этот парадокс кажется применимым к творчеству Погребного: время в его полотнах представлено не жестами, а жизнью души, имеющей длинную и непростую историю.

Мир вещей представлен художником весьма необычно: замершие маятники, взрывающиеся плоды граната, текущие швейные машинки, странно изгибающиеся шляпы, распахивающиеся крыши небольших строений, закутанное в покрывало пианино, лентой стекающие вниз клавиши рояля, никуда не плывущие, стоящие на вечном приколе корабли, опутанные веревками колеса. Каждый из этого множества предметов рассказывает свою историю, в которую еще надо вслушаться и понять ее язык. Магическое пространство полотен содержит какое-то иное время, чем то, в котором проходит повседневность: время – это память, рождающая архетипические образы, восходящие к памяти личной, семейной, культурной, к странным, но устойчивым ассоциациям. Вместе с тем видимое пространство картин предельно «свернуто», приближено к первому плану; в нем нет глубины, но только «авансцена».

Сам художник говорит, что когда он пишет натюрморты, то долго вглядывается в вещи, и тогда они показывают свою природу. Но природа вещей – это не что-то застывшее; она раскрывается как всеобщая взаимосвязь явлений, перетекание сущностей друг в друга, которое представлено наглядно, убедительно, а подчас и жутковато. Предметный мир показывает свою «оборотническую» природу соотношению потоку полубессознательных ассоциаций, который великолепно описан К. Паустовским в «Золотой розе».

Если сложны натюрморты, то еще большую сложность представляет большой цикл полотен, заключающих исторические аллюзии. Здесь в воображаемом пространстве и времени встречаются не только эпохи, но и культуры, и этнические типы. Связанные общей идеей, изображенные персонажи (их никак невозможно назвать действующими лицами!) автономны, скорее погружены в себя, чем обращены к «соседу» по картинной композиции. Все они одновременно предельно достоверны благодаря тщательно выписанным деталям

(детали женских платьев, металлические заклепки на шлемах рыцарей, перевить шнуров на головных уборах, музыкальных инструментах и масках), но в целом фантастичны и – если можно так выразиться – непредсказуемы.

Независимо от сюжета изображение вытянуто вверх и напоминает стилистику средневековой живописи, ритмически совпадающей с архитектурой готического храма. Кстати, детали одежды мужчин и женщин, репрезентирующих как «Запад», так и «Восток», также восходят к средневековым платьям

и доспехам. Они «абстрактно-средневековы»; это, скорее, отсылка к тому образу эпохи, который утвердился в сознании зрителя. Знаком родства со Средневековьем и Северным Возрождением выступают и визуальные цитаты, нередко проходящие перед глазами: то это реплика женского портрета Рогира ван дер Вейдена, то маска с чертами Франциска I. Родство со Средневековьем и Ранним Возрождением подчеркивается и тем, что содержательным элементом художественного образа выступает линия; я бы назвала ее «леонардо-

v Женщина с имбирем. 2012

вой», настолько отточена техника рисунка у А. Погребного. Картины этой серии напоминают то ли разворот средневековой иконабулы, то ли икону, а временами – окно в другой мир, обустроенный множеством примет сегодняшней жизни: пряжки ремней, ключи, скрученные куски проволоки с шурупчиками, непонятного назначения заглушки и колесики, припиленные на массивную, как бы несколько небрежно обработанную раму.

Автора постоянно тревожит оппозиция Востока и Запада, сложные взаимодействия и противостояния, которые воплощаются в различных версиях. Не случайно элементом многих картин этой серии стали различные версии масок: забрала; стилизованные бауты; отделившийся от клоунов грим, гигантские по сравнению с головами условно трактованные и отделившиеся от людей «слои» лиц, хищно загибающиеся и перетекающие то ли в музыкальные инструменты, то ли в клювы птиц; маски, надетые на маски, которые, в свою очередь, натянуты на личины, весьма натуралистично припиленные то ли к коже, то ли к очередной маске... Рисунок, который я бы назвала визитной карточкой автора, по-разному, но везде кстати форматирует изображение и, как следствие, смысл картин. В случае с рефлексией Восток – Запад он представляет «единую субстанцию» с общими закономерностями развития и приметам, создающими цельное содержание.

Внутренний стержень, объединяющий разные по жанрам, технике и сюжетам полотна я сформулировала для себя как отношение художника со временем. Особенно выпукло этот лейтмотив осуществляется в портретах. Среди них есть написанные на заказ, но большая часть представленных на выставке – портреты друзей и родных художника. Именно они кажутся наиболее удачными; может, потому, что «родовое проклятие» портрета – столкновение желаний заказчика и творческой фантазии живописца – в поле родственных и дружественных связей ощущается в наименьшей степени? Сам по себе интерес к изображению человека и его внутреннего мира мне кажется симптоматичным в контексте процессов, происходящих в современном изобразительном искусстве. Вспомним, что достижения искусства великой переходной эпохи в истории духовной культуры – Возрождения – связаны и не могут быть полностью представлены

без расцвета портретной живописи. Глубокие, психологически точные и яркие портреты и автопортреты этого периода создали драгоценный фонд мирового искусства. Кроме того, портрет требует виртуозного владения языком и художественным арсеналом реалистической живописи, технической сложной и разнообразной: при всей проблематичности сходства портрета и оригинала реалистическая манера дает наибольшую возможность создания иллюзии преодоления преграды между портретом и моделью. Каким бы притягательным и востребованным ни казалось сегодня авангардное искусство с его торжеством индивидуальной воли художника, реалистическая живопись не утрачивает своего значения; скорее, интерес к ней становится острее и глубже (вспомним ажиотаж, бурливший вокруг выставки В. Серова в октябре 2015 – январе 2016 года в Третьяковской галерее на Крымском Валу). В этом контексте объясним интерес к портретной коллекции А. Погребного. По моему мнению, она содержит наиболее интересные полотна выставки. Большую часть экспозиции составляют портреты женщин и детей.

На то, какое место эти картины занимают во внутреннем мире художника, указывает множество визуально воспринимаемых примет. В отличие от многофигурных и многоцветных, праздничных фантазийных композиций, портреты отличаются сдержанной серо-коричневатой гаммой, отсылающей к традиционному гризайлю (хотя техника современного живописца и гризайль, естественно, сильно отличаются друг от друга). Лица с помощью высветления и виртуозной линии «вырастают» из довольно ровного светлого или темного фона. Но этот фон отнюдь не абстрактен и не однороден: в нем обнаруживается множество тонких переходов, перепадов и переливов в оттенках одного цвета, которые помогают воспринять изображенные персонажи как бы под увеличительным стеклом. Дополнением этого приема является довольно крупный формат полотен. Но количество предметов, окружающих людей, ограничено самыми необходимыми для раскрытия их внутреннего состояния: игла в руке, камни, обвязанные веревками, книга на столе. Особенно оригинальной и характерной деталью, заканчивающей образ, являются головные уборы. Белые платки,

^ Читающая. 2015

полосатые шарфы, замысловато закрученные куски ткани. Как всегда, такие очевидности легко замечает глаз, но они имеют значение только в контексте визуальной культуры и практически не поддаются словесной интерпретации.

Свидетельством профессионализма и любви к моделям являются тщательно выписанные руки портретируемых. Умение всматриваться в жизнь рук, их индивидуальность и «биографичность» – редкий дар. Даже в истории живописи можно назвать совсем немного имен, а уж в современной живописи их и того меньше. У Анатолия Погребного движения рук, их форма, морщины, узловые суставы – все свидетельствует о короткой или длинной, благополучной или трудной жизни, ни в чем не противоречащей тому образу человека, который создан

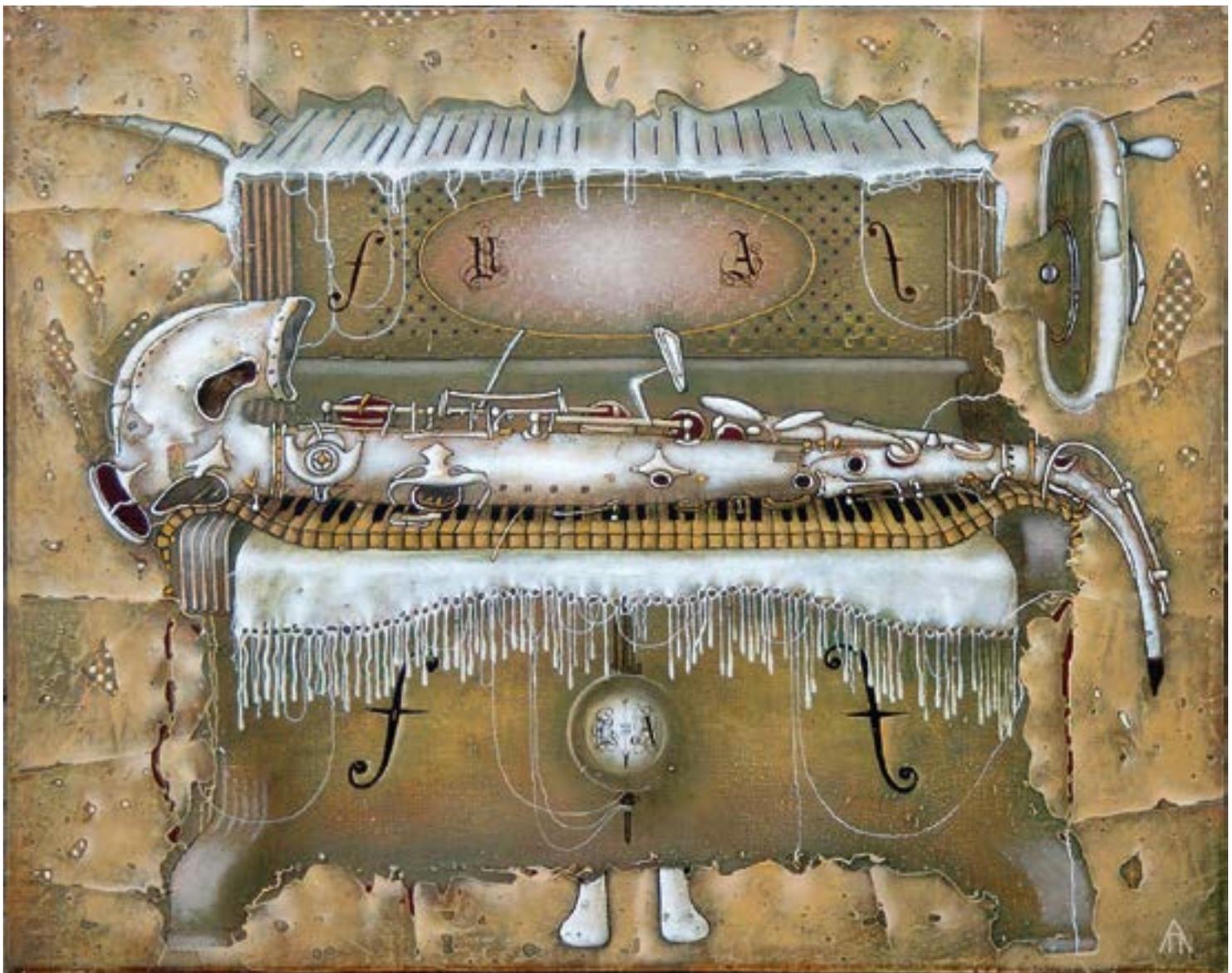
талантом и мастерством художника.

Изображенные на портретах люди редко смотрят на зрителя: чаще всего их взгляд погружен в себя либо обращен в сторону персонажей-соседей. Повороты головы, жесты, выводящие за границы картины, создают напряженное смысловое поле. Даже дети имеют истории характеров, свою индивидуальную эмоциональную и интеллектуальную траекторию, отчетливо прочитывающуюся в сдержанных по колориту и экономных по предметному окружению образах. Единство взгляда и внутреннего настроения художника делает ряд портретов цельной серией, продолжающимся повествованием о Судьбе и ее узловых моментах. Судьба у каждого из персонажей своя, хотя события и время их объединяют («Четыре женщины»).

Когда я спросила весьма компетентного искусствоведа, можно ли причислить Погребного к элите живописного сообщества, то немедленно получила ответ: «Конечно!» Было интуитивно понятно, что именно вкладывается в эту характеристику: разнообразие техник, которыми владеет художник; качественное, усвоенное отнюдь не для «галочки» образование; глубокое и неформальное знание истории искусства, погружение в его стихию; разнообразие видов деятельности, доступных человеку: станковое, прикладное искусство, педагогика. Так, он преподавал на кафедре изобразительного искусства Усть-Илимского филиала ИрГУ, содействуя повышению квалификации и сохранению отечественной системы художественного образования, вдумчиво способствуя

возникновению и росту новой плеяды ярких талантливых художников, оживлению художественной жизни региона. Можно добавить еще многое и о личных достоинствах Погребного-человека, ведь без личностного обаяния и значительности характера нет и не может быть отнесения кого бы то ни было к «лучшим представителям какой-либо части общества, представителям привилегированных социальных групп» (как принято характеризовать элиту в художественных кругах). Добавлю: влияние таких представителей в художественном сообществе основывается на результатах их творческой энергии, на их произведениях, поддающихся многообразным интерпретациям.

**Марина Ткачева /
Marina Tkacheva**

^ Саксофон и инструмент. 2005

Анатомия механизма, или Саморегулирование по-русски / Anatomy of the Mechanism or Self-Regulation in the Russian Style

В статье описывается ситуация, сложившаяся сегодня в отечественной архитектуре, когда государственный контроль над бизнесом законодательно отменен, общественный контроль потребителя еще не сформировался, а профессиональный контроль вне закона, когда обесцениваются такие понятия, как профессиональная честь, совесть, репутация и общественное мнение.

Ключевые слова: саморегулирование, конфликт интересов, профессионал, предприниматель, свободные профессии. /

The article describes the situation in the contemporary Russian architecture, where the state control over business is legislatively called off, the public consumer control has not yet matured, the professional control is beyond the law, and such notions as 'professional honour', 'conscience', 'reputation' and 'public opinion' lose their value.
Keywords: self-regulation; conflict of interests; professional; entrepreneur; free-lance jobs.

Законотворческая лихорадка

Человека, не погруженного в пепелитии российского саморегулирования, нижеприведенная фраза может повергнуть в замешательство, но это не плод болезненного воображения, а наша самая что ни на есть реальная, вернее, сюрреалистическая реальность.

На совещании в Правительстве РФ 16 февраля 2016 года окончательно решено: **слить слитый год назад из НОПа и НОИЗа НОПРИЗ с НОСТРОЙем в НОСТРОЙПРИЗ.**

Причина объявлена открыто: за все годы «победоносного» шествия по родной земле нового суперлиберального феномена с кратким, но неприличным названием СРО... никакой пользы ни от национальных объединений этих СРО с миллиардными бюджетами, ни от всего института саморегулирования никто не дождался.

Сегодня даже авторы саморегулирования по-русски вынуждены признать, что ни одна из задач, поставленных перед НОПом – НОИЗом – НОПРИЗом, выполнена не была. В их недрах так и не родилась ни одна существенная поправка в законодательство, защищающая права заказчиков или проектировщиков. Не исправлена ни одна из ошибок Градостроительного кодекса, касающихся проектирования или изысканий. Качество проектных и изыскательских работ неуклонно снижается, а миллиарды, замороженные в компенсационных фондах, никому (кроме банкиров) не принесли никакой пользы. Национальные объединения даже не могут (или не очень хотят) покончить с серыми СРО, открыто размещающими рекламу о продаже свидетельств о допусках в сети Интернет, прямо по запросу поисковика «Национальное объединение...».

Прошедший год отметился не только усилением кризиса, но и законотворческой лихорадкой, бросающей то в жар, то в холодный пот

всю систему СРО. Подготовленная Минстроем и принятая Госдумой в первом чтении очередная, девятая (за восемь лет) порция поправок в Градостроительный кодекс в части саморегулирования [1], в процессе подготовки ко второму чтению претерпела принципиальнейшие изменения, увеличившись с трех до 24 страниц. Изменяются теперь не две статьи одного закона, а 16 статей пяти законов, но без изменения названия закона!

Откуда-то сбоку, нарушая все регламенты, в редакции законопроекта появились: второй компенсационный фонд для «обеспечения договорных обязательств», обязанности СРО и его честных членов исполнять обязательства нерадивых членов «в натуре» и другие милые «совершенствования», отсутствовавшие в принятом в первом чтении законопроекте.

Зачем возрождать отмененную 113 лет назад круговую поруку? Зачем вводить новые способы имущественной ответственности? Может, уже отменен Гражданский кодекс, устанавливающий ответственность (в том числе имущественную) за неисполнение договорных обязательств? Ответственность виновного, а не «сельской общины»? Может, дополнительная и весьма значительная финансовая «нагрузка на бизнес» в условиях углубляющегося кризиса не ударит в первую очередь по малым проектным фирмам, которые и так закрываются пачками?

К концу прошедшего года вышло некоторое облегчение: появляется решение вице-преьера Правительства РФ (и новая редакция законопроекта), в котором подтверждена необходимость нового фонда, но только для организаций, выполняющих бюджетные заказы по законодательству о контрактной системе. Но вопрос, кто и зачем пролоббировал эту крайне реакционную, непопулярную и несвоевременную выдумку, остался открытым.

В параллельном мире другое министерство под руководством премьер-министра разработало проект Концепции совершенствования механизма саморегулирования, который поначалу породил надежды на принципиально новые подходы к саморегулированию [2]. В этом проекте были столь замечательные и правильные слова, что их не грех и процитировать: «Одним из основных принципов, заложенных «базовым» законом, является принцип «единства отрасли», который легче реализуем в случае применения механизмов саморегулирования **в отношении существующих профессий физических лиц – профессионалов.** На это указывает опыт многих зарубежных государств, в которых принят сходный подход к регулированию так называемых **свободных профессий**, физических лиц, чья деятельность в силу своей специфики несет в себе риск причинения вреда или ущерба широкому кругу третьих лиц.

Во многих странах мира именно бухгалтеры, аудиторы, оценщики, врачи, **архитекторы являются членами профессиональных сообществ, объединений и палат, вырабатывающих в пределах своей компетенции огромный массив требований и рекомендаций, зачастую более детальных, актуальных и, что самое главное, более востребованных, нежели способен им предложить непосредственно государственный регулятор.**

Российская практика в свою очередь тяготеет к саморегулированию для юридических лиц. Кодекс этики, правила делового оборота, повышение и подтверждение квалификации, даже сам «допуск в профессию», являющиеся неотъемлемыми атрибутами института СРО, в большей степени имеют отношение именно к физическому лицу».

Увы, эта был мираж, развеявшийся менее чем через год. Из

окончательного текста Концепции испарились все правильные посылы, а главной ее целью стало не повышение пользы (эффективности) от института СРО, не исправление принципиальных ошибок и перекосов закона о саморегулировании, а формальные поиски жесткой «общегосударственной модели саморегулирования» с упором на принятие СРО стандартов предпринимательской или профессиональной деятельности.

Ситуацию еще больше запутывает проект поправок к закону о СРО, разработанный Минэкономразвития до утверждения Концепции и не соответствующий ее положениям. Проект этот жесточайше регламентирует каждый шаг, каждый чих СРО и нацобъединений, так что закон о «поправках» в четыре раза больше, чем сам поправляемый закон! Кроме того, по коридорам власти ходит законопроект по этой же теме, разработанный Торгово-промышленной палатой. К счастью или несчастью, мудрый и осторожный НОПРИЗ со своими поправками из-за спины Минстроя не высывался.

«Батальное полотно» дополнила неожиданная активность Минтруда, уже в новом году родившего проект закона «О независимой оценке квалификации», который отдает приоритет в принятии стандартов профессиональной деятельности не СРО, а советам по профессиональным квалификациям, созданным по Указу Президента РФ. Аттестацию при этом должны вести тоже не СРО и не палаты, а некие новые «органы независимой оценки квалификации».

Прибавим к этому, что министр строительства и ЖКХ не раз выражал желание прикрыть все СРО во вверенной ему отрасли и вернуться к лицензированию. Добавим, что все члены Таможенного союза ЕАЭС по-разному видят (а чаще не видят) место саморегулирования в законодательстве и экономике своих

стран, не обращая никакого внимания на законодательную лихорадку в России, и мы получим полную, уже «клиническую» картину.

Диагноз не вызывает сомнений: единая государственная политика в области саморегулирования в России не сформировалась. Ее место занимает противоречивое, несовершенно отраслевое законодательство, разрываемое борьбой разных ведомств и стоящих за ними лоббистских групп за власть, непьющие места с миллионными зарплатами и прибыльный «около-СРОшный» бизнес «на некоммерческой ниве» по выдаче допусков и аттестатов, составлению стандартов и правил, оценке квалификации, дополнительному образованию, сертификации систем качества, BIM-технологии и т. д. и т. п.

Политики нет, но есть скрежущий, дымлящий, грохочущий МЕХАНИЗМ, в котором что-то крутится, сверкает и бухает, но который ничего не производит, кроме скандалов и бумаг. И главное, никуда не едет. Отсюда сильнейшее желание власти усовершенствовать механизм саморегулирования: что-то заменить, что-то подмазать, что-то толкнуть. Стукнуть, наконец, чтобы эта «железяка» хотя бы с места сдвинулась.

Согласитесь, в этой ситуации единственный выход – слить нацобъединения. И все исправится само собой. Одна беда – дальше что-то «совершенствовать» путем сливания чего-то во что-то просто невозможно. Все, что можно было, уже слили.

Бурная деятельность организма при хроническом запоре

Образ механизма очень точно определяет суть и характер «базового» закона, насмерть зарегулировавшего жесткими и детальными нормами и процедурами совершенно новую, незнакомую и неизведанную сферу общественных отношений. Излишняя механическая жесткость, с благородной целью исключения конфликта интересов, здесь откровенно мешает поиску более естественных и органичных форм нового социального института, для которого уместнее было бы сравнение не с механизмом, а с живым организмом.

Саморегулирование есть, по сути, альтернатива государственному регулированию, и ревностная настороженность органов государственной власти к конкуренту здесь понятна и закономерна. Борьба системы РЕГУЛИРОВАНИЯ с системой САМО-РЕГУЛИРОВАНИЯ неизбежна,

прежде всего с использованием дубины закона. И все же почему правительство так «осерчалось» на национальные объединения, не нашедшие еще своего места в социально-экономической жизни, но в целом, в масштабе бед государства, вполне безобидные.

Резонный вопрос: а может ли вообще институт саморегулирования в нынешнем его виде оправдать ожидания властей, бизнеса и общества, выполнить те задачи, которые очень громко декларировались в момент его зарождения? Например, повысить ответственность проектировщиков и изыскателей за ошибки... путем создания «общака»? Или повысить качество работ... путем формального выполнения формальных правил? Могут ли покончить нацобъединения с серыми СРО, не имея права вмешиваться в их дела, но имея явный конфликт интересов?

Однозначно нет. Несомненно, что нацобъединения не виновники, а жертвы сложившихся обстоятельств. Причина в том, что с самого начала изобретатели саморегулирования по-русски допустили грубые системные ошибки, которые ныне становятся совершенно очевидными и властям, и бизнесу, и профессионалам [3].

Логика 315-го закона проста, как палка. СамоРЕГУЛИРОВАНИЕ есть институт рынка. Значит, оно должно строиться по законам рынка, главным из которых является конкуренция. Продавец – СРО, товар – его стандарт, покупатель (оптовый) – заказчик.

Поэтому первая «потусторонняя» идея базового закона – конкуренция СРО в части стандартов. По замыслу авторов базового закона каждое СРО в нашей сфере, например, должно разработать свой суперкачественный товар – стандарт – и свято его блюсти. А потенциальный заказчик... (внимание!) внимательно читает тома стандартов разных СРО и выбирает проектную организацию, входящую в СРО с самыми крутыми стандартами...

Знакомая суперлиберальная «шиза», но конкуренция действительно цветет буйным цветом. Но не там, заказчик тут оказался вне игры: покупателем стал производитель – член СРО, а товаром – свидетельство о допуске. Благополучие СРО (его аппарата), живущего на взносы, напрямую зависит от количества членов, которые выбирают не СРО с самыми жесткими стандартами, а как раз наоборот – с самыми либеральными правилами,

а еще лучше без всяких правил.

Купить допуск, как раньше покупали лицензии, – вот мечта большинства проектных и изыскательских организаций, особенно тех, которые не имеют в штате нужных специалистов и не хотят выполнять требования по квалификации штатных работников. Содержание квалифицированного штата – удовольствие дорогое и в условиях кризиса просто разорительное.

Неисполнение правил всегда выгоднее, чем их исполнение, особенно если нарушение правил ненаказуемо. Это выгодно и бизнесменам, и СРО субъектов предпринимательской деятельности, и их национальным объединениям, бюджет которых также напрямую зависит от количества членов, независимо от их цвета. И СРО будут всеми силами прикрывать своих членов, а нацобъединения в упор не видят серых СРО в своих рядах. Налицо явный конфликт интересов, с которым так решительно боролись авторы закона, но опять же не там.

Результат прямо противоположен декларации: депрофессионализация рынка, падение качества, массовое нарушение правил, коррупция, формализм и круговая порука как система. Идея конкуренции в сфере регулирования даже с приставкой «само» подобна бредовой идее одновременного существования нескольких конкурирующих парламентов в одном государстве. Представьте, граждане сами выбирают тот парламент, который им больше нравятся. Догадаетесь, кого выберут граждане? Тех, кто принимает самые жестокие законы и жестоко наказывает преступников, или тех, кто не напрягает их законами или исполнением таких законов?

И это незамысловатая мысль через 9 лет после принятия 315-го закона наконец-то стала находить сторонников в коридорах власти. Так, начальник Управления контроля социальной сферы и торговли ФАС России Тимофеев Нижегородцев заявил, что «необходимо выстраивать систему саморегулируемых организаций таким образом, чтобы исключить конкуренцию между ними. В настоящее время коммерциализация и реальная коммерческая конкуренция между СРО лишает их возможности исполнять свои функции как регулятора отношений и регулятора разрешений рисков в осуществлении деятельности членов СРО».

Увы, осенило не всех причастных чиновников и депутатов. К сожалению

ни в концепции совершенствования скрежущего механизма саморегулирования, ни в проекте нового закона этот конфликт не замечен.

Из одного неверного посыла о конкуренции может быть только второй неверный вывод: о недопустимости привязки СРО к территории и отсутствию и даже вредности единого общероссийского объединения и единого неконкурирующего стандарта. То есть программное дробление на мелкие конкурирующие, а в действительности часто враждующие на одной территории СРО. Саморегулирование выстраивалось не по модулю системы регулирования – сверху вниз на территории, а по шаблону свободного рынка, вернее «базара», который упорно насаждается партией Радикальных Рыночных Реформ России (партией PPPP) [2].

У навязчивой идеи «конкуренции стандартов» в этих условиях есть и другое следствие. Маленькое СРО не имеет ни экономических, ни интеллектуальных ресурсов разработать и, главное, внедрить качественный «фирменный» стандарт. Да и не нужно высокое качество документа домашнего пользования, который никто не будет читать (кроме органов регистрации) и, следовательно, исполнять. На практике все сводится к формированию «куклы» для получения статуса СРО.

По базовому закону необходимость общепринятых общероссийских правил поведения на рынке не предусматривалась. Государство должно было уйти из регулирования экономики, но заменяющее его саморегулирование, в силу раздробленности и неорганизованности, не в состоянии само организовать и само отрегулировать (извините за каламбур) в масштабах страны.

Понимая этот прокол, авторы закона о саморегулировании в строительной отрасли предусмотрели создание отсутствующих в базе национальных объединений с функциями представительства, координации и ведения единого реестра. И все! Даже функции выработки стандартов у нацобъединений сейчас по закону нет. Но злую шутку сыграл советский менталитет, по которому нацобъединение рассматривалось как подобие главка или даже «министерства проектирования и изысканий», а его члены – СРО – как подведомственные предприятия.

«Банановой коркой» для нацобъединений стало обязательное членство с обязательными взносами

ми от всех без исключения СРО, то есть, по сути, косвенный налог без ограничения его размера. Размер взноса первоначально, на пике нефтяного подъема, действительно не имел никакого значения. Тем более что для девяти СРО, учредивших НОП и автоматом вошедших в его совет, это было просто перекладывание денег из одного своего кармана в другой.

В результате добровольно-принудительного сбора с сотен новых членов СРО набралась внушительная сумма, которую надо было непременно «распилить», придумывая новые функции, массу должностей, советов, комитетов и комиссий, программ, семинаров, круглых столов с неперемными фуршетными и банкетными. И все это на самоконтроле, то есть практически без контроля. Не будь этого «дьявольского» искушения, не было бы боев без правил «за портфели», а НОПРИЗ сосредоточился бы на своих скромных, но «законных» функциях.

Саморегулирование по базовому закону строилось снизу вверх, саморегулирование по Градкодексу было «дополнено» подчинением низов верху, что при запрете вмешательства в дела СРО привело к непримиримым внутренним противоречиям, провоцирующим постоянные конфликты нацобъединений со своими членами.

Решить это противоречие теоретически можно двумя противоположными способами. Первый – создать полноценную властную вертикаль, дав право нацобъединения казнить и миловать своих членов, будучи и судом, и прокуратурой, и адвокатом одновременно. В этом случае просматривается образ некоего мини-супергосударства в отдельно взятой отрасли. Какому отраслевому министерству это понравится? Второй – сделать членство в нацобъединении необязательным, а сбор средств добровольным и контролируемым. Но это негуманно, так как лишит хорошей зарплаты множество уважаемых руководителей и работников аппарата.

И то, и другое требует волевых усилий, а государство, не определившись со своей политикой, решиться ни на что не может. Так что в нацобъединениях продолжается бурная деятельность организма с поглощением напитков и закусок (в отеле «Ритц-Карлтон»), несмотря на кризис, массовое закрытие малых организаций и сокращение числа членов нацобъединений.

Ахиллесова пята саморегулирования по-русски – компенсационный фонд – «общак», который по базовому закону мог быть заменен цивилизованным страхованием, а по Градостроительному кодексу стал безальтернативным. Беда даже не в том, что компенсационный сбор не зависит от размера организации, являясь дискриминационным для малого бизнеса. И даже не в его бессмысленности. Настоящая беда в том, что замороженные «ничейные» миллиарды не дают спокойно спать ни чиновникам, ни бизнесменам, ни нацобъединениям; его никогда не оставят в покое и непременно найдут способ отнять.

Удивительно, но пока «общак» остается неприкосновенным. Почему? Во-первых, по традиции: не всякий отморозок посягнет на него. Во-вторых, потому, что на данном уровне развития правовой культуры доказать ошибки в проектировании и строительстве так же сложно, как в медицине.

В результате бессмысленно замороженные миллиарды остаются «невостребованными». И отдать обратно нельзя, не признав ошибки, и прикарманить под благовидным предлогом никак не получается, несмотря на непрекращающиеся попытки лоббистов.

Но главная ошибка саморегулирования по-русски – путаница предпринимательской и профессиональной деятельности. В законодательстве России вообще нет определения, что такое «профессиональная» деятельность. В базовом законе только один намек: субъект профессиональной деятельности – физическое лицо, но и индивидуальный предприниматель – лицо не химическое. А значит, никто не может сказать, чем же все-таки отличается профессиональная деятельность от предпринимательской и, следовательно, в чем разница между СРО субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности.

По умолчанию можно как угодно (и как выгодно) путать и переставлять эти понятия. Можно сказать, например, что это одно и то же понятие, по недоразумению зачем-то разделенное в законе предлогом «и (или)», как это делают многие чиновники и даже руководители НОПРИЗ, например г-н А. О. Мороз. Можно также считать, что руководимый ими НОПРИЗ есть «профессиональное объединение», хотя по обоим законам это объединение СРО «субъектов предпринимательской деятельности» – «индивидуальных предпринимателей и

юридических лиц». Почему? Да просто так. Хочется! А где сказано, что это не так?

Особенно этот вопрос запутан в сфере архитектурно-строительного проектирования, где исторически сложилось неведомое и невиданное нигде в мире представление о месте этого самого «проектирования» и его взаимоотношений со строительством. Это поле внутреннего напряжения, поле боя «заСРОнцев» с «палаточниками», часть которых периодически перебегают с одной стороны фронта на другую в поисках власти и денег.

Недожиданные силы НОПРИЗа, его финансовые и административные ресурсы брошены на борьбу с главным врагом – Союзом архитекторов и зарождающимся СРО субъектов профессиональной деятельности – палатами архитекторов и инженеров [5]. Ну нет у архитектурного руководства НОПРИЗа иных забот, проблем и опасностей. И кризиса, слава богу, у них нет.

Не то чтобы НОПРИЗ был против палат. Пусть живут, но только как «структурные подразделения НОПРИЗа». И это притом, что «законные» члены НОПРИЗа – СРО субъектов предпринимательской деятельности его структурными подразделениями не являются и быть оными не могут. Хочется, и все тут, несмотря на то, что НОПРИЗ не объединяет СРО физических лиц – профессионалов.

Объективно НОПРИЗ стал реальным тормозом на пути развития того самого саморегулирования профессиональной деятельности, о котором говорилось в Концепции совершенствования саморегулирования, и злейшим врагом становления тех самых «свободных профессий». Дело дошло до того, что архитектурное руководство НОПРИЗа заблокировалось с самыми яркими антиархитектурными силами и открыто выступило против изменений в закон «Об архитектурной деятельности», за который страстно ратовало еще год назад! Против всех без исключения положений этого многострадального законопроекта – создания СРО субъектов профессиональной деятельности – архитекторов и инженеров, квалификационной аттестации архитекторов, творческих конкурсов и даже против всемирно признанного и зафиксированного во всех международных и российских документах понятия «архитектурная деятельность».

На фоне банкетных столов особо пикантно выглядит затасканный лозунг против «дополнительной

нагрузки на бизнес», связанной с введением профессиональной аттестации архитекторов. Во-первых, это неизбежно вследствие принятия Болонской декларации. Во-вторых, аттестация уже есть и в Указе президента, и в законопроекте Минтруда, независимо от желания НОПРИЗа. И наконец! С чего вы взяли, что за такую аттестацию обязаны платить организации? Ничего подобного в мире нет.

А что все-таки есть?

«За границей ружья кирпичом не чистят»

Сегодня не модно ссылаться на мировой опыт и тем более на опыт НЕ НАШИХ «наших партнеров». «У наших своя гордость». Но наши чиновники еще при жизни Левши не принимали опыт других стран, так как мировой опыт значительно ограничивал их «саморегулирование» – свободу управления нами, грешными [3].

Однако в нашем случае пословицы типа «Что немцу件но, то русскому смерть» не проходят, так как свободный рынок и сам институт саморегулирования пришел к нам именно от тех самых западных партнеров, исказившись по пути до неузнаваемости. У нас есть девятилетний опыт «обкатки» несмазанного механизма деревянного велосипеда с квадратными колесами, а у них, проклятых, опыт 300 лет успешного строительства вожделенного свободного рынка.

Может, все же посмотреть на опыт тех, кто давно научился производить первоклассные гоночные велосипеды? Так, для разнообразия.

Так вот, **ни в одной стране мира нет системы «саморегулирования субъектов предпринимательской деятельности в сфере архитектурно-строительного проектирования».** Нет в мировой практике и профессии проектировщика – «специалиста по разработке такого-то раздела проектной документации», как пишется в профессиональных стандартах, пачками вылетающими за подписью НОПРИЗа. И сферы предпринимательской деятельности, называемой «проектирование», тоже нет и быть не может. Эта сфера – малая часть деятельности тех самых «свободных профессий», о которых знают уже даже в Минэкономразвития.

Мы живем в зазеркалье, в мире искаженной, перевернутой реальности, в чудовищном невежестве и незнании того, что такое рынок, который мы строим с невнятным успехом более двадцати лет. Эта

сюрреалистичная реальность осталась России «в наследие» от крупного знатока рынка – Н. С. Хрущева. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», подчинившее архитектуру и градостроительству нуждам строительной индустрии, на 60 с лишним лет определило не только облик наших городов, но и место профессиональной деятельности архитекторов и инженеров.

Создав невиданную нигде в мире профессию «проектировщик», обслуживающую не нужды общества, а нужды строительного производства, в сфере саморегулирования Россия по инерции вслед за строительством пошла по «своему», неведомому пути подчинения профессиональной деятельности нуждам строительного бизнеса – в прямо противоположном направлении тому, в котором идут все страны с развитой рыночной экономикой.

Вы будете смеяться, но в рыночной экономике пухлые папки с бумагами под неприличным названием «ПСД» никому не нужны, так как это «нечто» нельзя назвать ТОВАРОМ – готовым продуктом или полуфабрикатом. Не нужны и специалисты по изготовлению этого «нечто» – проектировщики. Заказчика интересует не бумага, а настоящий товар – объект недвижимости, законченный строительством архитектурный или инженерный объект: здание, сооружение, градостроительный комплекс, интерьер или объект благоустройства либо ландшафтной архитектуры.

Заказчику нужны «специалисты по качеству», оказывающие ему профессиональные услуги по созданию качественных объектов недвижимости – профессиональные архитекторы и инженеры. Понятие «профессиональная услуга» в несколько раз шире и объемнее понятия «разработка раздела ПСД». В него входят все действия профессионала, необходимые для создания архитектурного или инженерного объекта на всех этапах и стадиях его создания (проектирования и строительства), начиная с обследования участка и консультаций заказчика и кончая приемкой объекта и составлением инструкций по его эксплуатации.

Обычно это от пяти до девяти этапов создания объекта, включающих предпроектные исследования, три стадии проектирования, управление проектом – координацию деятельности смежников, именуемых «консультантами», авторский

надзор, управление строительством по поручению заказчика. Особо подчеркнуты услуги по архитектурному и инженерному менеджменту (управлению проектом), без которой коллектив проектировщиков и строителей подобен оркестру без профессионального дирижера. «Музыка» заведомо будет плохой, а деньги, выложенные за эту «музыку», будут выброшены на ветер. Архитектор и инженер, осуществляя независимый профессиональный контроль за строительством, экономят деньги заказчика. Экономия на качестве экономически неразумна.

Поэтому и стоят эти комплексные услуги в несколько раз дороже, чем наша несчастная ПСД – от 7 до 12 % от стоимости строительства (вместо 1,5–2 %, рассчитанных по «натуральным» показателям). Соответственно, выше и статус профессионала, и его ответственность, и права на стройплощадке. Все нацелено не на количество бумажки, не на стоимость проектирования, а на высокое КАЧЕСТВО объекта, невозможное без высокого профессионализма. Почувствуйте разницу.

В современном обществе профессии архитектора и инженера находятся стабильно на высших местах в рейтингах профессий, рядом с профессиями юристов и врачей. В этой тройке лидеров архитектор занимает часто ведущее место, так как заказчик – потребитель – доверяют ему и жизнь, и здоровье, и имущество, справедливо считая не проектировщиком, а **уникальным специалистом по созданию здоровой, комфортной, безопасной, духовно полноценной среды жизнедеятельности.**

И никто, подобно нашим «архитекторам-художникам», не оскорбляется тем, что относится к «сфере услуг», так как слово «услуги» имеет один корень со словами «служба» и «служение» человеку, обществу, государству. В соглашении Международного союза архитекторов специально подчеркивается независимость профессии архитектора и приоритет профессионального СЛУЖЕНИЯ обществу перед ОБСЛУЖИВАНИЕМ интересов частного бизнеса.

Такое положение профессии зафиксировано и во всех международных соглашениях, включая соглашение Всемирной торговой организации (ГАТС) и Перечень основных продуктов ООН [6]. Как ни странно, но это зафиксировано также в Классификационном перечне секторов услуг [7]. Виды «услуги в области архитектуры» и «услуги

в инженерных областях» находятся в начале списка в разделе «Профессиональные услуги», между «Юридическими услугами» и «услугами в области медицины». А вот отрасль «Строительство» находится в середине списка, в отдельном разделе, что лишний раз указывает на нормальные отношения архитектуры и строительства в нормальной рыночной экономике, где главным являются потребности потребителя, а не прибыль строителя.

Архитекторы и инженеры в развитом рынке не обслуживают строительный бизнес, а служат заказчику (потребителю), разрабатывая для него проект и обеспечивая его качественную реализацию. А строительный бизнес обязан в точности исполнить проект под контролем архитектора и инженера, получая за качественную работу прибыль. Других способов обеспечения качества среды жизнедеятельности в мире не придумали.

Творец или продавец?

По возвращении на грешную российскую землю отчетливо видно, как господствующая идеология Радикальных Рыночных Реформ настойчиво внушает: цель жизни – обогащение, основа деятельности человека – предпринимательство, а основа экономики – свободный рынок.

Двадцать четыре года радикальных рыночных реформ показали, что бизнес в свободном рынке способен повысить эффективность (прибыльность) производства и инвестиций, покончить с дефицитом товаров и услуг, обеспечить достаток и даже богатство определенной части экономически активного и здорового населения. Но возможно ли рыночными методами сделать жизнь человека более здоровой, достойной, безопасной, социально защищенной, духовно и интеллектуально насыщенной? Повысить то, что называется качеством жизни, если не для всех, то хотя бы для большинства населения нашей богатейшей страны мира?

Доверите ли вы свою жизнь, здоровье, имущество циничному бизнесмену или его безграмотному менеджеру, единственная цель которых – заработать на вас? Хотели бы вы жить в мире, в котором все подчинено стремлению к наживе? Есть ли в арсенале средств, выработанных мировой историей, средство, противопоставленное естественной патологической жадности лучших представителей бизнеса? Средство, направленное

не на обогащение любой ценой, а на творчество и улучшение качества жизни?

Есть, и средство это называется ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ, профессиональная честь, репутация, любовь к своему ДЕЛУ (не путать с любовью к деньгам, называемой «бизнесом»). Все то, что находится ныне в России в униженном, бесправном положении под спудом всевластного бизнеса.

Если бы народные избранники решили закрыть огромную дыру в российском праве и удосужились дать определение понятию «профессиональная деятельность», то наверняка получилось примерно следующее.

Профессиональная деятельность – деятельность физических лиц, обладающих необходимым образованием, знаниями и опытом, по оказанию профессиональных услуг с целью создания материальных и духовных ценностей и удовлетворения жизненных потребностей граждан и юридических лиц. Профессиональная деятельность может осуществляться в форме работы по найму, творческой деятельности, в качестве лица «свободной профессии», либо в форме предпринимательской деятельности в случаях, установленных законодательством Российской Федерации. Подчеркнуто: цель – создание материальных и духовных ценностей и удовлетворение потребности человека, общества, государства!

Сравним: **«Предпринимательская деятельность** – самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке» [9]. Цель – извлечение прибыли от пользования и продажи, в том числе работ и услуг, произведенных НАЕМНЫМИ РАБОТНИКАМИ! Если предоставление профессиональных услуг в научном, художественном, техническом творчестве, в области правовой защиты, медицины, образования, обороны, правопорядка, социальной защиты **не направлено «на систематическое получение прибыли» и не связано с использованием наемного труда**, то эта услуга предпринимательством не является и регистрации в качестве предпринимателя не требует. При этом получение вознаграждения (гонорара) за оказание услуг, так же как заработной платы, никак не

может быть признано прибылью и являться доказательством предпринимательской деятельности.

Разница, как видно, колоссальная: **профессионал творит** с целью повышения качества жизни, **предприниматель продает** то, что создано другими, в том числе профессионалами, с целью получения прибыли. Путать эти понятия для общества просто губительно [4].

Все ускоряющаяся череда мировых кризисов невольно наводит на мысль о кризисе идеологии свободного рынка (его «морально-этических» ценностей) и необходимости бескровной **профессиональной революции** как естественного продолжения «научно-технической и технологической революции». Без этого устойчивое развитие человечества недостижимо.

Приняв идеологию свободного рынка, но, не создав институтов гражданского общества, обеспечивающих баланс частных и общественного интересов, Россия в очередной раз пошла своим неведомым путем, строя свой «новый мир», не обращая внимания на мировой опыт.

Мир, в котором государственный контроль над бизнесом законодательно отменен, общественный контроль потребителя еще не сформировался, а профессиональный контроль вне закона, где понятия «профессиональная честь», «совесть», «репутация», «общественное мнение» не стоят ни копейки, это страшный мир.

В этом «мире чистогана» в мирное время постоянно рушатся дома и плотины, падают лифты и самолеты, бьются на колдобинах машины и тонут суда, взрываются газопроводы и теплотрассы. Больницы и морги в этом мире заполнены теми, кто, поверив рекламе, купил не ту вещь или игрушку, не то съел или выпил, принял не то лекарство или процедуру, заплатив при этом за свою боль и смерть большие деньги.

Живут в этом мире в постоянном нервном напряжении, а изо всех радиоприемников и телеэкранов звучит: «Осторожно – смертельно опасно!», «Не ешь это, не пей, не покупай!», «Не лечись здесь, не учишь там!», «Никому не верь!», «Не дай себя обмануть!»

На нашей грешной почве мир **ПОТРЕБЛЕНИЯ** обернулся миром **ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ**. Все перевернула маленькая дьявольская деталь – подавление «свободных профессий», подчинение их предпринимательству, что лишает общество возможности защитить

себя от злоупотреблений недобросовестного бизнеса.

И мы здесь опять впереди планеты всей. Постсоветская Россия ставит над собой очередной эксперимент на выживание – испытание Радикальными Рыночными Реформами.

Похоже, что историческая миссия России в том, чтобы берясь за практическую реализацию прогрессивных мировых идей и доведя их до абсурда, показать всему миру на своем примере, как не надо делать, открывая тем самым новые пути мирового развития.

Заключение

Возвращаясь к нашему деревянному механизму, можно предположить развитие саморегулирования в двух диаметрально противоположных направлениях.

Первое – оставить все созданное в угаре борьбы за «свободный рынок» без принципиальных изменений, пытаться снова и снова усовершенствовать описанный механизм. В этом случае все обозначенные тенденции будут, безусловно, только усиливаться. Регулирование саморегулирования бизнеса – ужесточаться, усложняться и запутываться, система – еще больше бюрократизироваться и формализоваться. «Нагрузка на бизнес» по сбору различных фондов и взносов, покупке допусков и аттестатов, дополнительному образованию, принудительному внедрению ИСО и ВІМ будет возрастать, как и прибыли паразитирующего на СРО бизнеса.

При этом депрофессионализация и деградация рынка профессиональных услуг будет неминуемо продолжаться, а качество работ по разработке отдельных, не связанных и никем не скоординированных разделов проектной документации («составлению схем планов и отображению фасадов») падать, несмотря на бурную деятельность организма **НОСТРОЙПРИЗА**.

Очевидная несовместимость российской системы саморегулирования с системой, принятой в мировой практике, отсутствие понятий ее правил деятельности, в частности правил подтверждения квалификации российских архитекторов и инженеров, уже сегодня привела к неравноправию профессионалов России и закрытию для них мирового рынка услуг в области архитектуры и инженерной деятельности. О повышении статуса профессии архитектора в обозримом будущем говорить не приходится.

Законодательное закрепление подчиненности профессионального

саморегулирования не существующему нигде в мире саморегулированию предпринимательской деятельности в несуществующей профессии – это худшее, что может случиться в перспективе с профессией архитектора в России. Это еще на многие десятилетия продлит подчиненность профессии нуждам бизнеса, вопреки ее предназначению и потребностям страны в повышении качества среды жизнедеятельности.

Результат такой подчиненности, безусловно, отразится на облике российских городов, приведет к еще более заметной деградации архитектурной среды в нашей стране. Отставание развития архитектуры России от мирового уровня в этих условиях неизбежно.

Доведя состояние архитектуры и градостроительства до очевидно катастрофического состояния, придется, наконец, исправлять ошибки, пойдя по пути обществ «свободных профессий», то есть перейти на принятые в мировой практике принципы профессионального саморегулирования в области архитектуры и инженерных услуг с созданием профессиональных ассоциаций в масштабах страны и всероссийских стандартов профессиональной деятельности.

Нынешнюю систему саморегулирования «проектного бизнеса» рано или поздно придется решительно и полностью ликвидировать. Ради будущего страны, ее образа, отражением и выражением которого всегда была и будет **АРХИТЕКТУРА**.

Виктор Логвинов / Victor Logvinov

Литература

1. Проект Ф3 № 714996-6 от 18 марта 2015 г. «О внесении изменений в статьи 55.10 и 55.16 Градостроительного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – <http://docs.cntd.ru/document/420251197>.
2. Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2015г. №2776-р об утверждении «Концепции совершенствования механизма саморегулирования» [Электронный ресурс]. – <http://government.ru/media/files/7rKYmwzAEONj7Meac9XkHfNBRR9TA1K.pdf>.
3. Логвинов В. Что немцу полезно... или СРО по-русски // Проект Байкал. – 2012. – № 31. – С. 44–45.
4. Логвинов В. Особенности национального менеджмента // Проект Байкал. – 2015. – № 45. – С. 12–17.
5. Логвинов В. Архитекторы в потоках домыслов и лжи [Электронный ресурс].

– <http://archpeter.ru/arkhiv/2015/05/arkhitekturny-v-potoke-domyslov-i-lzhi>.

6. Предварительный классификатор основных продуктов ООН. Услуги в области архитектуры, коды 86711–86715.

7. Классификатор услуг ГАТС (Классификационный перечень секторов услуг) [Электронный ресурс]. – <http://www.rospravo.ru/files/sites/4082eee697f42d77dec03120ca66fd20.pdf>

8. ОКВЭД, код деятельности 74.20.11 [Электронный ресурс]. – http://regforum.ru/okved/kod_okved_74.20.11.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – <http://base.garant.ru/10164072>.

References

- Civil Code of the Russian Federation (n.d.). Part 1, article 2. Retrieved from <http://base.garant.ru/10164072>
- Decree of the government of the RF No 2776-P (December 30, 2015). On the approval of “The Concept of Improving the Self-Regulatory Mechanism”. Retrieved from <http://government.ru/media/files/7rKYmwzAEONj7Meac9XkHfNBRR9TA1K.pdf>
- Draft law No 714996-6 passed in its first reading (March 18, 2015). On introducing amendments to articles 55.10 and 55.16 of the City planning Code of the Russian Federation. Retrieved from <http://docs.cntd.ru/document/420251197>
- ГАТС [Service Sectoral Classification List]. Retrieved from <http://www.rospravo.ru/files/sites/4082eee697f42d77dec03120ca66fd20.pdf>
- Logvinov, V. (2012). What is good for a German... or a Russian-style SRO. Project Baikal, 9(31), 44–46. doi: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.31.151.154>
- Logvinov, V. (2015a) Arkhitekturny v potoke domyslov i lzhi [Architects in the flows of conjectures and lie]. Arkhitekturny Peterburg, 5(36). Retrieved from <http://archpeter.ru/arkhiv/2015/05/arkhitekturny-v-potokedomyslov-i-lzhi>
- Logvinov, V. (2015b). Peculiarities of National Management. project baikal, 12(45), 12–16. doi: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.45.873>
- ОКВЭД [All-Russian Classifier of Economic Activities]. Activity code 74.20.11. Retrieved from http://regforum.ru/okved/kod_okved_74.20.11.
- United Nations. Provisional Central Product Classification. Architectural services, codes 86711 – 86715.

элиты / elites

В своих поздних диалогах Платон сформулировал определение элит как социальных групп, производящих эйдетические образы, – выражаясь современным языком, когерентные, архетипичные и оригинальные (новаторские). В образах идеального города с замкнутой концентрической структурой Платон воплотил идею аскетичной элиты, сдерживающей личное потребление. Гиппократ предложил идею здорового города с уравновешенными элементами городского и сельского образа жизни. Элиты открытого города реализуют свой социальный долг путем наращивания потока производимых образов.

Ключевые слова: элитология, античная философия, идеальные города, урбанистика. /

In his late dialogues, Plato defined elites as social groups that produce eidetic images or, in modern parlance, coherent, archetypic and innovative images. Plato embodied the idea of ascetic elites, which restrain personal consumption, in the images of an ideal city with a concentric structure. Hippocrates suggested an idea of a healthy city with well-balanced elements of city and rural ways of life. Open-city elites fulfill their social duty by increasing the flow of the images they produce.

Keywords: elitology; ancient philosophy; ideal cities; urban studies.

Introduction

About 427 BCE a boy was born to one of the most aristocratic families in Athens. He was named Aristocles after his grandfather, the direct descendant from the emperor of Attica Codrus. The boy was smart, talented and good in sports. He became a winner of the Isthmian Games. He drew well, wrote fine poems and read a lot. He was not interested in politics, as if he had an aversion to it, though his family was very active in political struggles, and his uncle even was a member of the Athenian Thirty Tyrants. At the age of twenty, Aristocles met a great disputer, a talker, a general favourite and a street philosopher Socrates. Socrates accepted the young man as his student and gave him the nickname Plato (Πλάτων, or 'wide') for his broad shoulders and chest. Under this name Plato came down in history (Losev, 2006).

For 25 centuries, the Dialogues of Plato have been an object of intense interest among numerous followers, researchers, critics and imitators. Having a brilliant literary style, a vivid language, a ruthless logic and amazingly impudent ideas, today Plato seems more contemporary than most of the living theorists. The images of Plato's treatises are so complete that they were used in several

Элиты и паразиты / Elites and Parasites

текст

Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Введение

Примерно в 427 году до нашей эры в одной из самых родовитых семей Афин родился мальчик. Назвали его Аристокл, в честь деда – прямого потомка аттического царя Кодра. Мальчик рос способный и талантливый. Успешно занимался спортом, стал лауреатом Истмийских игр. Рисовал, сочинял изящные стихи и много читал. Политикой, правда, не интересовался, как будто брезговал, хотя семья активно участвовала в политических битвах, а родной дядя даже вошел в афинский «Совет тридцати тиранов». В двадцатилетнем возрасте юный Аристокл познакомился со знаменитым спорщиком, говоруном и народным любимцем уличным философом Сократом. И тот, признав юношу своим учеником, дал ему прозвище Широкий за его мощные плечи и грудь. Под этим именем – Платон (Πλάτων) – он и вошел в историю [1].

В течение двадцати пяти веков «Диалоги» Платона служат пищей для многочисленных последователей, исследователей, критиков и подражателей. Блестящий

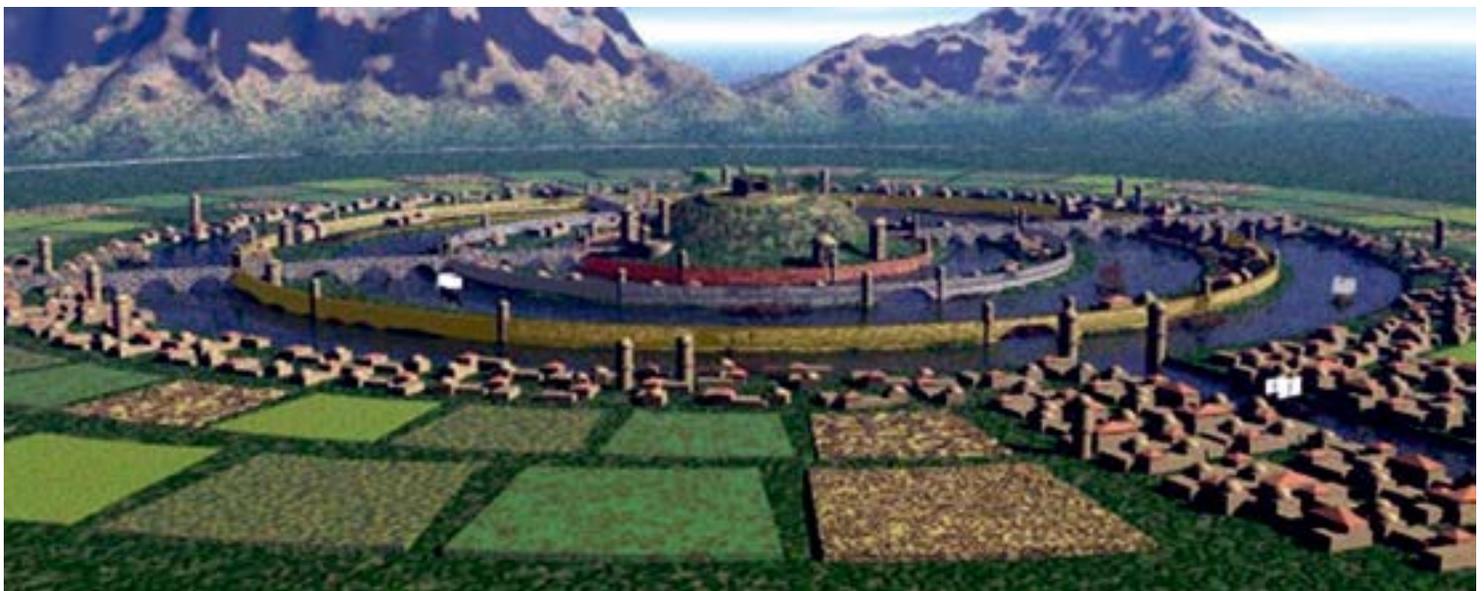
литературный стиль, живой язык, беспощадная логика и ошеломляющие по своей дерзости идеи – Платон и сегодня воспринимается гораздо современнее и актуальнее большинства ныне живущих теоретиков. Совершенство образов, которыми Платон наполнил свои трактаты, таково, что по ним снято несколько художественных фильмов – ну кто еще из философов может похвастаться подобным триумфом?

Одно из самых поздних и основополагающих произведений Платона – диалог «Государство» (Πολιτεία), в котором изложена первая и, возможно, наиболее связанная в европейской философии теория элит. Вряд ли будет преувеличением сказать, что все последующие элитологические исследования так или иначе отталкиваются от этого труда [2].

Элитарность по Платону

Латинское слово electus – «избранный», от которого (через французский) родилось русское «элита», у Платона,

v Реконструкция Атлантиды, в образе которой Платон воплотил свои представления об идеальном элитарном городе / Reconstruction of Atlantis, the image of which embodied Plato's ideal elite city

feature films – who of the philosophers can boast of such triumph? One of the latest and most fundamental works by Plato is the 'Republic' (Πολιτεία) Decalogue presenting the first and, probably, the most coherent theory of elites in the European philosophy. It is not an overstatement to say that all subsequent elitological investigations start from this work, in one way or other (Krivoruchenko & Mazuev, 2012).

Plato's elitism

Of course, Plato does not use the Latin word 'electus' (from which the word 'elite' is derived). Instead, he uses the Greek ἀριστέυς, or 'noble', 'of good family'. In the classical antique society a human personality was formed only inside the family. The second stage of socialization was at the age of 25 and older, which due to a short lifetime, should be considered as early youth rather than childhood. The personal moral qualities were a result of family education, so if a person behaved badly, it was a shame to the whole family. And vice versa, the family was considered elite if there were great soldiers, statesmen or wise men even in distant generations. In disregard for the calendar, the Greeks cherished the memory of their ancestors and even counted the years according to the great deeds

of heroes or rulers. Thus, by aristocratism Plato meant 'well-bred' rather than 'well-born'.

According to Plato, good breeding means a proper balance between rights and duties. A true aristocrat has fewer rights than duties. A soldier has the right to live on public allowance, but he must sacrifice his health and life in the battles. A philosopher has the same right not to care about breadwinning, but he is obliged to seek for justice and to protect it.

Plato says that philosophers, or the highest elite, should lead a modest and ascetic way of life. Their everyday life looks like a reality of the war communism, a monastery or a not very rich kibbutz. Elites are even deprived of the right to private property: their dwelling, possessions and even wives and children belong to the public domain. Plato was not rich himself, judging by Diogenes Laertius' works, where he mentioned Plato's will. In this will, Plato's possessions were rather modest. On the contrary, Plato's definition for justice is very broad and includes harmony and delight, law and art. The highest truth, the goodness (τὸ ἀγαθόν), the sphere of duties of Plato's philosophers is similar to the sun. It warms up and lights all aspects of life of all the people.

понятное дело, отсутствует. Вместо него используется греческое ἀριστέυς – «благородный», «из хорошей семьи». В классическом античном обществе формирование личности человека происходило исключительно внутри семьи. Вторичная социализация молодежи приходилась на возраст уже после десяти лет, что, с поправкой на короткую жизнь, следует считать не детством, а скорее ранней юностью. Моральные качества каждого человека были результатом семейного воспитания, так что, если человек вел себя неподобающим образом, позор падал на всю семью. И наоборот, наличие в роду великих воинов, государственных деятелей, мудрецов, пусть даже в отдаленных поколениях, придавало фамилии элитность. Пренебрегая календарем, греки тщательно хранили воспоминания о предках – героях и царях, и даже счет годам вели по их великим деяниям. Так что аристократизм у Платона скорее признак не «хорошо рожденного», а «хорошо воспитанного».

Хорошее воспитание по Платону означает прежде всего правильный баланс между правами и обязанностями. Для настоящего аристократа его права всегда меньше, чем обязанности. Воин имеет право жить на общественном содержании, но обязан жертвовать здоровьем и жизнью, участвуя в битвах. Философ тоже имеет право не тратить время на поиски хлеба насущного, но зато в его обязанности входит непрерывный поиск и защита справедливости.

Философы, высшая элита по Платону, в быту должны быть скромны и аскетичны. Их повседневная жизнь очень похожа на реальность военного коммунизма, монастыря или небогатого кибуца. Доходит до того, что элитам отказано в праве частной собственности: их жилище, имущество, даже жены и дети являются общественным достоянием. Сам Платон, несмотря на происхождение, был небогат, об этом свидетельствует Диоген Лаэртский, приводя в своих сочинениях завещание Платона. Перечисленное в завещании имущество более чем скромно. Зато понятие справедливости у Платона расширяется, включая в себя и гармонию, и наслаждение, и закон, и искусство. Высшая истина, благо (τὸ ἀγαθόν), – область обязанностей платоновских философов – подобна солнцу, она обогревает и освещает все стороны жизни всего народа.

Платоновская элита не просто мыслит и созерцает, она еще и творит. Постоянно и непрерывно нужно придавать вечному Благу привлекательные и прекрасные общедоступные формы: «...государство должно беспрестанно петь самому себе очаровывающие песни, в которых будут выражены все те положения, что мы разобрали. Они должны и так и этак постоянно видоизменять и разнообразить песни, чтобы поющие испытывали наслаждение и ненасытную какую-то страсть к песнопениям» [3].

В сегодняшней терминологии к платоновским философам следует, таким образом, отнести всю творческую интеллигенцию, креативный класс – ученых, артистов, архитекторов... тех, кто соединяет алгебру с гармонией в поисках истины и красоты.

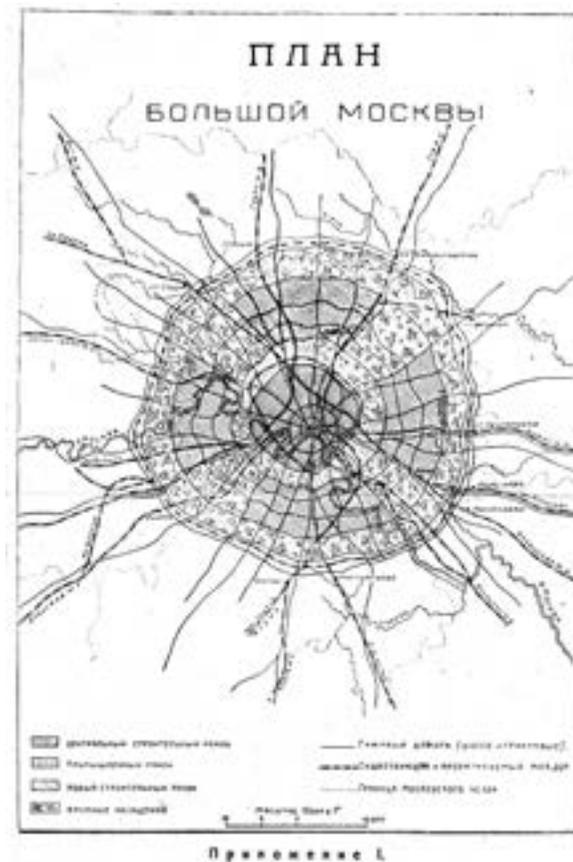
Забота о материальном богатстве, роскоши по Платону – достояние низших слоев общества, ремесленников и крестьян. Их мораль убога, их мировоззрение ограничено и, вообще, они живут в мире плоских и темных призраков. Знаменитая метафора о людях, запертых в пещере и судящих о внешнем мире лишь по теням на потолке своей тюрьмы, как раз о таких, не вошедших в элиту, несчастных.

Экономика элиты

В наше время бурного развития экономики нельзя устоять перед искушением рассмотреть элиты как экономический феномен. С платонической точки зрения элиты производят не вещи (которые суть лишь тени), а образы (эйдосы). Впрочем, платоновский эйдос – это далеко не всякий образ. Эйдос гармоничен и внутренне согласован. Сегодня мы называем это свойство образа «когерентность». Эйдос обобщает в себе огромный опыт текущих, моментальных переживаний и поэтому не зависит от конкретного времени или места: эйдосы волнуют и впечатляют людей самых разных эпох и разных стран. Вслед за К.-Г. Юнгом назовем это свойство «архетипичность». Несмотря на свою умозрительную природу, эйдосы насыщены тонкими и сильными эмоциями, они артистичны и художественны.

Понадобилось двадцать пять веков, чтобы научная экономическая мысль пришла к тому же самому выводу. Постиндустриальные экономики «золотого миллиарда»

> План развития Москвы, разработанный под руководством проф. С. С. Шестакова (изд-во М. К. Х., 1925). В спорах с этим планом сохранения концентрической структуры города разрабатывались проекты «Параболы Ладовского» и «Зеленые города» дезурбанистов. Однако все тот же принцип продолжает и сегодня определять развитие самого элитарного города России / The development plan for Moscow worked out under the supervision of Prof. S. S. Shestakov (published by M. K. Kh., 1925). The disputes with this plan of preservation of the concentric structure of the city gave birth to such projects as "Ladovsky's Parabola" and "Green Cities" by desurbanists. However, the development of the most elite city in the country is still based on the same principle

сегодня строятся на производстве эйдетических образов [4, 5]. Инновационные технологии, фирменные бренды, мировые валюты и массовая культура – все эти феномены имеют рыночную стоимость только благодаря тому, что содержат эйдосы. Эйдос может присутствовать в товаре в диахроническом вербальном виде, тогда экономисты говорят об «истории», рассказанной товаром или о товаре. «Рассказывание историй», Story Telling, уже превратилось в самостоятельную профессию, а в качестве самого гениального «сторителлера» обычно указывают легендарную фигуру Стива Джобса [6].

Plato's elite does not only think or contemplate, it also creates. It should continuously give the eternal goodness attractive and beautiful features available for everyone: "That it is... the duty of the whole State, to charm themselves unceasingly with the chants we have described, constantly changing them and securing variety in every way possible, so as to inspire the singers with an insatiable appetite for the hymns and with pleasure therein." (Plato, 1969).

In today's terminology, Plato's philosophers should thus include the whole creative intelligentsia (scientists, artists, architects etc.), those who unite algebra and harmony in search for the truth and the beauty.

According to Plato, the material wealth and luxury are the concern of the lower layers of the society – craftsmen and peasants. Their morality is poor, their world view is limited, and, generally, they live in the world of flat and dark ghosts. A famous metaphor about the people prisoned in the cave, who judge about the outside world only by the shadows on the ceiling, refers to those poor people left out of the elite.

Economy and elites

Today, in the context of rapid development of economy, it is

hard to avoid considering elites as an economic phenomenon. From Plato's point of view, elites produce not things (which are mere shadows), but images (eidoses). However, Plato's eidoses does not mean any eidos. Eidos is harmonious and inwardly coherent. Today this characteristic of the image is called 'coherence'. Eidoses embraces a huge experience of the current and instant emotions and thus does not depend on a certain time or place: eidoses impress people of different epochs and countries. After C. G. Jung, we can call this characteristic 'archetypicity'. In spite of their ideational nature, eidoses are artistic and rich in subtle and strong emotions.

It took the scientific economic thought twenty five centuries to come to the same conclusion. Postindustrial economies of the 'golden billion' are now built on production of eidetic images (Dunham-Jones, 2000; Inozemtsev, 2000). Innovative technologies, brands, world currencies and mass culture have market value only because they contain eidoses. If eidoses of goods are featured in a diachronic verbal form, economists speak about the 'story' told by the goods or about the goods. 'Story telling' has already become a profession. The most brilliant 'storyteller' was Steve Jobs (Simmons, 2013).

Эйдетические образы могут предъявляться рынку в симультанной, пластической форме. Самая очевидная из таких форм – изобразительные искусства, и никогда в истории человечества рынок живописи и скульптуры не приобретал такого размаха. Революция импрессионистов не только перевернула представления о соотношении цвета и линии, но и породила небывалую фигуру художника, разбогатевшего на своих картинах. Рубенсу понадобилось выстраивать целый конвейер по производству авторских копий со своих парадных шедевров. Немногочисленные дожившие до старости импрессионисты доживали ее в богатстве, не становясь бизнесменами.

Наиболее близкими к платоновскому эйдосу, однако, оказываются образы комплексные, содержащие и сюжет, и пластическую форму. Театр, а затем кинематограф, а затем – телевидение и, наконец (наконец?), интернет поочередно принимают на себя роль основного производителя, носителя и рынка образов. Сегодня количество образной информации, перекачиваемой за год глобальными сетями, принимает вид чудовищной цифры – зеттабайта – единицы с двадцатью одним нулем, тысячи миллиардов миллиардов байт, что эквивалентно 36 миллионам лет просмотра видеозаписей в HD-качестве. Очевидно, эйдетические образы составляют лишь крошечную долю этого могучего потока, но все же надо согласиться: рынок образов приобрел действительно глобальные масштабы.

Архитектура также относится к комплексным носителям образов. В разные эпохи она склонялась то к пластичности, то к повествовательности, но оба компонента присутствовали всегда. Акрополь строили скульпторы, но и в нем прослеживается сюжетная последовательность образов с Парфеноном в качестве кульминации. Готический собор повествователен, как Библия, но кто же откажет готике в пластической выразительности? К сожалению, вторая половина прошлого века так перекосила архитектуру в сторону чистой визуальности, что от диахроничности не осталось почти ничего. О чем рассказывает современная нам архитектура, какие истории может поведать внимательному собеседнику? Да и не нужен ей, современной архитектуре, внимательный собеседник. Пробежал кто-то мимо, остановился, щелкнул «селфи» на фоне, вывесил в «Инстаграм», побежал даль-

Eidetic images may be presented to the market in a simultaneous and plastic form. The form of fine arts is the most evident. Today the painting and sculpture market has reached its maximum spread in the whole history of mankind. The Impressionist Revolution not only turned around the notion of colour-line relation, but also gave birth to a new figure of a painter making a fortune on his pictures. Rubens had to organize a conveyor to produce the author's copies of his masterpieces. Not being businessmen, those few impressionists who lived into old age, died rich.

However, complex images containing both a story and a plastic form are closer to Platonic eidos. Theatre, then cinematography, then television and, finally (finally?), the Internet succeeded each other in taking the role of the main producer, bearer and market of the images. Today the amount of image-bearing information flowing through the global network is monstrous. It is estimated in zettabytes. The zettabyte is a whopping twenty-one zeros after one, or thousands of billions of billions of bytes, which equals 36 million years of watching HD video. Eidetic images constitute only a tiny part of this huge flow, but there is no doubt that the market of images has reached a truly global scale.

ше... и достаточно. Тут уже, знаете ли, не до созерцания абсолютной справедливости.

Итак, с платонически-экономической точки зрения элитами следует считать те группы людей, которые производят наибольшее количество эйдетических (когерентных, архетипичных, гармоничных) образов. При этом уровень их личного потребления гораздо ниже уровня их же производства: даже если они живут в достатке, поток производимых ими эйдосов намного перекрывает поток потребляемого ими. Билл Гейтс вывел на рынок идею персонального компьютера и стал самым богатым человеком на земле – но его компания изменила образ жизни миллиардов людей, создала неисчислимое количество новых возможностей и породила глобальный и все нарастающий вал новшеств. Разве в масштабе глобальной «компьютерной революции» сорок миллиардов долларов личного состояния Билла Гейтса не выглядят вполне скромной суммой?

Вырождение элит

Жизнь Платона пришла на эпоху, когда его идеи вступили в жесткое противоречие с окружающей реальностью. Греческие полисы, разбогатев на грабительских войнах, быстро погружались в роскошь и расслабленную негу – все то, что позже Веблен назвал «демонстративным потреблением». Культивируя излишества, афиняне и даже суровые спартанцы превращаются в рабов собственных вождельний. Вождельния становятся главными врагами совершенного государства. Особенно пагубно они влияют на молодежь: «Опорожнив и очистив душу юноши, уже захваченную ими и посвященную в великие таинства, они затем низведут туда, с большим блеском, в сопровождении многочисленного хора, наглость, разнузданность и распутство, увенчивая их венками и прославляя в смягченных выражениях: наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством. Разве не именно так человек, воспитанный в границах необходимых вождельний, уже в юные годы переходит к развальному потаканию вождельниям, лишенным необходимости и бесполезным?» [7].

Architecture also belongs to the complex bearers of images. In different epochs it inclined to either plasticity or narrativeness, but both components have been always present. The Acropolis was built by sculptors, but one can trace a narrative subsequence of images with the Parthenon as its culmination. A Gothic cathedral is narrative like the Bible, but there is no doubting its plastic expressiveness. Unfortunately, the second half of the last century misled architecture to pure visuality so that its diachrony almost disappeared. What stories can the modern architecture tell us? It does not need an attentive conversation partner. While running by, one can stop, take a selfie with this architecture in the background, put it on Instagram and then continue running. And this is enough. It is not a matter of contemplating the absolute justice any more.

From the Platonic-economic point of view, elites are the groups of people that produce the biggest number of eidetic (coherent, archetypal, harmonious) images. Along with this, the level of their personal consumption is much lower than the level of their production. Even if they live in abundance, the flow of eidoses they produce greatly surpasses their consumption. Bill Gates brought an idea of personal computers to the market and became the richest

v In 1935 Frank Lloyd Wright wrote an article for the Architectural Record magazine, where he featured an elite city. The production of eidoses was to be ensured by purely American achievements, such as mass automobilization, telephone and telegraph, as well as mass standardized production based on the fusion of technology and science. In the photo Wright and his apprentices are working on the model of the Broadacre utopia in their own mini-utopian settlement in Arizona

Стремительный закат классической античности, разложение эллинизма, распад империй и упадок рыцарских орденов – со времен Платона вырождение элит происходило схожим образом. Прошло двадцать пять веков, и те же симптомы снова были перечислены в виде синдрома affluenza (термин Дж. де Граафа, Д. Ванна и Т. Х. Нейлора в русском переводе получил хлесткую форму – «потребляемость») – на этот раз по отношению к правящему среднему классу «золотого миллиарда» [8].

Схема, по которой происходит вырождение элиты, в основе своей проста. Сначала элита осознает себя не просто носителем высшего блага, а – особой человеческой породой, высшей расой, избранной нацией, боголюбимым народом и так далее. Аристократия (правильно воспитанные) заменяется евгеникой (правильно рожденными).

Привилегии и особые права становятся наследуемыми и уже не зависят от личных качеств человека. Родившись «с серебряной ложкой во рту», отпрыск элитарных родителей автоматически получает множество возможностей

^ В 1935 году Фрэнк Ллойд Райт написал в журнале «Архитектурные записки» (Architectural Record) статью, в которой изложил свои представления об элитном городе. Производство эйдосов должны были обеспечить чисто американские достижения – массовая автомобилизация, телефон и телеграф, массовое стандартизированное производство на основе сплава техники и науки. На фотографии Райт и его ученики работают над макетом утопии Бродакр (Broadacre) в их собственном мини-утопическом поселке в Аризоне

in the world. But his company changed the way of life of billions of people, while providing infinite opportunities and creating a global ever-growing flow of novelties. Don't forty billion dollars of Bill Gates' private income look rather modest in the context of the global 'computer revolution'?

Degeneration of elites

Plato lived in the epoch when his ideas came into a hard collision with the surrounding reality. Having thriven on predatory wars, Greek polices sank into luxury and relaxation, which was later called by Veblen 'conspicuous consumption'. While cultivating abundance, Athenians and even stern Spartans turn into slaves of their own desires. Desires become the main enemy of the perfect state. They are especially harmful for youth: "And when they have emptied and purged of all these the soul of the youth that they have thus possessed and occupied, and whom they are initiating with these magnificent and costly rites, they proceed to lead home from exile insolence and anarchy and prodigality and shamelessness, resplendent in a great attendant choir and crowned with garlands, and in celebration of their praises they euphemistically denominate insolence 'good breeding,' licence 'liberty,' prodigality 'magnifi-

cence', and shamelessness 'manly spirit.' "And is it not in some such way as this," said I, "that in his youth the transformation takes place from the restriction to necessary desires in his education to the liberation and release of his unnecessary and harmful desires?" (Plato, 1969).

Rapid decline of the classical antiquity, degeneration of Hellenism, dissolution of empires and decay of knightly orders – from Plato's times elites degenerated in a similar way. Twenty-five centuries later the same symptoms were defined as a syndrome 'affluenza' (the term invented by J. De Graaf, D. Wann and Th. H. Naylor) this time referred to the ruling middle class of the 'gold billion' (De Graaf, Wann, & Naylor, 2005).

The procedure of degeneration of elites is basically simple. First the elite considers itself not only the bearer of the highest good, but also a special breed of humans, the highest race, the chosen nation, the people loved by God, etc. Eristics (well-bred) is superseded by Eugenics (well-born).

Privileges and special rights become inheritable and do not depend on personal qualities any more. Born 'with a silver spoon in the mouth', the descendants of elite parents immediately get lots of

для демонстративного потребления – независимо от того, будет он производить эйдетические образы или нет.

Элитарное сообщество замыкается и укрепляет границы между своей внутренней средой и всем остальным миром. Нужно же оградить чистоту породы от вторжения унтерменьшей, а привилегии – от посягательства бедноты. Вырабатывается эзотерический язык, непонятный непосвященным, усложняется система знаков принадлежности к элите, барьеры для вступления в элиту становятся все более причудливыми и труднопреодолимыми. Извне в элитарное сообщество все больше попадают не молодые энтузиасты, горящие свежими идеями, а хитрые приспособленцы и карьеристы, привлеченные высоким уровнем потребления.

Уже через одно-два поколения в замкнувшейся элитарной страте утрачивается представление о необходимости производить эйдетические образы и транслировать их в окружающий социум. Да и зачем напрягаться в муках творчества, если высокий личный уровень потребления гарантирован по праву принадлежности к элите? Вскоре молодое поколение элиты вообще утрачивает понятие о производстве эйдетических образов и предается безудержному потреблению впережку с интригами и «подковерной борьбой» за власть. Элита превращается в сообщество паразитов – людей, которые потребляют больше, чем производят, и живут за счет окружающего социума. На следующем этапе элита (потерявшая право так называться) становится объектом презрения и ненависти окружающего социума и сходит с исторической арены, судорожно цепляясь за свои, уже ничем не оправданные привилегии.

Элитарность и идеальный город

Ко времени написания «Государства» многие начинания Платона потерпели крах. Любимый учитель осужден и казнен за оскорбление религиозных чувств верующих. Поездки на Сицилию с целью привить тамошнему тирану Дионисию (а потом и его сыну, Дионисию Второму) черты правителя-философа провалились: ни первый, ни второй тираны не смогли отказаться от своего свиного образа жизни, а сам Платон, попав в эпицентр дворцовых интриг, спасается с острова бегством. Классическая простота и

гармония в родных Афинах стремительно вытесняется омерзительными, самодовольными излишествами, а вместо патриотического противостояния тоталитарным персам назревает братоубийственная Пелопонесская война.

Философу остается лишь конструировать идеальный город – место, где его принципы будут реализованы хотя бы в мечтах. За основу Платон взял гениальное изобретение Гипподама Милетского – упорядоченную систему стандартов застройки, обеспечивающую логику города и его безболезненный рост. Только вместо прямоугольной сетки улиц Платон использует концентрическую структуру. Его идеальный город не должен расти, в нем вообще время как бы не движется, потому что идеал не может и не должен меняться.

Образ концентрического города неоднократно возвращался в умы и даже в практику зодчества. Средневековые города-крепости, города Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, польский город Замосць, построенный в 1580 году итальянцем Бернардо Моранди, проект Скамочки, изданный в 1615 году и реализованный в Пальмо Нуово, идеальные города Филарете и Альбрехта Дюрера – все это воплощения той же идеи неподвижного и вечного города. В новейшие времена та же идея воплотилась в генеральном плане Москвы 1936 года, по образцу которого планировалось перестроить еще множество советских городов. «Город в пространстве» Ионы Фридмана и «Плавучий город» Бакминстера Фуллера – примеры пространственного, трехмерного воплощения идеи концентрических городов. И на том же концентрическом принципе организованы «города пенсионеров» Сан-Сити в сегодняшней Америке.

Концентрический город построен на первоначальном платоновском образе элиты – сурово ограничивающей себя в потреблении, аскетичной, посвятившей себя исполнению долга перед городом, миром и вечной справедливостью.

Вторая линия в традиции идеальных городов также берет свое начало в древнегреческой культуре. Великий врач Гиппократ, современник Платона, оставил после себя немногочисленные письменные тексты, но среди них – сочинение «О воздухах, водах и местностях» [9]. В нем предлагается при строительстве городов учитывать

opportunities for conspicuous consumption, regardless of whether they produce eidetic images or not.

The elite community isolates itself and strengthens the borders between its inner environment and the outer world. It wants to protect the pureness of the breed from intervention of subhumans and the privileges from invasion of poor people. It works out an esoteric language unknown to laypeople, complicates the system of signs of elite membership and makes the entry barriers more and more extravagant and formidable. Not young enthusiasts full of fresh ideas, but rather sly timeservers and careerists attracted by high level of consumption get into the elite community from outside.

In one or two generations the isolated elite stratum no longer feels the need to produce eidetic images and to communicate them to the surrounding society. Why should they suffer the throes of creation if the high personal level of consumption is guaranteed by right of belonging to the elite? Soon the young generation of the elite forgets about production of eidetic images and addicts itself to unrestrained consumption together with intrigues and 'behind-the-scenes' struggling for power. The elite turns into the community of parasites, or people who consume more than produce and live

at the expense of the surrounding society. At the next stage the elite (which has lost the right to this name) is scorned and hated by the society and disappears from the historical arena, while clinging to their already indefensible privileges.

Elitism and an ideal city

By the time Plato wrote his Republic, most of his endeavors had failed. His favorite teacher was sentenced and executed for insulting religious feelings of believers. Plato's visits to Sicilia to teach the tyrant Dionysius (and later his son Dionysius II) to become a philosopher king were unsuccessful: neither the first nor the second ruler could give up their swinish way of life, and Plato had to escape from the island. The classical simplicity and harmony of the dear Athens was rapidly superseded by disgusting and pompous superfluities. Instead of patriotic confrontation with the totalitarian Persians there was a fratricidal Peloponnesian war in the air.

There was nothing to do but to create an ideal city to realize all the philosopher's principles at least in dreams. Plato took as a basis a great invention of Hippodamus of Miletus – an ordered system of planning ensuring urban logistics and proper development. But Plato used a concentric structure instead of a rectangular street

< Город пенсионеров Сан-Сити в Аризоне. Платоновский концентрический город в очередной раз воплотился в виде поселения людей с аскетически сдержанными потребностями – своеобразная элита наших дней / The Sun City for pensioners in Arisona. Plato's concentric city is again embodied in a settlement of people with ascetically restricted demands – a kind of contemporary elite

особенности рельефа местности, розу ветров и движение водных потоков для того, чтобы обеспечить горожанам наиболее здоровую среду обитания.

Идеи Гиппократов были заново открыты в эпоху Просвещения и с тех пор становятся все популярнее. Тут и город «Кодекса природы» Этьенна-Габриэля Морелли, и «Идеальный город» Леду, и «Город-сад» Эбинизера Говарда. Идеи санитарно-защитных зеленых зон в «Индустриальном городе» Тони Гарнье, в «Городе небоскребов» Огюста Перье, в «Городе будущего» Эжена Энара и в «Лучезарном городе» Корбюзье основаны на том же направлении мысли. Принципы расчлененной, дезурбанизированной городской ткани в проектах Готтлиба Сааринена и «Зеленый город» советских дезурбанистов, «Поточно-функциональный город» Н. А. Милютина, «Вертикальный город» Люрса, «Город широких горизонтов» Франка Ллойда Райта – все это примеры развития гиппократовой идеи о необходимости совмещения внутри города элементов

искусственных и природных. В середине XX века идеи города-космоса, включающего в себе замкнутую экосистему, развивались в проектах «Экуменополиса» Константина Доксиадиса, «Биотехнического города» Паоло Солвери, «Экосити» Ричарда Реджистера, «Экополиса» А. А. Брудного и Д. Н. Кавтарадзе, «Ноосферного города» Эдуарда Леруа и так далее [10].

Уже в начале текущего века много шума наделал проект американского экономиста Пола Ромера «Чартерные города» («Города-хартии»), в котором предлагалось строить новые высокотехнологичные города «с нуля», на пустом и желательно изолированном месте, например на острове. Предлагалось придать таким городам большую степень независимости от национального правительства и большую экономическую самостоятельность под управлением совета директоров из числа лидеров крупнейших транснациональных корпораций. По примеру Гонконга и Тайваня, эти города обещали стремительный экономи-

grid. Plato did not suppose his ideal city to grow. The time seems to stop here, because an ideal cannot and should not change.

A concentric image of the city often returned to architectural ideas and even practice. Medieval walled towns, Thomas More's and Tomaso Campanella's cities, the city of Zamosc built by the Italian architect Bernardo Morandi in 1580 in Poland, the project by Scamozzi published in 1615 and realized in Palma Nuovo, ideal cities by Filarete and Albrecht Durer are realizations of the same idea of a still and eternal city. In modern times, the same idea was realized in the Moscow master plan of 1936, which was supposed to serve for rebuilding of many Soviet cities. The Spatial City by Yona Friedman and the Floating City by Buckminster Fuller are the examples of spatial three-dimensional realization of the idea of concentric cities. The contemporary Sun City for pensioners in America is based on the same principle.

A concentric city is built on the initial Platonic image of the ascetic elite that severely restricts consumption and devotes itself to the fulfillment of duty towards the city, the world and the eternal justice.

The second line in the tradition of ideal cities is also rooted in

the Ancient Greek culture. The great doctor Hippocrates, Plato's contemporary, wrote several compositions, among which there was "On Airs, Waters and Places" (Hippocrates, 1868). He proposed to take into consideration terrain features, wind rose and water courses to build healthy cities.

Hippocrates' ideas were resumed at the Renaissance and still become more and more popular. For example, the city in the Code of Nature by Etienne-Gabriel Morelly, the Ideal City by Ledoux and the Garden City by Ebenezer Howard. The ideas of sanitary protection green zones in the Industrial City of Tony Garnier and the City of Skyscrapers of Auguste Perret, the City of the Future of Eugene Hearnard and the Radiant City of Le Corbusier have the same basis. The principles of segmented, desurbanized urban tissue in the projects by Gottlieb Saarinen and the Green City of Soviet desurbanists, the Linear-Functional City of N. A. Milyutin, the Vertical City of Lurcat, the Broadacre City of Frank Lloyd Wright are the examples of the development of Hippocrates' idea of combining man-made and natural elements in the city. In the middle of the 20th century the ideas of a space city including a closed system were worked out in such projects as Ecumenopolis by Konstantinos Doxiadis, the Biotechno-

> Амбициозный проект Арабских Эмиратов – комплекс «Спорт-Сити» в Дубае. Комплекс рассчитан на очень богатых людей, но замкнутый концентрический его характер снова возвращает нас к идеям Платона / An ambitious project in the Arab Emirates – the Sport City complex in Dubai. The complex is meant for very rich people, but its enclosed concentric nature again refers to Platonic ideas

ческий и технологический рост в гармонии с основными человеческими потребностями. Вроде бы начались даже переговоры о реализации этого проекта на одном из островов вблизи Гондураса и еще на одном – в Малайзии, но дальше разговоров дело так и не пошло. Идеал остался идеалом [11].

Гиппократовское направление архитектурно-градостроительной мысли демонстрирует противоположное платоновскому развитие понятия элиты. Здесь элита движется не по пути аскетичного ограничения потребления, а по пути неограниченного наращивания производства эйдегических образов. В новейшее время их стали называть технологиями, брендами, креативными решениями и научными моделями, но суть их осталась той же. Как и двадцать пять веков назад, истинная элита – это те, кто порождает поток гармоничных, архетипичных, когерентных образов, и никакой сверхвысокий уровень личного потребления этих людей не сравнится с тем, как

их образы меняют жизнь огромных масс, делают ее ярче, интереснее, осмысленнее.

Заключение

Архитектура и зодчество естественным образом тяготеют к элитарности – и как профессия, и как социальная страта. И архитекторы, и их заказчики часто принадлежат к элите. Нынешнее состояние архитектурно-градостроительного комплекса, которое многих не устраивает, очевидно, связано с общим кризисом элит в глобальном масштабе. В очередной раз мы наблюдаем во многих сферах вырождение творчества – в плагиат, энтузиазма – в алчность, новаторства – в бюрократические и политиканские игры. В какой мере профессиональное сообщество архитекторов поражено болезнями вырождения? Вопрос болезненный и спорный, и вряд ли имеет какое-то общее решение. Каждый сам решает в индивидуальном порядке – как выстраивать баланс между творческим поиском и

logical City by Paolo Soleri, Ecocity by Richard Register, Ecopolis by A. A. Brudny and D. N. Kavtaradse, the Noospheric City by Edouard Le Roy, etc. (Peshina & Rizhenkov, 2013).

In the beginning of the 21st century the Charter Cities of Paul Romer aroused much controversy. The author of the project proposed to build new high-technology cities 'from scratch', on a vacant and isolated land, for example, on an island. Such cities are supposed to have a high degree of independence from the national government and a high economic self-reliance and to be managed by the executive board composed of the leaders of the biggest transnational corporations. On the model of Hong Kong and Taiwan, these cities were forecast to have a rapid economic and technological growth consistent with the basic human needs. Negotiations on realization of this project on the island near Honduras and in Malaysia started, but it ended in talk. The ideal remained an ideal (Malkin, 2012).

The Hippocratic line of the architectural and town-planning thought opposes the Platonic notion of the elite. Here the elite develops along the way of unlimited increase of production of eidetic images instead of ascetic restriction of consumption.

материальным достатком. К какому полюсу тяготеть – к элитарному или же к паразитарному.

Литература

1. Лосев А. Ф. Жизнь и творческий путь Платона // Платон. Сочинения в 4 т. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та ; Изд-во Олега Абышко, 2006. – Т. 1. – С. 5–81.
2. Криворученко В. К., Мацуев А. Н. Элита: к вопросу о понятии // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 3. – С. 131–138.
3. Платон. Сочинения в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса ; пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та ; Изд-во Олега Абышко, 2007. – Т. 3, ч. 2. – С. 142.
4. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М. : Логос, 2000. – 304 с.
5. Dunham-Jones E. New Urbanism as a Counter-Project to Post-Industrialism [The Promise of New Urbanism] // Places. – 2000. – N 13.2. – P. 26–31.
6. Симмонс А. Сторителлинг. Как использовать силу историй. – М. : Манн, Иванов и Фарбер, 2013. – 379 с.
7. Платон. Госдарство // Сочинения в 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса ; пер. с древнегреч. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та ; Изд-во Олега Абышко, 2007. – Т. 3, ч. 1. – С. 410.
8. Грааф Д. де, Ванн Д., Нэйлор Т. Х. Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру. – М. : Ультра-культура, 2005. – 329 с.
9. Гиппократ. Сочинения. Кн. 1. О воздухах, водах и местностях / пер. В. И. Руднева ; коммент. В. П. Карпова. – М. : Биомедгиз, 1936.
10. Пешина Э. В., Рыженков А. В. Эволюция теоретико-методических подходов к понятию «идеальный город» // Управленец. – 2013. – № 4 (44). – С. 32–40.
11. Malkin E. Plan for Charter City to Fight Honduras Poverty Loses Its Initiator // The New York Times. – 2012. – Sept. 30.

Today such eidetic images are called technologies, brands, creative decisions and scientific models, but their essence remains the same. Like twenty-five centuries ago, the true elites are the people who produce a flow of harmonious, archetypic and coherent images. Even their high personal level of consumption cannot compare with the impact produced by these images on great masses of people, making their life more colourful, interesting and meaningful.

Conclusion

Architecture naturally gravitates toward elitism as a profession and a social stratum. Both architects and their clients often belong to the elite. The modern condition of the architectural and town-planning complex, which dissatisfies a lot of people, is probably related to the global crisis of elites. Again, we can observe in many spheres how creation degenerates into a plagiarism, enthusiasm into greediness, and innovation into bureaucratic and political games. To what extent the professional architectural society is struck with degeneration diseases? It is a thorny and controversial issue that scarcely has any universal solution. Everyone should decide individually how to make a balance between a creative endeavor and material wealth, and to which pole to gravitate: the one of elites or parasites.

References

- Bell, D. (1974). *The Coming of Post-Industrial Society*. New York: Harper Colophon Books.
- De Graaf John, Wann David, & Naylor Thomas H. (2005). *Affluenza: The All-Consuming Epidemic* (2nd ed.). Oakland, CA: Berrett-Koehler Publishers, Inc.
- Dunham-Jones, E. (2000). *New Urbanism as a Counter-Project to Post-Industrialism [The Promise of New Urbanism]*. *Places*, 13 (2), 26-31.
- Hippocrates (1868). *On Airs, Waters and Places*. (Charles Darwin Adams, Trans.). New York: Dover. Retrieved from http://www.greektexts.com/library/Hippocrates/On_Airs,_Waters,_And_Places/eng/231.html
- Inozemtsev, V.L. (2000). *Sovremennoe postindustrialnoe obschestvo: priroda, protivorechija, perspektivi [The modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects]*. Moscow: Logos.
- Krivoruchenko, V., & Mazuev, A. (2012). *Eliti: k voprosu o ponjatii [On the definition of elites]*. *Knowledge. Understanding. Ability*, 3, 131-138.
- Losev, A. F. (2006). *Zhizn i tvorchesky put' Platona [The life and creative career of Plato]*. In Losev, A. F., & Asmus, V. F. (Eds.), *Platon. Sochinenia v chetyrekh tomakh* (Vol. 1, pp. 5-81). Izd-vo S-Peterb. Un-ta; Izd-vo Olega Abyshko.
- Malkin, E. (2012, September 30). *Plan for Charter City to Fight Honduras Poverty Loses Its Initiator*. *The New York Times*.
- Peshina, E., & Rizhenkov, A. (2013). *Evoluzia teoretiko-metodologicheskikh podhodov k ponjatiu "ideal'nij gorod" [Evolution of theoretical and methodological approaches to the concept of "an ideal city"]*. *Upravlenez*, 4 (44), 32-40.
- Plato. (1969). *Plato in Twelve Volumes*. Vols. 5 & 6 (Paul Shorey, Trans). Cambridge, MA: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd..
- Simmons, A. (2009). *The story factor: secrets of influence from the art of storytelling; [inspiration, influence, and persuasion through the art of storytelling]*. New York: Basic Books.

Элиты вне и внутри профессии в процессе перехода от аристократического общества XIX века к демократии XX века до сих пор не обрели устойчивых культурных ориентаций. Быстрая смена потребительских и властных сфер препятствует становлению устойчивых нормы и принципов. Судьба архитектуры зависит от того, как будут складываться элиты и насколько сама профессия сможет влиять на свой культурный статус.

Ключевые слова: нормы культуры, архитектурные школы, звезды архитектуры, массовое общество, демократизация, авангард. /

In the shift from aristocratic society to democracy professional and social elites still are lacking definite cultural norms and attitudes. Rapid change of tastes and political influence blurs common attitudes and values, intuitive and rational methods of decision making, moral and artistic values. Architectural schools trying to accommodate to those changes lose their professional permanency.

Keywords: aristocracy; democracy; avant-garde; mass society; schools; architects; norms; tastes.

Элиты и звезды современной архитектуры / Elites and Stars of Modern Architecture

ТЕКСТ
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

Пытаясь понять судьбы профессии, архитектуры как профессии, нельзя игнорировать социальную ситуацию, сложившуюся в XX веке.

XX век можно считать веком окончательного формирования массового общества, когда все институты, доставшиеся ему по наследству от предшествующих эпох, испытывают огромные трансформации. Сегодня уже все понимают, как эти изменения коснулись науки, еще в XVIII веке бывшей делом очень узкой группы интеллектуалов, объединенных в кружки, королевские общества и имперские академии и вдруг сделавшейся важнейшим органом военно-промышленного комплекса и систем массового образования. Наука, давшая в руки политиков атомную бомбу, показала, что масштабы ее влияния не просто глобальны, но глобально опасны.

Позднее в этой же роли вслед за физикой оказались такие естественные науки, как биология и экология, вирусология и генетика. С одной стороны, они в свою очередь заняли стратегическое положение и вышли из-

под идеологического контроля церкви или тоталитарной партии вроде ВКП(б), с другой – заставили пересмотреть основные этические стандарты и традиции мировых религий и, как мне кажется безуспешно, критически переоценить плоды Просвещения.

Наука так и не смогла выдвинуть всеобщих принципов нравственности, формировавшихся культовыми практиками. Ценность человеческой жизни была радикально девальвирована в ходе гражданских и мировых войн. А ценность существования человечества подорвана идеологией прогресса, так как прогресс переставил акценты с настоящего на будущее и ценностным объявил только будущее человечества, которое, кроме этой новой ценностной функции, никаких более конкретных антропологических свойств так и не приобрело.

В архитектуре авангарда – в архитектурном футуризме – будущее тоже стало важнее прошлого. Но позиция настоящего, или текущего, момента при этом сделалась неопределенной. Настоящее уже перестало быть наследницей ценностей прошлого, но не стало и феноменом реального будущего. Настоящее заняло все пространство деятельности и заботы, так и не обретя своего трансцендентного смысла.

Это легче показать на примере архитектуры, которая, за десять с лишним лет выработав альтернативу тысячелетней проектной традиции, сделала ее средством перестройки поверхности земного шара, начав с крупных городов, постепенно распространяя на всю поверхность планеты.

Динамика архитектурного модернизма опиралась на несколько разных источников:

1. Феномен урбанизации и стремительное распространение городского образа жизни, сделавшее миллиарды людей жителями новой индустриальной среды с новыми средствами коммуникации.

2. Идеология демократии, сменившая родовую аристократию на интенсивно меняющиеся партийные и финансовые элиты.

3. Индустриализация строительства, бытового обслуживания, торговли, транспорта и коммуникации.

4. Дизайн или проектные технологии управления массовыми процессами производства и потребления через

изобретение и распространение массовых стандартов моды.

Архитектурный футуризм и утопизм уступил место практике удовлетворения потребности городов в массовом жилище, масштабы которой исключали индивидуацию и внедряли массовые стандарты и нормы, подкрашенные эротикой наслаждения. Дизайн, как и алкоголизация и наркотизация масс, сделались не менее действенными средствами, чем проповеди новой церкви – Голливуда. Кино вскоре дополнилось другими культовыми формами проповеди норм – радио, печатью и телевидением.

Эти процессы неплохо описаны с разных точек зрения. Прежде всего, естественно, со статистической. Статистика распространения городских поселений, их территорий и нового городского образа жизни объясняет не только необходимость развития массового индустриального и типового стандартного строительства, но и расширение сферы проектирования, занятого строительством массового жилища и зданий для массового обслуживания новых территорий – супермаркетов, вокзалов, транспортных сооружений, и пр.

Постепенно к массовому жилищу и учреждениям городской торговли, транспорта и культуры прибавились здания администрации и офисов новой городской бюрократии. Последние строились и проектировались как символы развивающегося финансового и политического истеблишмента. Наконец, все эти статистические и культурные сдвиги привели и к изменениям в подготовке архитекторов в архитектурных школах. Снижение уровня индивидуального проектирования и использование типовых и стандартных схем, разумеется, понизили уровень и глубину профессионального прироста в профессии, но темпы увеличения объемов строительства в десятки и сотни раз не могли не сказаться и на росте масштабов и количества участников соответствующих институтов.

Быстрое торжество авангарда и стандартизация модернистских схем не способствовали углублению творческой проработки новых методов проектирования, и здесь стандарт и схематизм искупались и оправдывались масштабными потребностями гигантского рынка строительства роста городов в настоящем, а не в будущем.

Появление массовой профессиональной печати и фотографии обеспечило распространение образцов. А развитие строительной технологии – их реализацию, причем повсюду – как на севере, так и на юге, как на западе, так и на востоке. Но это все достаточно банальная подоплека, от которой придется перейти к более существенной теме – судьбе элит.

В доиндустриальную эпоху архитектура находилась во власти элит, и элиты эти, как феодальные, так и буржуазные, долгое время оставались узкими и обслуживались избранными архитекторами, в основном вышедшими из академий. Авангард вывел на сцену новые профессиональные группы и элиты, объединившиеся сначала по внутрипрофессиональным идейным основаниям – футуристов, конструктивистов, экспрессионистов, а затем и по принадлежности к элитарным заказчикам – государству, олигархам, звездам культуры.

Что касается элит заказчиков, то в этой среде постепенно старые дома и кланы пополнялись нуворишами, и нувориши избрали для себя наиболее эффективные образы футуристической и утопической архитектурной эмблематики.

В СССР, однако, пионеры буржуазной эстетики оказались в числе классовых врагов, и лишь к 80-м годам XX века здесь установились наконец общие с западным буржуазным истеблишментом вкусы авангардистской и поставангардистской архитектуры. Все это хорошо изучено теми, кто писал историю Вхутемаса и Баухауза – от их борьбы с традицией, шельмования их консервативными

кругами и тоталитарными властями до восстановления в моральных правах. В СССР жертвами стали и лидеры новой архитектуры, их группы и объединения сталинским указом были распущены и заменены новым бюрократическим аппаратом Союза архитекторов, занимавшимся под наблюдением ЦК профессиональной критикой и образованием. Какое-то время была восстановлена в правах и наследница императорских институтов – Академия архитектуры, но после хрущевских реформ она уступила место бюрократическому министерству – Госгражданстрою и его институтам. Восстановление Академии (РААСН) в 80-е годы ничего не изменило: академия сохранила свой бюрократический, а не творческий смысл.

На Западе происходило нечто подобное, но в иных организационных формах. Группа СИАМ – как международное объединение модернистских архитектурных элит – постепенно утратила свой статус, а новые объединения оказались довольно эфемерными и неустойчивыми. Место реальных элит заняли университеты и их архитектурные факультеты, в которых особую роль играли действительные лидеры архитектурной мысли, а не назначенцы, как в СССР.

Попытка вернуться к идейным объединениям в начале 60-х годов (НЭР и пр.) ничего не дала. Так как в бюрократической системе это было затруднено партийным формализмом, а со стороны идейного содержания слишком слабо, чтобы противостоять новым общемировым безликим стандартам коммерческой и бюрократизированной проектной сферы.

Отсутствие профессиональных элит не компенсируется ни появлением на профессиональном горизонте своего рода «звезд», ни формальным существованием бюрократизированных исследовательских и учебных институтов. Понятие школы, ранее связывавшееся с идейной индивидуацией элит и групп, утратило свой смысл, сохранив только марки (бренды) типа МАРХИ и пр., питавшие свой авторитет прошлым, в основном авангардистским, но уже утратившим профессиональный смысл.

Попытки как-то изменить положение в сторону демократических и гуманистических идеалов, предпринимавшиеся еще в 20-е годы Джексоном, Мамфордом, движением партисипации, экологической волной, остаются легкой пудрой на безликой реальности проектного стандарта. Радикализм новых архитектурных звезд остается такой же погрешностью в руках массмедиа, как радикализм неомарксистской критики и прочих радикальных групп. Опять-таки лишь в рамках медийного щекотания нервов.

Итог. Массы и элиты, разрушенные революциями XX века, остаются как геологическая структура профессии, но не как ее интеллектуальный или этический ресурс, сколько бы ни пытались нас уверить в этом сами бюрократические институты новейшей генерации.

Обезглавленная промышленной революцией потребительская масса и обезглавленная авангардом и тотальным влиянием бюрократии профессия оказались жестко разделены на эту массу, удовлетворяемую стандартами строительного дизайна и моды, разного рода комфорта и оригинальничания, и финансовые элиты, которые удовлетворяют свои эмблематические потребности творчеством новой профессиональной элиты (архитектурных звезд), неспособной ни воспроизвести, ни спасти культурный багаж профессиональной традиции и обреченной на ту же роль медийных клоунадов в архитектуре.

Чтобы охарактеризовать взаимосвязь массового и элитарного уровней в современной архитектуре, легче всего назвать его резонансом многозначительного молчания потребительских масс и профессионалов под аккомпанемент медийной критики, рекламы и разного рода институциональных шоу в виде премий и награда.

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

Сегодня понятие «дворец» неопределенно. Оно объединяет разнородные в художественном и функциональном отношении сооружения. Исторически сложились два типа дворцов властителей: дворец-святилище (древность, Средневековье) и дворец – произведение искусства (эпохи абсолютных монархий). С середины XIX века дворцами начинают называть различные общественные здания, никакого отношения к репрезентации власти не имеющие – Хрустальный дворец, Дворец наций и пр. В СССР появляются дворцы культуры, дворцы советов, дворцы труда и пр. Эти общественные здания можно назвать дворцами-симулякрами, которые призваны питать некие демократические иллюзии в обществе. Дворцы прежних времен, ставшие музеями, – мертвое «внешнее тело» ушедших в небытие правителей. Дворцы остаются живыми только тогда, когда они являются обителью Власти.

Ключевые слова: репрезентация власти, абсолютная монархия, дворец как произведение искусства, демократия, музеефикация дворцов. /

Today the notion of palace is rather vague. It unites artistically and functionally heterogeneous buildings. Historically, there are two types of palaces: a palace-delubrum (Ancient times, Middle Ages) and a palace-artwork (epochs of absolute monarchies). From the middle of the 19th century different public buildings that had no relation to power representation were called palaces: the Chrystal Palace, the Palace of Nations, etc. In the USSR there were Palaces of Culture, Palaces of Soviets, Palaces of Labour, etc. Such public buildings can be called palaces-simulacrum, which are to cultivate democratic illusions in the society. The museeficated old-time palaces are a dead 'outer body' of the deceased rulers. Palaces remain alive only when they are abodes of the Power.

v Запретный город,
посетители. Фото Сергея
Астапова

Keywords: power representation; absolute monarchy; palace as an artwork; democracy; museefication of palaces.

От дворцов-святилищ к дворцам-симулякрам / From Palaces-Delubrums to Palaces-Simulacrums

< Пражский град. Фото Сергея Астапова

- Сашенька, что такое дворец?
 – Ты что, не знаешь? Это там, где живут, короли, принцы и принцессы, шахи всякие, султаны. Даже наши цари. Он красивый, с башенками и колоннами. Там много золота, камней всяких. Ну их еще джинны иногда строят...
 – А как строят дворцы джинны?
 – Три волосинки из бороды нужно вырвать, сказать: «Трах-тибидох!» – дворец сразу готов.
 – А кто такой царь, король, султан?
 – Они еще на троне сидят и всем все приказывают. Могут голову срубить или дочь в жены отдать, когда принесешь то, не знаю что. Или войну другому царю-султану объявить...

Пятилетний ребенок знает, что такое дворец. А знают ли солидные дяди и тети, которые пишут книжки по истории архитектуры? Знают, конечно, но как-то нетвердо, иначе не называли бы дворцами бесчисленные дворцы культуры, дворцы советов, дворцы спорта, дворцы наций, дворцы конгрессов.

Президентские дворцы называть дворцами, конечно, можно. Но, как правило, президентские дворцы – бывшие королевские, султанские или царские.

Определение дворца как жилища правителя, монарха или лица, занимающего высокое положение, кажется сегодня неполным. Определение дворца как монументальной постройки общественного назначения превращает дворец монархов и вельмож всего лишь в предысторию современных дворцов-симулякров. И то, и другое определение частично, хотя, если исключить дворцы советов и дворцы наций из типологии дворцовых зданий...

Итак, сегодня понятие дворец неопределенно. Оно объединяет разнородные в художественном и функциональном отношении сооружения. Интересно, что само понятие «дворец» родилось в разных языках сравнительно недавно, в трехвековой промежуток между XV и XVIII веками. Королевские, царские, княжеские резиденции получили имя, отличающееся от всех прочих зданий. В русском языке это дворец, в итальянском – palazzo, в французском – palais, в испанском – palacio, в немецком – Palast/Palais. В этом же временном промежутке возникает и интерес к истории искусства и архитектуры,

увенчавшийся трудом Иоганна Иоханна Винкельмана, где впервые было введено понятие «стиль». Рассматривал Винкельман в основном храмы и дворцы правителей.

В последующих исследованиях по истории архитектуры имя «дворец» как-то незаметно было опущено вглубь времен и стало названием жилищ древних царей. Ну как было не назвать дворцом жилище царя Алкиноя:

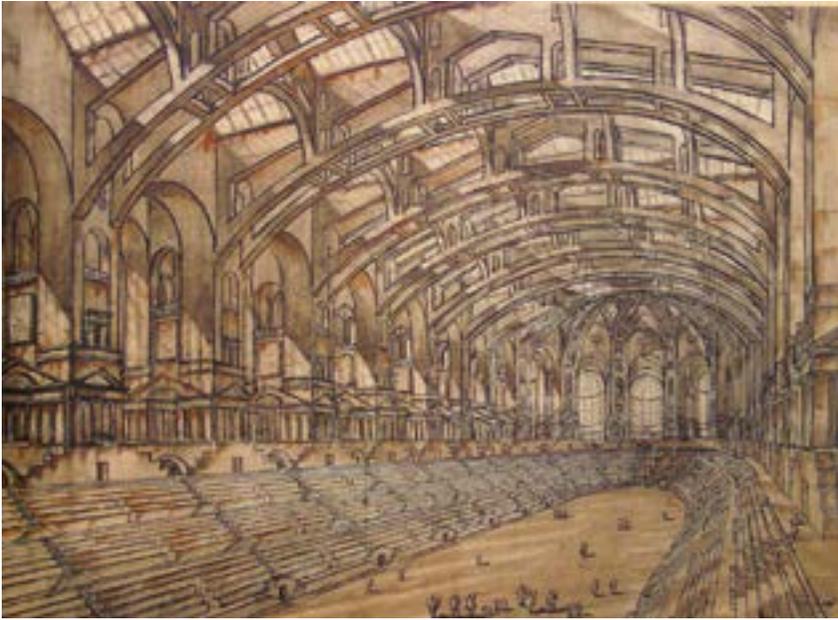
*Медные стены во внутренность шли от порога и были
 Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали;
 Вход затворен был дверями, литыми из чистого золота;
 Притолки их из серебра утвердились на медном пороге...*

(Гомер. Одиссея, пер. В Жуковского. Песнь 7)

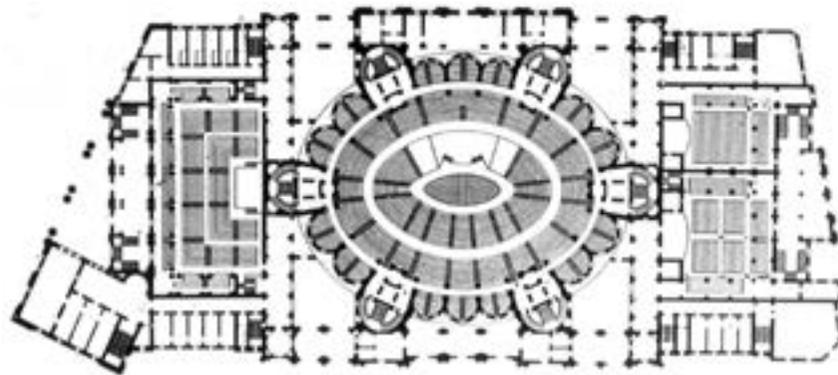
Жилище царя Одиссея, перед которым спал на куче мусора старый верный пес Аргус, вовсе не похоже на дворцы, которые нам представляются, когда мы произносим это слово. Хотя, возможно, в том, что жилища древних царей и мифологических героев стали именовать дворцами, есть логика, ведь любой дворец принадлежит так или иначе к сфере политического: он есть репрезентация власти и могущества. Дворец может быть понят и как место локализации власти. И тогда не важно, лежит ли перед ним на куче навоза собака или стоит золотое изваяние. Хотя нет, важно. Дворец все-таки является **художественной** репрезентацией власти.

В зависимости от того, как соотносится понимание роли сакрального и политического в обществе, возникают те или иные формы жилища правителя. В древности формы дворцов и храмов были близки. Этому есть простое объяснение. Властитель имел статус Бога. Стало быть, его жилище не просто подобно храму – оно и есть храм.

В Средневековье обожествлялась власть как таковая, и дворец, обитель власти, был святилищем. Вплоть до XVII–XVIII веков важнейшие монархические ритуалы были связаны с церковью, а не с жилищем короля. Поэтому дворцы и храмы составляли единый архитектурный ансамбль (Королевский дворец и собор Святого Вита в Пражском Граде.) Иногда даже монастыри трактовались как королевские резиденции. В них были специальные помещения для короля и его свиты, специальные тронные залы и пр. В связке храм-дворец первенствовал храм. Поэтому дворцы Средневековья можно назвать **дворца-**

^ Братья Веснины. Дворец Труда (3-я премия)

ми-святителями, архитектурные формы которых близки к культовой архитектуре.

А как же демократические государства древности? В основе общественных зданий демократической власти лежит не храм, а модель площади – места, доступного всем гражданам.

Известно, что первые римские дворцы были публичны. Так, однажды император Клавдий, прогуливаясь по Палатину, услышал голоса и шум: это историк Сервилий Нониан публично читал в одной из комнат его дворца свое новое произведение. Императора никто об этом не предупредил, но такое обращение с его домом властителя не шокировало.

Нерон, отстроив свой «Золотой дом», закрыл доступ в него народу. Веспасиан, чтобы обрести доверие «электрата», приказал разрушить дворец Нерона и на его месте построить Колизей.

Интересно и то, что в древности и в Средневековье собственность, принадлежавшая властителю, мыслилась как плоть, как внешнее тело владельца. (Не отсюда ли корни неизбывного желания наших современников совсем не царских кровей ездить на огромных автомобилях и иметь большие особняки.) «Плотью» царя, его непосредственным и прямым продолжением мыслился его дом и его царство. Восприятие дворца как «тела» царя объясняется практикой возведения для каждого нового монарха новой резиденции. Представления о «теле-

ности» дворца было причиной разрушения дворцов завоевателями «до основания».

Но не только в древности и в Средневековье у властителей возникает желание строить собственные, новые резиденции. Дворцы своих предшественников монархи в Новое время уже не разрушают, но жить в них отказываются по разным, в том числе и по идейным соображениям [1].

Павел I, словно предчувствуя близкую кончину, торопился достроить свой Михайловский замок, где и планировка, и внутреннее убранство должны были отвечать его миропониманию и символизировать его взгляды на природу власти.

Новому времени соответствует уже не дворец-святителище, а **дворец – произведение искусства**. Он является символом абсолютной монархии. Это, как правило, огромных размеров резиденция, способная вместить все придворное общество (Версаль).

В абсолютной монархии король одновременно является объектом и субъектом репрезентации. Король – солнце. Король – центр мира. Король – идеал красоты. Ну если и не сам король (человеческое тело брэнно и подвержено старению), то убранство его дворца, его одежда, предметы, которые его окружают, должны были быть безупречными в эстетическом плане. Репрезентация власти во времена абсолютных монархий явственно переместилась в эстетическое поле. Даже бытовые обязанности придворных были ритуализированы и эстетизированы.

В XIX веке продолжали строить новые дворцы для действующих монархов. Но они были уже не столь помпезны, как дворцы эпохи абсолютизма. Резиденции монархов стали значительно меньше; уже не предусматривались помещения для огромного количества придворных, но парадные ритуальные залы, конечно, в этих дворцах были. Заслуживает внимания резиденция Рудольфа II – Schloß Neuschwanstein, расположенная в горах, неподалеку от Мюнхена. Король-мистик выстроил этот дворец как воплощение мечты о рыцарском Средневековье, но это не дворец-святителище. Это скорее дворец-особняк. Schloß переводится с немецкого как «замок». Но это скорее игра в замок, так же как и правление Рудольфа II скорее игра во власть, чем власть.

В связи с демократизацией общества уже с середины XIX века желание назвать дворцом монументальное общественное здание становится общим трендом. Не случайно стеклянное творение инженера Джозефа Пакстона назвали Хрустальным дворцом (1861). Репрезентативными функциями этот дворец, конечно, обладал. Все-таки Хрустальный дворец был построен как павильон Всемирной выставки. Он призван был демонстрировать техническую мощь и власть науки.

Бесчисленные дворцы появились в СССР: дворцы труда, советов, культуры... Если дворец – репрезентация власти, то, получается, что во Дворце культуры живет и властвует Культура, а во Дворце спорта – Спорт. Так можно договориться до смешного. Вероятно, дело в другом. Советские дворцы советов и дворцы культуры создавались взамен разрушенных и полузапрещенных церквей и разграбленных царских резиденций. Эти дворцы-симулякры стремились быть и дворцами-храмами и дворцами – произведениями искусства. Не получилось. Правда, памятниками архитектуры «века-волкодава» (выражение Осипа Мандельштама) стали многие из них.

Своим названием – дворец – бесчисленные современные «дворцы» вводят честную демократическую публику в заблуждение. Пусть публике кажется, что дворцы теперь общедоступны. Пусть членам партии, аплодирующим вождям во Дворце съездов, кажется, что они коллективно принимает участие в управлении

государством. Для демократического общества подобные иллюзии крайне важны. Но как там у Ильича: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством...» И не только сейчас же, даже и после соответствующего обучения и участия в съездах партии, не способна.

Дворцы-симулякры в «демократическом» обществе должны поддерживать некие иллюзии. Бог с ними, пусть дворцами называются. Правда, любой ребенок знает, что дворец – это место, где живет король, принцы и принцессы.

А что делать, если не живет во дворце король? Понятно что: сделать этот дворец музеем, и пусть все любуются его убранством, рассматривают картины и скульптуры, ахают, входя в раззолоченные тронные залы.

Справедливо задать вопрос, который возник у А. Г. Раппапорта после посещения Гатчины: «Зачем советская

^ Лувр. Фото Елены Багиной

^ Дворец дождей. Фото Сергея Астапова

в Королевская резиденция в г. Кутна Гора. Фото Сергея Астапова

власть, уничтожившая и самодержавие, и аристократию, решила показывать все это пролетарским массам. Какой поучительный смысл могла иметь дворцовая роскошь для работников промышленных и сельских предприятий. Как это получилось, что дворцовый изнеженный и жестокий быт сросся с авиацией и моторостроительным делом, а главное, каким чудом вся эта аристократия оказалась кушаньем для трудового народа?» [2].

*Царям
дворец
построил Растрелли.
Цари рождались,
жили,
старели.
Дворец
не думал
о вертлявом постреле...*

(В. Маяковский. Хорошо!)

Литература

1. Никифорова Л. Дворец в истории русской культуры. Опыт типологии [Электронный ресурс]. – <http://profilib.com/kniga/139995/larisa-nikiforova-dvorets-v-istorii-russkoy-kultury-opyt-tipologii.php>
2. Раппапорт А. Гатчина и память [Электронный ресурс]. – <https://papardes.blogspot.ru>

References:

- Nikiforova, L. (n. d.). Dvorets v istorii russkoi kultury. Opyt tipologii [A palace in the history of Russian culture. Typology experience]. Retrieved from <http://profilib.com/kniga/139995/larisa-nikiforova-dvorets-v-istorii-russkoy-kultury-opyt-tipologii.php>
- Rappaport, A. (2015, May 31). Gatchina i

pamyat [Gatchina and memory]. Retrieved from <https://papardes.blogspot.ru>

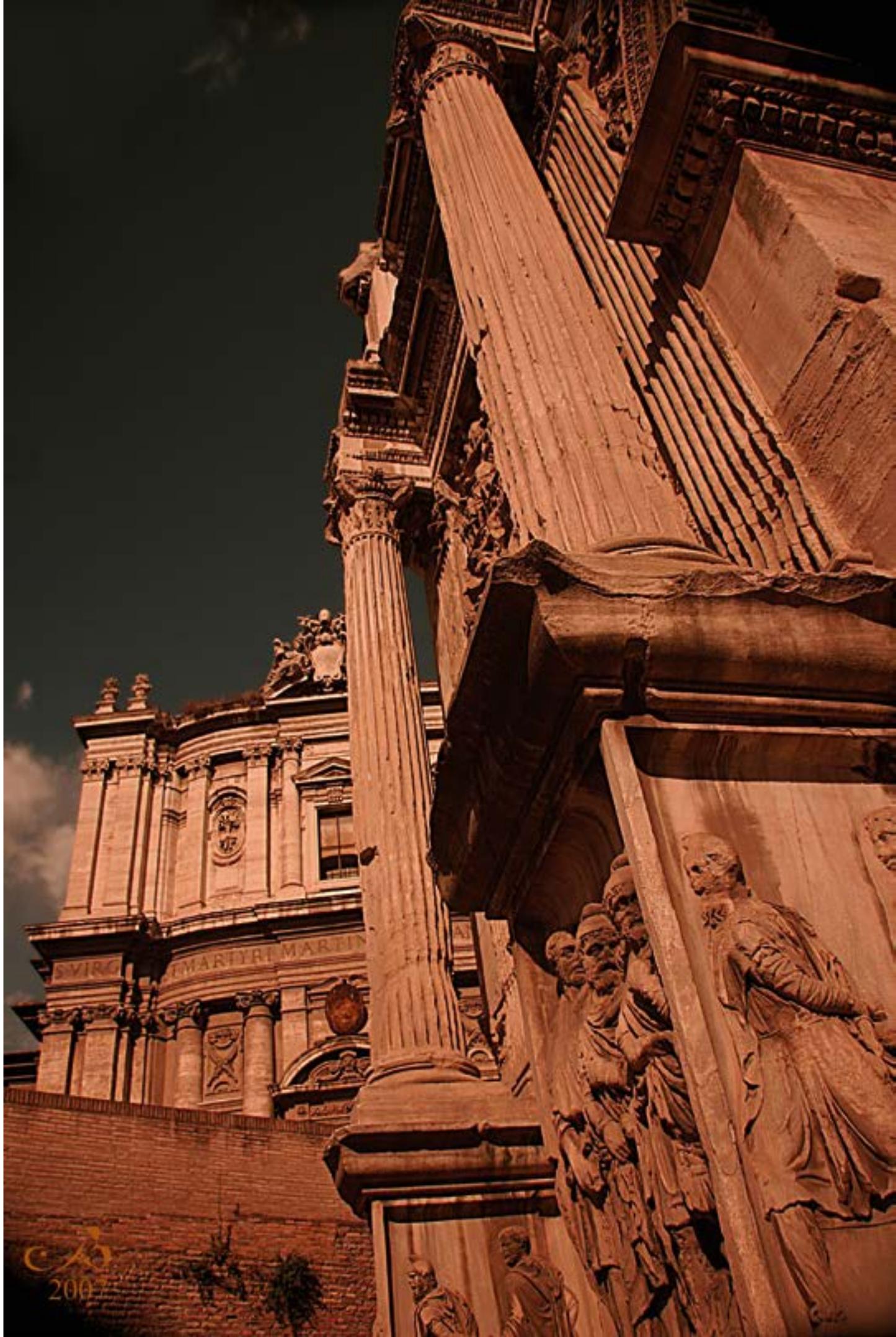
Не думал Зимний дворец не только о Керенском, не думал он и о толпах посетителей, которые уже почти столет разносят его по молекулам. Не думал и «Запретный город», резиденция китайских императоров в Пекине, что по залам дворца будет идти толпа китайских крестьян и заморских туристов, оставляя после себя бумажки и куринные косточки. Увы, такова страшная судьба дворцов – святилищ и дворцов – произведений искусства прежних, додемократических времен.

Нет, не подумайте, я вовсе не против дворцов-музеев. Но смотрим мы с восхищением уже на мертвое «внешнее тело» императоров, царей, королей, султанов.

Дворцы остаются живыми только там, где они являются обителью Власти.

^ > Римские форумы. Фото Сергея Астапова

В статье описывается процесс пространственного переустройства губернских городов в соответствии с представлениями, сформированными в идеальной модели государства, созданной Екатериной II. Градостроительное и архитектурное переустройство провинции рассматривается как составная часть «культурной благотворительности» губернского начальства, попытка воссоздания в российской провинции элементов столичного образа жизни. Модель поведения губернского начальства рассматривается как мессианская возможность создания примера для подражания. В статье описана деятельность тамбовских генерал-губернаторов и губернаторов Р. И. Воронцова, М. Ф. Каминского, И. В. Гудовича, Г. Р. Державина и др.

Ключевые слова: губернская администрация, переустройство пространства, градостроительство, архитектура, культурная миссия, образование общества. /

The article describes the process of spatial reorganization of provincial cities in accordance with the ideas expressed in the model of an ideal state formed by Ekaterina II. Town-planning and architectural reorganization of the province is viewed as a component of the 'cultural charity' of the provincial authorities or an endeavor to recreate the elements of the metropolitan way of life in the Russian province. The behavioral model demonstrated by the provincial authorities is considered to be a messianic opportunity to give an example to follow. The article deals with the activities of Tambov governors-general and governors R. I. Vorontsov, M. F. Kaminsky, I. V. Gudovich, G. R. Derzhavin etc.

Keywords: provincial administration; reorganization of space; urban planning; architecture; cultural mission; the formation of society.

^ В. Боровиковский. Портрет Г. Р. Державина

Роль губернской администрации в преобразовании Тамбова в последней четверти XVIII века /

текст

Надежда Грязнова /

text

Nadezhda Gryaznova

Формирование элитных кругов часто становится ответами на вызовы времени. Так случилось в период правления Екатерины II, когда по замыслу императрицы проводилось переустройство пространства в рамках всеобщего реформирования Российской империи. В основу реформ были положены законодательные акты, которые императрица зачастую составляла сама. Работая над «Наказом», Екатерина II писала Вольтеру, которого она называла своим учителем: «... придется целый мир создавать, объединять сохранять».

Необходимо заметить, что, вдохновленная идеалами эпохи Просвещения, Екатерина II в своих законах создавала тот идеальный мир, ту идеальную модель общества и образ добродетельного гражданина, которые она хотела бы видеть и которыми хотела бы управлять. Ее законы разрабатывались большей частью исходя не из реальной ситуации, а из желания создать новую реальность. Возникла очереда утопическая картина всеобщего благоденствия.

Модель идеального мира не могла не породить модель идеального пространства, образы социальные повлекли за собою образы художественные. Политический идеал, выраженный в законе, должен был материализоваться в идейно-переосмысленном пространстве, которому в новой утопической системе отводилась особая роль. Здание, город и пространство в целом воспринимались здесь в широком смысле слова, как социально-политическая среда, художественный образ которой способен оказывать непосредственное воздействие на формирование нравов. Возникло впечатление, что, изменяя пространство законодательным путем, можно было повлиять и на общественное развитие, сформировать гражданские добродетели.

Но для превращения России в «благоденствующее» государство, наличия одного политического идеала, даже в законодательной форме, было явно не достаточно. Нужны были люди, способные понять и оценить «силу благоволения» императрицы, способные перевести идеальные политические и пространственные образы в конкретные материальные формы. Появление таких людей в провинции законодательно было обеспечено губернской реформой 1775 года. Согласно этому закону, в каждом

губернском штате появилось от 400 до 480 человек чиновников, и «Учреждения для управления губерний», будучи в узком смысле слова административной реформой, опосредованно оказали влияние на формирование в провинции культурной среды.

Замечательным было то, что, не дожидаясь общественного и культурного «пробуждения» провинции, столица делегировала сюда значительное количество государственных чиновников, «оживляя» и побуждая к развитию провинциальное общество. На высшие административные должности (губернаторы, вице-губернаторы) присылались, как правило, чиновники из Москвы и Петербурга, а генерал-губернаторов наместничеств Екатерина II назначала из своего ближайшего окружения: князь Долгоруков, граф Чернышев, граф Брюс, князь Репнин, князь Мещерский, фельдмаршал граф Румянцев, князь Потемкин, граф Воронцов – это была высшая русская аристократия, политическая элита, имевшая непосредственное отношение к управлению государством. Многие из них были люди не просто энергичные и талантливые, но и европейски образованные.

Таким образом, процесс децентрализации как власти, так и культуры состоял в перемещении ее в провинцию в буквальном смысле слова. Определяя обязанности генерал-губернатора и круг его полномочий «яко хозяина своей губернии», Екатерина II не могла не обойтись без очередного идеализированного образа: «Государев наместник... есть... оберегатель государственного императорского величества изданного узаконения, ходатай за пользу общую и государеву, заступник утесненных и побудитель безгласных дел. Словом сказать, нося имя государева наместника, должен он показать в поступках своих доброту, любовь и соболезнование к народу» [1]. Так христианские добродетели приобретали характер должностных обязанностей генерал-губернаторов.

Нас личность государственного чиновника интересует по той причине, что большая часть архитектурных, градостроительных и пространственных преобразований происходила не только под их контролем, но и при их непосредственном участии. Будучи частью государственной политики, архитектура вполне закономерно становилась частью генерал-губернаторской деятельности.

В. Боровиковский. Портрет Е. Я. Державиной

Проект дома губернатора в Тамбове. Губернский архитектор В. А. Усачев (возможно, копия с проекта Н. А. Львова). Российский государственный архив древних актов

The Role of the Provincial Administration in Reorganization of Tambov in the last quarter of the 18th Century

Особенно характерным это явление было для российской провинции по той причине, что провинциальные города часто не имели профессиональных архитекторов. Даже после введения в 1775 году при губернском правлении должности губернского архитектора, профессиональные архитекторы появились далеко не сразу и не везде, так как широкая подготовка архитектурских кадров еще отсутствовала. Поэтому роль государственного чиновника – генерал-губернатора, губернатора, вице-губернатора здесь была особенно велика, и от его инициативности, образованности, и художественного вкуса зависел не только архитектурный облик провинциального города, но порой и его судьба.

Именно государственными чиновниками в конце XVIII века решались вопросы, входящие сегодня в круг профессиональной архитектурной деятельности, – создание новой сети городских поселений и учреждение почтовых дорог (транспортной инфраструктуры, в современном понимании этого значения). Расселенческие процессы оставались исключительно прерогативой генерал-губернаторов, и новой сетью городских поселений Тамбовская губерния была обязана первому наместнику Роману Илларионовичу Воронцову. Благодаря его широкому пространственному мышлению наместничество расширяло границы исхода не только из государственных, но и из личных интересов нечистого на руку генерал-губернатора. Среди современников за ним закрепилась репутация взяточника и мздоимца, недаром ему дали прозвище Роман – большой карман.

В словаре Брокгауза и Ефрона о нем написано: «Своими поборами и лихоимством он довел вверенные ему губернии до крайнего разорения. Слух об этом достиг императрицы, и она в день его именин прислала ему в подарок кошелек. Получив такой «двоязначий» знак монаршей милости при гостях, Роман Илларионович так был им поражен, что вскоре умер». Смятение чувств Романа Илларионовича можно понять, ведь он вполне искренне видел свою миссию на этом посту совсем иначе. Незадолго перед смертью, 7 января 1883 года, он писал сыну Александру: «...и по сие время как в Пензе, так и в Тамбове все дворянство и крестьяне совершенно мне преданы, и как первые из них приезжают в Петербург или

Вид на Тамбов с восточной стороны. 1799 г. Рисунок В. А. Усачева (фрагмент). Российский государственный архив древних актов

Москву, всегда ко мне заезжают, изъявляя благодарность за мою к ним ласку, так и последние, хотя за нуждами своими в Межевую канцелярию или в Сенат, всегда ко мне приходят и благодарят от всего миру за мое об них попечение: ибо я всегда главным правилом поставляю не отпускать от себя никого, не сделав ему в справедливости удовольствия» [2].

Преемником графа Р. И. Воронцова в должности наместника стал Михаил Федотович Каменский, получивший блестящее образование и воспитание в Сухопутном шляхетском корпусе. В Берлине во время подписания мира с Пруссией он был удостоен беседы с Фридрихом Великим и поразил его «смесью ума и учености с необыкновенной пылкостью и какой-то дикостью воображения». Каменский занимал должность рязанского и тамбовского генерал-губернатора с 1783 по 1785 год и получил в конце этого срока чин генерал-аншефа.

В 1781 году от «пылкого воображения» генерал-губернатора оказалась в зависимости градостроительная судьба Тамбова. В одном из рапортов Екатерине II М. Ф. Каменский писал: «Здесьшний преосвященный Феодосий просил меня донести Вашему императорскому величеству, что он представлял в Синод о поправлении здесьняго Архиерейского дома, который построен издавна деревянный и совсем обветшал, покои текут, церковь почти обвалилась... Я осмеливаюсь при сем случае испросить дозволения быть Архитектором при оной перестройке, так как и в построении всего города Тамбова, которого план еще не вышел и находится в Комиссии о

строениях в С.-Петербурге, и если получу высочайшее на то соизволение, то уверить могу ваше величество, что жалоб услышать не изволите, а город будет изрядный».

Неизвестно, приобрело ли это предложение форму конкретного градостроительного проекта, но, судя по дальнейшим докладам, архитектурное воображение генерал-губернатора, в значительной мере опиравшееся на государственную казну, оказалось весьма скромным. Возглавляя наместничество, М. Ф. Каменский уже столкнулся с рядом проблем при перепланировке Рязани, поэтому он предлагал графу А. А. Безбородко: «... в губернии Тамбовской при перестройке городов не соизволите ль вместо прямых улиц по городам оставить оныя как есть переломами и по образцу Москвы расширять только улицы, отступая во оные от дворов... На казенные места да и на ряды, если нет пустых мест внутри города, не лучше ли построить на выгонах, то есть они сами собой переберутся или можно и купить места, которые изберете на такие строения. Притом же не надеюсь я, чтоб такие дворы под площади более пятисот рублей стали; и так для губернских городов того будет не много. В апробированных же городах можно, как вы мне еще в Петербурге о том сказать изволили не держаться всегда того плана, который иногда по косине места и не без затруднения в исполнении».

Творческий порыв генерал-губернатора остался не реализован: предложенные им решения ни в коей мере не соответствовали грандиозным императорским замыслам. Расширенные, но кривые улицы и городские площади, построенные на выгонных местах, то есть фактически на окраине города, не укладывались в рамки градостроительной парадигмы конца XVIII века. Екатерина II не экономила на идеалах, поэтому в декабре 1781 года Тамбову был выдан высочайше подтвержденный план, разработанный в Петербурге по всем канонам регулярного градостроения. Роль архитектора М. Ф. Каменскому явно не удалась, но подобные архитектурные компромиссы можно объяснить отчасти тем, что, занимаясь переустройством Рязани, ему пришлось не просто стать свидетелем перепланировки города, но и на себе испытать весь драматизм ситуации.

Он писал об этом А. А. Безбородко: «В бытность мою в Петербурге имел я честь говорить с вами о построении городов; в Рязани нашел я и подтвержденный план всем городам губернии, по которому уже начали и строиться; в тех местах, где сгорело, все идет способно, хотя и мешкаемо, но в целых городах подвержено то затруднениям: ни один с места нейдет, да правду сказать и иттить жаль имея сады; жмуться без кровли, без потолка, почти и без забора, а ломать велеть – будут дурные следствия и опасно. Вам известно, что у меня и самого дом сломали... а ныне в апробированных городах не без крику, иной кричит и попусту, но встречается и по не имуществу, а помочь без денег нечем».

Судя по последней фразе Михаила Федотовича, государственное финансирование градостроительных мероприятий касалось только строительства общественных зданий, и при разбивке новой планировочной структуры, «переноситься» вглубь квартала на несколько метров жители должны были за свой счет. Масштаб градостроительных преобразований Российской империи был настолько велик, что здесь Екатерине II приходилось жертвовать собственными принципами, провозглашенными еще в «Наказе»: «Если власть хочет построить какое-нибудь общественное здание или провести дорогу, она обязана за это вознаграждать пострадавших».

Несмотря на подобные декларации, денег на переустройство городов отпускалось явно не достаточно, и чтобы ускорить градостроительные работы и, желая помочь вверенным под его опеку горожанам, М. Ф. Ка-

менский снова обратился с просьбой к А. А. Безбородко: «Другое касается до строения городов: вы не можете поверить, как все в домах своих жмуться, не имея сада, а иные и оттого, что перенести нечем. Я прошу государыню приказывать отпустить мне на выдачу в заем строящимся до сорока тысячи рублей; и в случае, если нельзя того сделать, потому, что и прочие места того де требовать будут, то прошу о выдаче мне здесь взаймы на то сорок тысяч рублей с залогом на то деревни моей Ржатского уезда 760 душ» [3]. Подобный поступок генерал-губернатора был вполне в духе екатерининских идеалов, и, хотя «доброхотство, любовь и соболезнование к народу» регламентировались законом, в список добродетелей губернского начальства они входили не всегда: так, в 1788 году при перепланировке Моршанска, его городничий Титов брал с обывателей за места деньги, несмотря на то, что по высочайшему повелению жители должны были получать усадьбы бесплатно.

Притом, М. Ф. Каменского нельзя назвать филантропом или человеком сентиментальным. К старости «дикость воображения», отмеченная Фридрихом II, в буквальном смысле обернулась потерей рассудка. Конец жизни Михаил Федотович провел в своем Орловском имении Сабурово, где выстроил грандиозную крепость, назначение и архитектурная стилистика которой до сих пор приводит в недоумение искусствоведов. Его бесчеловечное отношение не только к крепостным, но и к родным детям вошло в местные легенды и стало причиной преждевременной смерти: графа зарубил топором его же крепостной. Но ведь что-то заставляло этого жестокого человека с таким участием относиться к находившимся под его начальством жителям двух губерний, не должностные же инструкции?

Определенной эпохой в истории губернского центра можно считать деятельность Гаврилы Романовича Державина, служившего губернатором в Тамбове с марта 1786 по декабрь 1788 года. Историк И. И. Дубасов дал такую характеристику городу: «Тамбов во времена Державина представлялся в самом непривлекательном виде. На две тысячи домов-изб в нем было только два просторных дома со всеми барскими угожьями, казенные строения походили на развалины; по улицам в дождливое время было проезде. И только обширный генерал-губернаторский деревянный дворец, наполовину занятый многочисленными губернскими присутствиями, немного скрашивал скудную картину города-деревни... Во дворце была просторная тронная зала с великолепным императорским тронном». Относительно генерал-губернаторского дома известный историк, вероятно, ошибался, так как даже в 1797 году (т. е. всего через десять лет) губернское начальство докладывало в Сенат: «... ветхость... острога и губернаторского дома час от часу увеличивается, а генерал-губернаторский дом угрожает неминуемым падением» [4].

Свои первые впечатления о городе и состоянии дел Г. Р. Державин описал в рапорте генерал-губернатору Ивану Васильевичу Гудовичу: «Я только еще присматриваюсь к распорядкам, относящимся до управления губернии, здесь введенным... Но чтобы кратко изобразить, что при первом моем взгляде на губернию нашел я требующее крайней заботы, то... нестроение присутственных мест и вообще города... Приказ общественного призрения, хотя именем существует, но действием ни мало. Я желал посмотреть смиренного дома, но по непроложенной дороге и за нынешним распутием не могу туда доехать» [5]; «... места присутственные, – писал он, – не только самые бедные и тесные хижины, но и весьма ветхи».

Новый губернатор сразу же приступил к перестройке старых и строительству новых общественных зданий. Уже

через четыре месяца после его приезда был перестроен острог, состояние которого «в ужас привело» поэта при первом посещении. В начале июля 1786 года комендант города Булдаков доносил губернатору, что «...находящиеся в здешнем городе ветхие строения сломаны и весь лес перевезен; и с коего построено белых покоев девять и при них сеней пять; а находящиеся внутри острога избы исправлены, почищены печи, переправлены окна, разделены и утверждены железными решетками» [6].

В это же время шла переписка о постройке дома для народного училища, сиротского дома, богадельни и других заведений Приказа общественного призрения, была предпринята попытка замостить улицы губернского центра, которая, впрочем, так и не удалась. «Благоволите... приказать сыскать (людей. – Н. Г.) вместо тех, которые на работах находятся к употреблению на производстве здесь работ, как то на ломку бутového камня, на собрание в Ценском лесу дров на обделку в рабочем доме кирпичей и на другие городские, хозяйственные работы», – писал Державин тамбовскому коменданту [7].

С момента вступления Г. Р. Державина в должность тамбовского губернатора, между ним и Николаем Александровичем Львовым велась активная переписка, в которой архитектурные проблемы обсуждались постоянно. Предвидя масштабы будущего строительства в Тамбове, Н. А. Львов сообщал Г. Р. Державину: «... теперь пишу на скорую руку, а скоро писать буду много, потому, что пошлю к вам планы готовые уже, а теперь хлопочу, чтобы отправить к вам искусного каменного мастера итальянца, на что имею уже от графа и позволение».

Это письмо было написано 5 мая 1786 года, а уже 19 июня иностранец выехал в Тамбов и с ним, «с сим вручителем, коему давно надо был отправиться», Н. А. Львов передал Г. Р. Державину записку: «Послал я к вам весьма искусного строителя, каменного мастера Лукини, котораго прошу держать в железных рукавицах, а человек он доброй» [8].

Имя Лукини связано со строительством в Тамбове первого театра, который начал возводиться в начале 1787 года, а осенью того же года в нем уже давали спектакли. Относительно способа строительства театра генерал-губернатор И. В. Гудович давал Г. Р. Державину следующие рекомендации: «...почитал бы лучшим, чтоб он построен был так, как вы пишете, наподобие немецких факверков, из дерева и обложен кирпичом» [9]. К несчастью, видимо, это совместное решение и было осуществлено, и при пожаре 1799 года первый тамбовский театр полностью сгорел. Возможно, применение фахверкового строительства было для Тамбова тем техническим новшеством, о котором Державин писал Губовичу: «...покушусь я представить Вашему превосходительству средство, служащее к скорейшему и безубыточному строению нужных заведений Приказа общественного призрения. Ежели Вы их апробировать изволите, то сделать опыт, по примеру котораго авось либо и прочие губернские здания с лучшим успехом нежели ныне строением начнутся о коих Вы изволите прилагать столь горячее старание и требуете о приготовлении к ним материалов» [10].

Нужно сказать, что подобный конструктивный прием был применен не ради подражания немецкой строительной технологии, а имел причины местного характера: тамбовские окрестности не были богаты камнем, а при масштабе развернувшегося в городе строительства, вопрос стройматериалов был одним из главных. Существовавший в городе кирпичный завод не мог разрешить его по той причине, что работы производились здесь колодниками, содержавшимися в работном доме, и за отсутствием опытных людей качество кирпича было очень низким, а количество небольшим. Для приискания каменных мастеров Г. Р. Державин посылал в Кострому своего

бывшего секретаря Савинского, по этому же вопросу в Москву был отправлен смотритель тамбовского кирпичного завода Степанов, откуда писал Г. Р. Державину: «... ездили к архитектору Бланку и с ним на Введенские горы, где смотрели делаемый ручной кирпич, а потом к Яузскому мосту, который делается каменный» [9, с. 526].

Степанов вернулся в Тамбов с двумя ящиками кирпичей, взятых для образца, а проблема его производства осталась открытой.

Решить ее попытался тамбовский купец Матвей Бородин, объявивший «что у него имеется готового кирпича один миллион сто сорок тысяча пятьсот кирпичей... да также необожженных сто одна тысяча пятьсот кирпичей». Ассессор строительной экспедиции Смирнов и губернский архитектор Усачев засвидетельствовали его количество и прочность, после чего был заключен подряд на поставку. Но к весне 1787 года кирпич к месту строительства доставлен не был, выяснилось также, что «в готовности и в сараях не находится», и тогда Державин «предписал Тамбовскому коменданту учинить оному кирпичу личное свидетельство с вышеозначенным ассессором Смирновым и архитектором Усачевым, которые могли бы показать, где они точно в прошлом году его (кирпич. – Н. Г.) видели». Комендант «нашел в наличии заготовленного... только 565 320 кирпичей, в том числе необожженных 428 580 кирпичей», при том «наличное количество кирпича к употреблению не годно ибо не хорошо выжжен, а так же ломаный и размоклый, а необожженный кирпич для обжигу и весь не годится», – докладывал Г. Р. Державин И. В. Гудовичу.

Строительные аферы – тема вечная, дело Бородина потом дойдет до Сената, но в тот момент наказание недобросовестного купца не было главной заботой Державина. Весна – начало строительного сезона, и в том же рапорте Гудовичу он хлопотал о другом: «...чтоб не останавливать казенного строения осведомился бы я по всем находящимся здесь кирпичным партикулярным заводам, у кого сколько можно достать кирпичей» [11].

О закупке строительного камня также велись переговоры с тамбовскими помещиками Луниным и Нарышкиным, в имении которых были большие каменные карьеры. Мысли по поиску и доставке строительных материалов настолько занимали тамбовского губернатора, что у него родилась идея по устройству судоходства по реке Цне. В начале мая 1876 года Державин командировал кирсановского уездного землемера Григорова описать берега Цны и обстоятельно исследовать «удобен ли по ней водяной ход от Тамбова до Морши, от Морши до Мокши и даже до самой Оки». Губернатор полагал, что устройство шлюзов на реке даст возможность соединить Тамбов водной артерией с городами Верхнего и Среднего Поволжья, а также со столицей. На этот предмет им даже была составлена и передана в Петербург на рассмотрение Инженерной комиссии докладная записка. Реализация этого проекта также облегчила бы доставку в город строевого леса и камня, имевшегося в большом количестве по берегам реки Цны ниже Морши.

Стараясь найти поддержку в этом вопросе у своего непосредственного начальника И. В. Гудовича, Державин писал ему: «Вечную вы бы своему имени оставили славу открытием судоходства до Тамбова, ибо тогда то сей город выстройкою своею мог бы скоро прийти в цветущее состояние» [12]. Замечательно, что именно «выстройка», то есть внешний вид стала главным показателем уровня развития города, аргументом, подтверждающим его цивилизованность. Создание внешнего архитектурного образа воспринималось наместниками как первоочередная задача, поэтому регулирование градостроительных процессов приобретало характер не формального чиновничьего наблюдения, а активного творческого вмешательства.

О степени участия генерал-губернатора И. В. Гудовича в архитектурно-строительной деятельности, развернувшейся в Тамбове, можно судить по фразе из письма Н. А. Львова к Г. Р. Державину. Работая над планами общественных зданий для Тамбова, Н. А. Львов писал: «...я надеюсь, что в скором времени оныя будут кончаны к удовольствию Ивана Васильевича (Гудовича. – Н. Г.)». И далее: «А площадь, если бы угодно было Ивану Васильевичу, то мне бы казалось лучше сделать по последнему плану» (судя по фразе Львова, проектов Соборной площади он сделал несколько, как минимум два). И. В. Гудович же принимал решение о строительстве театра, сообщая Г. Р. Державину: «С удовольствием согласуюсь я на построение в Тамбове театра, которому в бытность мою в Тамбове и место вам на городском плане указывал» [9, с. 449, 674]. Таким образом, не архитектор, а государев наместник оказывался последней инстанцией, определяющей художественный облик вверенного ему города, и его представления об архитектурно-пространственном идеале оказывались решающими при формировании городской среды.

Мера участия генерал-губернатора в перепланировке города определялась надписью на копии с подтвержденного плана города Козлова: «Если чего в натуре исполнить будет невозможно и востребует надобность сверх сего расположения, то, поправя предоставить господину в должности генерал-губернатора, однако же не выходя из настоящего основания сего плана» [13]. Таким образом, несмотря на то что подтвержденный план имел силу закона, он не был абсолютно незыблем, и его воспринимали скорее как основу, руководство к действию. Градостроительные предложения генерал-губернаторов считались не нарушением закона, а своего рода адаптацией его к реальной ситуации и, так же как и высочайше подтвержденные, имели силу закона. Причем в этом процессе уже не требовалось повторного рассмотрения и утверждения плана в Комиссии строений: роль и архитектора, и верховного лица брал на себя непосредственно генерал-губернатор. В этом смысле можно говорить о государственном чиновнике как о соавторе градостроительного проекта. Такое «соавторство» было абсолютно необходимо в тот момент, как некий буфер, промежуточное звено между высочайше подтвержденным императорским идеалом и провинциальной российской действительностью, звено, обеспечивавшее определенную связь предметов столь полярных. Именно благодаря ему пространственная утопия с возможно меньшими потерями и наиболее безболезненным путем приспособлялась к реальности и приобретала конкретные материальные формы.

Активное вмешательство (в большей мере вынужденное) генерал-губернаторов и губернаторов в перепланировку города стало для провинции конца XVIII века общим правилом. Это касалось не только губернских, но и уездных городов. Так были внесены изменения в план Козлова, подтвержденный в 1785 году, «а по рассмотрении на месте генерал-губернатором Гудовичем неудобств, постройка проведена по подписанному им в 1785 декабря 31 дня плану» [14]. Город Елатьма «был разбит в натуре... по плану, решенному на месте неудобства Его высокопревосходительством господином Тамбовским и Рязанским генерал-губернатором Иваном Васильевичем Гудовичем» [15].

Вопроса о профессиональной квалификации «соавтора» в данном случае даже не возникало. Конечно, европейское образование И. В. Гудовича (он окончил Кенигсбергский и Лейпцигский университеты) и природный дар Г. Р. Державина дают основание предполагать наличие у них универсального мышления, столь присущего эпохе Просвещения, но самими государственными чинов-

никами архитектурная деятельность воспринималась не в узком профессиональном аспекте, а скорее как средство «создания мира», как путь, по которому «правительство, не обращая внимания на равнодушие общества, вело его к счастью и развитию во что бы то ни стало» [16].

Но степень развития массового общественного сознания была такова, что даже современники высказывали опасения, что россияне «...не только не воспользуются даруемою свободою устраивать свое счастье, но не поймут ни содержания, ни силы ее (императорского. – Н. Г.) благоволения» [17]. Тогда просвещенческая миссия была возложена на искусство. Приобщение к законам цивилизации приобретало легко воспринимаемые визуальные формы или вообще вставало на путь откровенного развлечения. Не случайно к одному из спектаклей, поставленных в доме Державиных в Тамбове, поэт написал пролог, в котором Гений обращается к Мельпомене и Талии со следующей просьбой:

Где грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткие там тщетно изданы;
Вы умягчайте их игрой своей и тоном,
И просвещению, наукам и законам
Подпорой будьте здесь!

Если бы в пантеон греческих богов входила муза архитектуры, Гаврила Романович непременно обратился бы и к ней. И это было бы закономерно, так как в периоды исторических переломов и становления новых политических режимов именно архитектура становится средством, при помощи которого в относительно короткий срок власть способна и наглядно озвучить свои политические идеалы, и убедительно продемонстрировать первые успехи своего правления. Время перемен, как правило, сопровождается строительной «лихорадкой», в конце XVIII века пафос переустройства охватил не только высшие государственные круги, но и стал неотъемлемой частью гражданской позиции каждого просвещенного дворянина.

Градостроительное и архитектурное переустройство провинции было одной из составных частей «культурной благотворительности» губернского начальства. Генерал-губернаторы и губернаторы, бывшие жители Петербурга и Москвы, воссоздавали в российской провинции элементы своего столичного образа жизни, привнося сюда светскую культуру и давая пример для подражания. Здесь в миниатюре начинал повторяться характер столицы, закреплялись столичные культурные каноны и традиции: устраивались концерты и любительские спектакли, маскарады и фейерверки.

Желая развить общественную жизнь в Тамбове, Державин в начале марта 1786 года обратился с письмом к рязанскому губернатору А. А. Волкову: «Уведомился я, что попечением вашего превосходительства заведен в Рязани редут для увеселения благородного общества. Будучи уверен, что он расположен наилучшим образом и желая удовлетворить здешнему обществу таким же заведением, всепокорнейше прошу приказать с плана того заведения списать копию и пожаловать обязать меня и здешнее общество» [9, с. 480].

А. А. Волков откликнулся на эту просьбу и выслал в Тамбов план и записку «каким образом учрежден в Рязани дом и при нем училище и редут».

По уверению Г. Р. Державина, общественная жизнь в провинциальном Тамбове вполне могла составить конкуренцию московской жизни, «так что начало знатное дворянство не токмо в губернский город часто съезжаться, но и строить порядочные дома для их всегдашнего житья, переезжая даже из Москвы». Эта ориентация на Москву, а еще чаще на Петербург в среде губернской администрации становилась общим местом, причем предпочтение

при сравнении часто отдавалось местным образцам.

Державин прививал провинции столичную салонную светскость. В губернаторском доме два раза в неделю проходили вечерние приемы: по воскресеньям танцы, по четвергам концерты; дети обучались здесь наукам – грамоте и арифметике, а для развития искусств был выпущен танцмейстер и организован певческий класс, руководил которым бывший придворный певчий Аверьянов. Усилиями Гаврилы Романовича в Тамбове была создана типография, где печатались первые в России губернские ведомости. В организации технической стороны дела новому печатному органу активную поддержку оказал замечательный русский просветитель Николай Иванович Новиков.

Под руководством жены Г. Р. Державина Екатерины Яковлевны ставились любительские спектакли, которые до постройки в городе театра проходили в губернаторском доме. Первым поставленным спектаклем стала пятиактная комедия Михаила Ивановича Веревкина «Так и должно». Автора Державин знал лично еще со времен обучения в Казанской гимназии, где Веревкин был директором. Оформлением действия занимался приехавший из Петербурга театральный машинист и декоратор обрусевший итальянец Барзанте вместе с двумя художниками-декораторами Аниловым и Касабуровой. Они «оснастили спектакль довольно сложной по тем временам техникой. Зрители слышали свист ветра и удары грома, наблюдали вспышки молний, появление звезд и восход солнца. По ходу действия в лес спускались с облаков Гений – символ просвещения, Талия – муза комедии и муза трагедии Мельпомена. Заключительная картина пролога изображала украшенную колоннадой площадь с храмом просвещения. Торжественная музыка и хор прославляли науку, просвещение и законы» [18]. Чтобы изобразить все это, должны были применяться довольно сложные передвижные и подъемные механизмы, осветительные приемы и пиротехнические эффекты – все это было заслугой искусного театрального механика Барзанте.

Вскоре в репертуаре этой театральной труппы появилась пьеса Жана Мармонтеля «Земфира и Азор» на музыку Гретри. Мария Орлова, приятельница Державиной по организации тамбовских развлечений, писала ей: «Я Вам, милостивая госпожа моя Катерина Яковлевна, свидетельствую истинное мое почтение и доношу, что мы с Петром Андреевичем роль Шарлоты и Роберта уже вытвердели, почему к представлению остановки за нами не будет». Друзья губернаторской четы, супруги Ниловы, в своем имении содержали крепостной театр и присылали своих крепостных в Тамбов для оформления декораций. «Живописца... я к вам, матушка, для расписывания кулисов отправила, прикажите ему жить у вас, только сделайте милость, прикажите отдать его на руки надежному человеку, который бы во всякое время неотлучно с ним был... по причине, что опять пить начал» [19], – писала Нилова Катерине Яковлевне.

Духовная пища подкреплялась хлебом насущным. Гостеприимные хозяева губернаторского дома выписывали из Петербурга большими партиями вина, к друзьям Капнистам в Малороссию отправлялись заказы на варенья и конфеты, в одном из писем Гаврилы Романовича благодарит В. Н. Загоскина за присылку четырехсот стерлядей. Н. А. Львов, зная денежные обстоятельства Державиных подшучивал над таким образом жизни: «Поскольку бишь вы за всякий праздник своих долгов уплачиваете? Полно, что за праздник? Правда, он должен быть весьма хорош, только нельзя ли мой друг, чтобы он был последний?» [9, с. 415].

По мнению же самого поэта, праздники, устраиваемые им в Тамбове, «...не токмо служили к одному увеселению, но и к образованию общества, а особливо дворянства,

которое, можно сказать, так было грубо и необходимо, что ни одеться, ни войти, ни обращения, как должно благородному человеку, не умели, или редкие из них, которые жили только в столицах». «Образование общества» – какой же еще могла быть цель в эпоху Просвещения? Причем в конце XVIII века для России «образование общества» было процессом одинаково важным в двух смыслах: во-первых, как обучение, воспитание, развитие личности и, во-вторых, как процесс формирования гражданского общества – важнейшего элемента государственной системы. Причем процессы эти оказались взаимосвязанными: через образование, воспитание искусством, чувственное восприятие предполагалось развитие общественного самосознания нации, укрепление общественных связей.

Архитектура, в числе прочих искусств, становилась проводником политических идей; аллегорические образы, большей частью античные, связывались с современностью и приобретали в новой ситуации особый смысл. Например, праздник восшествия на престол Екатерины II, отмечавшийся 28 июня 1786 года в Тамбове, был разыгран как «панегирическое действие», в которое входили шествия, хоры, исполнявшие державинский «Гимн богине» «с музыкою г-на Паизиелло». Он запомнился современникам таким: «...в конце галереи стоял храм, из которого, в подражание древнему афинскому обычаю, вышла группа детей, одетых в белое платье и увенчанных гирляндами на встречу генерал-губернатора. После пропетого хором приветствия Гудовичу были поднесены: юношею, представлявшим Гения, венок из дубовых листьев, а девицею корзина цветов с изъявлением признательности. Вечер кончился балом и иллюминацией, освещавшей три картины. На одной из них, изображавшей появление лучезарного Феба, была надпись: "Торжествуем приход своего благодетеля"».

Городское пространство включалось в праздничное действие, становилось декорацией, и недостроенная церковь представлялась античным храмом, торговые ряды – античной галереей, а главная площадь – театральной сценой. Функциональные свойства архитектуры отступали на второй план, городская среда воспринималась прежде всего как окружение, достойное качественно обновленного образа жизни.

Но архитектурная среда имеет один существенный недостаток: для ее создания требуется время, ее нельзя изменить одномоментно, более того начало созидания почти всегда связано с разрушением и хаосом. Нужно было все строить заново, ждать и, возможно, ждать еще очень долго, не один год, а жить в новых эстетических условиях хотелось уже сейчас. И тогда особую ценность приобрели предметы. В российской провинции знаки новой культуры проще всего можно было внести в интерьер. Изменив интерьер, можно было быстро создать тот фон, на котором предполагалось развернуть «картину» цивилизованной жизни.

Понимая значимость предметного окружения, Державин совершил поступок, о котором в старости вспоминал со смехом, называя его «дурачеством». Будучи назначенным в 1784 году губернатором в Олонец Петрозаводской губернии, он продал золотую табакерку, пожалованную ему Екатериной II за прославившее его стихотворение «Фелица», и заказал на эти деньги мебель не только для губернаторского дома, но и для присутственных мест. Олонец только недавно получил статус губернского центра, правительственных зданий там еще не существовало, и петербургская салонная мебель попала, надо полагать, в обычные карельские избы. Довольно скоро, после ссоры с наместником Тутолминым, Державин был отозван с должности. Модную мебель никто купить не захотел, везти назад в Петербург оказалось накладно, и атрибуты цивилизации были брошены в северной глуши.

О масштабах этой просветительской акции можно судить по письму из Петрозаводска от бывшего подчиненного Державина Д. Свистунова, которому поэт поручил распродать оставшееся имущество. Свистунов пишет: «Харитон Лукич (Х. Л. Зуев – новый правитель Олонецкого наместничества. – Н. Г.) из вашего оставшегося взял (купил. – Н. Г.) столовую посуду, фаянсовую и хрустальную всю, чайный прибор, также оставшиеся вина и масла, оливки и уксус. Из мебели шесть простых ломберных столов, два овальные канапе, один простой, а другой с бронзой, который подешевле, одно (мое любимое) резное сафе, одну дюжину раскрашенных стульев с синими подушками и две дюжины простых английских стульев. Но денег еще ни за что не заплатил, а протчих мебели никто не покупает».

Когда через год Державин был назначен губернатором в Тамбов, теща отговаривала детей от лишних затрат. И это Матрена Бастидонт, жена любимого камердинера Петра III Якова Бенедикта Бастидонта, кормилица царевича Павла Петровича, жившая не просто при дворе, но и во дворце, и знавшая о роскоши не понаслышке. Матрена Дмитриевна сразу же отправила в Тамбов письмо с наставлениями: «Вы пишете, что дом ваш довольно просторен, и для меня есть особые покои, и вы хотите их отделать. Для меня в комнате лишние уборы не надобно, потому что мне ни на уединении кого принимать; и надобно жить поскромнее, а что мебели мало у вас и то все оставите бес чего обойтись можно, и надобно то вам знать, что вы как прежде в Петрозаводске сполно мебели накупили, какова все стекла дорогова, а ныне и подумайте, что сколько на вас долгу, то надо жить поскромнее. Мебели много не нужно покупать, потому что знать не можете, сколько проживете (в Тамбове. – Н. Г.), и неужели там у дворян мастеров нет, то можно сделать попросить мебели и покрыть материями, а много мебели покупать лишнее».

Наставления оказались напрасными: для мебелирования тамбовских общественных зданий губернатор выписал из Казани 140 шкур сафьяновых козлов. Для увеселения мужского общества был заказан бильярд. Державин писал местному помещику Нилову: «...известно мне, что бильярд ваш делан вашими мастерами, не можно ли, батюшка, приказать сделать и для меня такой же точно?» 26 мая 1786 года губернатор получил ответ: «Бильярд для вас точно такой же, как мой, доделывать приказал, только извините, батюшка, что он поспеть прежде не может разве как месяца через полтора, по причине, что столы должны между тем доделывать для Тамбовского дому окончины, двери и протчее необходимое нужное, чтобы нам иметь удовольствие пожить вместе с вами». В октябре 1786 года Державин обратился с просьбой к В. Н. Загоскину: «Не можно ли взять на себя труд заказать сделать на стеклянном заводе по приложенному при сем образцу сто хрустальных колец, у которых душки были бы покручнее, ежели скорее не можно, то хотя через две недели доставьте их в Тамбов. И по какой цене они стоить будут не оставьте меня без уведомления, я с благодарностью моею вам заплачу» [20].

Петрозаводская история повторялась: хрустальная посуда, бильярд, сафьяновая кожа для обтяжки кресел и стульев, причем все требовалось срочно, «хотя бы через две недели». Искать объяснение в привычке к роскошному образу жизни было бы неверно, будущий великий поэт рос и воспитывался почти в бедности. Правильнее считать, что создание нового окружения осознавалось им как часть просветительской миссии, формирование новой эстетики быта. Почти наверняка он видел частью своих губернаторских обязанностей и необходимость демонстрации некоего художественного примера, образца для подражания.

Общественную жизнь пытались сосредоточить там, где уже была организована новая предметная среда – в комнатах с новой мебелью и посудой или у стен только что выстроенного здания. Изменившимся эстетическим взглядам вполне соответствовали театральные принципы построения нового градостроительного пространства, где все утилитарные свойства, «нужды низкой жизни» были скрыты внутри кварталов, на улице здание «выворачивалось» лицом, «одною переднею фасадою», за которой, как в предложении Комиссии строений, могла оказаться пустыня.

Архитектура приобретала особую самоценность как признак новой жизни, иллюзия цивилизованности, своеобразная «кулиса», «задник», на фоне которого разворачивается действие. Переплетение реального и сценического, архитектуры и театра можно встретить на проектах и рисунках Кваренги, выполненных им для Эрмитажного театра. Здесь грань между реальным архитектурным и условным сценическим пространством почти стерта, и конструктивно работающие колонны незаметно переходят в бутафорские.

Причиной внедрения театральных принципов в реальную жизнь, в том числе в архитектуру, послужило то всеобщее увлечение театром, которым было пронизано этот период общество. XVIII век – век театральный. Все пишут пьесы – от провинциального учителя до императрицы Всероссийской, по всей стране создаются театры – от столичных императорских до домашних крепостных в далеких помещичьих усадьбах. Театром удивляли, как редкой экзотической вещицей, такое отношение вовсе не снижало культурной значимости театра. Участники действия чувствовали себя причастными ко «всему просвещенному человечеству». «Входить в рассуждение о пьесах» стали не только знатоки, но и профаны. Сама Екатерина II признается в письме к Гримму: «...вы знаете, как я люблю театр, праздники и вязанье» [21].

Театрализация жизни, даже самых обыденных ее проявлений, была свойственна и Г. Р. Державину. Праздники же были поводом для устройства особого действа. В 1786 году тамбовские дворяне представили «Пролог в одном действии, с музыкою на открытие в Тамбове театра и народного училища», сочиненный господином губернатором. В «Прологе» – традиционно-торжественном и высоком зрелище – перед мальчиками разного сословия, что желали «учиться и трудиться», излагались принципы просвещения. Заканчивался Пролог апофеозом: два хора пели славу Петру Великому («Бессмертен ты, великий Петр») и Екатерине II («Сияй, любезная планета / Пресветлой красотой твоей»).

Но весь этот государственный пафос должен был найти поддержку, живой отклик в народной среде. И Державин вносит в сценарий действия новый поворот, в котором звучит этот «глас народа». Сцена «неожиданного» обращения к торжественной процессии козловского однодворца Захарына: «Дерзаю остановить тебя, почтенное собрание среди шествия твоего», – безусловно, была не только написана, но и срежиссирована самим Державиным, о чем он признавался позднее в своих «Записках». Поэт тщательнее обдумывал каждую мизансцену: «...однодворцу не было приличного места, где бы ему ту речь по состоянию его сказать можно было (ибо в церкви нельзя, для того, что он был не церковнослужитель; в школе также неуместно, ибо не был ни учитель и не принадлежал к чиновникам сего заведения».

Решено было остановить процессию на пороге здания народного училища. Не ожидавшие такого поворота участники шествия, вероятно, оказалась в растерянности, но подоспевший вовремя «губернатор тотчас подступя, пригласил их в училище, где уже и говорена была речь перед портретом Императрицы». Возвышенная речь

Захарьина и возложение им своего малолетнего дитяти к портрету Екатерины II со словами: «В сей храм, исторгая из объятий матерних сына моего с радостным восторгом передаю я, да будет он человек!» – вызвала восторг у публики, ничего не подозревавшей о разыгранном спектакле. По словам Державина, «сие трогательное действие так поразило всех зрителей, что никто не мог удержаться от сладостных слез, в благодарность просветительнице народа пролианных, и надавали оратору столько денег, что он несколько недель с приятелями своими не сходил с кабака» [9, с. 561].

Порой Державин выступает не только как драматург и режиссер, но и как сценический художник, тщательно, до мелочей выстраивая окружение к «спектаклю», в котором сам же является одним из действующих лиц. Окружение, архитектура – это декорация, и по условиям классицистического спектакля она должна быть пышной. Но новое строительство, особенно в провинции велось крайне медленно и фрагментарно, и это заставляло порой прибегать к приемам театрального искусства в полном смысле слова.

Так, в связи с тем что, согласно подтвержденному плану, имевшему силу закона, территория архиерейского огорода была отдана под застройку городским жителям, тамбовский архиерей Феодосий в мае 1786 года направил Державину письменную просьбу: «Превосходительный господин, м-гдръ Гаврила Романович! По подтвержденному Ея Императорским величеством при составлении в 767 году штатах духовным местам учреждения, велено при градовых и загородных архиерейских домах оставлять из ближних к тем домам места для овощных огородов и садов, каковые здесь в Тамбове по близости к дому архиерейскому из крепостной домовою архиерейской земли оставлены и на них сад и огород разведены. А ныне небызвестно мне, что овощной огород в некоторых местах другим живущим людям под строение домов раздается. ... под строение посторонним людям, без чего и приходится неминуемо претерпевать в огородных овощах не только крайнюю нужду, но и немалый вред, поскольку всякий потребный овощ должно будет покупать на торгу» [22].

Державин обсуждал этот вопрос с генерал-губернатором, после чего И. В. Гудович писал Феодосию: «...он (Державин. – Н. Г.) полагает требуемый Вашим Преосвященством квартал вам оставить, кроме тех мест, которые будучи взяты некоторыми обывателями еще в прошлом 1785 году частично ими и застроены». Сам Державин эти требования сформулировал еще более конкретно: «... но и с тем, чтоб сохранить высочайше подтвержденного плана фасады в настоящем их виде, хотя не домовую застройкою, но, по крайней мере, обнесено было бы красными заборами, в подобие настоящих строений» [22]. Так городская среда оказывалась в прямом смысле декорацией.

Создание бутафорского пространства было в определенной мере альтернативой реальному строительству, которое велось чрезвычайно медленно. Это был некий порыв к образу, стремление сжать, преодолеть время и получить мгновенный результат. Желание увидеть будущее уже сейчас изменило обыденное восприятие и сформировало особое художественное зрение, способное фокусировать взгляд и видеть то, что хочешь видеть, не замечая при этом остального. Такой художественный взгляд был способен обмануть сам себя и выдавать желаемое за действительное.

Это не было знаком наивного, неразвитого видения, скорее наоборот, означало владение определенной знаковой системой, в которой, как в игре, условия оговорены заранее. И тогда достаточно было только обозначить пространство, установить определенный знак,

символ, чтобы «включилось» воображение. Неважно, что каменные строения были нарисованы на деревянных щитах, и ужасно искажался их масштаб, потому что на двухметровом заборе изображалось двух-трехэтажное здание: фантазия могла преобразить реальность. Все переплеталось в художественном воображении, и все становилось возможным или хотя бы возможным когда-то. Это было некое умозрительное путешествие в будущее, и оно было настолько захватывающим и увлекательным, что его картонность и игрушечный масштаб просто старались не замечать (как в современных диснейлендах). С этой точки зрения становятся понятны и разборные «потемкинские деревни» (не настолько наивна была Екатерина II, чтобы позволить себя так дурачить), и расписанные на щитах фигуры в садах Андрея Тимофеевича Болотова, и приведенное выше распоряжение Державина.

Расцвет архитектуры и градостроительства в эпоху классицизма стал возможен прежде всего потому, что пространственные преобразования стали одной из целей государственной политики и оказались в зависимости от государственной власти различных уровней. Ее представители – генерал-губернаторы и губернаторы были вдохновлены идеалами эпохи Просвещения, под лозунгами которых преобразовывалось российское государство, и охвачены гражданским пафосом всеобщего реформирования. А, по замечанию А. Г. Габричевского, в периоды расцвета культуры «кислотным глазомером, изощренным чувством нюанса в пространственной и объемной форме обладали не только сами художники, но и те зрители, для которых создавались художественные произведения». Возможно, поэтому активное вмешательство государственных чиновников в архитектурный и градостроительный процесс в эпоху классицизма дало положительный результат.

Литература

1. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М., 1987. – С. 182.
2. Архив князя Воронцова / ред. П. И. Бартенева. – 1885. – Кн. 31. – С. 76.
3. РГАДА. Ф.16, оп.1, д. 968, л. 11–12 об., 15 об., 15, 14–14 об.
4. РГАДА. Ф. 248, д.4838, л. 3 об.
5. РНБ ОР. Ф. 247 (Г. Р. Державин), т.14, л. 32 об., 33 об.
6. ГАТО. Ф.2, оп. 8, д. 22.
7. РНБ ОР. Ф. 247, т. 14, л. 68.
8. РНБ ОР. Ф. 247, т. 13, л.101, 106.
9. Державин Г. Р. Сочинения (с объяснительными примечаниями Я. Грота). – 2-е акад. изд-е. Т. 5 : Переписка 1773 –1793. – СПб., 1876. – С. 674.
10. РНБ ОР. Ф. 247, т. 14, л. 33 об.
11. РНБ ОР Ф. 247, т.15, л.17–19.
12. Грот Я. К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом. В 2 т. – СПб., 1880. – Т. 1. – С. 426.
13. РГАДА. Ф. 1356, оп.1, д. 5880.
14. РГАДА. Ф. 1354, оп.1, д. 5876.
15. ГАТО. Ф. 29, оп. 1, д. 17, л 27.
16. Андреевский И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. – СПб., 1864. – С. 153.
17. Винский Г. С. Мое время // Русский архив. – 1877. – Кн. 1. – № 1–4.
18. Долженкова М. И., Толмачев Ю. А. Тамбовская художественная культура : учебное пособие. – Тамбов, 2006.
19. РПБ ОР. Ф. 247, т. 13, л. 291, 292.
20. РНБ ОР. Ф. 247, т. 13, л. 102, 256, 289, 397, 563.
21. Грот Я. К. Екатерина II в переписке с Гриммом. – СПб., 1884. – С. 410.
22. РГИА, Ф. 1400, оп. 1, д. 697, л. 1–8.

В статье рассматривается новая парадигма организации систем расселения России. Предлагается покрыть территорию России линейными системами расселения, опираясь, преимущественно, на существующие и прогнозируемые трассы железных дорог. Некоторые трассы, по мнению автора, следует превратить в мощные транспортные коридоры, вдоль которых могут быть организованы широкие русла расселения с городами, зонами сельскохозяйственных угодий, заводами, офисами, университетами, научными центрами, рекреациями, центрами развлечений, а также зонами природных заповедников. Основную трассу расселения предлагается формировать вдоль Транссибирской магистрали. В статье эту трассу и прилегающее к ней русло расселения автор называет Сибстрим. Начать формирование Сибстрима предлагается с трассы Петербург – Москва и далее двигаться по трассе Транссиба. Кроме того, в статье содержится ряд предложений по организации новых транспортных коридоров в Сибири, Заполярье, на Дальнем Востоке и Камчатке по трассам, разрабатываемым РЖД на перспективу.

Ключевые слова: парадигма, транспортный коридор, русло расселения, Транссиб, Сибстрим, малые города, присоединенные территории, экологические поселения. / The article reviews a new paradigm for the arrangement of settlement systems in Russia. It is proposed to cover the territory of Russia with linear settlement systems, basing mostly on the existing and planned railroads. The author believes that some of the railroads should be turned into large transport corridors, along which wide settlement corridors with cities, agricultural zones, plants, offices, universities, scientific centers, recreations, leisure centers, as well as zones of nature reserves can be organized. The main settlement corridor should be formed along the Trans-Siberian Railway. The author calls this railroad and the adjoining settlement corridor 'Sibstream'. He proposed to start the Sibstream from the railroad 'Petersburg-Moscow' and then to go along the Trans-Siberian Railway. Besides, the article contains several proposals on arrangement of new transport corridors in Siberia, the North of the Arctic Circle, the Far East and Kamchatka, as well as along the railroads planned by the Russian Railways for the long term. Keywords: paradigm; transport corridor; settlement corridor; the Trans-Siberian Railway; small towns; adjoined territories; ecological settlements.

Сибстрим / Sibstream

текст
Илья Лежава /
text
Ilya Lezhava

О том, что современные города переживают кризис, написано много. Чаще всего в кризисе обвиняют городской транспорт. В последние годы сюда добавился и так называемый экологический фактор. Популярным, особенно на Западе, становится изучение социологии города. Однако решения собственно градостроительных проблем обсуждаются гораздо реже. Многие городские руководители считают, что все можно решить путем улучшения существующих структур. С некоторыми городами, вероятно, так и придется поступить. Однако, количество проблем, стоящих перед большинством современных городов, столь велико, что придется стремиться к более серьезным переменам. О них и пойдет речь в этой статье.

Города России. После смены политического и экономического строя, в нашей стране накопилось множество градостроительных проблем. Сотни малых городов потеряли предприятия, на которых работало их население. Развалилось сельское хозяйство. С трудом выживают города, обслуживавшие в прошлом десятки деревень. Теряют население города науки и спецгорода, которые были основными научными центрами нашей страны. Интенсивно меняют облик и города, обладающие уникальным историческим наследием.

Внятная концепция восстановления этих поселений отсутствует. Предложения обречь подобные города на вымирание, а оставшееся население переселить в двадцать крупных мегаполисов страны, не выдерживают никакой критики, хотя звучат они на правительственном уровне. И дело не только в том, что придется потратить огромные средства для строительства новых городских районов. Многие малые города занимают столь важное стратегическое положение, что их уничтожение не рационально. Многие имеют перспективу стать основой роста новых агломераций. Во многих сосредоточено культурное наследие России. Кроме того, уничтожение значительной группы малых городов может подорвать основы нашего сельскохозяйственного производства. Это не значит, что нет городов, от которых следует избавиться. Но переселенческие преобразования можно начать только поле того, как вся существующая система расселения будет тщательно проанализирована и появится внятная альтернатива сносу.

Следует помнить и о том, что города, которые мы оставим, должны претерпеть значительные изменения. Их реконструкция должна учитывать жизненные стандарты начала нового века. Их инженерная инфраструктура должна быть построена заново. Вся система бытового обслуживания, а также автодороги и городское благоустройство, должна соответствовать современным требованиям.

Но малые города не единственная проблема общероссийских систем расселения. Огромная часть населения страны живет в мегаполисах. Их рост практически ничем не лимитируется. Обратимся к «лидеру» российских городов – Москве.

В Москве уже более 10 миллионов жителей. Хотим мы или нет, рост ее населения будет продолжаться. Несколько лет назад к Москве волевым порядком присоединили территорию в полтора раза больше, чем сам город! Эта территория интенсивно застраивается. На ней собираются разместить около двух с половиной миллионов человек?! Это два Волгограда и минимум миллион машин! Уже сейчас в Москве число машин превышает 450 на 1000 жителей, и эта цифра продолжает расти. При этом резко падает скорость их передвижения. Улицы и проезды забиты транспортом. Надо срочно уплотнять сетку улиц и создавать стоянки. Если с юга к городу прибавится гигантская жилая территория, в Москву направится огромный поток машин, и город придется переструктурировать. Неизбежно появятся новые зоны скоростного общественного транспорта, надземные эстакады и монорельсовые пути. Кроме того, потребуется пробивать туннели, откапывать подземные стоянки, связать все это с метро и наладить лифты и эскалаторы для выхода на поверхность. И делать это придется в «живом», плотно застроенном городе, с развитой структурой метро. Ясно, что это приведет к фантастическим затратам. Городу Бостону, например, туннельная реконструкция транспортной системы обошлось в 20 миллиардов долларов (до кризиса 2008 года). А Бостон гораздо меньше Москвы, и сетка улиц у него плотнее.

К сожалению, в Москве, даже в существующих границах, не избежать строительства новых туннелей. На строительство туннелей потребуются не только космические

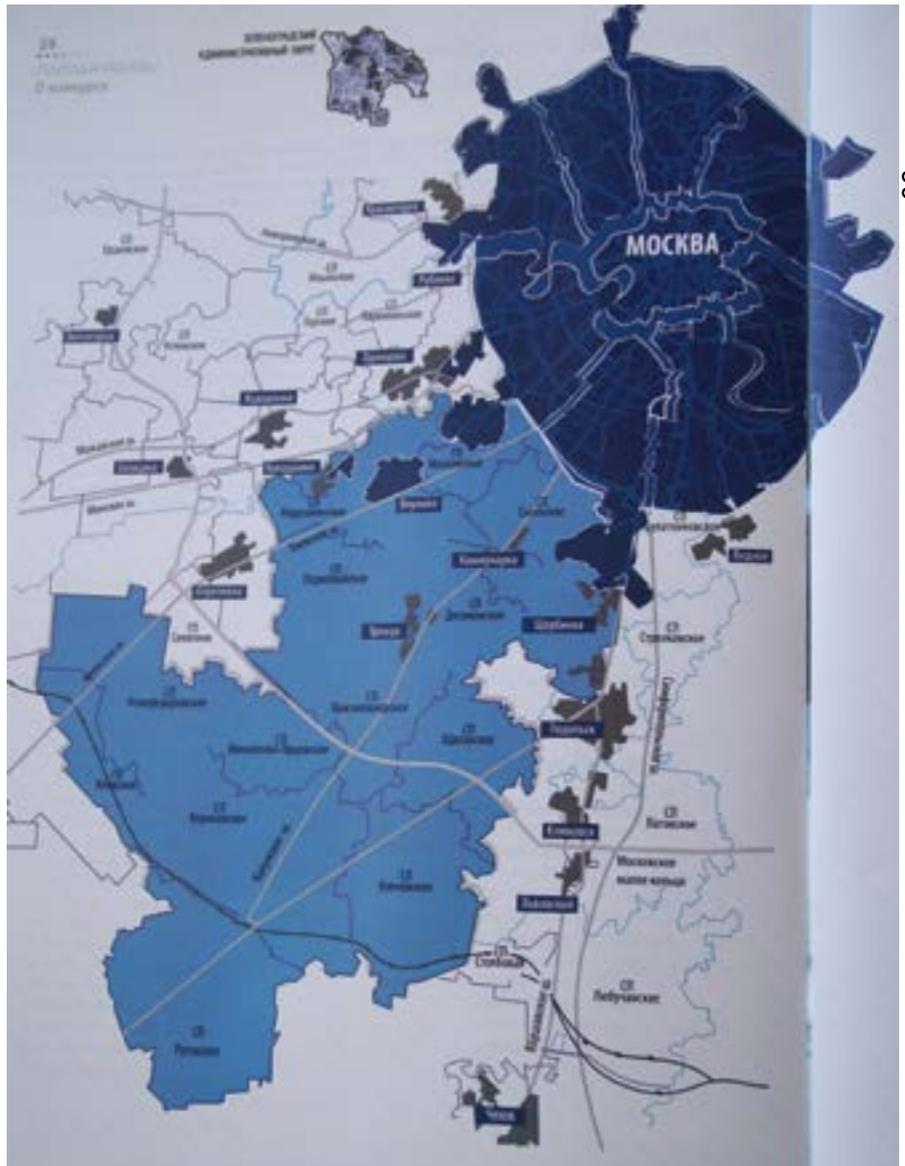

< Зброшенныя советские города, в прошлом промышленные
 < Обычное дневное движение по московским улицам
 в Современная Москва (синим) и гигантские, так называемые присоединенные территории (голубым). Результат этого присоединения для города не предсказуем

суммы. Это еще и опасно! Во всех новейших супертуннелях, оборудованных даже дополнительными «дублерами безопасности», происходили страшные аварии. Опасны и выхлопные газы. При массовых заторах не спасут и вентиляционные шахты. В конце концов, потребуется замена всех автомобильных двигателей на более экономичные и экологически чистые. При традиционных для России дачных поездках электромобили пока не могут конкурировать с традиционными двигателями. Ожидается появление «чистых» водородных двигателей. В этом случае из автомобилей вместо выхлопных газов польется вода. Но теплая влажность, смешанная с асфальтовой и шинной пылью, окутает не только город, но и огромные туннели. При морозе ситуация будет еще хуже. Можно будет перейти на маленькие «смарты», но, при 800 машинах на 1000 жителей, они все равно забьют и улицы, и кварталы, и туннели. Внятных путей решения этих проблем пока не существует.

Систематически появлялись предложения разуплотнить Москву при помощи небольших городов-спутников. Но и эта деятельность успеха не имеет. В областных городах недостаточно мест приложения труда, нет развлечений и нет образовательных центров. В столицу все равно устремляется огромный поток ежедневных мигрантов, и центральный город будет продолжать расти, захватывая все новые территории. Анализ показывает, что «звездчатые» города и агломерации теряют свои позиции. Территориальные и экологические ресурсы в них практически исчерпаны. На наших глазах они уничтожают природу и становятся непреодолимым препятствием для транспорта.

Есть страны, особенно в Европе, где пятна городов начинают срастаться, образуя мегалополисы. Мегалополисы множатся. Если «положить» все города мира на карту, они покроют Индийский субконтинент. Ясно, что раз города и крупные агломерации теряют свои очертания, то нет смысла их бессистемно увеличивать. Но ничего не предпринимается. То мешает финансовый кризис, то надежда, что прирост населения пойдет на убыль и расширения не потребуются, то еще что-то. Но Россия страна особая, и система расселения людей в ней должна быть особой.

^ Монорельс в Сиднее. Хорошее решение. В плотной городской среде он бесшумно пронзает жилые здания

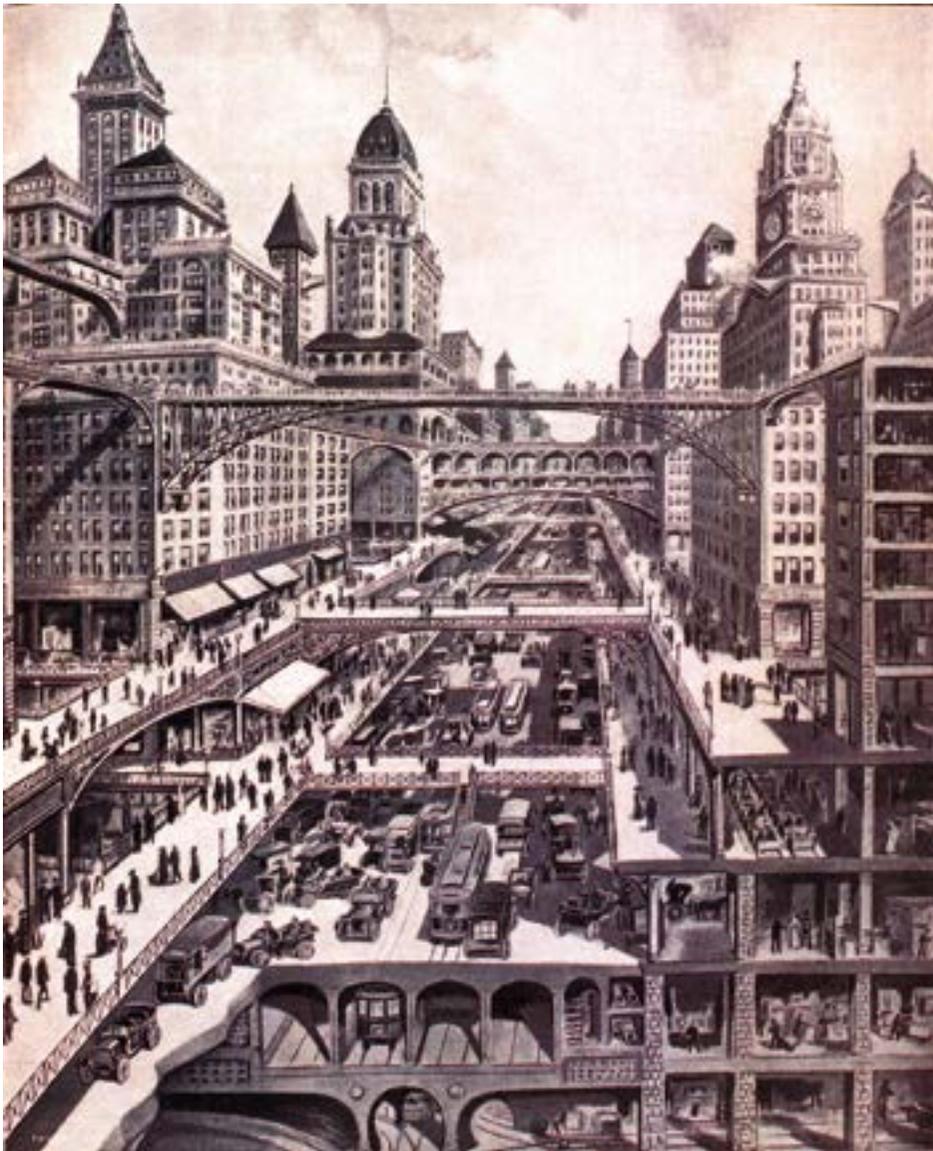

^ Ханой (Вьетнам). Мечта многих городов перейти на велосипедное движение закончилась в Ханое тем, что большинство жителей пересело на скутеры. Количество выхлопных газов резко увеличилось

^ Бесконечная череда рождения и смерти миллионов автомобилей

v Так представляли себе американцы в конце XIX века городское движение будущего. Прогноз удачный. Однако удобные многоуровневые пешеходные переходы отсутствуют

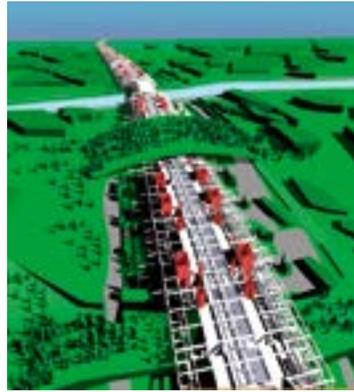
Русла расселения. Обратимся к истории. Люди издревле селились вдоль водных или сухопутных путей сообщения. Это были реки: Тигр, Евфрат, Нил, Хуанхэ, Меконг, Дунай, Рейн, Луара, Волга, Миссисипи. Были и караванные пути. Например, Великий шелковый путь, римские дороги, окружавшие Средиземноморье, путь «из варяг в греки», и дороги, ведущие в Святую землю. Коммуникации повсеместно притягивали людей. Вдоль путей появлялись города, замки и крепости. Они нанизывались на пути, как бусы на нить. Транзит был выгоден всем. Одни богатели за счет перекупки товара. Другие жили придорожной торговлей. Третьих кормила река. Четвертые взиали с проезжающих пошлину. Кто-то грабил, кто-то охранял. Сравнительно недавно стали разрастаться поселения у гигантских железнодорожных магистралей – Трансамериканской, Трансавстралийской и Транссибирской. Поскольку нас интересует Россия, рассмотрим российские линейные системы расселения.

Кто жил на любой русской реке – знает, что значит пристань для городка. Кто жил на железнодорожной трассе – помнит, сколь велика роль вокзала и всего, что с ним связано. Вокзал и пристань – это работа, это еда и товары, это информация, это связь с внешним миром. Пушкин в патристическом стихотворении «Клеветникам России» так описывает российскую «географию»: «От Перми до Тавриды. От финских хладных скал до пламенной Колхиды. От потрясенного Кремля до стен недвижимого Китая...» По этим направлениям и развивались русские пути-дороги. Вспомним, как во время Второй мировой войны с севера, по мурманской трассе, шли ленд-лизские товары. По Волге, в центр, шла нефть и пшеница. Тогда серьезную роль начал приобретать Севморпуть. Об огромном значении Транссибирской магистрали в этот период и говорить нечего.

Итак, Россия имеет огромную территорию. Уникальный набор климатических зон. Совершенно особую политическую и экономическую историю. Особые культурные традиции. Она многонациональна. У нее особые отношения с соседями и с миром. И наконец, уникальная география. Стандарты иных стран подходят ей далеко не всегда. Повторим, надо искать свои, специфически российские пути развития расселения. Попробуем искать их в доступной

^ Пересечение двух русел расселения в районе Вологды. Трасса Сибстрим проходит с запада на восток. Ее пересекает возможное русло, идущее с севера от Мурманска на юг до Симферополя. Видны широкие полосы активно освоенных территорий, примыкающих к транспортным коридорам

^ Возможно, так будет выглядеть транспортный коридор Сибстрима. Освоение прилегающей зоны превратит его в русло расселения. Вдали виден зеленый, пересекающий коридор для прохождения животных и растений

^ Станция и начало эстакады шанхайского скоростного экспресса на магнитной подушке, разгоняющегося до 440 км в час

нам области архитектуры и градостроительства, опираясь на бесконечные пути сообщения. При этом ясно, что традиционные российские пути-дороги должны претерпеть значительные изменения.

При резком увеличении скоростей передвижения по железным и шоссейным дорогам в мировом лексиконе появилось понятие «транспортный коридор». Это понятие очень подходит к российским системам расселения. Каналами этого движения являются рельсовые и шоссейные дороги, трубопроводы, различного вида транспортеры, а также кабельные линии и линии передачи электроэнергии. Таким образом, по «транспортным коридорам», кроме людей и грузов, могут двигаться потоки воды, энергии, полезных ископаемых и информации.

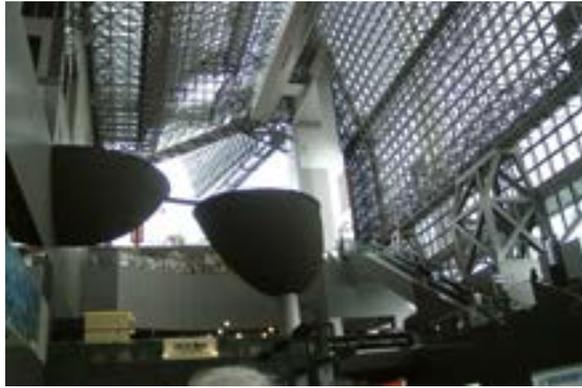
Нам представляется, что, особенно для России, следует расширить это понятие и ввести понятие «русло расселения». В основе русла расселения – транспортный коридор. Но русло – это не только коридор. В понятие русла входит и некая зона примерно 20 километров ширины. Это гигантские новые территории, снабженные современными транспортными и инфраструктурными ресурсами. Они могут активно осваиваться человеком. В зоне русла, прилегающей к транспортному коридору, могут строиться тысячи объектов. Среди них жилые поселения, заводы, обучающие центры, университеты, места отдыха и, конечно, города. Вблизи русла могут находиться и территории интенсивного современного землепользования, как то: пахоты, фермы, пастбища, рыбные и лесные хозяйства. Кроме того, русло может пересекать зоны природных парков, заповедников, рекреационных и развлекательных центров с гостиницами, домами отдыха, санаториями и научными центрами. Русла расселения – это зоны интенсивного освоения земельных ресурсов. Это идеальные места для сосредоточения технологий XXI века. Поэтому именно они могут стать притягательны для населения страны и особенно для молодежи. Четкое выделение зоны притяжения активного населения позволит на покинутых местах возродить столь нещадно эксплуатируемую у нас природу.

К сожалению, до сих пор передвижение по российским коммуникациям идет медленно, неорганизованно и некомфортно. Надо строить новые, современные пути

сообщения, и не только автомобильные. Скоростные «поездные» трассы появляются во Франции, Германии, Китае. Эксперименты показывают, что передвижения по ним могут в будущем достигать более 500 км в час. Следует активно строить их и в России. Эти трассы должны проходить по наиболее загруженным направлениям, превращаясь в русла расселения. Они смогут притянуть население и переориентировать на себя расползающиеся агломерации. Подобный процесс напоминает прокладку осушительного канала сквозь болотистую местность. Скоростная трасса, идущая от Казани и Нижнего Новгорода до Хельсинки через Москву и Петербург, и есть такой «осушительный канал». Она может превратиться в полноценное русло расселения, вдоль которого и может образоваться новая современная система расселения. Вспомним, еще сто лет назад мощный поток переселенцев был притянут к Транссибирской железнодорожной магистрали, и там стали появляться новые города.

Мы уже отмечали, что все традиционные российские системы расселения, такие как зоны традиционного земледелия, исторические города, зоны добычи полезных ископаемых, малые промышленные города, спецгорода и города науки, не должны исчезнуть. Но есть регионы, где, особенно в советскую эпоху, появились города, поселки и случайные жилые образования, которые больше не функционируют и возрождать которые не имеет смысла. Их и следует переселить на русло. Хватит ли подобных переселенцев, если в России не ожидается мощный прирост населения? Даже мигранты не спасают положение. Но жилищные стандарты в России очень низки. Жилой фонд в ужасном состоянии. Даже «хрущевская» норма – 9 метров на человека – достигнута далеко не везде. Для достижения хотя бы минимального европейского уровня жизни, а это 30 метров на человека, необходимо строить новое жилье. Поскольку в реставрированных исторических городах всех поселить не удастся, придется вблизи русел расселения создавать новые поселения, доставлять существующие города, а также реорганизовывать застройку в перспективных «советских» моногородах и рабочих поселках.

Удобно ли современным жителям селиться вблизи скоростных трасс и передвигаться на поездах по скоростным

^ Вокзал в Киото (Япония) превращен в мощный городской центр с гостиницами, магазинами, ресторанами, молодежными амфитеатрами и смотровыми площадками. Все вокзальные функции находятся в подвальном этаже с удобными выходами к поездам

^ Типичный советский промышленный город, практически брошенный жителями. Жизненные стандарты в таких городах были очень низкими

каналам связи? Можно предположить, что удобно. Вспомним Нью-Йоркский регион, где вдоль Лонг-Айлендского пролива идут скоростные поезда. Вся трасса Нью-Йорк – Нью-Хэйвен – Бостон, длиной 400 километров (наш аналог Москва – Нижний Новгород), фактически демонстрирует собой линейную систему расселения. Богатые деловые люди живут на берегу моря в небольших уютных городках. Для поездки в Нью-Йорк они редко пользуются автомобилями. Доезжая на них до станции, они садятся на электропоезда. В электричках они сидят в комфортабельных креслах, читают газеты, работают, могут заказать завтрак. Не сравнить с ездой на машине по многокилометровым пробкам. Попадая на вокзал Гранд-Централ, расположенный в центре Манхэттена на 42-й улице, они пешком или на метро добираются до самых престижных офисов страны.

Можно возразить, что редкие остановки на скоростных трассах создадут сложности достижения многочисленных объектов на русле расселения. Но транспортный коридор – это не «однопутка», к которой мы привыкли. Это плотный пучок коммуникаций. Совершенно не обязательно задействовать один пассажирский канал движения. Можно иметь для дальних расстояний скоростной канал с редкими остановками, еще один канал средних скоростей и один неспешный, для небольших расстояний с частыми остановками. Вблизи подобных многоканальных путей сообщения и могут формироваться объекты русла расселения.

Что же заставит людей покидать привычные места в большом городе и селиться вдоль трасс? Известно, что современная городская жизнь сформировалась не только благодаря транспорту. Многих людей в плотном городе привлекают его «энергетика», богатый выбор мест приложения труда, близость очагов культуры, образования, информации, а также зоны полового, возрастного и профессионального общения. Там же формируется и особый стиль жизни. В городах хотят жить те, кто стремится иметь активные социальные контакты, а это в основном молодежь. Могут ли линейные системы обеспечить что-то подобное.

Смогут, если удобство и скорость достижения «городских» благ на трассе будут не хуже, если не лучше, чем

в современном городе. И если получится привыкнуть к подобному, не совсем для нас обычному стилю жизни. Я наблюдал, как в Швейцарии, из небольшого городка Мендризидо и окрестных поселений, дети одни (!) на электричках ездили в школу, а взрослые отправлялись на работу, учебу или за развлечениями в Лугано или даже в заграничный Милан. Это казалось им вполне естественным. Электричка воспринимается ими как метро. Для поездок они редко используют автомобиль, если можно быстро и удобно добраться на поезде. Жизнь на природе они не променяют на миллионный город, забитый транспортом.

Но почему мы преимущественно говорим о поездах, а не об автомобилях или самолетах. У авиации много недостатков: высокая стоимость перевозок, удаленность аэропортов, сложности при посадке и оформлении багажа, шумовое загрязнение окружающей среды и многое другое. Видимо, этот вид транспорта следует ориентировать на дальние, скоростные перевозки и на перевозки в районы, плохо доступные наземным видам транспорта. Может быть, следует улучшать автомобильное движение. Действительно, в 60-х годах в Европе, казалось, что побеждает автомобиль. И сейчас малотоннажные перевозки продолжают обслуживаться автотранспортом, а грузовые поезда загружены контейнерами. Но при этом пассажирские поезда интенсивно увеличивают скорость передвижения. Экспериментальные поезда достигают скорости 575 км в час. Видимо, на них и следует ориентироваться при создании русел расселения.

Кроме транспортного и социального аспектов, в пользу линейных систем расселения действует и экономический фактор. В городах земельные ресурсы исчерпаны, а вдоль трасс, особенно в России, сосредоточены огромные пространства, которых хватит на столетия. В этой зоне застройщикам любого комплекса не придется использовать дорогие городские земли и уничтожать ранее существовавшие постройки. Так что селиться на русле расселения может оказаться не только удобно, но и выгодно.

В мире меняются не только скорости и удобства передвижения. Меняется и система достижения поездов. Исчезают залы ожидания, существенно ускоряется продажа билетов, упрощается процедура посадки и т. д.

^ Любая реконструкция малых городов потребует больших затрат для строительства жилья, а также значительных вложений в создание современной инфраструктур

^ Современный круизный лайнер, прообраз плотного, экологически чистого города будущего

Вокзалы перестают быть скопищем отъезжающих людей и становятся мощными пересадочными узлами. Вокзалы, как правило, расположены в стратегически значимых местах города. Это позволяет им становиться также и крупными общественными центрами. Так, новый вокзал в Киото (Япония) был построен не только как вокзал, но и как полноценный городской центр с гостиницами, магазинами, развлекательными комплексами и ресторанами.

Еще раз повторим: Россия имеет значительный пространственный ресурс. За счет этого ресурса не следует поддерживать разрастание агломерационных «пятен». Это тупик. Где же выход? Поскольку в России сформировался и продолжает формироваться целый ряд протяженных транспортных коммуникаций (в основном железнодорожных), то, вероятно, именно эти коммуникации и могут стать основой будущих русел расселения. В России нужно постепенно переходить на линейные системы расселения и собирать активную деятельность людей вдоль скоростных трасс.

Русло и город. Итак, предлагается сосредотачивать людей вдоль русел расселения. На русле может находиться великое множество сооружений. Но мы выделим два основных – транспортное русло и город. Чтобы лучше понять непростой принцип их взаимодействия, можно привести ряд аналогий.

Геометрическая аналогия. Как ни странно, но все коммуникации могут быть в конечном итоге только линейными. Поселения всегда связаны с дорогой. Город, даже если он круглый и обнесен стеной, состоит из капилляров улиц, к которым примыкают здания. Все градостроительные системы всегда состоят из коммуникаций и объектов, к ним примыкающих. Даже комнаты обычно соединяются между собой посредством коридора или нанизываются на анфиладную нить. Даже сурки, организуя свои убежища, роют туннели с отходящими от них «комнатами». Даже водные, электрические и газовые системы состоят из линейных коммуникаций и мест их потребления. Это не зависит от нашей воли. Это проявление некоего всеобщего закона пространственной геометрии.

Другая аналогия – ботаническая. Русло с транспортным коридором в центре можно сравнить со стволом дерева, по которому непрерывным потоком идут живи-

тельные соки, добытые корневой системой. В то же время города – это некие «плоды», то есть места, в которых эти соки накапливаются. Города накапливают культурные ресурсы, необходимые как для их совершенствования, так и для продолжения рода человеческого. Но наша современная цивилизация культивирует развитие городов только на манер стихийно расплозющихся мхов и лишайников. Представляется, что система «ствол», то есть транспортный коридор и накопительный «плод», то есть город, более совершенна.

Можно построить также некую зоологическую аналогию. Город – это взаимосвязанный набор сооружений. Обычно они располагаются вблизи центра, образуя некое округлое «пятно застройки». Почему округлое? Потому что желательна быстрая связь районов между собой и быстрая доступность центра. Но те же дома можно расположить в линию, усовершенствовав пути сообщения. Природа активно пользуется этим принципом. Она создала не только «компактного» ежа, но и «линейного» ужа. Для одних функций хорош еж, для других уж. Это просто два разных вида биокomпоновок. В градостроительстве пока в полной мере используется только компоновка «ежа». Не пора ли задействовать и «ужа».

Возможна еще и философская аналогия. Город – это место рождения и воспитания человека. Это место, где он формируется, где находится его семья и друзья. Это его родина. Кроме того, это место, где накапливается городская культура, которая делает данный город неповторимым. Русло расселения – это противовес городу. Это место, где идет активная и непредсказуемая жизнь. Где человек противопоставлен окружающему миру. Это место борьбы и перемен, побед и поражений. Это место работы, экспериментов, развлечений и активного отдыха. Не трудно заметить присутствие в этом рассуждении некоего дуализма. Двух противоположных, но дополняющих друг друга начал. Русло можно трактовать как средоточие мужского начала, и город – начала женского. Например, как инь и янь в китайской философии. Кроме того, противопоставление города и русла можно рассматривать и как противопоставление старого и нового. Традиционного и прогрессивного. Вечно меняющегося и стабильного.

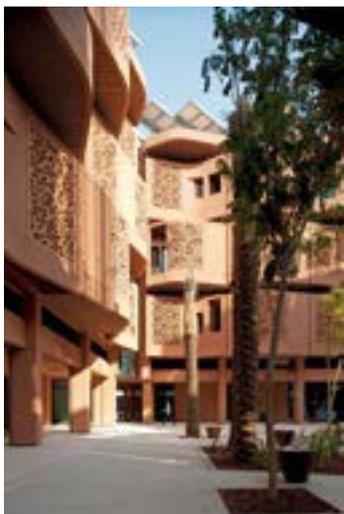
Аналогии помогают понять, что ориентация на линей-

^ Небоскреб «Эль-Джараб». Это фактически вертикальный город, в котором живут и работают тысячи человек

> Новый город Масдар, построенный Норманом Фостером в пригороде Абу-Даби. Эмираты. Видна перекрытая территория центра города

> Так представляли себе художники, жившие в 1900 году, движущиеся тротуары 2000 года

^ Город Масдар. Полностью пешеходная жилая зона города, покоящаяся на платформе 7-метровой высоты. Под платформой расположен транспорт и городская инфраструктура

ные системы расселения не случайна. Она имеет философские, социально-экономические и глубокие культурно-исторические корни. Совершенно ясно, что без этих двух начал невозможен прогресс человеческой культуры.

Концепция русла не должна уничтожить существующие системы расселения. Естественно, что будут стоять существующие города, подвергшиеся той или иной реконструкции. Но появятся и новые поселения, которые могут существенно отличаться от того, что мы строим сегодня. Естественно, пропаганда линейных систем расселения не предполагает, что новые города должны иметь вид магистрали, обстроенной жилыми домами на манер Тверской или Невского. Это могут быть полноценные города, расположенные в транспортной близости от той или иной остановки на трассе. Они будут содержать функции, традиционно присущие городу. Функции, которые неизменны в течение веков. Повторим, это приют семьи, рождение и воспитание детей, развлечения и получение информации. Это многочисленные виды традиционного людского общения, таких как клубы, спортивные игры, пабы и дискуссионные площадки. То есть это жилая среда, предназначенная для формирования традиционного человека. Но эти «традиционные» города будут «подключены» к руслу, где станут появляться и исчезать десятки новых функций, связанных с работой, экспериментальной деятельностью, отдыхом и путешествиями. Эту переменчивую среду русла совершенно не обязательно вписывать, как это сейчас принято, в городскую среду, создавая гигантские неуправляемые мегаполисы.

Новые города. Надо понять, что русло расселения – это новое, линейное представление об освоении жизненного пространства. В зоне русла могут появляться и исчезать десятки объектов. Достигать их на современных скоростных поездах будет легче, чем на машинах в современном городе. Разве миллионы москвичей не передвигаются ежедневно на десятки километров, используя метро, оставляя при этом автомобили на перехватывающих стоянках.

Города столетиями развивались постепенным захватом окружающих территорий. Даже если город строился по единой схеме, он все равно постепенно рос. Отдельно стоящие здания разбредались по окрестностям, как

коровы по лугу. Надо было непрерывно наращивать транспортную сеть и видоизменять структуру всех видов инженерных и бытовых услуг. Если мы примем «русельную» систему расселения, и достигать те или иные объекты на русле мы сможем достаточно быстро, можно перейти к строительству небольших, отдельно стоящих городов. В этом случае ситуация должна измениться. Город должен перестать быть «содружеством» домов. Он должен быть плотным и практически не растущим. Это может быть единое сооружение, в котором контролируются все технические процессы, в нем происходящие. По этим принципам уже строятся небоскребы, новейшие заводы, гигантские гостиницы, торговые молы, аэропорты и даже круизные лайнеры. Например, 800-метровая башня «Бурдж-Халифа» в Дубае, вмещает в себя тысячи людей. Форма ее постоянна. Она не растет. Это компактный город, обслуживаемый из единого центра. Все внутренние передвижения осуществляются лифтами, и в нем, естественно, нет никаких автомобилей.

Особенно привлекает меня пример круизного лайнера. Это самодостаточная жилая единица. Она вмещает до 10 тысяч жителей и в ней тоже нет никаких автомобилей. В этом плавающем городе все процессы контролируются из одного центра управления. Такие новые города и есть современные высокоорганизованные жилые поселения. Подобные сооружения все больше напоминают живые организмы, которые имеют единый орган управления и которые спонтанно не разрастаются. Не есть ли это путь к новому этапу развития градостроительства?

За появление городов-организмов говорит и экологический фактор. Тысячелетиями человек старался оборудовать свои сооружения не только защитой от вражеских нападений и климатических капризов, но и теплом, светом, энергией, водой, а также эффективным удалением отходов. В этом люди особенно преуспели в последнее столетие. Но результат подобной деятельности оказался неожиданным. Сотни удобных сервисных механизмов стали потреблять огромное количество энергии. Производство энергии и городские выбросы отравляют окружающую среду. В XXI веке безотходным должно стать не только производство и энергетика, но и вся деятельность человека, включая градостроитель-

< К 2000 году, поднятые на 5 метров траволаторные улицы, появились в Йокогаме (Япония)

ство. Новые города должны не только централизованно получать блага, но и контролировать весь цикл своего потребления, в том числе характер отходов, выходящих в атмосферу или почву. Теперь надо спасать не человека от природы, а саму природу, из которой мы черпаем блага, от человека. А это меняет всю философию градостроительной деятельности. Спонтанно растущие города не могут служить для нас образцом. Многофункциональные инженерные системы, обслуживающие новые города, смогут полноценно контролировать только плотную, законченную структуру.

Естественно возникает вопрос: раз город плотный, где же городское озеленение? Где милые сердцу сады, парки и скверы? Но плотные города должны окружать не менее плотная природная среда. Причем это будет настоящая природа, а не чахлые садики, окутанные автомобильными выхлопами.

Теперь о транспорте. Отсутствие в небольшом городе транспорта не химера. В японском городе Йокогаме уже существует надземная траволаторная улица, и люди от метро пешком передвигаются по ней на работу. Лондонский аэропорт Хитроу, пропускающий до 60 миллионов пассажиров в год, имеет в зоне посадки только эскалаторы, траволаторы, лифты и редкие электрокары. Морские круизные лайнеры вместимостью до 10 тысяч человек, обходятся всего лишь лифтами. Так же организованы и небоскребы. Также небольшие «русельные» города могут не иметь личного внутригородского автомобильного транспорта, обходясь иными средствами передвижения. А это колоссальное преимущество перед современными городами.

Расчеты показывают, что при плотной 4–7-этажной застройке стотысячный город может стать практически пешеходным. Автомобиль понадобится только для загородных поездок по трассе или в зоны дач, столь характерных для России. Такой город должен быть полностью пешеходным. На этом принципе в эмирате Абу-Даби Норман Фостер уже построил сверхновый экогород Масдар. Весь транспорт и все инженерные коммуникации этого города сосредоточены под семиметровой платформой, и жилая зона полностью пешеходна. Огромный центр Масдара перекрыт. И это перекрытие в основном состоит

из солнечных батарей. Перекрытие городов также желательно для России. Особенно в зонах с экстремальным климатом.

Процесс внедрения таких городов, естественно, не будет единовременным. Существующие исторические города останутся на своих местах, и они станут медленно трансформироваться. Для новых же городов придется искать подходящие территории, расположенные на руслах, в легкой доступности до остановок на скоростных трассах. Но самое главное, эти города должны по всем параметрам превосходить бесконечные барачные и пятиэтажные поселения, бессистемно построенные за последние семьдесят лет.

Представляется, что вблизи русел могут появиться новые плотные городские образования с населением порядка ста тысяч жителей. Если мы разместим вдоль русел расселения цепочки городов, обладающих новыми экологическими стандартами проживания, близостью нетронутой природы и вместе с тем плотностью социальных контактов, свойственных центрам старых городов, мы получим принципиально новую, современную систему расселения. Подобная, четко структурированная система сможет привлечь активное население, «осушив» расположенные агломерации. Кроме того, города, построенные по новым социальным и инженерным стандартам, помогут решить острейшую проблему, стоящую перед РФ, – более равномерного расселения людей по стране. Надеюсь, что именно эти города, помогут заселить гигантские пространства Сибири и Дальнего Востока.

Конечно, сейчас ни российские города, ни системы расселения к этому не готовы. Однако новым поселением ничего, кроме затрат, не мешает начать становиться таковыми. Конечно, это дорого, но новые образцы всегда дороги. Стоит поставить новые города на поток, как стоимость резко снизится.

Петербург – Москва. Одна из первых российских линейных систем расселения – это путь из Петербурга в Москву. Две столицы всегда тянулись друг к другу. «Путешествие из Петербурга в Москву». Николаевская железная дорога. В начале XX века появляются фантастические идеи связать эти два города линейной системой, состоящей из городов-садов. После революции появи-

> Карта России с мощным руслом расселения, названным Сибстримом. Такое русло, идущее от Петербурга до Владивостока, может быть сформировано на базе Транссиба. Русло Сибстрима может замкнуть на себе обширную сеть новых магистралей, разработанных учеными РЖД для строительства в первой половине XXI века. Подробное описание этих магистралей – в тексте статьи

v Трасса железной дороги, связывающей Москву с Петербургом. Зона, примыкающая к этой трассе, может в будущем стать одним из первых русел расселения России

лась великая парабола Ладовского, демонстрирующая «энергетический» выброс Москвы в сторону Ленинграда. Были на эту тему и диссертации в 70-х годах. Были и разработки Ю. Платонова в 90-х. Наконец, появился «Сапсан» и соединил два города скоростной трассой. Ясно, что эта трасса может использоваться для дальнейшего развития новых поселений. Москва – Петербург – это традиционное русское русло расселения.

Видимо, решая проблему роста Москвы, следует обратить внимание не на огромные территории бессистемной застройки, окружающие город, а на традиционную линейную систему расселения, соединяющую две столицы. Попытаемся эту систему смоделировать. Наметим пять остановок: Клин, Тверь, Вышний Волочек, Окуловка, Чудово. Расстояние между ними примерно 100 километров. Если скорость поезда достигнет 300 км/час, то на движение между остановками мы потратим около 20 минут. А на путь от Москвы до Петербурга немногим более двух часов. Если к каждой остановке привязать 4–5 небольших, плотных городов по 80–100 тысяч населения, то на этом русле можно поселить более двух с половиной миллионов человек, считая и существующие поселения. Кроме рабочих мест, в воскресные дни для людей на русле расселения всего за полтора-два часа будут доступны все культурные блага двух столиц. Для сравнения. Диаметр Москвы около 30 километров. Сейчас на передвижение на автомобиле из конца в конец города можно потратить более трех часов.

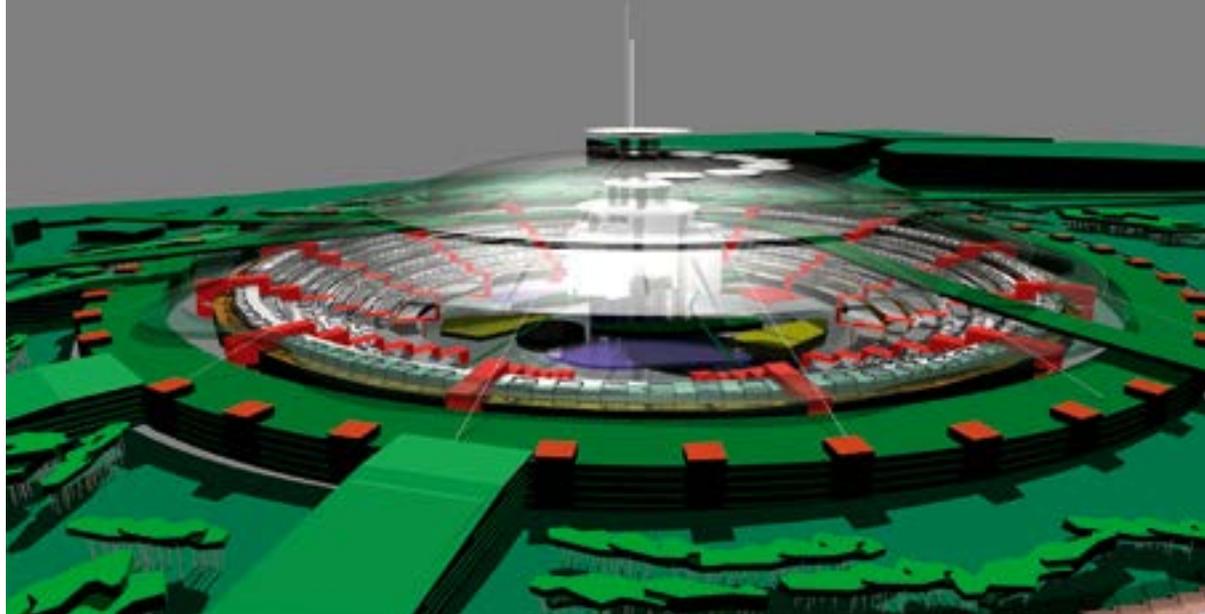
Есть и другие преимущества. Уйдя на русло, экономика может обрести новое дыхание, поскольку трасса обладает огромным земельным ресурсом. Сейчас Москва, в пределах кольцевой, занимает около 800 кв. км, завитых предприятиями, застройкой и дорогами. Мало того. К городу на юге прибавляется еще около 1000 кв. км. В то же время всего лишь 10-километровая зона вдоль трассы Москва – Петербург даст не менее 5 тыс. кв. км новых площадей. Сейчас там застроено не более 4%. Вдоль подобного транспортного русла могут появляться: заводы, зоны сельского хозяйства, университеты и места развлечений. Освоение этого пространства также откроет нам красоту древних городов и природных заповедников, расположенных в этой зоне.

Кроме того, исходя из высоких скоростей передвижения, где-то в районе Бологого выгодно построить современный аэродром, обслуживающий как Москву, так и Петербург. Достижение его из обоих городов займет около часа. Естественно, в этом случае рядом с аэропортом возникнет новый город с жилыми домами, гостиницами, логистическими центрами и ремонтными базами. Возможно, создать такой аэропорт выгоднее, чем бесконечно развивать Домодедово и Пулково, увеличивая шумовые зоны.

Можно надеяться, что этот транспортный коридор притянет к себе население, а это, в свою очередь, может прекратить дисперсное расплывание подмосковной застройки по природным территориям. Возможно, люди из столичной агломерации предпочтут переселиться «на трассу» в экологически чистые поселения, вместо того чтобы задыхаться в агломерационных пробках или в промышленных городах-спутниках, построенных по стандартам полувековой давности. В будущем линейную систему расселения можно будет направить на Нижний Новгород, Казань и далее по Транссибу до Владивостока.

Сибстрим. Русел расселения в России может быть несколько. Но наиболее мощное из них – Великая Транссибирская дорога. Это самая продолжительная железнодорожная магистраль в мире. Она должна стать гигантским транспортным коридором, связывающим акватории Тихого и Атлантического океанов. Транссиб уже сейчас представляет собой гигантскую линейную систему расселения. Мы предлагаем превратить эту систему в полноценное русло расселения и назвать его Сибстрим, то есть Сибирский поток.

Появление Транссибирской железной дороги было величайшим событием в истории России. В середине XIX века курьеру требовалось более 40 дней быстрого передвижения на перекладных, верхом или в кибитке, чтобы от Петербурга достичь Владивостока. После строительства дороги путь к Тихому океану стал занимать около 10 дней в комфортабельных купе. Построив транспортный коридор, мы можем достигнуть скорости действующего шанхайского экспресса – 440 км/час. Пользуясь Сибстримом, жителям Вологды, например, за два часа можно будет достичь Приуралья. Кроме того, им ежене-

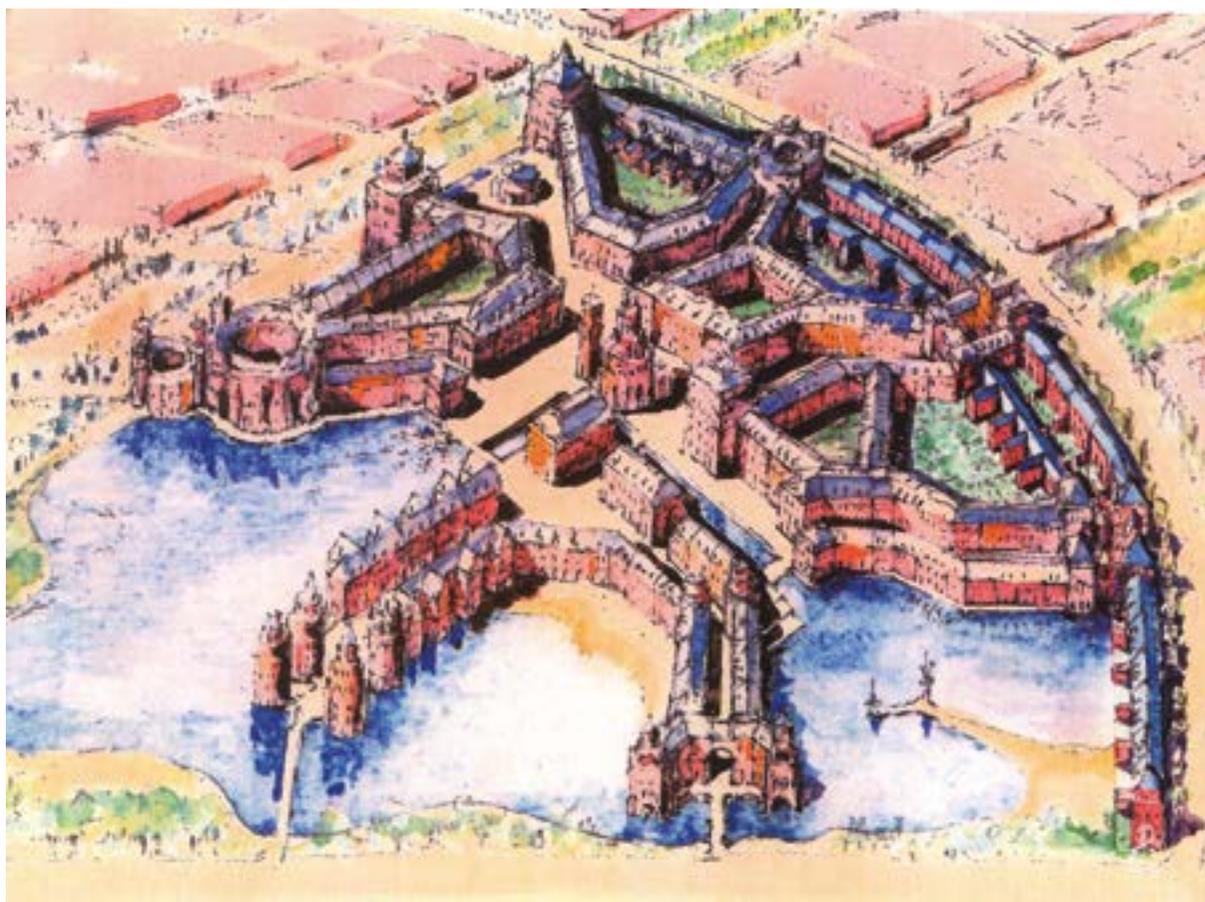
< Возможный вариант города, построенного на русле расселения. Город перекрыт куполом, поскольку находится в экстремальной природной среде Приполярья

дельно будет доступен не только Петербург и Москва с их университетами, театрами, музеями и памятниками архитектуры, но и великие русские озера – Онежское и Ладожское. Также будут доступны дачи, рестораны и развлекательные комплексы, отстоящие от города на сотни километров. В Москве за два часа, как мы знаем, с трудом можно выехать из центра в ближнее Подмосковье.

Скорость шанхайского экспресса позволит потратить на путь до Владивостока, со всеми остановками, не больше суток. При этом для россиян, живущих на Западе страны, и для европейцев станут легкодоступными не только уральский Екатеринбург, не только красноярские

Столбы, не только Иркутск с Байкалом, но и Уссурийский край с Владивостоком. А это значит, что Сибирский и Дальневосточный регионы станут более привлекательными для проживания, что, в свою очередь, поможет решить важнейшую проблему нашего государства – активного заселения востока страны.

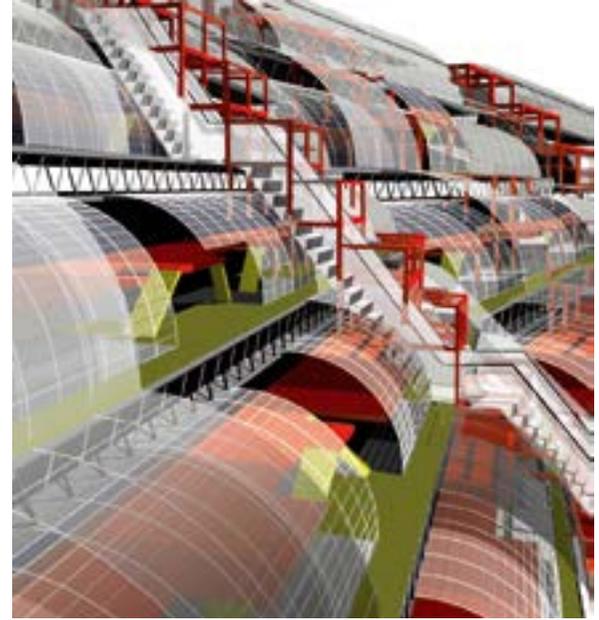
Строительство Сибстрима, естественно, потребует огромных затрат. Но вот что интересно. Проектирование Транссиба началось при Александре III. Стройка, стартовала в 1891 году, при Николае II. Но уже в 1901 году первый поезд пришел во Владивосток. А сто лет назад, к 1916 году, был построен путь через Хабаровск. Итак, за

< Современный город по проекту Леона Крие, имитирующий средневековое поселение

> Токио (Япония). Огромный крытый холл зала конгрессов, построенный в конце прошлого века. Под таким перекрытием может поместиться небольшой городок

> Возможный вид жилых зон в городах на русле расселения. В зависимости от климатических условий полукруглые прозрачные стекла могут закрываться и открываться, являя солнцу обширные балконы

10 лет, к 1901 году, был построен путь длиной 8 тысяч километров. Да, тогда Байкал поезд пересекал на пароме или по льду. Да, путь шел через китайский Харбин. Но как можно было за 10 лет проложить путь такой длины, пользуясь телегой, тачкой, лопаткой, киркой и мотыгой?! Как можно было построить множество мостов, включая мосты через Волгу, Каму, Иртыш, Обь и Енисей. Разве сейчас, имея опыт возведения гигантских газовых и нефтяных трасс, трудно построить скоростной транспортный коридор, столь нужный России?

Предполагается, что при новых скоростях, на базе Транссиба, появится полноценное русло расселения с серией мощных линейных агломераций. Постепенно на их базе сформируется совершенно новая среда обитания, которая будет простираться на тысячи километров, пресекая весь Евразийский континент. Кроме дохода от транзита людей, грузов, электроэнергии и углеводородов, вдоль ресурсоемкого Сибстрима, могут быть получены значительные прибыли от продажи земельных участков. Можно будет также переориентировать на восток поток переселенцев.

РЖД предполагают построить, на территории России и другие железнодорожные трассы. Какие из них превратятся в русла расселения, сказать трудно, но все они, подобно БАМу, должны опираться на русло Сибстрима. От него, вблизи Владивостока, на север пройдет железная дорога к проливу Невельского. Далее через подводный тоннель она соединится с Сахалином, с его огромными запасами углеводородов и незамерзающей бухтой Корсакова. Тысячекилометровая дорога может соединить Екатеринбург с Салехардом. Далее она продолжится на север, к месторождениям Ямала. Мощнейшая трасса пройдет от Воркуты до Норильска через Салехард и Игарку, и далее через Белую Гору до Верхоянска, с ответвлением на Хатангу и Тикси. Кроме того, от этой трассы, западнее Тикси, появится ответвление на Якутск. От Верхоянска пройдет мощная транспортная артерия до Берингова пролива, через Билибино, с ответвлениями на Магадан и Певек. От нее, южнее Аноя, пойдет ответвление на Камчатку, через Марково, Оссора, Ключи и далее до Петропавловска-Камчатского. Новая железнодорожная магистраль, названная Севсиб, пройдет от Сургута и Нижневартовска на восток

через Белый Яр, и по Ангаре через Усть Илимск до Хребтовой на БАМе. Далее, через Братск, можно будет достичь Тайшета на Сибстриме, а по нему попасть в Иркутск.

Создание перечисленных дорог приведет к появлению мощнейшего коммуникационного каркаса России, опирающегося на Сибстрим. Этот каркас объединит десятки железнодорожных систем. Это прежде всего железные дороги, обслуживающие города, расположенные вдоль Северного Ледовитого океана и Камчатки. Такой транспортный каркас поможет более интенсивно осваивать наши гигантские природные ресурсы, позволит более равномерно распределить население по всей территории России и укрепит обороноспособность нашей страны.

Новая парадигма. Человечеству не раз приходилось кардинально менять те или иные привычные стереотипы мышления. За последние 50 лет научно-техническая революция во многом изменила нашу жизнь. Изменилось представление о способах правления, о структуре земли и космоса, о способах передвижения. Появились новые способы получения энергии. Люди перестают уничтожать природу. Изменилась и святая святых современной цивилизации – система получения и распространения информации. Только города и агломерации остались прежними. Если в Европе это естественно, то в России ситуация иная. Россия имеет гигантскую территорию. В Евросоюзе, проехав 100 километров, вы попадете в другое государство. В России, проехав и несколько тысяч километров, можно не достичь предела. Если раньше, пока осваивалась только европейская часть России, принципы западного градостроительства могли служить нам примером, то теперь мы активно выходим на гигантские просторы Сибири и Дальнего Востока. Настала пора разработать принципиально новую, типично российскую градостроительную доктрину, включающую как новые системы расселения, так и новую идеологию построения городов. Таким образом, российские и европейские системы расселения не могут быть идентичны. Градостроительные термины, понятия, определения требуют существенной корректировки. Естественно, для того чтобы осуществить единый расселенческий каркас России, придется тратить большие деньги. Но переход на новое всегда требует затрат, а инновации, как правило, окупаются с

лихой. Пора уходить от стихийного градостроительства и переходить на просторы скоростных, линейных систем расселения с сериями небольших городов-организмов.

Литература

1. Khzanov M., Lezhava I., Shubenkov M., Mullagildin R. Vologda – Sibstream team // Proposals for the International Competition of Sustainable Urban Systems Design. 22nd World Gas Conference. – Tokyo, 2003.
2. Перцик Е. Н. Географическая мысль: история, проблемы, поиск решений. – М., 2013.
3. Смоляр И. М. Терминологический словарь по градостроительству. – М., 2004.
4. Бабуров В. А. Город солнца // Галерея недвижимости. – 2013. – № 5.
5. Любовный В. Я. Города России: альтернативы развития и управления. – М., 2013.
6. Любовный В. Я., Сдобнов Ю. А. Москва и столичный регион: проблемы регулирования социально-экономического и пространственного развития. – М., 2011.
7. Лежава И. Г. Россия линейная // Градостроительство. – 2012. – № 2.
8. Малоян Г. А. Основы градостроительства. – М., 2004.

References

- Baburov, V. A. (2013). Gorod Solntsa [Sun City]. Galereya nedvizhimosti, 5.
- Khzanov, M., Lezhava, I., Shubenkov, M., & Mullagildin, R. (2003). Vologda – Sibstream team. Proposals for the International Competition of Sustainable Urban Systems Design. 22nd World Gas Conference, Tokyo.
- Lezhava, I. G. (2012). Rossia lineinaya [Linear Russia]. Gradostroitelstvo, 2.
- Lyubovny, V. Ya. (2013). Goroda Rossii: alternativy razvitiya i upravleniya [The cities of Russia: alternatives for development and management]. Moscow.
- Lyubovny, V. Ya., & Sdobnov, Yu. A. (2011). Moskva i stolichnyi region: problemy regulirovaniya sotsialno-ekonomicheskogo i prostranstvennogo razvitiya [Moscow and the metropolitan area: the problems of management of social-economic and spatial development]. Moscow.
- Maloyan, G. A. (2004). Osnovy gradostroitelstva [Fundamentals of town planning]. Moscow.
- Pertsik, E. N. (2013). Geograficheskaya mysl: istoria, problemy, poisk reshenii [Geographical thinking: history, problems and search for solutions]. Moscow.
- Smolyar, I. M. (2004). Terminologicheskyy slovar po gradostroitelstvu [Terminological dictionary of town-planning]. Moscow.

в Сравнительная схема размеров государств. На схеме видно, что Россия – огромное государство. Западные стандарты применимы для нее далеко не всегда. Таких понятий, как русло расселения, там может и не сформироваться. Следовательно, и система расселения, и градостроительная политика России совершенно уникальны

Местные и региональные элиты / Local and Regional Elites

текст
Александр Левинтов /
 text
Alexander Levintov

Понятие «элита»

Прежде чем обсуждать данную тему, необходимо, на наш взгляд, ввести понятие «элита» и определить функции элиты на современном этапе.

Понятие «элита» восходит к спартанскому слогану *el te el elite* – «со щитом или на щите». Элитой изначально называли, стало быть, героя, мужественно и самоотверженно погибшего в бою. Стать элитой можно было только посмертно. Это пафосное значение в наше омерзительное время достойно возрождения и противостояния им тому, что мы теперь называем «элитой».

Это исходное положение понятия «элита» предполагает: цель Бога (или богов) не в совершенствовании мира, а в совершенствовании человека, которое достигается человеком в борьбе и противостоянии несовершенству мира (в современной интерпретации – сильный антропный принцип космогенеза). Исходя из этого принципа элитности, можно выделить два важнейших свойства элиты:

- 1) элита – носитель смысла (смыслов) бытия;
- 2) так как порочность овладевает в первую очередь имеющими власть (по мнению Платона, Л. фон Хайека [1] и других авторитетов), то элита избегает власти и противостоит ей.

Принадлежность к элите вполне соответствует понятию героя в терминологии В. Лефевра, так как предполагает альтруизм, нестяжательство и отсутствие личных корыстей или тщеславных целей. Элита не только собирает смыслы бытия – она формирует из них целостную картину мира, онтологию, задавая вопросы, выходящими за рамки их жизни и современного им общества. И эта онтологическая работа – часть, важная грань рефлексивного управления, осуществляемого элитой. Вопрос Платона: «Каким должен быть мир, чтобы в нем была невозможна казнь Сократа?» – стоял перед Платоном всю его жизнь и не разрешен до сих пор, поскольку Сократов продолжают казнить.

В четвертой книге «Законов» изложена универсальная формула платоновской философии избранности: «...мы считаем самым ценным для людей не спасение во имя существования, как это считает большинство (т. е. массы),

В статье реконструируется история формирования понятия «элита», предназначение и функции элиты, прежде всего формирование ею смыслов существования. Показано место элиты в отношениях между государством и обществом. Дана новая характеристика организации власти как меритократии, власти по заслугам. Статья заканчивается предложениями по включению региональных и местных элит в процессы регионального развития и проектирования.

Ключевые слова: элита, местная и региональная элита, общество, государство, власть, меритократия, политика. /

The article reviews the history of the notion of elite, its mission and functions, and, first of all, how it forms the reasons for existence. It also features the role of the elite in the relations between the state and the society. Organization of the power is newly characterized as a meritocracy, or a merit-based power system. In the conclusion of the article there are proposals for inclusion of regional and local elites in the processes of regional development and planning.

Keywords: elite; local and regional elite; society; state; power; meritocracy; policy.

но достижение совершенства и сохранение его на всем протяжении своей жизни» [2]. Элита, по мнению Платона, универсально относится к законам, заповедям и правилам, следуя им всем, а не избирательно – чему хочется и может следовать.

Кто-то в свое время весьма остроумно заметил: «История – это кладбище политических элит». На этой мажорной ноте и будет разворачиваться все дальнейшее размышление.

За исключением очень тонкого, гонимого и преследуемого, тщательно выкорчевываемого слоя творческой элиты, в течение почти века в стране господствовала охлократия и ее представители (от Ленина до Путина, без единого исключения). Места для элиты просто не было. Однако сегодня, если Россия надеется войти в исторический процесс, ей нужна институционализация элит, без которых вхождение в глобальные процессы более чем сомнительно [3]: «Если в том или ином обществе уничтожаются и «выбиваются» элитные группы и особи, происходит деградация всего общества, прежде всего, его культуры» [4].

Функции элиты в современной России

На этом фоне современная российская бизнес-элита выглядит не самым лучшим образом [5].

Таблица 1. Моральный выбор и «юзерские» ориентации в современном российском социуме (%)

	Верхний слой	Средний слой	Нижний слой	Бедные
Чтобы преуспеть, надо перешагнуть через некоторые нормы морали	54,3	40,5	27,5	13,6
Я лучше не достигну успеха, но не пойду вразрез с совестью	45,7	59,5	72,5	86,4
Необходимость владения компьютером	70,5	47,1	33,8	29,1
Необходимость владения иностранным языком	45,8	24,0	14,0	14,1

Россия на протяжении всей своей истории была и остается страной с доминантой политических, властных отношений, в отличие от стран западной цивилизации, где начиная с XVI–XVII веков господствуют экономические, рыночные отношения. С этой точки зрения Россия, с одной стороны, остается феодальным государством, а с другой – типично азиатской страной. Практически уже два века «прозападная» партия (в XIX веке она так и называлась – «западники») находится в меньшинстве и в оппозиции к византийско-азиатско-патриархально-консервативной партии, которая никогда, даже в ходе революции 1917 года, не теряла своей власти и в открытую обвиняла прозападную партию в предательстве.

Эта странная ситуация, когда одним хочется держать скипетр и корону, восседая в «мерседесе», а другим видится собственное светлое будущее как нынешнее серое настоящее западной цивилизации, является по сути неразрешиваемой завязкой драмы под названием «Россия».

Попытки внедрения западной, рыночной экономики были бы самоубийственны для российской государственности, если бы не чрезвычайная способность ее экономики мимикрировать под что угодно в угоду этой государственности.

Если в западных странах вступление во власть – следствие преодоления некоторого экономического и образовательного ценза, то в восточных (от стран Магриба до Центральной Азии), в том числе и в России, власть нужна для приобретения богатства и «ума», что делает жажду власти и удержания власти неутолимой: здесь нет пределов.

Политизированность российского общества выражается еще и в том, что в российской ментальности первой ассоциацией со словом «элита» неизменно оказывается «политическая», а все остальные рассматриваются скорее как метафоры. Это же толкает представителей всех остальных элит в политическую элиту, во власть. По количеству спортсменов, писателей, артистов, ученых, представителей всех других элит выборные органы власти Россия, несомненно, один из мировых лидеров.

Государство со множеством центров власти (полиархия) [6] предполагает несколько независимых политических элит (исполнительная, законодательная, судебная, региональная). У нас сильна тенденция к приватизации власти на всех уровнях иерархии, что чревато: «Стремление превратить власть государства в частную собственность есть не что иное, как путь к распаду государства, к уничтожению его в качестве силы» [7].

Причины неблагоприятного состояния государства и общества сформулированы в работе [8]:

- единство легальной и теневой экономики,
- сращивание власти и собственности,
- доминанта авторитарных принципов и методов подбора и расстановки кадров,
- духовный кризис общества,
- падение нравственно-этических и социокультурных факторов в регулировании общественных отношений.

В мире существует две основных модели рекрутирования элиты: гильдейская и антрепренерская. В мировой практике обе эти модели, как правило, сочетаются, взаимно компенсируя недостатки каждой из них.

Для антрепренерской модели характерны:

- открытость и доступность для представителей разных слоев и групп общества,
- ограниченный набор институализированных фильтров и требований,
- участие в отборе всех избирателей,
- высокая степень конкурентности при отборе среди претендентов,
- ориентация на личные качества претендентов.

Недостатки этой модели – непредсказуемость курса,

риски популизма и непрофессиональности претендентов, повышенная конфликтность.

Гильдейская модель менее демократична:

- она закрыта и малодоступна для нижних социальных слоев,
- отбор проводится по очень широкому кругу показателей и многоступенчатым фильтрам (как это было НСДАП и КПСС),
- узкий и заранее очерченный круг «селекционеров»,
- бюрократичность,
- риск воспроизводства правящей / действующей элиты.

Западный истеблишмент рассматривает государство как корпорацию [9], Ltd, как организацию с ограниченной ответственностью, где собственники (избиратели и налогоплательщики) делегируют функции управления или властные функции, но при этом, благодаря Конституции и законам, гарантируют для себя порядок, безопасность и реализацию своих гражданских прав и свобод. В России корпоративность государства в принципе весьма затруднена.

Власть всегда сопряжена с насилием, принуждением, ограничением [10]: в этом самоценность власти. Власть всегда диффузна и стремится выйти за отведенные ей рамки, особенно в тех случаях, когда эти рамки установлены ею самой. Агрессивная природа человека толкает его к власти, но именно по этой причине подлинная элита вынуждена избегать власти, и по той же причине всякая политическая и властная элита всего лишь «элита». У любого человека есть его естественное и неотъемлемое право и властвовать, и подчиняться власти, и уклоняться от подчинения власти. Для охраны свободы человека существуют законы, благодаря которым он легально осуществляет свой выбор из этих трех решений, легально выражает свое согласие или несогласие, легально вступает во власть.

Фискальные, карательные и вообще репрессивные функции государства отвратительны, но необходимы. Тезис К. Маркса о необходимости отмирания государства представляется вполне справедливым и поддерживается многими, прежде всего элитами. Надо полагать, что это отмирание начнется или уже началось с отмирания репрессивных функций и органов в пользу самоуправления и самоорганизации, вплоть до налогового самообложения, в превращение государства из машины насилия в сервис.

Помимо уже названной в самом начале функции порождения смыслов бытия, элита выполняет еще несколько функций. Время течет непрерывно, истории свойственно «зависать», когда ничего не происходит и не меняется. История движется толчками – и эти толчки осуществляются элитой.

Так сложилось, что в российской истории начиная с середины XVII века, то есть уже почти четыреста лет, самой мощной с точки зрения исторической тектоники была литературная элита. Все началось с протопопа Аввакума, первого русского писателя, создавшего современный самостоятельный (не переводной с немецкого, как у Ломоносова) русский язык и русскую словесность, и одновременно религиозного лидера, за которым пошла, несмотря на гонения и мученические смерти, треть православной России. «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева действительно оказалось пуще пугачевского бунта – редкий случай, но тут Екатерина II оказалась права. В реальности Пушкин рабелепствовал перед Николаем I (что в конце концов и погубило поэта), но Пушкин не только создал русскую поэзию – он до сих пор остается олицетворением противостояния самодержавию и рабству. Достоевский и Толстой дали для нравственного развития общества, для самосознания и самоиден-

тификации русских в мире более всех, но один пережил собственную казнь и десять лет Мертвого дома, а другой был отлучен от церкви.

Михаил Булгаков («Мастер и Маргарита»), Александр Солженицын («Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ») и поэт Иосиф Бродский, каждый по-своему, развенчали и растоптали коммунистический миф и советскую власть. Собственно, они и совершили перестройку и коллапс СССР, если говорить об эндогенных факторах развала страны и государства.

«В начале было слово» – в начале каждого поворота российской истории. И последнее, надгробное слово над этой страной и этим народом скажет когда-нибудь российский поэт или писатель.

В агрономии элитными считаются первые, образцовые, эталонные урожаи сельскохозяйственных культур и пород скота, все дальнейшее – лишь репродукции, неизменно, на генетическом уровне, ухудшающие свои свойства и качества по сравнению с элитой.

В культуре происходит то же самое.

Элита – Писарро, Моне, Мане и другие отверженные художники – создали импрессионизм, принципиально новую живопись, живопись не внешнего мира, а внутреннего видения и переживания этого мира. Элита – Кандинский и Малевич – делают следующий шаг в живописи и от изображения чувств (импрессионизм) переходят к изображению мысли (абстракционизм).

Важно отметить, что образцы, формы и нормы, задаваемые элитой, не касаются содержания, прежде всего тематического содержания. Строго говоря, все темы – вечные, и даже в таком всегда злободневном жанре, как анекдот, мы можем и в античности найти своего Чукчу и своего Василия Ивановича.

Элитность потому и элитность, что первое появление образцов, норм и форм воспринимается культурным пелетоном в штйки, как нелепость, безобразия, ошибка, искажение, вызов, эпатаж, – по ярости первого сопротивления можно судить о судьбе и масштабности нового.

Собственно говоря, создание новых образцов, норм и форм и есть преодоление существующей культуры, освобождение от культурного рабства, как писал Ф. Ницше, сам, благодаря своему безумию, пребывавшей за гранью допустимого и возможного. Еще неизвестно, что бы мы читали у Ницше, если бы его сестра не «отредактировала» его тексты.

Это очень странное сочетание свойств культуры: с одной стороны, она, несомненно, обладает кумулятивным свойством, и ничто в ней не пропадает («рукописи не горят»), с другой – она может жить, только обновляясь и переживая все новые парадигмы. Неизменная культура окаменевают, превращается в музейные экспозиции и буквально немеет, как немеют чудом сохранившиеся остатки разоренных культур и цивилизаций Нового Света.

Культура жива обновлениями, и потому, как нигде в другом месте, ей нужна элита. В России практически все «элиты»: властные, партийные, военные, церковные, шоу, СМИ и даже отчасти художественные – и криминальные, и политичны. Причина, к сожалению, вовсе не в молодости нашего общества, а в том, что «в условиях современной России с ее коррумпированной элитой, выдающей себя за элиту заслуг, меритократия – призрачная мечта, которая перечеркивается неприличным для цивилизованной страны уровнем коррупции» [11, с. 117].

Понятие меритократии – власти по личным заслугам – было внесено в науку и политику еще в 50-е [12]. Как признавал сам М. Янг, это – еще не справедливость, но шаг к справедливости. К сожалению, меритократия всегда эфемерна и недолговечна. Здесь уместно вспомнить такие фигуры, как генерал Вашингтон и генерал Дуайт Эйзенхауэр (США), генерал де Голль, Бен-Гурион (Изра-

иль) и... список слишком короток.

Элиты умирают в массовидности – и потому так эфемерны и недолговечны:

- там, где возникает иерархия, появляется дихотомия верха и низа, элиты и масс;
- граница между массой и элитой динамична, что позволяет рекрутировать новую элиту и отвергать старую;
- элита перестает быть элитой при потере отличия и контрастности от массы;
- для массового элемента детерминация поведения социальна (ориентирована на внешнюю среду), для элитного – определяющими являются личностные качества (эндогенные факторы поведения).

Элита бессмысленна без гражданского общества, являясь ее стратой рефлексивного управления.

Элита – это та часть гражданского общества, которая в состоянии выйти в рефлексивную позицию относительно этого общества и самое себя и в этой рефлексии осуществлять проектирование или программирование будущего. Именно эта проспективная рефлексивная способность к заданию будущего отличает народ от публики, критически реагирующей в своей ретроспективной рефлексии на навязываемые ей сверху планы и проекты будущего, от «плана ГОЭЛРО» с его «цветущими коммунами» до «2020» со снятыми с потолка показателями. В свою очередь, публика отличается от толпы тем, что толпа («массы») вовсе лишена рефлексии и испытывает удовольствие от многократного наступания на грабли.

Элита – не социально, но рефлексивно – высшая страта общества, что оправдывает ее управляющую гражданским обществом функцию. Но именно гражданское общество в стране самым тщательным образом подавляется: создается пресловутое и террористическое законодательство против оппозиции и любых проявлений самостоятельности и недовольства. Бюрократизируется вся сфера жизнедеятельности. Идея гражданского общества и коррупция несовместимы, но коррупция проела, как ржавчина, все поры государства и власти сверху донизу, что препятствует формированию этого общества. «Элита – высшая страта в любой системе социальной стратификации; ее основная функция – создавать ценности, образцы, на которые ориентируется развивающееся общество» [11]. Всему мировому опыту элитного образования Россия пытается противопоставить «массовое элитное образование» на Селигере.

На основании принципиальных различий понятий «власть» и «политика» может быть построена простейшая матрица (табл. 2).

Таблица 2
Власть и политика («пустая матрица»)

	Власть как воля и подчинение ей	Власть как влияние и признание его
Политика как борьба за власть		
Политика как множественность интересов		

Эта матрица вполне применима для обществ разных этических парадигм (по В. Лефевру):

- общества конфликтной этики (компромисс добра и зла есть добро; со злом мирись, с грешником борись; цель оправдывает средства);
- общества компромиссной этики (компромисс добра со злом есть зло; «со злом борись, с грешником мирись»; цель не оправдывает средства).

Важно отметить, что для каждого из этих двух типов общества предлагаемая матрица будет иметь разное содержание.

Таблица 3

Власть и политика: общество конфликтной этики

	Власть как воля и подчинение ей	Власть как влияние и признание его
Политика как борьба за власть	Установление единой воли	Сведение политической системы к однопартийности и ст. 6 Конституции СССР
Политика как множественность интересов	Ущемление всех не своих интересов, монополизация своих интересов как «государственных»	Власть в функции установления порядка

В целом общество конфликтной этики всегда стремится к единоначалию, единовластию, патернализму и со стороны вождей и со стороны «масс», добровольно отказывающихся от своего волеизлияния и снимающих с себя ответственность за себя самих и свое будущее.

Таблица 4

Власть и политика: общество компромиссной этики

	Власть как воля и подчинение ей	Власть как влияние и признание его
Политика как борьба за власть	Установление морального / нравственного авторитета	Учение, учительствование, жречество, пророческая власть
Политика как множественность интересов	Стремление к конфигурированию различных интересов, управленческая власть, доктринальный принцип «живи и живи давай другим»	Понимающая функция власти

Разумеется, в реальной жизни каждый учитель, пророк, жрец хотел бы иметь нравственный авторитет, но, как сказал Иисус на Тайной вечере, «кто не с нами, тот не за нас», что следует понимать как отказ от распространения авторитета дальше двенадцати апостолов, и еще ранее в Назарете: «Нет пророка в своем отечестве».

Именно в сфере политической власти наиболее заметно различие двух этических систем.

Сартори описывал первый тип политики как игру с нулевой суммой, войну на полное уничтожение противника (например, разгон Учредительного собрания в январе 1918 года, борьба с Троцким и запрет внутрипартийных фракций в 20-е годы, убийство Кирова в 1934 году, уничтожение антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова в 1957 году, ГКЧП в 1991 году, расстрел здания парламента в 1993 году, дело Ходорковского 2003 и 2010 годов, «болотные дела» 2012–2013 годов, противостояние Навального и «Единой России»).

Второй тип, в терминологии Сартори, – политика как игра с позитивной суммой, политика как торг.

В экономическом пространстве обе этические парадигмы имеют свои отражения:

– в советской плановой экономике – диктат производителя и / или продавца («продавцом» в СССР было государство в лице госкомитета по ценам и ценообразованию) в ценообразовании (еще в XIX веке Зомбат теоретически доказал, что такая экономика неминуемо ведет к коллапсу, потому что в этом случае производителю выгоднее не производить нежели производить – советская экономика закончилась тотальным дефицитом на все);

– рыночный механизм ценообразования строится на примате потребителя («потребительский рынок») и взаимовыгодности торговли и для продавца и для покупателя.

Проблемой нашего общества, типичного общества конфликтной этики, является выход из этой этики и переход в компромиссную парадигму.

Это возможно, поскольку «все мыслимое возможно» (Мао Цзэдун), при этом имеется несколько путей такого перехода:

- интродукция западных технологий менеджмента, построенных на компромиссной логике;
- интродукция западной культуры (инфраструктуры, образования, воспитания, культурных и духовных образцов, нравственных ценностей и т. п.);
- саморазвитие, самовоспитание и самообразование внутри нашего общества.

В работе [13] предлагается идея, которая схематически выглядит следующим образом (см. рисунок).

Нормально, если наблюдается равноправие интересов государства и общества. Репрезентация, удержание и поддержание этого равноправия, рефлексивное управление как балансирование общественных и государственных интересов – прерогатива элиты, которая действует через промежуточные институты власти [14], фокусируя группы интересов, выражающихся в институализированных и неинституализированных структурах (вплоть до стихийных вспышек). Важно, что эту функцию выполняют все элиты, а не только политическая. В этом случае формируется полиархия [6], или власть многих.

Равноправие интересов наблюдается в большинстве демократических стран, с теми или иными не принципиальными отклонениями от этого равноправия (в Греции довлеет общество, в Германии – государство, но эти «довления» практически неощутимы).

В системе государство – общество это равноправие возможностей и интересов государства и общества достигается за счет независимости (самостоятельности) обоих институтов, что позволяет рассматривать процесс их взаимодействия как подчиняющийся «рыночному механизму ценообразования»:

_____ позиция государства
 ----- верхний предел «ценообразования»
 (что надо обществу)
 Пространство «ценообразования» (торга между обществом и государством)
 ----- нижний предел «ценообразования»
 (как осуществить то, что надо обществу)
 _____ позиция общества

Творческая, духовная, философская элита формирует и формулирует онтологию требований общества, политическая и властная элита – логику реализации этих онтологических требований, при этом процесс торга не должен выходить за рамки пространства «ценообразования».

Отмирание государства, неизбежное не только по мнению марксистов, но и как common vision, пойдет по линии перехода от государственной власти к государственному сервису – в этом случае исчезнет разница между налогоплательщиком и избирателем, сама система налогообложения сменится с идеологии «налоги на...» (на доходы, недвижимость и т. п.) на идеологию «налоги за...» (пользование государственными школами, инфраструктурой, бюрократией и т. п.).

В зависимости от этической парадигмы общества [15], конфликтной («героической») или компромиссной («христианской»), в отношениях между государством и гражданским обществом господствуют либо отношения торга (игра с приращением позитивной суммы) либо отношения войны (игра с нулевой суммой). Подобным же образом Г. Сартори [16] выделяет две стратегии политического взаимодействия: 1) неограниченная политическая борьба (игра с нулевой суммой, война); 2) ограни-

Элита как презентация государственных и общественных интересов (равноправие интересов)

ченное политическое состязание (игра на приращение, торг).

Перестройка в СССР прошла как игра с нулевой суммой: проснувшееся после нескольких десятилетий спячки гражданское общество добилось фактически силовым образом (ГКЧП) и снятия пятой статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, и развала, коллапса СССР. Буквально через несколько лет режим Ельцина силой, танками подавил общественное сопротивление.

Чем бы ни кончилось нынешнее противостояние государства и «оппозиции», это будет силовое решение в духе войны, бескомпромиссности и открытого конфликта. Неспособность общества и государства к торгу демонстрируется политическими жестами Путина, Медведева, «Единой России», лозунгом «Партия воров и жуликов» и т. п.

Речь идет не о толерантности, не только о толерантности (в конце концов, толерантность – форма выражения равнодушия, не более того). Важнейшим требованием к элите в современной России является смена этической парадигмы в стране, к доминированию отношений торга, и, следовательно, основным содержанием элитного образования для всех видов элит должно стать в настоящее время освоение компромиссной этической парадигмы.

Местные и региональные элиты, их роль и функции

Прежде всего необходимо отметить, что местная, региональная элита – вовсе не мелкомасштабные личности. Генри Миллер в Биг-Суре (Калифорния), Гауди, Казальс, Миро, Дали и Пикассо в Барселоне (Каталония), Мурильо

в Севилье (Андалусия), Толстой в Ясной Поляне (Тульская губерния) и Достоевский – в Старой Руссе (Новгородская губерния) – элита мирового уровня, но явно имеющая и местное, региональное значение.

Независимо от сферы деятельности, местная и региональная элита, как это обусловлено ее определением, бескорыстно и искренне любит свой город и край (например, не элитный географ превращает то или иное место в кусок хлеба. В том нет ничего предвзятого, если он не претендует на элитность), всячески способствует его процветанию и преуспеянию, а также представляет его во внешнем мире. Здесь, разумеется, одной любви и патриотизма мало – необходимо знание и понимание местных проблем и интересов, необходимы силы и средства их отстаивания и разрешения.

Масштаб местности никак не влияет на вероятность существования элиты в ней – это определяется масштабами и характером личности: Василий Шукшин – элитная личность села Сrostки Алтайского края, Михаил Ломоносов – Холмогор Архангельской губернии, Иван Сусанин – деревни Деревеньки под Костромой. Местная элита не стремится стяжать личную славу, но прославляет свое место.

Местная и региональная элита практически всегда публична, а потому хорошо известна основной массе жителей. Кроме того, она является местным примером для подражания и несет на себе нравственно-воспитательную миссию. Строго говоря, местная и региональная элита и есть региональный субъект, субъект региональ-

ной (местной) политики, субъект регионализации и формирования, оформления места. В этом смысле элита выполняет переход от принципиально неопределенной топике к рефлексивной, а потому и вполне и описываемой, и осознаваемой ситуации.

Слабость или отсутствие местных и региональных элит, характерные для современной России (редкие исключения – Захар Прилепин в Нижнем Новгороде, вологжанин Василий Белов, относительно недавно умерший Виктор Астафьев в Красноярском крае, Валентин Распутин и Александр Вампилов – в Иркутской области и др.), – печальный результат многолетней политики и идеологии, направленных на подавление и пресование всех местных и региональных талантов и лидеров, а также на перетаскивание их в столицу.

В свете вышеизложенного предлагается в рамках региональных и урбанистических исследований:

– включение в состав исследований вопроса о местных и региональных элитах как существенных, а в ряде случаев решающих факторов регионообразования и местной жизни;

– привлечение местной и региональной элиты совместно к этим исследованиям на правах партнеров, исполнителей и соисполнителей.

Литература

1. Хайек Л. фон. Дорога к рабству // Новый мир. – 1991. – № 8.
2. Платон. Сочинения в 3 т. – М. : Мысль, 1972. – Т. 3, ч. 2. – С. 83–469.
3. Китов Ю. В., Гертнер С. Л. Элита и интересы. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та культуры и искусств, 2004. – 166 с.
4. Кошелева А.В. Современные теории и концепции элитаризма. – М., 2006. – 29 с.
5. Паутов А. А., Вершигорова Т. П. Элита и элитогенез. – М., 2000 – 126 с.
6. Даль Р. О демократии / пер. с англ. А.С. Богдановского. – М. : Аспект Пресс, 2000.
7. Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. – М. : Наука, 1978.
8. Батраева О. Б. Социальные механизмы воспроизводства и рекрутирования современной российской политико-административной элиты : автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Саратов, 2002. – 18 с.
9. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. – М. : Прогресс, 1969.
10. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Антоновского. – М. : Праксис, 2001.
11. Ашин Г. К. Мировое элитное образование. – М., 2008. – 359 с.
12. Young M. The Rise of the Meritocracy 1870–2033. An Essay on Education and Equality. – Middlesex, 1968.
13. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. – М. : РОС-СПЕН, 2006. – 446 с.
14. Токвиль А. Демократия в Америке. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.
15. Лефевр В. А. Рефлексия. – М. : Когито, 2003. – 496 с.
16. Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Vol. 1. The Contemporary Debate Chatman. – New York : Chartan House Publishers, 1987.

References

- Ashin, G. K. (2008). *Mirovoe elitnoe obrazovanie* [The world elite education]. Moscow.
- Batraeva, O. B. (2002). *Sotsyalye mekhanizmy vosproizvodstva i rekrutirovaniya sovremennoi rossiiskoi politico-administrativnoi elity* [Social mechanisms of reproduction and recruitment of the contemporary Russian political-administrative elite] (Ph. D. dissertation in social sciences). Saratov.
- Dahl, R. (2000). *O demokratii* [On democracy] (A. S. Bogdanovsky, Trans.). Moscow: Aspect Press.
- Galbraith, J. (1969). *Novoe industrialnoe obschestvo* [The new industrial state]. Moscow: Progress.
- Gaman-Golutvina, O. V. (2006). *Politicheskie elity Rossii* [The political elites of Russia]. Moscow: ROSSPEN.
- Hayek, F. A. (1991). *Doroga k rabstvu* [The road to serfdom]. Novyi mir, 8.
- Hegel, G. W. F. (1978). *Politicheskie proizvedeniya* [Political writings]. Moscow: Nauka.
- Kitov, Yu. V., & Gertner, S. L. (2004). *Elita i interesy* [The elite and interests]. Moscow: Izd-vo Mosk. gos. un-ta kultury i iskusstv.
- Kosheleva, A. V. (2006). *Sovremennye teorii i kontseptsii elitizma*. Moscow.
- Lefevr, V. A. (2003). *Refleksiya* [Reflection]. Moscow: Cogito.
- Luman, N. (2001). *Vlast'* [Power] (A. Antonovsky, Trans.). Moscow: Praksis.
- Pautov, A. A., & Vershigorova, T. P. (2000). *Elita i elitogenez* [The elite and elitogenesis]. Moscow.
- Plato (1972). *Selected works in 3 volumes* (Vol. 3, part 2, pp.83-469). Moscow: Mysl'.
- Sartori, G. (1987). *The Theory of Democracy Revisited, Part 1: The Contemporary Debate*. Chatham, N.J.: Chatham House Publishers.
- Tocqueville, A. (1992). *Demokratia v Amerike* [Democracy in America]. Moscow: Progress.
- Young, M. (1968). *The Rise of the Meritocracy 1870–2033. An Essay on Education and Equality*. Middlesex.

Интерес к личности Георгия Петровича Щедровицкого и Московскому методологическому кружку в наши дни растет. ММК иногда называют сектой. На самом деле эти люди предлагали оригинальную и жесткую школу мышления. Рождение Методологии было обусловлено интеллектуальной атмосферой в СССР, превратившейся в вариант тоталитарного идиотизма, из которого было два выхода – либо эмиграция, либо сосредоточенность в независимой работе мысли. Г. П. Щедровицкий был уверен, что ни одна интеллектуальная традиция не может по мощности сравниться с Методологией. Сегодня ММК живет уже без ГП. Но и сам ММК в наши дни уже не тот, что в 1967 или в 1987 году. Поэтому вопрос о том, что такое Методология и каково ее место в современном мышлении, остается злободневным. Ключевые слова: Георгий Петрович Щедровицкий (ГП), Московский методологический кружок (ММК), история ММК, «прихожане» ММК, Методология, теория деятельности, семинары ГП, организационно-деятельностные игры, атмосфера внутри ММК. /

Today there is a growing interest toward the personality of Georgy Petrovich Schedrovitsky (GP) and the Moscow Methodological Group (MMG). The MMG is sometimes called a sect. In fact, these people offered an innovative and tough school of thinking. The Methodology emerged due to the intellectual ambiance in the USSR that turned into a variation of the totalitarian idiotism, which had only two ways out: either immigration or focusing on independent brainwork. G. P. Schedrovitsky was sure that no one intellectual tradition could surpass the Methodology in power. Today the MMG already exists without GP. But today's MMG is also different from that of 1967 or 1987. Thus, such questions as "What is Methodology?" and "What place does it occupy in the contemporary thinking?" remain urgent.

Keywords: Georgy Petrovich Schedrovitsky (GP); the Moscow Methodological Group (MMG); the history of MMG; 'parishioners' of MMG; Methodology; theory of activity; GP's seminars; organizational-activity games; MMG ambiance.

О времени, ГП и ММК / About Time, GP and MMG

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

Вместо предисловия / Instead of Introduction

Конец марта. 1985 год. В Москве на обочинах черный, талый снег. Сыро и холодно. В Киев, куда мы, аспиранты МАРХИ, приехали в командировку на организационно-деятельностную игру, пасмурно, но тепло. Зеленая травка на газонах ласкает глаз. Золотые купола Софийского собора на фоне серого неба. Подол. Андреевский спуск... Дом с чертовщиной... Милые малороссийские барочные церкви. Новостройка Киева – восстановленные Золотые ворота – XI век, однако. Еще смола сочится из бревен. Смешно.

Владимирский собор, фрески Васнецова, черно-белые ризы священников... Нет, мы приехали не гулять... Маринский дворец смотрим рано утром перед докладами... Как он хорош в шесть утра! Барочные дворцы не терпят дневной суеты. Они оживают ранним утром. Барокко – архитектура утренняя. А модерн – вечерняя. Вечером, после докладов, завтра, Саша Зинченко обещал показать Подол... А Авксентьев – киевский модерн.

Будут выступать Глазычев... Раппапорт... Генисаретский.

Георгий Петрович Щедровицкий (ГП) и бригада методологов из ММК будут вести игру на тему «Современная ситуация в методологии и теории проектирования». Бог его знает, что это будет. Но, говорят, эти методологи интересные ребята. Марк Меерович, конечно, будет в группе методологов. Он давно ходит на семинары к Щедровицкому. Ирина Великанова тоже. А я? К Никитину? К Буряку? Галина Исходжанова к Буряку, конечно. Он архитектор. И Никитин тоже архитектор. Я к Никитину. У него группа будет заниматься теорией проектирования.

26, 27, 28 марта – доклады Кантора, Глазычева, Генисаретского, Раппапорта, Сазонова, Розина... Слушаем. Конспектируем. Как это непохоже на все, что до этого приходилось читать и слышать. Как это непохоже на привычную идеологическую (идиотическую) жвачку! Как будто дышать стало легче.

Олег Генисаретский: «Ценности – органичные живые существа. Их присутствие переживается, рефлегируется, осуществляется в пространстве, описывается этикой... Если они живые, то и бранные. По отношению к ним

нужно осуществлять особую тактику. Экоморфное поведение».

Александр Раппапорт: «Проблема преодоления времени и судьбы как преодоления воли к власти. Получить описание – получить возможное конструирование».

Дмитрий Сладков: «Нет профессиональной определенности в нашей деятельности...»

Г. П. Щедровицкий: «А в чем доклад строился с профессиональной позиции?»

Александр Раппапорт: «Я входил из архитектуры, высвечивал фрагменты, исходя из своего профессионального опыта, и выходил из этой сферы. Затем входил обратно в архитектуру».

Реплика в зале: «Раппапорт от лица главного штаба развития цивилизации, а они о мелочах. Злятся, сердятся, что талантливые люди не принимают».

Реплика в зале: «Межеумочные темные сферы...»

Стараемся понять. И понимаем только одно: нужно учиться, учиться и учиться. И мы готовы учиться. Мы готовы вступить в славные ряды ММК. Но только примут ли? Говорят, многие приходят на семинары ГП, но немногие остаются. Говорят, тяжелая там работа...

29 марта. В конференц-зале Киевского филиала ВНИИ технической эстетики все места заняты. На трибуну буквально взлетает Георгий Петрович Щедровицкий. Начинает говорить, и зал заморожено смолкает. Проповедник! Савонарола, вероятно, был так же страстен и так же четок. А может быть, он похож на генерала Гудериана на военном совете... Нет, больше похож на Савонаролу... ГП – это ГП. Он единственный и неповторимый.

Щедровицкий говорит о том, что мы, проектировщики, архитекторы плохо понимаем, что есть проектирование. Что стоит задача научиться проектировать проектирование... И мы верим, что сможем понять, что такое проектировать проектирование.

Работа в группе Владимира Никитина... Проблематизация. Что есть проектирование? Существует ли теория проектирования? Что можно и что нельзя проектировать? Где границы проектирования?..

И черт меня дернул на одном из обсуждений начать спорить с самим ГП. Я стояла в зале – он на трибуне. Проектирование в XIX веке. Проектирование, как его

> Александр Петрович Буряк, Александр Владимирович Яровой, Моисей Соломонович Хромченко. Харьков, 1994

понимали лидеры авангарда. 40 минут выдержать дискуссию с ГП, – пожалуй, это был подвиг. Мои доводы разбились как волны о волнорез. Что ж... впредь наука.

А потом, в трамвае, когда мы ехали в гостиницу поздним вечером (было уже не до прогулок, добраться бы до постели), ГП подошел ко мне и сказал, что я хорошо держалась. Сказать, что я была счастлива, – ничего не сказать. А ведь он разбил все, что я пыталась утверждать, в пух и прах.

Потом были еще игры в разных городах, и доклады ГП... И каждый раз ощущение причастности к чему-то большому, которое только начинает формироваться. И казалось, вот-вот, еще немного усилий, и ты начнешь

понимать нечто, что перевернет не только представление об архитектуре, но перевернет всю твою и не только твою жизнь. И наконец исчезнет идиотизм, в котором приходится жить. И больше не нужно будет ставить цитаты из Брежнева в автореферате диссертации, которая к решениям партии не имеет никакого отношения. Что ж, жизнь перевернулась. И не нужно цитировать ни Ленина, ни Маркса, ни... Тот идиотизм кончился. Начался другой.

Я не была членом ММК. Не успела. Защитила диссертацию и уехала из Москвы. Но присутствие на играх, которые вел ГП, и общение с «прихожанами» ММК сыграли в моей судьбе огромную роль. Это была мощная школа мышления.

После киевской игры, недели через две, в Москве я пришла в ЦНИИТИА, нашла Александра Гербертовича Раппапорта и спросила его: «Можно вам задать один вопрос?» «Можно даже два», – ответил мне Раппорт, щурясь на весеннее солнце на крылечке ЦНИИТИА. С тех пор прошло более тридцати лет. Сейчас он живет на хуторе в двухстах километрах от Риги, пишет каждый день по статье в свой блог «Башня и лабиринт», я в Екатеринбурге.

Ушел из жизни Георгий Петрович Щедровицкий, нет Вячеслава Леонидовича Глазычева... Нет ни Александра Зинченко, ни Всеволода Авксентьева.

Владимир Африканович Никитин пишет стихи о пустоте и ведет семинары, на которых обсуждаются вселенские проблемы архитектуры. Говорят, его методологический талант способствовал смене власти в одной из среднеазиатских республик.

Марк Меерович, доктор исторических наук, – известный историк архитектуры... архитектор.

И еще. Люди, которые хотя бы немного коснулись методологии и чему-то научились у ГП, – похожи. Они составляют никак не оформленное «тайное общество» умеющих мыслить.

> Сверху вниз: Всеволод Леонидович Авксентьев, Владимир Африканович Никитин, Сергей Андреевич Семин – методологическая группа в Киевском филиале Всесоюзного НИИ теории архитектуры и градостроительства

^ Георгий Петрович Щедровицкий, Александр Петрович Буряк, Александр Владимирович Яровой, Валентин Константинович Горожанкин (второй ряд, крайний справа). Горький, 1981

^ Первый ряд: Галина Ильинична Александрова, Георгий Петрович Щедровицкий, Галина (?) Харитоновна; второй ряд: Владимир Африканович Никитин, Андрей Аркадьевич Третьяков, неизвестный, Вера Леонидовна Данилова. Дер. Новая Утка

текст

Александр Раппапорт /

text

Alexander Rappaport

Я представлял себя прогрессором в этом мире...

Г. П. Щедровицкий

Когда я пишу о Георгии Петровиче Щедровицком (ГП) и Московском методологическом кружке (ММК), мной движет прежде всего желание внести свою лепту в воспоминания о человеке, которому многим обязан, хотя далеко не все в его учении освоил и принял, а главное – по возможности «разобраться во времени и в себе».

Ныне все пишут и говорят о московском методологическом кружке и о ГП как бы с точки зрения еще более далекого будущего, пытаюсь превратить то, что было жизнью, в Историю, подчеркивая в том, что было, его исторический пафос. Он и на самом деле там присутствовал, хотя теперь порой кажется то ли манией величия, то ли маской сиротства. Но эта мания величия была дорогой и ценной, без этих исторических амбиций мы ощущали бы недостаток воздуха. Мы дышим амбициями и задыхаемся в повседневности. История нужна не будущему и не старости, которой должно быть что вспомнить, а молодым, у которых еще ничего, кроме будущего, нет. Не будь у нас мании исторической значимости, у нас бы не было ровно ничего.

Со стороны все это смахивает на комедию в гоголевском духе. Мне все время мерещится, что Хлестаков на самом деле не очень удался Гоголю и остался акварелью на фоне написанных маслом портретов жителей уездного города, именно потому, что Николай Васильевич не успел покрутиться в ММК. Будь он его «прихожанином» (термин Олега Генисаретского), устроил бы в городе организационно-деятельностную игру и наметил бы с властями программу организации работы городских служб, почты и богоугодных заведений, обсуждал бы с Земляничкой и Сквозник-Дмухановским основные цели и направления развития города. Но дело было в XIX веке, и Хлестаков ограничился намеками на знакомство с Пушкиным, что произвело сильное впечатление не потому, что они знали, кто это такой, а именно потому, что не знали, и предположили самое для себя опасное.

Нечто подобное давала Методология. Что сие такое, никто толком не знает и по сей день, но все дрожат и вытягиваются по стойке смирно от одного только ее имени.

Впрочем, позднее, в «Мертвых душах», Гоголь, как бы святым духом, упоминает и героя, имевшего отношение к идее управления и организации в лице полковника Кошкарева, реализовавшего у себя в отдельно взятом имении утопическую систему кооперации административных служб. Попал в текст поэмы и идеолог проектирования и планирования помещик Манилов, и критик-диссидент Собакевич, и вообще все возможные позиции и роли, которые Гоголь «сорганизовал» в своей мыследеятельности, наделив их всем, кроме рефлексии, и предвосхитив «Зияющие высоты» одного из основателей ММК, впоследствии от него отрекшегося, – Александра Зиновьева. (Среди основателей ММК кроме Зиновьева были еще Мамардашвили и Грушин. Но, вероятно, Щедровицкий оказался последовательнее и активнее всех прочих «отцов» ММК.)

В дальнейшем протометодология в русской литературе почти приблизилась к ГП. Это, прежде всего, «великий комбинатор» Остап Бендер, развернувший перед шахматистами Васюков заманчивые перспективы перестройки поселка в глобальном масштабе.

Интерес к ММК со стороны людей, никогда не слышавших о «Методологии» в наши дни растет. Среди них есть ученые, менеджеры и просто юноши и девушки, до которых доносятся слухи о каком-то великом и ужасном ГП. Как им хоть отчасти приоткрыть завесу над этим явлением?

ММК жил довольно замкнутой жизнью, от чего порой его называли сектой, тайным обществом посвященных, говоривших на птичьем языке. Отчасти эта изоляция была запрограммирована самим ГП, отчасти образовалась вне зависимости от его намерений. Двери ММК всегда были открыты для всех, но войти в них было недостаточно. Нужно было еще понять, куда попал. В режиме реального времени такое понимание могло осуществляться только путем присоединения к работе, включения в нее, а это требовало огромных сил и – не в последнюю очередь – времени. Точнее, это требовало Всех сил и Всего времени. Можно ли было надеяться на успех коммуникации при столь высоких требованиях?

Мы жили тогда в СССР, в Москве, на Соколе, на Петрозаводской улице, по будням и праздникам, зимой и летом. Это время, навсегда улетевшее в вечность, видится мне, то

как сумерки со снежком, то как летняя сухость, то как ливень в Новой Утке, то как перестукивание колес в поезде.

«Поезд шел на Урал... в раскрытые рты нам – говорящий...» ГП, а не Чапаев вливал очередные порции методологии. Не потому ли семинары, проходившие именно в вагонах мчащегося по России поезда, казались самыми продуктивными. Движение мысли совпадало с движением тел, с бегом вагона и с картинами просторов, которые уносились за окнами прочь и набегали с естественностью то ли исторического процесса, то ли технической способности локомотива.

Квартира ГП на Петрозаводской была для меня местом, где было можно дышать чистым после-грозовым воздухом.

Когда я читаю многочисленные восхваления ГП советской философской мысли, что она де не хуже, а может быть, и лучше западной и мировой, мне становится зябко. Уж очень все это напоминает «родину слонов». Разумеется, и без него все знали, что в СССР чудом уцелело несколько выдающихся мыслителей, но, скорее всего, в качестве передовой советской философии он видел себя и свой кружок. И в этом он, возможно, был прав.

Нужно сказать, что ГП не хуже Бендера разбирался в соотношении писанных и неписанных законов советской жизни, и потому с ним можно было обсуждать любую жизненную коллизию, чего нельзя было ждать не только от официальных лиц любого рода, но порой даже от родных и близких.

В России идиотизм был своего рода эквивалентом западных неврозов. Неврозы на Западе становятся предметом забот психологика. Но идиотизм российской жизни никто не лечил и даже не пытался. Выход из системы идиотизма был – либо внешняя, либо внутренняя эмиграция. А это означало изоляционизм и привычку нести чернуху во всех официальных ситуациях. Труднее всего встреча со всеобщим идиотизмом давалась молодежи, которая не могла понять, что идиотизм – это тотальность и неизбежность.

В комнате ГП на Петрозаводской улице не было и тени идиотизма. Здесь здравый смысл принимался всерьез. Этот феномен сегодня мне кажется не менее важным, чем те или иные теоретико-методологические конструкции. Отчасти, конечно, эта чистота атмосферы достигалась самими методологическими играми.

Методология ГП претендовала на высшие позиции социальной жизни. Это вытекает хотя бы из того, что Щедровицкий был уверен: ни одна интеллектуальная традиция не может по мощности сравниться с методологией. Отсюда следует, что в обществе, управляемом с помощью разума, методология естественно должна занять самый верх социальной иерархии и, следовательно, держать в своих руках власть.

Но, с другой стороны, у методологии нет собственных инициатив. Она заботится либо о посредничающих функциях в игре иных инициатив, либо печется о собственном совершенстве, каковое вообще-то не слишком интересует реальными социальными процессами. Иными словами, власть могла бы понадобиться методологии только для собственного совершенствования, но таковое вполне возможно и без учета власти.

Время от времени я задаю себе вопрос: могла бы когда-нибудь методология превратиться из глотка озона в озоновую дыру, угрожающую жизни. Такую возможность нельзя совершенно исключить. Но не следует полагать, что именно такова тенденция развития методологии. Мне кажется гораздо более адекватным участие методологии в организации коммуникативной культуры и дискуссионной среды, действительно демократической свободы обмена идеями и взаимодействия культур, конфессий,

групп и утопий. Среди множеств утопий, которые могли бы прийти на смену выдыхающимся партийным идеологиям, я вижу и утопию самой Методологии как своего рода сообщества даосских монахов.

Мне хотелось бы, чтобы методология превратилась в некий касталийский монастырь с культом интеллектуальных единоборств. Чтобы в методологических играх были чемпионы и победители, но чтобы жизнь этого ордена не была связана институционально с бюрократией и государством. В свое время, когда все мы зачитывались «Игрой в бисер» Германа Гессе, ГП сказал мне: «Вот и у нас своя Касталия».

Мне кажется, что рождение Методологии было обусловлено, с одной стороны, культом науки, а с другой – утопической атмосферой СССР, с презумпцией романтической перспективы бесконечных возможностей, превратившейся в очевидный тупик тотального идиотизма. Мое поколение прихожан ММК, скорее всего, бежало в кружок как в бомбоубежище от «газовой атаки» советской идеологии, этим (!) «газом» невозможно было уже дышать.

Итак...

Я усвоил и сумел, как мне кажется, понять следующие методологические принципы:

1. Принцип деятельности как исходный для постановки проблем и ориентации в ситуации.
2. Позиционный принцип как схему конструктивного представления ситуации в деятельности, как логическое основание понимания и проблематизации.
3. Дуализм искусственного и естественного в способах представления ситуации и деятельности.
4. Историко-генетический схематизм всякого понимания и реконструкции содержания.

Я так и не сумел до конца понять и использовать:

1. Системный подход и его онтологию в понимании и деятельности.
2. Принцип имманентности, то есть исключение трансцендентных схем в мышлении.
3. Идею конструктивно-организационного подхода к решению проблем в мышлении и деятельности.
4. Редукцию человека к месту в машине деятельности и управления через конструктивное развитие и организацию средств деятельности.

Нынешний идиотизм массовой культуры, бесконечных детективов, веселящего газа юморин и патологических ток-шоу, – нечто новое. Это продукт топорной «деидеологизации» или ре-идеологизации. Строителя коммунизма перековывают в массового верующего потребителя.

Советский идиотизм был иным. Он проявлялся в учрежденческой среде, в научной или околонучной деятельности советских учреждений, в «головах» которых царила несусветная каша из идеологии, норм и инструкций, явных и неявных указаний и рекомендаций, предрассудков, невежества, случайных сведений и всяческого шарлатанства. Думаю, что многие из тех, кто уезжал тогда на Запад, бежали не столько от КГБ, бедности или карьерной бесперспективности, сколько от этой душающей атмосферы тотального идиотизма.

Когда читаешь воспоминания участников ММК, характер их оценки ММК на фоне интеллектуальной, политической или духовной жизни в СССР, на первый план выносятся не специфика кружка, а характер лидера, ГП, – его ораторское мастерство, стиль рассуждений и пр. Сам кружок, конечно, упоминается, но лишь как форма реализации программ, предложенных ГП, и расширения области применения стиля его мышления.

Это вполне понятно, так как в поле зрения участников ММК прежде всего всегда был сам ГП и небольшое количество лидеров методологического движения.

v Стоят: Марк Григорьевич Меерович, Юрий Вячеславович Громыко, Петр Георгиевич Щедровицкий, Сергей Валентинович Наумов – члены Московского методологического кружка

v Олег Борисович Алексеев и Петр Георгиевич Щедровицкий

Пожалуй, лучше всего сказал о себе сам ГП:
«К лету 1952 года у меня сформировалась идеология, очень близкая к той, которую потом через два десятилетия сформулировали братья Стругацкие, а именно: я представлял себя прогрессором в этом мире. Я считал (в тогдашних терминах), что Октябрьская революция начала огромную серию социальных экспериментов по переустройству мира, экспериментов, которые влекут за собой страдания для миллионов людей, может быть, их гибель, вообще перестройку всех социальных структур... я был сыном своего класса, класса партийных работников... мыслил я точно так же, как Гудериан...»

Смерть ГП до сих пор кажется невыслышимой. Идея смерти несовместима с идеей Начала, а весь ГП для меня есть одно бесконечное начало, отчего он сам видится и как Начинатель, и как Начальник. Начало – это принцип, и весь ГП есть сплошной Принцип, основание, исходный момент, а не финал, не результат, не итог.

Он ставит задачу, которую сам разрешить не может, и в этом его подвиг. Если бы он ее решил, мы бы не имели ГП как прометеевского героя. Нам важен не результат, а импульс, толчок и образец.

Для меня ГП всегда остается живым. Содержание его лекций и докладов мне представляется куда менее живым, чем его голос и самый способ их изложения.

Казалось бы, что тут должно быть некое согласие – во всем на первом месте не знание, а деятельность. Но та деятельность, которой он жил, действительно, живая. А та деятельность, о которой он учил... мне кажется, куда менее живой.

Но для того, чтобы оценить, насколько она жива, вероятно, как и всегда в методологии, следует учесть позиции, и то, что я отошел от ММК, и может быть причиной того, что мне кажется это содержание менее живым.

Тогда почему же мне кажется столь живым его голос?

Фокусируя внимание на ГП, кружок вообще тает, как еж в тумане. Более того, кружок превращается в риторическую фигуру речи самого ГП. ГП прячется за выдуманым им кружком в не совсем понятной игре, непонятной с точки зрения того, играет ли игра с членами кружка или с кем-то посторонним, кого не видно ни внутри, ни вне кружка.

Как когда-то Маяковский говорил о Ленине:

Мы говорим Ленин, подразумеваем, – Партия.

Мы говорим Партия, подразумеваем – Ленин.

Вот и здесь, мы говорим ММК – подразумеваем ГП, мы говорим ГП, подразумеваем?..

В том-то и дело, что, говоря ГП, мы, кажется, не подразумеваем ММК.

Сегодня ситуация такова, что без ГП нет ММК. Это не значит, что его нет вообще. Как говорил –Эйнштейн, «Бога нет, но что-то есть». Для М. Хромченко ГП – это Бог, и он исчезнуть не может. Для других он что-то иное... Так что вопрос о том, что такое ММК, в наши дни совсем не тот, что в 1967-м или 1987 году. Но именно поэтому вопрос о том, что такое ГП, и оказывается столь злободневным.

Вспоминаю одну случайную деталь. В семье ГП считалось, что физиономически он похож на флорентинского кондотьера Гаттамелату, гипсовая копия конной статуи которого работы Донателло стоит в Пушкинском музее. Гаттамелата (медоточивая (то есть льстивая) кошка) – типичный представитель личности из итальянских городов-республик, личность сильная и беспринципная.

Жесткое мужественное лицо Гаттамелаты соответствует героическому характеру личности. Сам ГП не только обладал – особенно в поздние годы – таким волевым, целеустремленным физиономическим образом, но и сознательно принимал героический тип существования. Однажды он сказал мне, что не понимает людей, не принимающих сознательно тип героического существования.

Это лицо героя и спортсмена, человека способного подчинить важной жизненной цели не только себя самого, но и других людей. Этот физиономический тип практически не угадывается в ранних снимках ГП, где на нас глядит крайне обаятельный и милый юноша. С годами лицо ГП как бы заостряет свои волевые черты, становится все более жестким. Если вспомнить слова ГП о якобы «севшем на него мышлении», то можно было бы сравнить его и с другим героем эпохи гуманизма, страстным противнике гуманистов Джироламо Савонароле. Савонарола, как и многие представители русской философии всеединства XX века, был поклонником Средних веков, хотя в своей благочестивости оказался и предшественником протестантизма. Но его характерные черты – непримиримость в обличении чужих пороков, в подвижническом образе жизни и социальной независимости, он мог бы быть в большей мере прототипом ГП, чем кондотьер Гаттамелата.

Протестантизм, родившийся в центральной Европе, в Германии, Швейцарии, в Россию в прямом смысле слова так и не попал. В России сначала случилось нечто парадоксальное: раскольники оказались протестантскими-консерваторами, а действительное перечитывание источников начал Лев Толстой. Но толстовство было далеко от гностицизма. Подпольный советский гностицизм был выдвинут за рубеж – теософы, четверопутники. Гностически окрашенный протестантизм начался уже не в русле православия, а в русле марксизма – новой россий-

ской религии XX века. И начал его Ленин, позволивший себе перетолковать Маркса, за сим последовала непримиримая вражда фракций, в которой победил Сталин. Борьба эта шла уже не столько за нравственную истину, сколько за реальную власть. И лишь в последние дни жизни Сталина на сцену выступил Зиновьев, начавший перечитывать «Капитал», и новый протестантизм принял довольно отчетливый гностический и магический облик в русле рациональной системной методологии, которая «может все».

В какой-то косвенной связи с этим и германофилия ГП: он был поклонником немецкого философского рационализма. Его любимцы – Фихте, неокантианцы, наконец – Маркс (при всех теоретических оговорках). Но дело не только в сочувствии рационализму немецкой классической мысли. ГП в быту во всем был скорее немцем, чем русским или евреем. Всегда подтянутый, аккуратный, исполнительный, с некоторым педантизмом ведущий учет всех своих многочисленных дел. Никогда не опаздывающий, никогда ничего не забывающий, обязательный и строгий к себе и другим. Далекий от всякого буршества, вопреки частому упоминанию московских пивных, которые, по его словам, и были местом зарождения методологии.

Но дело не ограничивалось личной аккуратностью и педантизмом. В числе его любимых авторов был, насколько я помню, немецкий генерал Гальдер, военные мемуары которого были изданы в 70-е годы. Он часто носил томик Гальдера с собой и с восхищением читал нам какие-то фрагменты как образцы рациональной строгости.

То, что решительно ставило ГП в круг западной философской культуры, был его рефлектирующий рационализм. ГП редко ссылался на себя и свои вкусы и, как правило, делал это подчеркнуто за рамками собственно методологических рассуждений, в то время как большинство русских интеллигентов свойственно в повседневном обиходе относиться к культуре как к собственному наследству и ссылаться на свой вкус как на весьма достоверный инструмент познания и оценки.

Будущему историку науки, конечно, придется как-то объяснить и зигзаги в научной биографии самого ГП. Как могло случиться, что он – студент престижного физфака и (по его собственным словам) подававший надежды – в пору азартной работы ядерщиков над бомбами – уходит на философский факультет. Он оправдывает это тем, что там «ребята были хорошие». Но что мешало бы ему дружить с этими же ребятами, учась на физика и, быть может, войдя впоследствии в круг А. Д. Сахарова и его коллег, тоже, наверное, неплохих ребят. Или, на худой конец, уйдя на филологический факультет, где он мог бы получить неплохое классическое образование, овладеть древними и новыми языками, как это сделал в другое время С. С. Аверинцев. Чему научился ГП на философском факультете – если единственный или один из немногих образованных профессоров этого факультета В. Ф. Асмус стал не его наставником, а его «противником», в полемике ГП против «формальной логики». Думать, что ГП боялся тяжелой работы, с которой сталкивались студенты физфака или классической филологии, нет ни малейших оснований, ибо он был трудоголиком. Так что этот вопрос придется оставить будущему.

Дебют ГП состоялся 26 февраля 1954 года. ГП, которому только что исполнилось 25 лет, прочел на философском факультете МГУ доклад «Современная наука и задачи развития логики» (опубликован в сб.: Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 25–51).

Он начал с того, что поставил знак равенства между высказанными в ходе дискуссии точками зрения В. Ф. Асмуса и В. И. Черкесова. Поставить знак равенства между двумя этими советскими философами значило в то

время примерно то же, что, скажем, сказать, что Сталин и Троцкий говорят, в сущности, одно и то же. Все знали, что Черкесов, представитель советской идеологии, – конъюнктурщик, а Асмус – один их самых просвещенных и культурных философов, сохраненных в советском философском питомнике.

Но юный ГП уравнивал их не потому, что еще не успел усвоить этого, а потому, что таким отождествлением он взрывал всю систему ценностей тогдашней как официальной, так и неофициальной философской мысли.

Требование, обращенное ГП к советским логикам, – участвовать в развитии отечественной науки (и тем самым ВПК) – было не просто дерзким риторическим приемом, популярным в партийной печати. Оно, как ни странно, нарушало и негласный подход самой партийной власти. Власть догадывалась о подлинной ценности своей идеологической науки и потому, насаждая идеологию везде и всюду, делала исключение для работ, связанных с изготовлением оружия. Сюда философов, мягко говоря, просили не совать нос. Атомная бомба была важнее идеологической ориентации ее разработчиков. ГП же не просто игнорирует это неписаное правило, но требует его немедленной и громкой отмены. Таким образом, он поступает согласно формально одобренным, но негласно отменным принципам реальной жизни. Есть два литературных героя, которые поступали именно так. Это Павка Корчагин и бравый солдат Швейк. Есть еще, правда, Дон Кихот, но ГП позднее всячески отрецивировался от этого произведения и его героя, заявляя, что Дон Кихот его ничему не научил и что житейскую мудрость он берет из романа Булгакова «Мастер и Маргарита». ГП рассказывал: «Когда меня спрашивали, зачем мы изучаем древнегреческую философию, я отвечал с совершенно голубыми глазами и искренним сердцем: «Для того чтобы реализовать постановление партии и правительства об оживлении и укреплении идеологической работы и усилении коммунистического воспитания». В моем представлении так оно и должно было быть. И точно так же я подходил и ко всем другим...» Вот еще одно его высказывание: «... Но вот если было постановление, где осуждалось творчество Зощенко и Ахматовой, и при этом произносились слова, что мы должны быть идейными, должны быть жизненно активными, должны строить свою жизнь, должны четко выполнять свои обязанности, работать на строительство социализма, то я опускал эту часть про Зощенко и Ахматову, поскольку знал, что они ни в чем не виноваты, не могут быть виноваты в принципе, и прекрасно понимал, почему их поносят, а брал ту часть, где говорилось, что жить надо активно, что надо выполнять свои обязанности, нести ответственность за свои действия и вообще чувствовать себя хозяином жизни. И начинал все это претворять в саму жизнь, т. е. так себя вести, так действовать, как будто это я – суверенный хозяин, будто от меня зависит воплощение всего того, что написано на знаменах, будто тем, кем я и мои товарищи будем все это выполнять, вот этим и будет все определяться в будущем.

– А как насчет «винтика»?

Вот я и был таким активным, самодвижущимся «винтиком». Я таким вот образом "крутился"».

ГП несколько десятков лет назад уже был своего рода легендой и мифом. Когда он пригласил меня в 1968 году на свой день рождения в Москве, я попал за стол, где сидели известные мне знаменитые в философском мире люди. ГП держался по-дружески, непринужденно. Но чувствовалось, что он, ГП, есть нечто особое. Несмотря на всю его обиходную простоту и обаяние, сам ГП наверняка осознавал легендарность и своего дела, и своей фигуры и, как мне теперь представляется, отчасти участвовал в создании собственного мифа.

Роль И. В. Сталина в истории архитектуры / The Role of I. V. Stalin in the History of Architecture

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

Порой всем кажется, что Сталин вписал себя в историю архитектуры, дав имя стилю – сталинский ампи́р. Но этот термин условен и не тянет на полноценные стилистические понятия и категории потому, что нам неизвестно, в какой мере политические лидеры входили в существо архитектурного творчества. Если Томас Джефферсон все же мог рисовать и делать проекты, то едва ли Сталина видели над рисунком или чертежом. Гитлер был ближе к архитектуре, он что-то рисовал и, возможно, проектировал вместе со Шпеером. Муссолини, кажется, как и Сталин, в основном идейно поддерживал новый стиль.

Дмитрий Хмельницкий говорит о Сталине как о зодчем, имея в виду эти его вкусовые и стилистические предпочтения и волевое вмешательство в процесс выработки общей линии развития советской архитектуры. Сталин сам не писал об архитектуре ничего такого, что можно было бы истолковать как конкретизацию идей социалистического реализма, за него это делали архитекторы и критики сталинской эпохи – Алабян, Аркин, Мордвинов, Чечулин, Былинкин и пр. Почему же я все же склонен усматривать его личную роль в истории советской (а может быть, и мировой) архитектуры. Прежде всего потому, что Сталин проявил весьма важную по своим последствиям инициативу умерщвления советского архитектурного авангарда. Этот акт, совершившийся еще до печально известного 37 года, был относительно бескровным.

Архитекторы приняли приказ и либо перестраивались, либо уходили из профессии, а остававшиеся при архитектуре и заказах ловили новые идеи и стили, обзаводились увражами Летаруи и Палладио, участвовали в конкурсах и соревновались в своем ремесле.

Гибель советского архитектурного авангарда заключалась в приостановке деятельности творческих группировок, в том числе конструктивистов и его лидеров, прежде всего М. Гинзбурга, который со всей решительностью большевика и авангардиста начал дело коммунистического жилищного строительства.

Долгое время мы усматривали в избиении младенцев авангарда своего рода культурное преступление, отбросившее СССР с передовой линии архитектуры на 20–30 лет и вынудившие советских модернистов начинать с нуля к 1960 году.

Критика конструктивизма и его замена сталинским ампи́ром рассматривается как проявление общего для всех течений архитектуры и искусства XX века китча в революционных и турбулентных процессах становления массового общества. Китч понимается как гибридизация аристократического и массового вкуса в условиях быстро растущего городского населения. Эти процессы по-разному шли в России и на Западе, но их итог общий – релятивизация аристократического вкуса и категории стиля. Будущее нынешнего постмодернистского китча остается неопределенным. **Ключевые слова:** китч, массовое общество, релятивизм, культура, вкус, мнение, тоталитаризм./

The critique of “constructivism” and implementation of “stalinist empire” style in the USSR is regarded as a general trend in the course of revolutionary shift to modern mass society in the West culture, producing “kitch” as a hybrid of aristocratic and popular taste in urban environment. This turbulent process produces a total relativity of moral and artistic values, tastes and the concepts of style. The idea of truth and beauty becomes conventional. The future of postmodernist kitch is still obscure.

Keywords: kitch; taste; relativity; opinion; style; totalitarianism; mass society.

Сталинский ампи́р расцветал под эгидой соцреализма, хотя в архитектуре он ни к социализму, ни к реализму прямого отношения не имел. Сам Сталин, видевший в нем символический вариант нового социалистического города, в личной жизни оставался скорее модернистом и жил в особняках, построенных по умеренным лекалам функционализма.

Возникает вопрос, почему же он выбрал классово чуждый социализму стиль римской империи, а не выраженный на большевизме конструктивизм М. Я. Гинзбурга? Полагать, что он слишком любил классицизм или ампи́р, нет больших оснований. В личной жизни и декоруме своей роли «вождя» он плохо вписывался в триумфальные арки. Внушить народу превосходство конструктивизма над всеми «измами» при наличии пропагандистской машины 30-х годов было бы не трудно.

Выбор Сталина мог диктоваться множеством вкусовых и стилистических соображений, о которых я судить не берусь. Но одно мне кажется очень важным: этот выбор положил конец конструктивистской утопии, по которой архитектура становилась техническим средством жизнестроительства. Она не просто переходила к индустриальным методам, но и меняла всю гамму архитектурных идей – от функционализма до типологии, эргономики, научной психотехники и индустриализации. Если бы Сталин увидел в этой по-своему весьма современной тогда идее магистральное направление архитектуры и всячески поддержал бы именно его, мы имели бы сегодня совершенно иную советскую архитектуру. А возможно, и совершенно иной вариант всей мировой культуры.

Многие, возможно, приняли бы такой поворот как весьма прогрессивный и истинный, лежащий на магистральном пути развития современной мировой цивилизации, идущей к коммунизму. Но нельзя не заметить, что в нем человеческая личность, ее свобода и инициатива полностью подчинялись инициативе государства и власти и человек превращался в так называемый «винтик». Во всем, от сна и семьи, воспитания детей до физкультуры и отдыха, массовых действий и музыки, он подчинялся единым стандартам и выверенным технологиям. Все управлялось сверху по проектам и планам, и все иници-

< М. Я. Гинзбург, В. Н. Владимиров и А. Л. Пастернак
Проект здания Руссерторга,
Москва 1926 г.

ативы подвергались тщательной оценке и экспертизе с точки зрения социально-экономической, идеологической и стратегической линии партии.

Выдержали бы массы такой идеальный строй жизни – сказать трудно.

Возможно, сам Гинзбург, как это пишет Д. Хмельницкий, был склонен к индивидуализации своих проектов, и его планировки жилых домов отличались уютом и своеобразием. Разумеется, рассчитывать на то, что в массовом масштабе строительства таковыми бы стали все проектировщики, нет никаких надежд. Более того, не вполне понятно как бы выглядели города, застроенные даже самим Гинзбургом, ибо отмечаемые Хмельницким достоинства его проектов едва ли видны не специалисту.

Важно, на мой взгляд, другое: принципиальный конструктивизм Гинзбурга времен журнала «Современная архитектура» был ясной программой общестилевого и среднего стандарта, который в руках посредственных исполнителей производил бы гнетущее впечатление. Даже и поселок Ле Корбюзье Пессак не выдержал проверки временем. Масштаб строительных планов Сталина не мог принять такой стилистический стереотип.

Вторая причина в том, что большевистский энтузиазм Гинзбурга показывал в нем своего рода решительность, которая Сталину могла быть чужда. В среде подчиненных он предпочитал послушных и заискивающих. Поэтому удушение конструктивизма было стратегическим решением. И оно не строилось на вкусе к театральной пышности. Сам облик вождя, выработанный Сталиным, в корне такой театризации противоречит.

Мне кажется, что парадоксальность выбора академизма и сталинского ампира или даже барокко можно объяснить другим – логикой рефлексивных обманов и притворств.

Тот факт, что эта линия, вопреки идеальной, рационально продуманной программе конструктивистов свернула на путь театризованных инсценировок, своего рода маскарадов и бутафорской пышности, дорогостоящих материалов и всевозможных «излишеств» (слово эпохи Н. С. Хрущева), остается фактом. Хотя и совершенно невообразимым с точки зрения логики и экономики страны, готовившейся к войне.

Теперь можно объяснять его множеством идейных причин, хотя история не знает сослагательного наклонения. Но история потому и становится историей, что ВЫБИРАЕТ какой-то путь из нескольких возможных. В данном случае путь, противоположный большевистской идеологии конструктивизма.

Вполне возможно, что этот большевистский конструктивизм самим его идеологам напоминал военный коммунизм и троцкизм, но они принимали его как необходимость, продиктованную временем и ограниченностью средств. А к чему он мог привести в дальнейшем, можно только гадать. Но если бы он удержался в качестве генеральной линии лет 30, мы имели бы образец культуры, о которой теперь можно только предполагать. И не исключено, что это была бы культура в большей степени напоминающая Оруэлла, чем что-либо другое.

Сейчас на это не стоит тратить время: исторический момент был пройден и возврат к нему едва ли возможен. Массовая культура по образцу военного лагеря уступила место массовой потребительской культуре, в которой командует не фельдфебель, а продавец и дизайнер, не лозунг, а реклама. Формы одежды диктует не военный министр, а модный кутюрье, жилые дома следуют не схеме казарм, а схеме вилл, и прочим радостям индивидуализированного потребления и отчасти – роскоши.

Но это своего рода иная утопия, чем утопия конструктивизма, и она пока что входит в реальность даже в государствах, в которых еще недавно все носили одинаковые штаны и куртки а-ля Мао.

С точки зрения истории, однако, эти нереализованные возможности, которые порой воспринимались как жертвы диктатуры, теперь могли бы казаться уже далеко не столь желанными и самим их авторам. Можно ли было в дальнейшем по ходу дела менять стратегию и переходить на проектные концепции, ориентированные на индивидуальный стиль и образ жизни, – сказать трудно, так как такие переходы были бы уже опутаны массой технических, идеологических и прочих условий реализации.

^ Мавзолей Ленина

^ Дворец Советов, арх. Б. Иофан

И дело не только в индивидуализме. Тут же возникал вопрос и о своего рода культовой энергетике архитектуры. Проект Дворца Советов и «архитектоны» Малевича не так уж далеки друг от друга. Мавзолей Щусева мог бы быть вариантом супрематической логики. Сталин, видимо, имел в виду эти культовые обертоны зодчества и сомневался в том, что в его власти руководить культом построенном на монастырской логике самоограничений. А классицизм в таком случае был хорош уже тем, что он не ложился ни в какую логику и был своего рода «валянием дурака», обманом всех своих верноподданных, и в то же время провокацией и соблазном. Сталин был величайшим обманщиком и хитрецом, и потому этот классический спектакль устраивал его как самая надежная игровая тактика.

Однако сводить этот «великий перелом» в архитектуре и искусстве к одной лишь хитрости Сталина все же нельзя. Скорее всего, Сталину принадлежит инициатива, совпадавшая с естественной тенденцией в превращениях художественной культуры XX века в тоталитарный балаган.

Я бы рискнул, в порядке предварительной гипотезы, высказать предположение, что таковой стилистической ориентацией стал китч. Это понятие до сего дня толкуется десятками возможных способов, оно претерпело много превращений. На Западе его с 30-х годов противопоставляли авангарду, хотя некоторые достаточно прозорливые критики уже тогда видели в сталинском архитектурном и художественном соцреализме именно китч.

До конца 60-х годов западная модернистская архитектура, следуя принципам функционализма и техницизма, не проявляла свойств китча как уступки массовому невзыскательному вкусу. Но сменивший модернизм постмодернизм можно рассматривать как продолжение китча в виде «кэмп», то есть уступки массовому вкусу под предлогом отхода от унаследованного модернизмом у классицизма аристократичности.

Позднее некоторые российские критики нашли в сталинском архитектурном ампире даже предтечу постмодернизма. В этом есть доля правды. Но точнее, на мой взгляд, было бы видеть сходство постмодерна и сталинского ампира именно в победе китча.

Для того чтобы такое утверждение не казалось просто эпатажем, я бы рискнул предложить понимать китч не только как любительски изготовленные сентиментальные суррогаты «красоты» и «сказочности» невоспитанного «вкуса», а как продукт гибридизации «высокого» и «низкого», то есть сельского или фольклорного вкуса в новой городской массе. При такой трактовке сам авангард оказывается вариантом такой сказочной необычности, а попытки оправдать функционализм и модернизм наукой и техникой как вид суеверия, поддавшегося обаянию научно-технической символики. При такой интерпретации сам авангард выглядит как столь же фантастический монстр, как и утопающие в барочной роскоши дворцы культуры.

С такой точки зрения в готов видеть классические образцы китча в Эйфелевой башне, татлинской башне, в которой дюшановская сушилка для бутылок скрещена тремя вертикальными каруселями как атрибутом балаганной культуры. Наконец, собственно два наиболее китчевых объекта – шедевры сталинского воображения – Дворец Советов Иофана и Мавзолей Ленина вместе с идеей выставить на всеобщее обозрение самого заспиритованного Ленина.

Этот «монстр» предвосхитил всю последующую галерею монстров голливудских фильмов-ужасов, архитектурной деконструкции и абсурдизма. Сюда же прекрасно вписываются новые архитектурные аттракционы ЭКСПО, начиная с брюссельского Атомиума.

Я понимаю, что никакие перечни такого рода монстров, в том числе занятные архитектурные фантазии Хундерт-вассера и Захи Хадид, не убедят тех, кто привык видеть в современной архитектуре постепенный прогресс в сторону космических городов будущего. Но могу в свое оправдание сказать лишь, что сами эти космические города – все те же монстры.

Склонить к такого рода китчу профессиональное сообщество стало легче после устранения творческих группировок и соединения их в новую общность, больше похожую на стадо, чем на университетскую толпу студентов и профессоров, искоренив при этом индивидуальную мысль и утвердив абсурдистскую риторику, склонявшую

^ Жилые дома по ул. Горького (Москва), арх. А. Г. Мордвинов, 1940 г.

^ Театр Красной Армии, Москва, архитекторы К. С. Алабян и В. Н. Симбирцев

отождествлять желаемое и действительное в виде социалистического реализма.

Авангардистские поиски 20–30 годов ушли в прошлое и в музей, хотя могут стать новыми ориентирами. В какой степени эта ориентация сумеет преодолеть или усилить китчевый маскарад масс – совершенно не известно. Прежние городские и массы пролетариев практически исчезают, а новая демократическая толпа индивидуализирует свои вкусы. Голливуд не теряет и своей популярностью. Аристократическая литература сегодня выглядит много бледнее, чем в XIX столетии, массовое чтение питается сентиментальными сладостями и монстрами, кажется, что дизайн идет примерно в ту же сторону.

Обобщая эти эстетические коллизии в архитектуре XX века, мы могли бы сказать, что все они стали следствием релятивизации ценностей, хранимых на протяжении тысячелетий. Эти ценности хранились в культуре либо как установки религиозного, аристократического, философского и научного сознания.

В результате нескольких следовавших друг за другом социальных и культурных переворотов смена этих доминирующих установок образовала некую «турбулентность», в которой истины и мнения поменялись местами. Критерии истин оказались разрушенными классовой. Религиозной и научной критикой и самокритикой и в качестве доминирующих ориентиров массового сознания сделались мнения. Истинность этих мнений перестала подвергаться какому-либо рациональному началу и стала измеряться статистикой его распространенности.

Тем самым массовые, то есть наиболее распространенные мнения, и получили права истин. Этот способ подкрепления истин не смог проникнуть в науку и технику, где экспериментальные проверки быстро обнаружили бы его непригодность. Кантовский «категорический императив» утрачивает свой смысл и заменяется классовым чутьем, партийной дисциплиной или мнением начальства.

Сегодня еще можно встретить попытки вернуть научный рационализм в качестве критерия истины в сфере культуры. Но он выглядит уже сам чем-то вроде китча, так как игнорирует принципиальную природу рефлексивности социокультурных систем.

И сегодня мы еще так и не располагаем никакими и рациональными средствами объективной оценки социокультурных процессов, отчего истины утверждаются рекламой, пропагандой и демагогией, а подтверждаются массовыми оценками мнений. Поэтому мое предположение, что китч стал, по сути, основным «стилем» в искусстве и архитектуре XX века может вызвать возражения. Одно из них я вижу и сам: при всем своем органическом и идейном единстве китч так и не стал нормативным. Впрочем, им не стал и соцреализм, который было принято трактовать как метод. Видеть в китче метод было бы, однако, скорее всего, смешно, так как он построен на наивности и подлогах.

«Эффективный менеджер», И. В. Сталин оказался инициатором торможения многих авангардных игр, он притормозил большевистский вариант конструктивизма и выпустил на сцену гибрид сказки и аристократического вкуса, получивший на несколько десятилетий поддержку или во всяком случае не вызвавший сопротивления масс. В будущем подобные гибридизации могут оказаться уже во власти не политических вождей, а каких-нибудь проектировщиков компьютерных игр или новых видов спорта.

Тоталитарный вариант демократии оказался ничуть не более надежным инструментом выбора средств и целей социокультурного порядка, чем демократический. А аристократическая культура надолго утонула в бурном море демократических преобразований. Гибридизация тоталитарных и рыночных систем с демократическими настроениями масс или интеллигенции остается реальной проблемой будущего. Сможет ли она найти компромисс с гуманистическим индивидуализмом – открытый вопрос.

Радикализм и экстремизм в будущем могут стать инициаторами своего рода манипулирования толпой или социальными группами. В какой мере интерес к трупам и монстрам останется противоядием терроризма – тоже немаловажный вопрос для культуры и архитектуры XXI века.

Уроки авангарда начала XX века, все яснее обнаруживающие признаки и монструозного китча и иных вариантов технического и потребительского вкуса, важны не только как стимулы, но и как предостережения.

В дискуссии принимали участие

Елена Григорьева, Константин Лидин, Александр Раппапорт, Дмитрий Хмельницкий, Елена Багина /

Discussion participants: Elena Grigoryeva, Konstantin Lidin, Alexander Rappaport, Dmitry Khmel'nitsky and Elena Bagina

Дискуссия «Власть и архитектура» / Discussion "The Power and Architecture"

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Александр, прочитала «Роль Сталина...» в вашем блоге «Башня и лабиринт». Нахожусь в состоянии двойного потрясения. Возможно, я так привыкла к мысли, что руководству государства архитектура глубоко безразлична, что именно это и мешает мне легко согласиться с вашим предположением, что Сталин сознательно спасал архитектуру от большевистского энтузиазма авангардистов. Неужели он придавал архитектуре такое значение, так глубоко прогнозировал и поэтому выбрал наиболее трудоемкий путь? Меня и некоторых моих соратников скорее можно обвинить в переоценке роли архитектуры в жизни общества, чем в недооценке. Однако вы оставили нас всех далеко позади, предположив, что дай Сталин (Гитлер, Муссолини) волю конструктивизму, получился бы совсем иной разворот истории XX века, быстро кончившийся бы кошмаром. Всегда считала архитектуру конструктивизма более демократичной, гораздо менее тоталитарной, чем сталинский ампи́р. Более подходящей для свободного человека. Подозревала, что именно это и отвратило от авангарда сталинское руководство. Кстати, сюжет книги Дениса Драгунского «Архитектор и монахи» основан на предположении, что Гитлер состоялся именно как архитектор.

АЛЕКСАНДР РАППАПОРТ Эта мысль и меня потрясла. В этом я вижу подтверждение того, что мы ничего не выдумываем, а мысли сами забираются в голову. Но я зато прекрасно понимаю, что такая мысль должна шокировать: видеть в Сталине врага большевизма не просто. Но есть много параллелей. До сих пор неясно, за что Сталин ненавидел Троцкого. Возможно, отчасти за его склонность к авангарду.

Насчет архитектуры. Сталин учился в Кутаиси, где стоит храм Баграта, настолько потрясающий, что трудно избежать его влияния. Но дело даже не в этом. Сталин был хитер, и в войне с партийной элитой изобретал самые невероятные ходы, например намеренно возвышал ничтожества и уничтожал наиболее самостоятельных партийцев, приближавшихся к верхушке власти. Он мог отважиться на гигантский архитектурный перформанс в стране, поскольку такой шаг всех ставил в тупик и давал

ему преимущества. Хрущев в своей борьбе со сталинским ампи́ром отчасти показал себя учеником Сталина. Хотя все-таки спас страну от нового зигзага большевизма.

У Сталина, очевидно, смешиваются его собственные вкусы в архитектуре и использование их в качестве декораций политической комедии. И это нужно различать тем авторам, которые, подобно Д. Хмельницкому, видят в Сталине закулисного зодчего. Он строил классическую архитектуру не как свой художественный идеал, а как декорацию, за которой было очень удобно ему самому играть неожиданные для оппонентов и народа роли. Поэтому тут нельзя все сводить к тому, насколько его интересовала сама архитектура.

Более того, мы ведь не знаем, насколько она на самом деле интересовала римских пап или августейших монархов, разумеется, использовавших архитектуру как декорацию социальных спектаклей. Любопытно, что на шахматной доске политических баталий все время строились башни и дворцы.

Сталин и сам мог бы со временем приказать восстановить храм Христа Спасителя. Реставрировал же Ленин капитализм в НЭП. Это вопрос масштаба и срока спектакля. Это все высший пилотаж рефлексивных игр, в которых никто не разберет где принципы и где лукавое «придуривание». Поскольку культура давно превратилась в политические шоу, это продолжается и по сей день, только не так весело.

Тоталитарные элиты отлично усвоили правила таких игр и невероятно изоцирились во всех вариантах агрессивного «валяния дурака». Главное – «валять дурака» с пламенным лицом или сталинской напускной мудростью. Это театр, рядом с которым все Мейерхольды – детский утренник, не снившийся и Шекспиру.

Малевич и прочие кубофутуристы со своей «Победой над Солнцем» дали Сталину уроки режиссуры (возможно, он этого и не подозревал), но у Сталина был еще один несравненный «художественный» прием, до которого «будетляне» не добрались. Этот прием предполагал возможность кое-кого из публики вытаскивать из зала в коридор и тут же расстреливать. Это и Мейерхольду не снилось, и даже Нерон до таких приемов реализма не добирался.

Да мы все считали конструктивизм демократичным, хотя с виду этого не скажешь. Его демократизм строится на нескольких частных аспектах. Во-первых, рядом с домами-коммунами и фабриками Чернихова мы не видим конструктивистских стеклянных или хрустальных дворцов для партийных властей или вилл для начальства. Во-вторых, потому, что мы смотрим на эти конструктивистские учреждения по перевоспитанию трудящихся в социалистических сознательных муравьев как на шаг в сторону светлого будущего (доказательств чему у нас не было и нет). В-третьих, как всякие утописты-энтузиасты, мы не способны представить себе, что произойдет, когда этих городов-садов будут уже тысячи, и жить в них будут сотни миллионов в течение сотен лет, и новые поколения будут расти, а старые сгорать в близлежащих крематориях. И что все эти люди в этих городах думают, и о чем мечтают.

Вы может возразить, что если бы конструктивистам дали развиваться, они бы все это придумали. Но вот их товарищи на Западе «доразвивались» до Ф. Гери и З. Хадид, только в менее индустриальных типовых масштабах.

Что все это значит? На мой взгляд, это значит что мы, полагая себя способными к проектной культуре и проектированию, остаемся на стадии наивных утопистов: проектировать и мыслить проектами большого культурного и темпорального масштаба так и не научились. И в сталинские, и в постсталинские времена продвижения в этом деле вперед не было, а была профессиональная деградация, и мы и сегодня не можем проектировать и мыслить в больших социокультурных масштабах. И поскольку в этой деградации мы ушли от конструктивистов скорее назад, чем вперед, нам они теперь и кажутся светлым будущим. Зато мы можем тиражировать недоработанные схемы и распространять их по огромной территории.

Отсюда две проблемы. Первая касается действительного искусства социального проектирования и строительства новой культуры, в котором ни мы, ни Запад с 1500 года почти не преуспели. Вторая касается того, что архитекторы, умерив свое желание осчастливить человечество Новым Миром, могли бы вернуться к своему профессиональному делу и попытаться понять, что происходило в их умах и душах за последние 500 лет. Нам нужно понять, что мы могли бы делать сегодня, не следуя покорно течению событий, которые влекут нас, возмужав, к полному вырождению. И не выдумывать себе ни новых скороспелых кумиров, ни воскрешать недавних кумиров, приписывая авангарду и конструктивизму достоинства и силы, которых в них уже не осталось,

КОНСТАНТИН ЛИДИН А правильно ли мы делаем, что опять тревожим тень Сталина? Этот человек жил и действовал в крайне агрессивной среде. Мощная оппозиция внутри страны (ленинская гвардия, дикая вольница героев Гражданской, потом – хищная машина НКВД, которую надо было все время чистить и обновлять, чтобы его самого не съела). Снаружи – еще того не легче: националисты всех мастей, фашисты, японцы, англичане, турки... а ведь ядерного оружия еще не было.

Теория управления учит нас, что в такой хаотической и враждебной (турбулентной) среде самая выгодная стратегия – делать нелогичные, непредсказуемые повороты, лишённые всякой логической связи. Только тогда противники и враги (а они кругом – внутри и снаружи) не смогут заранее просчитать ситуацию и подготовиться к ней.

А мы теперь, почти через сто лет, пытаемся разглядеть некую «сталинскую идеологию», какую-то цельную и единую линию в череде его решений. Да не было там никакой линии, и быть не могло. Логичное и последовательное поведение в той ситуации было бы катастрофично.

А мы теперь задним числом пытаемся приписать вождю некую разумную логику. Да вождь вообще не может быть логичен и понятен, иначе он теряет божественный ореол. Вождь – это Господь, а пути Господни должны быть неисповедимы.

А нынче вот вожди из моды вышли. И, наверное, это и хорошо...

AP Я не согласен с вами, потому что вижу в сталинизме в большой мере случайность. Все могло бы сложиться иначе, если бы верхушка политических сил была несколько интеллигентнее. И я не вижу в этом нашем историческом прошлом никакой исторической необходимости или слепой силы. То же самое относится и к Германии. Гитлер не был неизбежностью.

Но это не исключает возможности анализа стратегии и тактики вождей, в которой находилось место и ясности целей, и жестокости, и бесчеловечности, и способности к «придуванию» и «валянию дурака». Эти способности сами по себе заслуживают анализа и, если обратиться, например, к Монтеню, мы увидим, как ясность мышления позволяла уже 500 лет назад ясно видеть, что к чему и почему, не впадая в популярный фатализм.

Вообще, к счастью, мы наследники такой мощной духовной культуры, которая позволяет быть спокойным и не впадать в пессимизм, даже когда на улице воеет ветер и валит снег. Мы приписываем Сталину не разумную логику, а логику его властного инстинкта и тонкого (даже изощренного и циничного) понимания людей. К сожалению, у русской интеллигенции этого понимания было мало, чему пример – вся наша замечательная история послепушкинской литературы и политики.

Но что вы хотите: России в конце XIX века было от роду чуть больше 300 лет.

EG Александр, а вам не кажется, что объяснять «валянием дурака» резкие, малопонятные повороты в политике слишком просто?

AP Выражение «валять дурака» наверняка покажется многим вульгаризацией серьезных проблем. Однако вопрос на самом деле очень важный и непростой. Суть дела в идеологии и пропаганде как методе идеологической борьбы и работы власти. Сама по себе идеология не добро и не зло: это необходимое состояние интеллектуальной и культурной жизни общества – как в древности, так и в настоящее время и в будущем.

В новое время идеологию стали противопоставлять науке и обвинять в опасной неопределенности ее понятий и категорий. Но это не дефект какой-то конкретной идеологии – это свойство всякой идеологии, и неопределенность ее категорий сама по себе является ее функциональной силой. Без этой неопределенности вся система языковой коммуникации и управления не могла бы работать.

Тем не менее это ее свойство может использоваться в зависимости от намерений, конкретной расстановки сил и доступности СМИ для всех участников идеологического процесса. Критика конструктивизма могла бы быть и продуктивной, и полезной, а стала одноразовым актом произвола власти.

Для того чтобы придать силу произволу власти, и используется идеология самой власти. Но поскольку идеология – обоюдоопасное средство, ее использование должно быть крайне изощренным. Сталин обладал талантом такой изощренности и вводил в заблуждение всех своих сторонников и широкие массы. Эта стратегия обеспечивала самому Сталину одновременно мощные возможности для подавления политических оппонен-

тов и избегания критики в свой адрес. Благодаря этой изощренной способности и параллельной способности управлять аппаратом Сталину удалось добиться неограниченной власти. Но все временно, и в конце концов Берия, скорее всего, так и убил Сталина.

Далее партийная верхушка, испугавшись Берии, объявляет его английским шпионом. Это уже прямое «валяние дурака». Архитекторы оказались группой, по отношению к которой идеологически осуществлялись как контроль, так и провокации. И сегодня у нас даже нет еще подходящих средств, чтобы восстановить процессы этих когнитивных ситуаций.

ЕЛЕНА БАГИНА Я не понимаю, читая работы Марка Мееровича и Дмитрия Хмельницкого, которые основываются на обширном документальном материале 20–30-х годов XX века, почему переход к неоклассике был столь стремительным. Скомандовали – и все повернулись на 180 градусов? А почему бы всем не приказать проектировать в стиле Гинзбурга и Весниных? По крайней мере, было бы обосновано: простота как эстетическая установка пролетарской культуры пропагандировалась повсеместно.

ДМИТРИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ Потому что причиной этого поворота было чистое насилие. Оно точно датируется, механизм его тоже вполне подробно известен. Причем это ведь не был поворот только в архитектуре. Между 1928 и 1932 годами произошёл поворот во всем – в политической структуре, социальной структуре, экономике страны. И культурной политике, естественно. Причем тотальный. Художественная цензура была ведь введена не только в архитектуре. Произвели все повороты одни и те же люди во главе с одним и тем же диктатором и одними и теми же методами. Никто же не сомневается, что коллективизация сельского хозяйства была произведена по приказу Сталина. Так с какой стати сомневаться в причинах коллективизации архитекторов?

ЕБ В начале 30-х годов зачем-то понадобилась «пышность и сложность» в архитектуре. Если бы для этой пышности и сложности не было бы почвы в профессиональном сообществе – и поворачивать было бы невозможно. Значит, оппозиция авангарду была сильна внутри профессии. А авангард был тонкой пленкой, которая легко порвалась.

ДХ Всегда это не значит. Одно из другого не вытекает. Экономика всей страны до 1929 года отнюдь не была тонкой пленкой, за ней стояла (и сопротивлялась) сотня миллионов человек. А порвалась так же легко. Если вы хотите объяснить сталинскую реформу влиянием некоей «оппозиции внутри профессии», то искать ее следы надо до 1929 года, в тех временах, когда существовала относительная свобода профессиональных мнений. Я эту оппозицию обнаружить не смог.

А сталинский режим был полностью герметичен. В нем была невозможна никакая общественная деятельность. И влияние каких бы то ни было общественных движений на сталинскую политику было тоже нулевым. Конечно, понадобились «пышность и сложность» (только в декоре, сама архитектура предельно упростилась). Но понадобились лично Сталину. Как лично ему понадобились Беломорканал, Дворец Советов и атомная бомба.

Конечно, если бы не большевистская революция, то архитектура 20-х годов в России была бы неизмеримо богаче стилистически, и вообще богаче и разнообразней. Но это не значило, что какая-то одна группа должна была

бы всех победить и заставить работать по-своему. Такое случается только при тотальной диктатуре, как при Сталине в СССР или в Германии при Гитлере (хотя там в гораздо меньшей степени).

Конечно, влияние современной архитектуры в СССР в 20-е годы во многом объяснялось служебным положением Весниных и их «аффилированностью» с властью. И существованием только государственных заказов. Частная экономика не успела дорасти до того уровня, когда начинают частные инвестиции в строительство.

Но это был момент, когда Политбюро еще не бралось решать художественные проблемы. Государственного взгляда на этот счет не существовало. А когда появился такой взгляд – наступил сталинский ампиризм.

Никаких внутренних предпосылок к естественному общепрофессиональному переходу к стилизациям я не вижу. Наоборот, внешние предпосылки к насильственному и всеобщему введению сталинской эклектики налицо. У нее, кстати, и чисто художественно никаких внутрипрофессиональных корней нет. Сочинить Дворец Советов в том виде, в каком он был утвержден, никакой классицист даже в дурном сне не мог. Это в чистом виде воля заказчика. Щусев именно так ситуацию в 1933 году и определил: «начальство требует пышности».

По-моему, все попытки искать внутрипрофессиональные корни и причины сталинской архитектурной реформы – от лукавого. Их не могло быть по определению.

ЕБ Гинзбург и Веснины были не одиноки: Гропиус, Корбюзье и их последователи шли в том же направлении, только риторика была иная.

ДХ Я бы сказал, что Гинзбург и Веснины были прямыми последователями Корбюзье и Гропиуса. Просто хронологически. Когда в СССР о живом конструктивизме еще только мечтали, у Корбюзье и Гропиуса была уже масса реализаций. И риторика была примерно та же – до 1929 года. А начиная с 1929-го советская публичная риторика определялась только цензурой, к личным взглядам архитекторов имела мало отношения.

ЕБ Смотрела недавно подшивку журнала «Современная архитектура» за 1930-й год. Оказывается, не так уж было всё резко повернуто в сторону неоклассики. 30-й – последний год, когда выходил журнал. Через два года, в 1932-м, произошло объединение всех творческих группировок в единый Союз – Всесоюзное архитектурное научное общество (ВАНО), на добровольно-принудительных началах объединившее ОСА, АСНОВА, ВОПРА и др. 1937 год – I съезд Союза архитекторов СССР. А первые признаки поворота были еще раньше, вероятно. Вдобавок таких уж резких репрессий лидеров конструктивизма не было. Веснин был уважаемым академиком. Гинзбург умер в 1946 году своей смертью. Травили Ивана Леонидова – это было. Но и он в лагерь не попал. В отличие от многих литераторов и режиссеров (Мандельштам, Заболоцкий, Хармс, Мейерхольд...).

ДХ В сторону неоклассики все было повернуто резко и принудительно после 28 февраля 1932 года. После этого ни один конструктивистский проект не утверждался, а уже сделанные или построенные массово переделывались. Оцепенение в публицистике в связи с запретом на самостоятельное теоретизирование началось в 1928–1929 годы. Одно-единственно с началом индустриализации и уничтожением самостоятельной общественной жизни.

То, что сталинский ампиризм создавался в большой сте-

пени руками бывших конструктивистов, – это очевидно. Но бывших. И всех. Там нельзя было уйти в сторону. А репрессии архитекторов тоже коснулись. В какой степени они были связаны с личной строптивостью – не знаю. Думаю, все шло в порядке общих кампаний. Не за архитектуру сажали и расстреливали.

КЛ Клио возвращается к своему старому ремеслу – воспеванию великих. Вот только песни у нее получаются какие-то поповские – и мотив, и стиха все какие-то вторичные. Во всем виноват Сталин. Он лично свернул голову конструктивистам, а потом и всю архитектуру свернул на мерзкий путь ампира. А конструктивисты были великие и славные, вот как нехорошо получилось.

А если бы Сталин свернул головы не конструктивистам, а их идейным противникам? Что бы натворили эти вдохновенные фанатики – в разоренной стране, без цемента, без приличных кровельных материалов, без стального проката (необходимого для строительства в настоящем конструктивистском ключе)? В Иркутске до сих пор сохранилось несколько зданий, которые в то время были простодушно замаскированы «под конструктивизм». На классицистический двухэтажный особняк, например, нахлобучен третий этаж с имитацией ленточного остекления. Приделан высокий бордюр вокруг скатной крыши – чтобы снизу казалось, что крыша плоская. Степана лепнина и замечательная резьба по кирпичу, чтобы фасад выглядел плоским. И так далее. Вот такое могло быть в массовом масштабе и по всей стране.

А так – получились немногочисленные парадно-показательные дворцы и массовое строительство деревянных бараков. Кстати, с центральным отоплением и канализацией эти самые бараки стали довольно комфортными. Я в таком жил, свидетельствую.

Да и вообще, кто именно что сворачивал? Великий и славный Казимир Малевич очень способствовал голодной смерти Филонова. Мейерхольд закрыл Камерный театр Таирова. Тухачевского травил в основном Буденный, Охитовича – Алабян. А уж композиторы в эту милую эпоху вообще перестали сочинять музыку и только писали друг на друга доносы на нотной бумаге (по свидетельству Ильфа и Петрова).

Во что легче поверить: что их всех заставил лично товарищ Сталин или на них действовали какие-то социальные силы и процессы, нам и по сей день неизвестные?

ДХ Совершенно неважно, кому Сталин свернул бы голову: все равно в результате ничего хорошего бы не получилось. Художественная цензура губительна для любого искусства, независимо от формального стиля. Между прочим, самим конструктивистам Сталин голову не сворачивал, он просто приказал им перестать быть таковыми и стать эклектиками. И стали. Самоубийц мало. Кстати, их идейных противников Сталин изнасиловал в ненамного меньшей степени.

А что было бы с конструктивизмом, если бы Сталин не уничтожил НЭП, можно судить по европейской современной архитектуре. Конечно, в условиях советской диктатуры, даже относительно вегетарианской, досталинской, выйти на западный уровень советские конструктивисты при всех талантах не смогли бы. Но хоть какой-то минимальный социальный и художественный смысл в их деятельности при дохлах остатках общественной жизни и индивидуальной свободы все-таки был бы. Но не повезло.

ЕБ И все-таки почему командный поворот к аскетической архитектуре Гинзбурга и Весниных был невозможен? Приказать всем

щусевым и Жолтовским строить по-новому – и не пикнули бы. Ан нет.

ДХ Очень даже возможен. Он и произошел – при Хрущеве. Только в советской системе управления проектированием все равно ничего по-настоящему приличного получить не могло. В любом стиле.

А приказать ввести Сталин мог что угодно, хоть готику, хоть древнеегипетскую архитектуру, хоть конструктивистскую. Но выбрал именно ордерные стилизации. Почему – это надо копать его личную психологию и вкусы. Тоже, кстати, вполне интересная задача – если не фантазировать, а действительно копать.

ЕБ Дмитрий, а в чем вы видите сложность и виртуозность современной архитектуры?

ДХ Сложность в современной архитектуре не в декоре, а в многообразии организации пространства, в свободе пластической и пространственной интерпретации функции. Архитектура Жолтовского по сравнению с этим – примитив. Банальные и тупые, лепленные по готовым образцам типовые планировочные схемы и стены, украшенные развесистым и тоже скопированным с образцов декором. И вся сталинская архитектура была такая.

Современная архитектура просто неизмеримо сложнее по своему смыслу. Она решает совсем другие задачи, гораздо более сложные и осмысленные. Она и возникла из потребности в сложных, тонких и индивидуальных решениях задач, стоящих перед архитектурой в развитом индивидуализированном обществе. Сталинское общество было архаичным, упрощенным, сведенным к иерархической схеме, и архитектура, его обслуживающая, соответственно, стала предельно примитивной. По одному казенному образцу на каждый тип зданий, да и количество этих типов было редуцировано до минимума. Зато финтифлюшек на нее было навешено в избытке.

ЕБ Не согласна насчет сложности современной архитектуры. Кого вы считаете сложным и изощренным? Корбюзье? Мис ван дер Роэ, Аалто? Гинзбурга? Весниных? В чем они сложнее, чем, например, Виктор Орта или Шехтель?

ДХ Речь не об именах, а о самом проектировании. У Корбюзье и Жолтовского были разные профессии. Корбюзье мог спроектировать что угодно, здание любой сложности и ответить на любые функциональные задачи, причем сугубо индивидуальным способом. Жолтовский даже не понимал, что это такое. Он украшал стены. Шехтель и Орта – это уже практически современная архитектура. И сложность декора тут ни при чем. Тут «причем» способы пространственного мышления.

ЕБ О Жолтовском спорить не буду. Его способ проектирования действительно был иным. Он был в чем-то подобен мастерам, для которых и чертеж был не особенно нужен. А с тем, что Корбюзье мог спроектировать все что угодно, – не согласна. С Чандигархом у него явная неудача. И пространственное мышление, и декор – это всё архитектура. И если есть гармония пространства и декора, объект от этого только выигрывает. К сожалению, большинство архитекторов пространственным мышлением не обладают, минималистической эстетики не чувствуют, и получают у них

в подражание мастерам примитивные коробки. Это-то страшнее всего. Философией своей тоже большинство не блещет. Так что где-то прав Бродский насчет вреда, сопоставимого с люфтваффе.

ЕГ В газете «Коммерсант» недавно была информация о том, что власти отказались от планов строительства нового комплекса зданий судов в Петербурге, так называемого Судебного квартала по проекту Максима Атаянца в неоклассическом стиле. Атаянец выиграл конкурс в 2013 году, но вместо него проект собираются передать архитектору Евгению Герасимову, который участвовал в этом конкурсе, но не набрал ни одного голоса. Означает ли это, что власть точно так же, как и при Сталине, может по своему разумению указывать архитекторам, как, в каком стиле и кто должен строить те или иные объекты?

ЕБ Я думаю, что власть постоянно этим занимается, то есть указывает архитекторам, что делать, в каком стиле проектировать, кто победит в конкурсе... Беда в том, что мы уже давно привыкли жить в таком шизофреническом мире. В конкурсы никто не верит, и подковерные «гольфстримы» существуют вне зависимости от характера власти.

То, о чем пишут СМИ по поводу Судебного квартала, – верхушка айсберга. А что под водой? Этого никто точно никогда знать не будет, по крайней мере в архитектурном мире. Интересно было бы еще разобраться, почему именно неоклассическая архитектура, по мнению авторов конкурсных проектов, достойна зданий, где живет власть. Мне привиделась в победившем проекте Атаянца отголоски архитектуры сталинских московских высоток, пакстоновского Хрустального дворца и даже классических русских усадеб. Цитаты, конечно, неявные, но...

Как вам кажется, такой архитектурный коктейль съедобен? Чисто теоретически. Решают, конечно, уважаемые люди, не имеющие архитектурного образования, но распоряжающиеся деньгами. В большинстве своем современные «неоклассические» постройки и проекты свидетельствуют о полной дезориентации архитекторов и отсутствии у них не то что архитектурного кредо, но даже вкуса и элементарной ордерной грамоты. (Увы, в архитектурных вузах давно не учат разбираться в ордерах. Пропедевтика и уроки проектирования в художественном плане сводятся к принципу: иди туда, не знаю куда.)

«Дети Иофана» честнее и грамотнее. Они говорят, что предпочитают классику, и знают, о чем говорят. А у большинства архитекторов классические мотивы стыдливые, как речи Альхена в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова. Классические формы искажаются, упрощаются (так кажется современнее и острее) и превращаются в результате в грубое вранье. Цитируют сталинских неоклассицистов стыдливо или шиворот-навыворот. У Гельфрейха стремление вверх – а тут вниз... Там пирамида – тут «антипирамида». Постмодерн, что ли, покоя до сих пор не дает? Или все же мечты о палладианстве одолевают, да знаний не хватает? У власти с архитектурой всегда были непростые отношения, но в демократическом обществе они стали намного лживее, чем были во времена монархические. Нет-нет да и выглянет из-под демократического пиджачка ворованная горностаевая мантия. И вот тогда и начинается карусель: «Это не мы принимаем решения – это все электорат, тьфу... народ то есть. И вы, архитекторы, – слуги... народа то есть».

АР Тут особенно интересен вопрос автономии архитектуры. Да, иногда хорошая архитектура сервирует дурную власть, но, чтобы даже хорошая власть смогла вылечить архитектуру, это

невозможно. Архитектура на положении пассивного декоратора желаний властей существует только в грезах историков. На деле она не может не быть самостоятельной. И когда одни архитекторы душат других (что мы наблюдали сравнительно недавно), власть порой чувствует себя бессильной. И ее выбор в таком случае и достаточно лукав, и безнадежен. Все это, как ни странно, говорит о парадоксальной возможности: архитектура призвана говорить от имени людей, не считаясь с властями.

Стоит поставить несколько вопросов:

1. Каков культурный и социальный статус, а следовательно, и судьба профессии?
2. Насколько широко и как включается профессия архитектора с социокультурную жизнь страны?
3. Какова у нас архитектурная критика?
4. Если у нас политическая критика архитектуры?
5. Есть ли у нас историческая критика архитектуры, рассматриваемая как историко-культурный феномен?

Мне кажется, налицо почти полная немота критики в языках социокультурных сфер.

ЕГ А существует ли сегодня такое понятие, как эталон красоты?

ЕБ Мне кажется, в качестве эталона красоты все то же – вилла «Ротонда», Кельнский собор, Зимний дворец... В качестве эталона красоты даже Стоунхендж может выступать. Вы спросите: а что в XXI веке построено эталонного? А в XXI веке каждый мастер сам себе эталон. Нет границ, они давно разрушены. Прекрасное и безобразное плохо различимы... Хотя есть какие-то интуитивные представления о гармонии, какие-то воспоминания о золотом сечении, о том, что ритмика может быть рассчитана... Архитектуры нового тысячелетия может и не родиться. И новой парадигмы архитектуры может не быть, поскольку АРХИТЕКТУРА – вот так, большими буквами – перестала существовать. Архитектурную парадигму заменила парадигма дизайна. И как дизайнерские творения новые постройки уже не претендуют на вечность. (Никакой грусти, никаких руин – груда битого пластика и стекла, обрывки гипсокартона и искореженный металл, который пойдет в переплавку.) Они будут быстро стареть, их будут сносить совершенно безжалостно, и о них будут быстро забывать. Историки дизайна в XXI веке будут рассматривать старые кадры видео и фото, старые чертежи и 3D-модели... И как мы сейчас относимся к алхимии (не стоит забывать, что эта область человеческого знания имела тысячелетнюю историю в Европе, Китае, арабских странах, имела свою философию, методологию, свои символы и достижения), так будут относиться и к архитектуре. Может быть, станут ее именовать протодизайном.

А власть имущие, мне кажется, всегда будут требовать от архитекторов классики. Будут строить для себя виллы с ионическими мраморными колоннами и портиками, требовать, чтобы в отделке были натуральные материалы, резная мебель ручной работы, ухоженные регулярные сады с террасами и водопадами...

Власть имущим нужны парадные декорации, выполненные в соответствии с их образованием и вкусом. Томас Джефферсон мог проектировать сам. Сталин – не мог.

КЛ На мой взгляд, бюрократы имеют много общего с шоу-бизнесом. И те, и другие принципиально не создают ничего нового, а лишь комбинируют элементы из модного в данный момент набора по заранее известным правилам. Если же, не приведи господи, те или другие вздумают заняться

творчеством – получается нечто такое, что происходит сейчас в российской науке и образовании. В «эпоху Аллы Пугачевой» вполне закономерно наступает диктатура бюрократии – и вот уже половина страны занята изготовлением документов, а вторая половина проверяет, правильно ли они изготовлены.

Тем временем принципы шоу-бизнеса (а главный из них – критерий качества в духе «публика хаает, – значит, хорошо, значит, денег заплатит») проникают в основы научного мышления в виде индексов цитирования (публика же хаает...) и грантов от Чубайса (денег заплатит...).

Функция и факт антиномичны отнюдь не в большей степени, чем правая и левая нога. Это два необходимых компонента развития любого моделестроения. Сократ и Пифагор, кстати, не ограничивали себя в этом смысле. У логика Сократа был даймониум, а мистик Пифагор придумал одноименные штаны. Так что настоящая, то есть плодотворная, наука так и шагает, попеременно опираясь на обе ноги.

Ну да, она шагает от одного заблуждения к следующему, и каждый факт в свое время может быть оспорен, и каждая теория может устареть. Но по пути получаются такие полезные штуки, вроде этого вот компьютера, посредством которого мы сейчас общаемся. Ньютон считал, что все материальные тела в мире притягиваются друг к другу из-за врожденной любви, однако три его закона неплохо действуют и сейчас.

Может быть, величайший парадокс и чудо научного мышления в том, что при всей его нелепости и безумии оно иногда создает принципиально новые и очень полезные сущности.

Если представить себе, что история отказалась от императивного приоритета фактов над логикой, как это пыталась предлагать школа «Анналов»? Тогда историкам пришлось бы изобрести методики исторического эксперимента. Разумеется, это может быть только мысленный эксперимент. Ну что же, астрономия тоже не имеет возможности воздействовать на объект своих наблюдений, но это не помешало тому же Ньютону опереться на ее данные.

ЕБ Константин прав. Наука во многом приобрела черты шоу-бизнеса. Сама система оценки научных достижений смешна. Ну что такое цитируемость? Фикция. Способность написать отчет по гранту, когда видимых достижений нет, – высшая доблесть научного деятеля. Имитация деятельности в связи с неспособностью к самой деятельности. Полное равнодушие ко всему, кроме денежного довольствия. Увы...

Как там у Верлена:

Я римский мир периода упадка,
Когда, встречая варваров рои,
Акrostихи слагают в забытьи
Уже, как вечер, сдавшего порядка.

Душе со скуки нестерпимо гадко.
А говорят, на рубежах бои.
О не уметь сломить лета свои!
О не хотеть прожечь их без остатка!

О не хотеть, о не уметь уйти!
Все выпито! Что тут, Батилл, смешного?
Все выпито, все съедено! Ни слова!

Лишь стих смешной, уже в огне почти,
Лишь раб дрянной, уже почти без дела,
Лишь грусть без объясненья и предела.

АР Я так не думаю. Нынешний дизайн и СМИ, конечно, потеснили архитектуру, но это еще не окончательное решение вопроса. Тут стоит проблема времени и вечности: для человеческого полноценного существования, на мой взгляд, крайне необходимы формы символического единства с планетарным ландшафтом и темпоральностью человеческой жизни – дизайн этих сторон не касается.

Это субстанциальная сторона архитектуры была стерта авангардом, но надолго ли. Я думаю, что уже в ближайшие десяти- и столетия привычка к СМИ, Интернету и дизайну заставит с новой силой обратиться к архитектуре – но не как стилю и декорации (хотя и последние никуда не денутся), а как к символической и феноменологической опоре жизни и духа осмысленности последней.

Ссылка на алхимию вполне уместна. После того как она уступила химии в технике, к ней обратился Юнг уже с точки зрения психологии, но еще интереснее сами принципы алхимии, в которой человек и субстанция – родственные начала (см.: Рабинович В. Алхимия как феномен средневековой культуры).

Средневековые и античность кажутся нам сегодня ПРОШЛЫМ, но в них много настоящего. И это настоящее немедленно всплывет, как только насытится человек новизной и скоростью...

ЕБ Александр, не кажется ли вам, что власть временами навязывает архитекторам свой далеко не идеальный вкус, и в результате получается архитектура, которую иначе, чем китчем, назвать невозможно.

АР Такое утверждение было бы слишком. Китч – изображение высокого искусства средствами фольклора. Понятие «китч» не часто применяется в архитектурной критике и почти не рассматривается в теории архитектуры. Тем не менее образцы китча не ограничены открытками, мелкой пластикой или дешевыми сувенирами. Китч имеет и более солидные и даже сверхмонументальные формы.

То, что этот новый потребитель, не имевший возможности получить высокое художественное образование, становится в XIX веке «массовым», позволяет скрыть фольклорные основы китча и выдать его как символические выражение сословной культурной отсталости. Но если учесть, что развитие новых городов делало приток новых жителей, вчерашних крестьян, в города чрезвычайно быстрым и массовым, ясно, что никакой возможности обеспечить новоприбывших в города рабочих высшим художественным образованием не было, а интерес этих слоев к более высоким стилевым образцам свидетельствует как раз об их ориентации на высокое искусство, что едва ли достойно осмеяния.

Первые образцы китча мы видим в крупных и густонаселенных городах в образцах коммерческой архитектуры эклектики или псевдонародного стиля. Но более поздние образцы китча перерождаются и обретают черты столь рефлексивно переработанного и рафинированного своеобразия, что к фольклорному китчу или «петушину стилю» его отнести уже невозможно, – таковым и был ар-деко, который если и не отвечал нормам высокого аристократического стиля старой интеллигенции, то и к китчу не относился.

В связи с этим мне кажется небесполезным предложить мало пока что освоенный вариант интерпретации сталинского ампира и архитектуры «стархитекторов» конца XX века к новым разновидностям китча. И прежде всего эта интерпретация кажется мне уместной по отношению к проекту Дворца Советов, выполненному в 1935 году Иофаном, Гельфрейхом и Щуко – под чутким (хотя

и скрытым – см. книги Д. Хмельницкого) руководством Сталина.

Здесь налицо характерный для китча прием – деформация масштаба, отмечавшийся в теории архитектуры и ранее, например Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге саркастически именовали гигантской «чернильницей». Имелось в виду, что китч следует простой логике масштабной гиперболизации вещи, задуманной и освоенной вкусовым восприятием в виде настольной безделушки, но установленной в виде огромного сооружения (еще один пример такого рода – памятник Виктору Эммануилу в Риме).

Проект Дворца Советов в таком случае был не столько синтезом искусств в духе рождающегося соцреализма, сколько образцом китча, внутренне близким Сталину.

Хотя не исключено, что самому Сталину все это было безразлично. Он просто интуитивно почувствовал, что китч – самое точное попадание в его политической игре, так как поддержка китча ставила его в двусмысленное положение ко всем участникам игры – и конструктивистам, и академикам. И урок этого приема «валяния дурака» с серьезным видом был освоен прежде всего идеологами и теоретиками архитектуры, которые подыгрывали Сталину в своих абсурдистских теориях и требованиях. Они уловили, что эта манера хоть и не обещает полной безопасности, все же спасительна в этой турбулентной атмосфере. Позднее именно они на волне такого теоретического паясничества приходили к власти, а те, кто выступал со всей серьезностью, оставались в дураках.

Много позднее, и уже не в России, а в Америке, в ходе развертывания программ постмодернизма и деконструкции этот прием стал чуть ли не главным философским приемом нового авангарда. Гери, Эйзенман, Вентури, Хадид и Колхас в той или иной мере разыгрывали эти комбинации – но уже не в условиях тоталитарной диктатуры, а в условиях тоталитарной демократии. То есть массового общества и монополий, между которыми для традиционной и последовательной архитектуры места не оставалось.

Другим образцом такого же китча и отчасти валяния дурака, хотя уже в области ритуальной практики, стала идея Сталина о мумификации В. И. Ленина в московском Мавзолее. Этот вариант китча указывает на иные мотивы, прежде всего конфессиональные – культ мощей, и литературные фольклорные, смешанные со сказочным сюжетом.

Маяковский случайно сказал, что Ленин и после смерти «живее всех живых». Сталин оценил эту шутку

и, видимо, пытался придать ей своего рода балаганный смысл – сделать этот «живой» труп предметом бессмысленного любопытства толпы.

Судьба храма Христа Спасителя архитектора Тона, в каком-то смысле имевшего связь с китчем, воспроизвелась Дворцом Советов в менее рафинированном виде, но что совсем уж удивительно: этот китчевый привкус унаследовал в 90-х годах восстановленный Лужковым и Церетели новый храм Христа Спасителя, впрочем, Церетели и в других своих работах постоянно использует этот типично китчевый прием, изображая модернистский или классический стиль средствами фольклорной адаптации.

Его памятник Колумбу переделанный в памятник Петру – из той же области фольклорного китча. Разумеется, делая необходимые оговорки в пользу китча как вынужденной инертности массового вкуса, я не склонен поддерживать его в столь монументальных формах, сильно деформирующих образ городской среды столичного города.

Мне кажется, что в этом отношении и такие классические монументы, как памятник Колумбу, выполненный в начале XX века К. Мельниковым, или Башня Третьего интернационала Татлина, макет которой он сделал в 1919 году, тоже, хотя и в сильно измененной форме, могут быть отнесены к китчу, равно как и знаменитые проекты Леду, Булле и Леке эпохи Великой французской революции.

Безусловно, элементы китча отчетливо видны и в гигантских монументах Вутечича в Сталинграде, и Меркурова на Волго-Донском канале. Аналогичными китчевыми шедеврами можно считать и произведения современных западных архитекторов в странах Ближнего Востока (например, в Дубае) и нашей Средней Азии. В связи с этим остается только гадать, почему проекты нового здания Парламента в Москве не пришлись по душе нынешней администрации – то ли потому, что ее вкусы уже не следуют стереотипам китча, то ли потому, что как раз хотели бы видеть этот китч в более откровенной форме.

Так или иначе, тема «тоталитарного» китча может считаться принципиальной как для тоталитарных режимов, которые навязывают свой не слишком аристократичный вкус широким массам, так и для транснациональных корпораций, заинтересованных в пропаганде своего «величия» у широкой публики.

Нынешние лидеры архитектурной и дизайнерской моды в равной мере вынуждены считаться и со вкусами своих заказчиков – олигархов или диктаторов, и со вкусами городской толпы.

В статье зафиксированы содержательные срезы художественно-технического творчества в России, начиная с 1840-х до середины 1920-х годов. В совокупности они создали условия для формирования неповторимой, исторически сложившейся картины объемно-пространственной конструкции пропедевтики ВХУТЕМАС. В статье на основе архивных материалов и многолетнего знакомства с жизнью жилого дома на Новинском бульваре в Москве рассматривается его устройство, анализируется содержание ставшего экспериментальным диалога архитектурно-функционального и конструктивно-технологического формообразования, реализующего концепцию «нового метода архитектурного мышления», опубликованного М.Я. Гинзбургом в журнале «СА» в 1926 году.

Ключевые слова: архитектура и гражданская архитектура, художественно-техническое творчество, внешняя и внутренняя форма, строительное искусство, пролеткульт, пространственный каркас, технология, тектоника. /

The article has fixed four meaningful cross-sections of arts and engineering creative work in Russia from the 1840ies to the middle of the 1920ies. In combination, they provided for the unique historic picture of the spatial structure of the VKhUTEMAS' propaedeutics. The article based on archive documents and the long experience of knowledge about the every-day life of the house in the Novinskiy Boulevard in Moscow covers its arrangement and analyzes the contents of the experimental dialogue between functional architectural and constructive technological aspects of shaping implementing the concept of "the new method of architectural thinking" published by M.Ya. Ginzburg in SA Journal in 1926.

Keywords: architecture and civil architecture, arts and engineering creative work, external and internal form, art of building, proletarian culture, space frame, technology, tectonics

От пропедевтики ВХУТЕМАС к пролегоменам ценности экспериментального жилого дома на Новинском бульваре в Москве (1927–1930) / From the VKhUTEMAS' Propaedeutics to Prolegomena of the Value of the Experimental House in the Novinskiy Boulevard in Moscow (1927-1930)

Историческая наука в последние десятилетия серьезно дифференцировалась. Существенно важно при этом, что помимо более строгого различия «отраслевого» исторического знания на первый план выходят методологические теории и проблемы его обретения. Одна из них – когнитивная история. Она привлекает к себе внимание в первую очередь, поскольку плотно увязана с феноменологической проблематикой и сфокусирована на реконструкции исторических процессов, порожденных мышлением, т. е. ориентирована на историю творческих индивидуальностей. Когнитивная история, заостряя внимание на интеллектуальных аспектах индивидуального мышления творческой личности, фиксирует значимость источниковедческого основания исторического знания, обращая внимание или, точнее, переакцентируя внимание с предьявления тех или иных фактов (событий) на выявление связей или многообразия (пучка) связей между теми или иными фактами. Именно они – связи – и формируют ткань исторического знания.

История архитектурно-строительной деятельности в нашей стране изначально воспринимается неотрывно от государственной политики. Плотность взаимосвязи архитектуры и строительства с государством с неослабевающей обостренностью чувств в оценке государственной истории неизбежно распространяется и на архитектуру, и на работу с городом. Как следствие, происходит закономерная подмена содержания архитектурной деятельности. Оно рассматривается как полномерная деятельность государства. Отсюда главным архитектором той или иной эпохи становится государственный лидер, ее (эпоху) олицетворяющий.

Наряду с этим, достаточно общим для отечественной истории Новейшего времени обстоятельством, все больший интерес вызывает обретение знания о жизни и судьбе творческих личностей, способных генерировать подлинно новые идеи, адаптируясь к тем или иным реальным жизненным обстоятельствам или, наоборот, вопреки им.

Истории архитектуры это касается в полной мере. Более того есть основания говорить и о том, что для этого разговора изучение архитектурных ценностей формирует универсальную по своей природе методологию анализа творческой деятельности, объемлющую совместное

рассмотрение внешней и внутренней формы Целого, его устройства. Методологическая ценность архитектурного знания опирается на профессиональную возможность объединить трехмерность пространственной организации объекта анализа с реально осязаемым временем его исторического бытия.

Восходящее к М. М. Бахтину понятие «архитектоника Большого времени» может выдвинуться в эпицентр методологического интереса к осмыслению и современному прочтению понятия «контекст» в выявлении или реконструкции подлинного исторического знания благодаря тому, что органично для себя объемлет не только пространственный контекст («место»), но и временной, характеризующий время формирования и «проживания» тех или иных исторических реалий. Но для того, чтобы найти путь к общеметодологической универсальности архитектурному знанию надо приложить определенные усилия. В первую очередь, корректируются объект и предмет историко-методологических изысканий. На первый план выдвигается понятие «город», «архитектоника города».

Рассмотрим последовательно несколько «генетических линий» научного и художественно-технологического творчества, приведших к ключевому для осознания эпохи конструктивизма в нашей стране формотворческому и социально-градоустроительному эксперименту в жилом доме-коммуне для работников Наркомфина на Новинском бульваре в Москве.

Формирование индивидуальности пропедевтики ВХУТЕМАС

Основная задача исследования, вбирающая в себя по возможности полно генетические линии научного и художественно-технологического творчества в России, сформировавшие исторически полноценную эпоху ВХУТЕМАС, сфокусировать внимание на том, как последовательность триады «живопись – ваение – зодчество», составившая ядро как классического художественного и архитектурного образования в России, так и положенная в основу реформаторской деятельности Живискульптарха и ИНХУКа, постепенно начала трансформироваться и перестраиваться, несомненно под влиянием Н. А. Ладовского, в возрожденческую по своей природе триаду «архитектура – скульптура – живопись» [1].

текст
Юрий Волчок /
text
Yuri Volchok

> Дом Наркомфина на Новинском бульваре, фото начала 1930-х годов

В данной статье, однако, важно сосредоточиться на тех аспектах формирования программы и тех линиях исторической реальности, вступающих с «жизнью и судьбой» ВХУТЕМАС, которые помешали его развитию и в немалой, а, на взгляд автора, решающей степени повлияли на то, что «жизненный путь» Мастерских был столь короток – всего шесть лет – с 1920-го по 1926-й, когда Мастерские были преобразованы в специализированный институт.

В мировом науковедении достаточно давно, в течение практически всех послевоенных десятилетий, закрепилось осознание того, что новая, а точнее, современная архитектура как понятие восходит к сооружению оранжерейным мастером Джозефом Пакстоном «Хрустального дворца» на Всемирной выставке в Гайд-парке в Лондоне в 1851 году. Стоит зафиксировать существенные для нашего разговора обстоятельства из истории его создания: идею и проектное предложение Пакстона начали рассматривать и утвердили после того, как прошел крупный конкурс на центральный (главный) павильон Всемирной выставки. Было отвергнуто более 200 проектов, представленных профессиональными архитекторами. Есть еще одно обстоятельство, мимо которого зачастую проходят, явно по недоразумению, исследователи ВХУТЕМАС – в создании павильона и, шире, всего выставочного городка принимал участие Г. Земпер. О его роли в становлении современной архитектуры пишут, точнее, писали довольно много. В учебном процессе о нем вспоминают в отечественной архитектурной школе нечасто. Однако, сегодня вновь заговорить о Г. Земпере

v Дом Наркомфина на Новинском бульваре. Современные фото

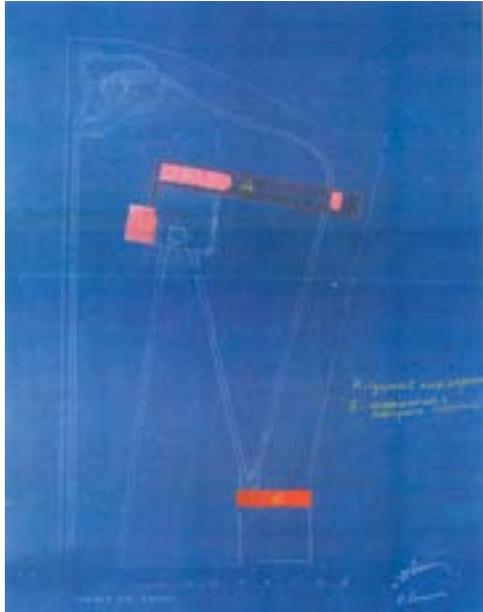

необходимо, поскольку мы хотим восстановить достаточно полную (полноценную) картину развития архитектурного образования и место в нем ВХУТЕМАС [2].

Пожалуй, самостоятельное значение приобретает здесь осмысление неразрывности образования и архитектурной науки в концепции деятельности Мастерских, в полной мере реализованной в создании пропедевтических [3] дисциплин, обеспечивших целостность воспитания профессионала и поднимающуюся над обучением ремесленника = специалиста благодаря универсальности восприятия мира, в основу которого положены углубленные представления о «неразрывности «миропонимания» и «пространствопонимания», восходящие к одному из умозаключений П. А. Флоренского на эту тему [4].

И именно в Лондоне в период работы над выставкой сложились основополагающие теоретические работы Г. Земпера, в первую очередь, «Наука, промышленность и искусство» (1851). Уместно в этом контексте вспомнить, что до систематических занятий архитектурой Земпер учился в Геттингенском Университете сначала на юридическом факультете, а затем записался на курсы математики и археологии. Только спустя время он уехал в Мюнхен продолжить образование в Художественной Академии.

Представляется полезным на этом фоне акцентировать внимание на том периоде в биографии Н.А. Ладовского, что предшествовало его поступлению в Московское Училище Живописи, Ваяния и Зодчества в 1914 году. Принято вспоминать, что он завершил образование в 36 лет. До того он довольно много и разнообразно познавал архитектуру изнутри процесса ее создания – в практике,

< Генеральный план Дома Наркомфина на Новинском бульваре (корпус А с прилегающей территорией и планируемым корпусом Б). 192901930. М.Я. Гинзбург, И.Ф. Милинис. (Из коллекции Центрального архива научно-технической документации г. Москвы)

< Проект границ территории объекта культурного наследия – Дома Наркомфина. 1928-1932. (План составлен в Мастерской №20 историко-культурного наследия Моспроекта-2 им. М.В. Посохина)

в основном, в столице, в Санкт-Петербурге, досконально, как я понимаю, освоив столичный опыт и уровень строительного искусства своего времени. У нас не хватает данных для реконструкции биографии Ладовского, нет документированных сведений о его жизни в этот период профессиональной судьбы. Но у нас есть возможность достаточно полно восстановить картину формирования строительного искусства в России, к которому не просто прикоснулся, но и деятельно принимал участие в нем Ладовский. Трудно переоценить роль этого периода его практической работы в формировании в дальнейшем и кристаллизации в педагогическом творчестве его понимания рационалистической эстетики, ориентированного на «обыденность» формообразования, но одновременно с этим возвышающегося над повседневностью. Ладовский сумел проложить свой авторский путь в стремлении к совершенству во вполне прозаическом в своей типологической определенности диапазоне архитектурных задач. Но именно здесь, на наш взгляд, и заложены основания нового прочтения триады «живопись – скульптура – зодчество», выдвигая архитектуру на первый план и фиксируя тем самым ее место и роль в переустройстве мира, а также ответственность архитектурного искусства в организации современности во всех ее проявлениях.

Оставим на время развитие этой темы, поскольку на данном этапе важнее показать, что мешало полноценному развитию подлинно фундаментального и современного мировосприятия, заложенного в пропедевтической стратегии, кристаллизовавшейся в многообразии универсальности, заложенной в программы учебных дисциплин ВХУТЕМАС. Поэтому продолжим.

Центральная проблема формирования творческих концепций в начале 20-х годов прошлого века: взаимоотношения личного и коллективного начал в творчестве.

Личное и коллективное в творчестве

В 1920-е годы государственная политика во всех сферах жизни пыталась формировать осознание неизбежности перерастания личного в коллективно-общественное, в том числе и во всем, что касалось творчества.

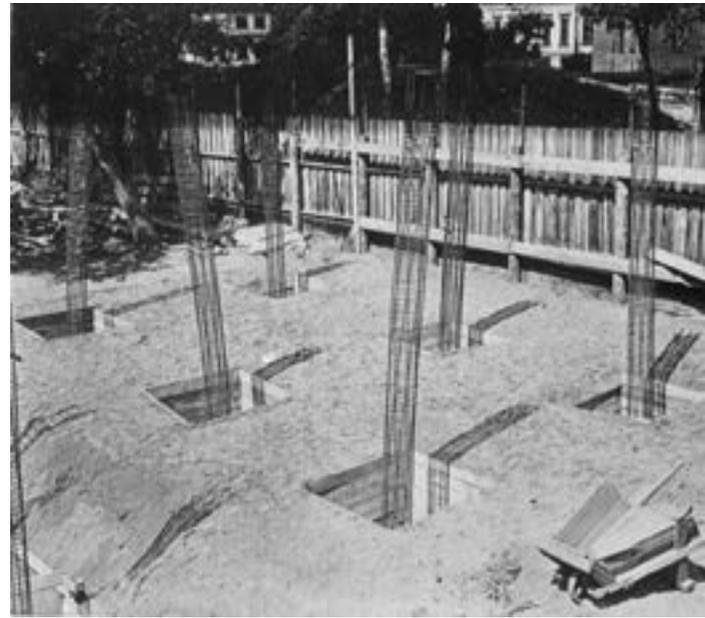
В течение многих десятилетий XX века изучение истории Новейшего времени, тем более, советского времени, начиналось с октября (ноября) 1917 года. Пожалуй,

только А. А. Стригалева раньше других в архитектуроведении начал разрушать брандмауэр стены, разделяющей время до и после революции на два совершенно разных времени. Думаю, что полноценное осмысление ситуации, возникающей при «размывании границы» между двумя эпохами: «до» и «после» Октября – совершенно необходимо для полномасштабного воссоздания истории архитектуры в XX веке в нашей стране. Время такого подхода к анализу (осмыслению) уже пришло. Мотивацию к этому дополняет и то, что во главу угла многих исторических реконструкций в наши дни закладываются факты и события, транслирующие тенденции, рожденные не столько историческими процессами, сколько мифологией их переформатирующей в пользу заранее заданной системы ценностей, а, точнее, системы оценочных категорий, в значительно большей мере характеризующих мировосприятие, сложившееся в недрах массового сознания в наши дни, нежели попытки восстановления более объемной картины реальных исторических событий.

Импульсом для начала этого разговора послужила книга М.О. Гершензона (1869-1925) «История молодой России», опубликованная в 1923 году без упоминания о том, что первое издание этой работы было осуществлено в 1908 году [5].

В издании 1908 года вполне понятно воспринимаются и слова автора о том, что его труд, сосредоточенный в основном на исследовании «жизни и судьбы» исторических личностей, творческих личностей осуществлен вслед за появлением книг о «Молодой Германии» и «Молодой Италии». Соображение о том, что содержание книги в 1908 году, т.е. до революции 1917-го, но сразу после революции 1905 года и в 1923 году, пятнадцать лет спустя, – воспринимались совершенно различно, вряд ли кого-то сегодня может удивить. Также как и содержание книги И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», например, до 1991 года и позднее прочитывается по-разному и стоит признать, что юмористическое начало текста в начале XXI века в сравнении с тем, как книга воспринималась в начале прошлого века, значительно поблекло.

Строго говоря, Гершензон, публикуя в 1908 году книгу о личностях, формировавших **Новое** в 40-е годы XIX века в духовной жизни России хотел предъявить масштаб личностного потенциала. Он писал, в частности, в 1908

^ Процесс строительства дома Наркомфина. Начало 1930-х годов. (Фото из кн.: Дом Наркомфина и его значение. М., 2008)

году: «Будущий историк наших дней вероятно с любопытством остановится, в числе прочих особенностей современного русского общества, на той, которую можно назвать его распылением, и изучая с этой точки зрения современную интеллигенцию, он, наверное, привлечет к сравнению эпоху 30-40 годов, – время господства тесно сплоченных дружеских кружков. Чем объяснит он это резкое отличие? Почему 70 лет назад в передовой части русского общества господствовали центростремительные силы, под давлением которых все лучшие элементы неодолимо влеклись друг к другу и сочетались в плотные группы, объединяемые не только сходством убеждений и общностью целей, но и горячей, чисто-братской привязанностью? И почему передовые люди нашего времени обречены на душевное одиночество и, делая все одно и то же дело, стоят все-таки каждый особняком? Наши группы и кружки носят деловой характер; они опираются на единство взглядов, на попутность усилий; нас соединяет в группы гораздо больше общность борьбы, чем внутреннее влечение, и потому в наших кружках нет той сердечной близости, тех задушевных симпатий, которые, по-видимому, царили в тех кружках, – и далее, – ... Быть может, будущий историк сумеет проследить процесс дифференциации, раздробивший мыслящую Россию и сделавший невозможным для наших дней существование таких сплоченных групп. Это распыление несомненно представляет собой симптом роста, как всякое деление, как распадение клеток и клеточных колоний. Хочется верить, что и мы, как клетки, через дробление перейдем к более сложным, основанным на высшем единстве сочетаниям, подобно тому, как это случилось с итальянской интеллигенцией во вторую четверть прошлого столетия. ... Тогда царил – и не только в молодежи, но и среди зрелых людей – настоящий культ дружбы, который теперь показался бы сентиментальным и смешным...» [5, с. 217, 218].

Можно представить, с какой заинтересованностью мог восприниматься этот текст в начале 1920-х годов, в годы активного самоформирования, а, точнее, сложения творческих группировок в различных сферах творческой деятельности и сколь по-другому, нежели автор замыслил 15 лет до того, могли интерпретироваться приведенные здесь слова. И вновь по-иному они прочитываются в наши дни.

Социальный состав и начальная подготовка студентов ВХУТЕМАС

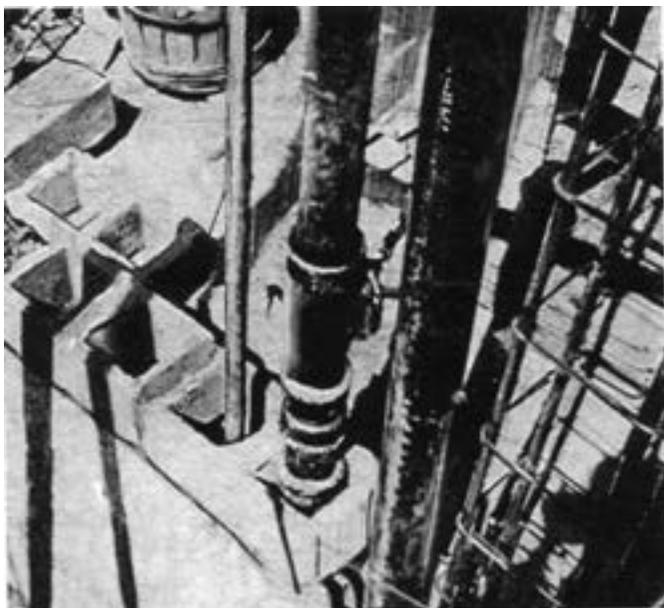
Следующий срез (пласт) разговора в связи с проблемами при создании ВХУТЕМАС сосредоточен на том, что мастерские создавались в условиях, когда в Вузы принимались в основном молодые люди из числа рабочих и крестьян. Уместно вспомнить, что крепостное право было отменено в 1861 году, и важно понять, как формировалась крестьянская культура, образование крестьян опять-таки, начиная с тех же 1840-х годов. Интересное свидетельство принадлежит также Гершензону, который опубликовал среди других в книге «История молодой России» очерк о Николае Платоновиче Огареве (друге Герцена, поэте, эмигранте (долго жил в Англии)). Н. П. Огарев попытался реализовать идею освобождения крестьян от крепостного права в границах своей личной судьбы и экспериментировал в трех направлениях:

- он освободил крепостных с семьями в одном из своих имений, наделив их землей (в Белоомуте);
- другие вотчины Огарева были беднее и он попытался реализовать другие способы:

- организовал фабрику;
- попытался организовать школу для крестьян.

Последнее, как становится все более очевидным, напрямую увязано с проблемой создания образовательных программ во ВХУТЕМАС.

По замыслу Огарева, в задуманной им школе должны были воспитываться учителя для будущих классов, в которых будут проходить начальный курс обучения крепостные крестьяне. В «учительской» школе обучение рассчитано на четыре года. И если в первый год подростков 12–14 лет (возраст зачисления в школу) обучали грамоте (читать, писать) и азам арифметики, а второй год отводился на закрепление и развитие уже достигнутого и адаптацию вновь обретаемых знаний к крестьянскому образу жизни и труду, то с третьего года обучение постепенно становится тематическим и опирается на овладение геометрией; на четвертый год базовый предмет обучения – гражданская архитектура. Школьников из числа крепостных Огарев намеревался знакомить с устройством архитектурного сооружения, при этом программа обучения включала помимо теоретического курса и практическое строительство в летний период объектов,

устройство которых было внимательно изучено перед тем. Школу Огареву создать не удалось, и крестьян в те и более поздние годы архитектуре никто не обучал.

Уместно обратить внимание и на то, что в программу обучения (воспитания) в Царскосельском лицее (при переезде его в Санкт-Петербург в 1843 году) также попытались включить курс гражданской архитектуры, но из этой, прогрессивной для своего времени, обучающей концепции ничего не вышло. Лицейсты не проявили интереса к новому, прагматически ориентированному знанию. В Лицее сохранился классический курс собственно гуманитарного изучения искусства архитектуры. Обучение основам гражданской архитектуры было сосредоточено в технических университетах и училищах.

Суммируя опыт, восходящий к педагогическим усилиям Огарева, можно зафиксировать: ВХУТЕМАС призван был создать пространство, в котором растворяются друг в друге университетское образование и начальная школа, создаваемая по образу университета (в данном случае – технического). Программа начального образовательного процесса во ВХУТЕМАС не могла не считаться с тем, что для студентов в основной массе из крестьянских и рабочих семей знание об архитектуре начиналось с нуля.

ПролеТКульт – пролегомены технической культуры.

ВХУТЕМАС создавался как одно из первых новых высших учебных заведений, ориентированных на формирование полноценной пролетарской культуры профессионального творчества. Диктатура пролетариата формирует при этом «лицо заказчика», суть которого не столько в обезличенности, сколько в надындивидуальности. Пролетариат – понятие коллективистское. Но, пожалуй, не это обстоятельство – решающее в осмыслении пролетарской сущности государственного заказа на форму образования. Пролетариат – понятие (исторически) городское. Этому классу полагается участвовать в формировании городской культуры и городского образа жизни. Исторически в нашей стране этот процесс пришелся на свое время, существенно более позднее, нежели в Европе, и реализовался в своем социокультурном контексте. Для нашего разговора важно, что большинство пролетариев были горожанами в первом поколении и поэтому вполне естественно, что и в сложении уклада своей повседневной жизни, и в представлениях о художественно-эсте-

тических ценностях, и в формировании образа=идеала новой (для вновь нарождающегося пролетариата) жизни, могли использовать опыт только своего крестьянского прошлого. Помещичий дом, усадьба – едва ли не единственный известный им пример недоступного для пролетариата образа жизни, материализованное понимание качества – качества жизни, архитектуры, художественных ценностей.

В этом контексте понятен неугасающий интерес современного науковедения к пролеткультовской проблематике. Преодолев условности периодизации и, начиная рассмотрение материала в его эволюции и накоплении еще с XIX века, появляется возможность существенно расширить границы пространства его обсуждения и понимания.

Понятие «пролеткульт» вошло в историю мировой культуры неотрывно от имени А. А. Богданова. Но чем больше знакомишься с литературой по этой тематике, тем очевиднее становятся многочисленные искажения смыслов, формируемых вокруг этого понятия, и некорректность оценки вклада Богданова в осознание пролеткультовской проблематики. Литературоведение, в отличие от истории архитектуры, в обсуждении этой проблемы ушло значительно дальше и это позволяет обрести существенно новое знание и увидеть иные исследовательские перспективы. В частности, итальянский исследователь Гуидо Карпи в книге «Достоевский – экономист» пишет: «Тот факт, что сознание не отражает мир, но строит и организует его, комбинируя элементы эмпирии, рассортированные согласно ценностям (аксиологическим) критериям, хорошо понимал ... Александр Богданов, крупнейший теоретик ... начала XX века» (2012) [6, с. 12]. Н.М. Малыгина, автор книги «Андрей Платонов: поэтика «возвращения» (2005) [7] подчеркивает, что писатель, по сути, реализует основные положения «Тектологии» [8]. Уместно отметить: Кеннет Фремpton в своей «Критической мозаике» мирового архитектурного наследия XX века еще в начале 1980-х годов зафиксировал внимание на вкладе А. А. Богданова (в первую очередь, «Тектологии») в профессиональную культуру архитектурного мышления и деятельности в XX веке.

В современной литературе о пролеткульте основное внимание авторов сосредоточено на трех, ставших клю-

^ Процесс строительства дома Наркомфина. Начало 1930-х годов. Видны пустотелые блоки, изобретенные инженером-технологом С. Л. Прохоровым. (Фото из кн.: Дом Наркомфина и его значение. М., 2008)

> Слева на фото 1930-го года видны батареи отопления в теплой галерее-улице дома Наркомфина. На фото 2010 года они утрачены

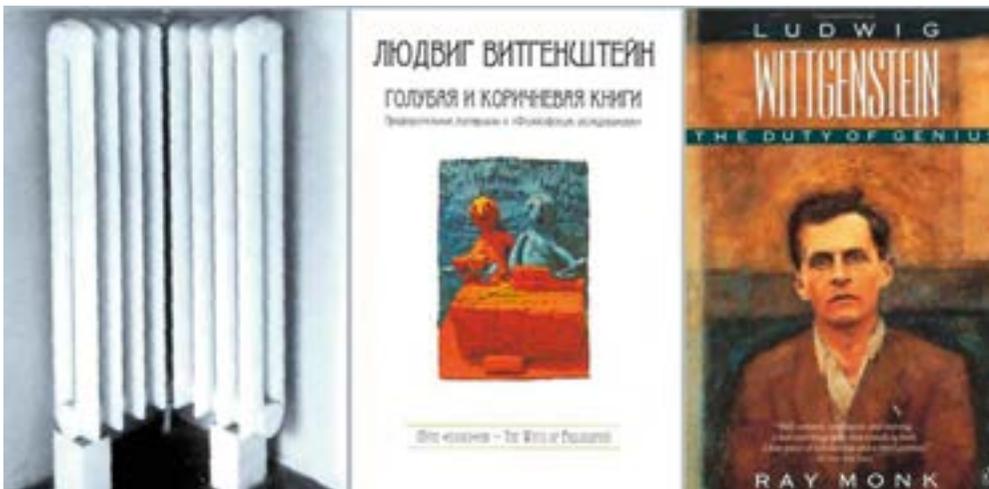
чевыми, проблемах: пролеткульт и культурное наследие прошлого; создание новой пролетарской культуры; пролеткульт и партийно-государственная власть. Этот круг тем сформировался в основном на материале и в «системе координат» послеоктябрьского периода в деятельности Пролеткульта как организации. Если выйти за границы, предписываемые периодизацией в истории отечественной архитектуры, то в центре внимания в связи с пролеткультовской проблематикой окажутся не только послеоктябрьские работы Богданова и многочисленные толкования основ «Тектологии» (чаще последователями, критиками и попутчиками автора), но и работа Богданова «Культурные задачи нашего времени» (1911) [9]. В ней он обосновывает понимание своего времени, как принадлежащего «технической культуре». На этом фоне становятся существенно объемнее и значительнее как художественные произведения ученого – романы «Красная звезда» и «Инженер Мэнни», так и основные положения «Тектологии» как «гуманитарной науки о строительстве» (1914). В этом контексте формируется еще один – четвертый слой исследовательского интереса к пониманию и толкованию сути и содержания понятия «пролеткульт», существенно важный для понимания сути пропедевтической стратегии и программы во ВХУТЕМАС.

В. В. Зеньковский определил время вокруг 1910-х годов в отечественной философии как «период систем». А. А. Богданов в те же годы формировал пролегомены к устройству систем, объединяющему естественно-научное и гуманитарное знания в контексте технической культуры своего времени. Такое мировосприятие возможно (исследовательски полноценно) при реализации его в логике эволюционного подхода к формированию представлений о системе исторически полноценного мышления (и деятельности). При этом необходимо помнить, что «пролегомены» были одним из предметов, включенных в программу гимназического обучения (В первую очередь речь идет о «Пролегоменах» И. Канта (1783). Кант, правда, писал в предисловии в этой работе: «Эти пролегомены предназначены не для учеников, а для будущих учителей, да и последние они должны служить руководством не для преподавания уже существующей науки, а для создания самой этой науки». Согласно такому подходу к понятию «пролегомены», сосредоточенному на воспита-

нии творчески активных индивидуальностей, со временем выстраивается закономерный ряд формирования мышления и способности к полноценной деятельности по созданию Нового. Вслед за «Пролегоменами» И. Канта надо вспомнить «Пролегомены» Г. Земпера (1865), «Прелюдии» В. Виндельбанда (1884), «Пролегомены к истории понятия времени» М. Хайдеггера (1925), «Пролегомены к истории языка» Л. Ельмслева (1943). Ранние (дооктябрьские) творческие (научные и художественные) работы А. А. Богданова вокруг проблематики пролеткульта уместно рассматривать как **пролегомены технической культуры**, закономерно врастающие в долговременный эволюционный ряд формирования полноценного диалога культуры и цивилизации, в котором архитектура занимает (должна занимать) центральное, срединное место. «Пропедевтика» Н. А. Ладовского закономерно встраивается в этот ряд. В таком контексте становится понятнее интеллектуальная среда, которая сформировала логику переосмысления Н. А. Ладовским роли и места архитектуры в контексте рационалистической эстетики в связи с задачами образования и подготовки архитектурно-исполнительских кадров, нацеленных на создание Нового. Пропедевтический курс Ладовского «по умолчанию» сводил воедино закрепившуюся к этому времени ситуацию двойного толкования содержания архитектуры. Одно – продолжало уходящую в века традицию воспринимать архитектуру как «искусство архитектуры», а второе – ориентированное на знание устройства архитектурного произведения: знание объемлющего восприятия диалога внешней и внутренней формы.

Закономерность такого двойного прочтения понятия «архитектура» было закреплено в Словаре художественных терминов, который готовился к изданию в ГАХН в 1923–1927 годах. Термину «архитектура» было посвящено две статьи. А. Г. Габричский развернул логику эволюции стилистической истории архитектуры. М. Я. Гинзбурга пригласили изложить современное видение и понимание этого термина.

Как можно было оба таких различных подхода к содержанию архитектурного творчества свести в едином пространстве целостного восприятия? Центральным, «увязывающим» понятием для этого становится «художник».

< Австрийский философ Людвиг Виттгенштейн – автор углового радиатора (1928) и многочисленных к этому времени философских трудов, в том числе по аналитической философии, в 1910-е годы

Вот как об этом пишет М. О. Гершензон в книге «Тройственный союз совершенства»: «...Недаром люди издревле видят в художниках существа высшего рода, как бы норму свою: спасение человечества в том, чтобы совмещать целостное и страстное знание со знанием раздельным, холодным, подобно тому, как художник сочетает в своем труде вдохновение с целесообразностью средств. Во все времена среди людей возникали учителя двух родов: одни учили общей мудрости жизненного дела, другие – частным приемам труда; и хотя изобретение паровой машины и прививки против бешенства бесконечно увеличили их материальную силу, а в писаниях нет никакой осязательной пользы, народы с большей любовью хранят память о Руссо и Толстом, нежели о Уатте и Пастере» [10, с. 112].

Ладовский сумел объединить оба этих подхода в диалоге творческого поиска художественного образа и интеллектуальной идеи, формирующего архитектурное начало профессионализма, воспитанного во ВХУТЕМАС в логике возрожденческой последовательности изящных, в основе своей – практических искусств.

Сохранение потребности в художественном воспитании позволило сформировать уникальную программу архитектурного образования, в которой художественное и техническое начала слились в неразрывное единство целостности. Объемно-пространственная пропедевтика как центральная дисциплина в раннем ВХУТЕМАСе – создала условия для полноценной реализации того, что зарождалось в отечественной, в том числе народной культуре еще в 30–40-е годы XIX века.

Страницы биографии М. Я. Гинзбурга, позволяющие лучше понимать историко-культурную ценность экспериментального жилого дома на Новинском бульваре
 Воспитание и школьное обучение М.Я. Гинзбурга, позволившие ему со временем стать одним из организаторов и лидеров конструктивизма – одного из ведущих направлений в архитектуре эпохи авангарда, во многом предопределены тем, что он окончил коммерческое училище в Минске, где основополагающими дисциплинами были математика, черчение и рисование. Они активно дополнялись домашним образованием: брал уроки живописи, читал книги из истории и по искусству. Поощрялось увлечение занятиями литературой. Он участвует в издании

рукописного журнала, распространяемого в училище. Отец, практикующий минский архитектор и застройщик, привлекал его к работе в своей мастерской. После окончания училища в 1911 году он изыскал возможность отправить сына обучаться архитектуре за границу. Поиски привлекательной для себя архитектурной школы Моисей начал во Франции. В течение нескольких месяцев посещает занятия в Парижской Академии изящных искусств, затем – в Тулузской архитектурной школе. Однако для систематического образования он остановил свой выбор на Миланской академии художеств. В течение нескольких лет обучался в группе известного архитектора, профессора Гаэтано Моретти, где получил полноценную архитектурно-художественную подготовку, которая сочеталась с овладением навыками совместной работы в творческом коллективе по принципу средневековых профессионально-цеховых коммун и обретением опыта повседневной жизни в историческом городе. Многогранное гуманитарное образование Моисея Гинзбурга завершилось получением диплома архитектора-художника.

Вернувшись в 1914 году в Россию, он поступает в Рижский политехнический институт, оказавшийся из-за событий Первой мировой войны в эвакуации в Москве, оканчивает его в 1917 году, получив подготовку по программе гражданского инженера. В первой самостоятельной работе – особняк в Евпатории (совместно с Н.А. Копелиовичем), как и в дипломном проекте в Милане, Гинзбург отдал дань модерну. Уместно обратить внимание: модерн в Миланской Академии в то время не пользовался большой популярностью. Но молодой архитектор в данном случае проявил своеволие, доверившись собственной интуиции. Годы обучения воспитали у него гармоничное, взаимодополняющее сочетание внимательного и углубленного интереса к научно-техническому, методологически упорядоченному знанию и, равно с этим, уважительное понимание сути и познавательного значения художественно воспитанной интуиции, ее роли в творчестве. Затем четыре года он работает в Крыму, где смог реализовать все накопленные им профессиональные возможности. Архитектурно-строительную практику он сочетал с изучением народного зодчества Крыма. Знаковым итогом творчества в эти годы стали его первый научный труд «Татарское искусство в Крыму», павильон

> Интерьеры дома Наркомфина на Новинском бульваре. Начало 1930-х годов и 2011 год. Батареи отопления не сохранились

Крыма на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 года в парке им. Горького в центре Москвы, а также организованный в Крыму при его участии отдел охраны памятников архитектуры и искусства, первым руководителем которого он стал.

В 1921 году Гинзбург окончательно возвращается в Москву, в полной мере подготовленный к участию в профессиональной жизни, осознанно ориентированный на формирование новой архитектуры. Особое внимание в эти годы он уделяет научно-педагогической деятельности. Уже в 1923 году он, профессор ВХУТЕМАС, ведет курсы истории архитектуры и теории архитектурной композиции. Параллельно с этим он читает лекции и руководит проектированием на архитектурном факультете в МВТУ и МИГИ. Гинзбурга утверждают действительным членом Государственной академии художественных наук (ГАХН), где он выступает с многочисленными научными докладами, объединенными общей проблематикой: осмысление содержания и особенностей современной архитектуры. Это послужило основанием для составителей Словаря художественных терминов, работа над которым шла в Академии с 1923 по 1929 годы, беспрецедентно предложить двум авторам дать свое определение понятия «Архитектура»: А. Г. Габричевскому (классическое) и М. Я. Гинзбургу (современное) – и написать на их основе две самостоятельные статьи для Словаря.

По программе деятельности ГАХН Гинзбург возглавил научную экспедицию в Бухару (Узбекистан), где в полной мере реализовал крымский опыт обмеров и обследования памятников и организации Музея исторического наследия и искусства. Вслед за этим, в 1925 году, он едет в командировку от Академии в Турцию для изучения византийских и мусульманских памятников, в определенном смысле повторив известное путешествие Ле Корбюзье на Восток, в Стамбул, в 1912 году. Эта поездка Гинзбурга стала важным этапом в сложении в дальнейшем многолетней профессиональной дружбы между ними. Приведу один пример. В 3-м номере журнала «СА» за 1928 год опубликовано письмо Ле Корбюзье Гинзбургу. Предмет разговора, искренне волнует и его, и московских коллег: взаимоотношения города и деревни, судьба крестьянина в новых социально-общественных условиях и роль архитектуры в формировании современного урбанизма.

Автор письма, понимая его официальный характер, в полной мере отдавал себе отчет в том, что он пишет не частное письмо, и был весьма внимателен в словоупотреблении. Более того, он не забывает сослаться на авторитет Ленина и в полной мере создает, возможно, в первый и последний раз в своей жизни, как сказали бы сегодня, политкорректный текст.

М. Я. Гинзбург в своем ответе подхватывает с благодарностью, как я понимаю, предложенную Корбюзье тональность. Он благодарит своего западного коллегу за то, что тот ссылается на Ленина, сам цитирует Карла Маркса. Совместными усилиями авторы переписки выстраивают (как им хотелось) охранительный «футляр» – преграду для внешнего, в том числе и административного вмешательства в понимание обсуждаемой ими проблемы. Для них она была решающе важной для своего времени: осмысление реально складывающихся взаимоотношений урбанизма и дезурбанизма. Создание панциря «официального фасада» текста позволило им достаточно свободно сформулировать приемы организации внутри-профессиональных связей.

Почему для авторов было так важно донести предмет их переписки до читателей журнала? Они понимали, что мнение Корбюзье не останется незамеченным, а форма его предъявления позволит помочь выработать «технику чтения» во вновь формируемых граничных условиях для творчества. Важно обратить внимание, что эта переписка относится к концу 20-х годов, а не после 1932 года – в период изменившейся «творческой направленности» в советской архитектуре. Расслоение в понимании содержания термина «архитектура» закрепилось весьма оперативно. И конструктивисты, в основе своей единомышленники, весьма по-разному отреагировали на урбанистические взгляды Корбюзье. Если Н.А. Милютин в своей книге «Соцгород», опубликованной в 1930 году, всячески поддерживает и разделяет трактовку урбанизма, принадлежащую Корбюзье, то А.К. Буров, в том же 1930-м году, по дороге в командировку в Америку, остановившись в Париже, в основном, для встречи с Корбюзье. В дневнике с нескрываемым удивлением он пишет, что как ему кажется: Мастер, много размышляющий об урбанизме, мало понимает в его существе, особенно в социальном содержании урбанизма.

< Проект реконструкции квартала № 9 по Новинскому бульвару во время возведения дома Наркомфина. 1932. (Фото из кн.: Никулина Е. Городская ткань: архитектура и время. М., 2011)

< Проект застройки того же квартала по Новинскому бульвару по Генплану реконструкции Москвы 1935 года. Дом Наркомфина по этому плану сносится. (Фото из кн.: Никулина Е. Городская ткань: архитектура и время. М., 2011)

Вполне закономерно эти разночтения и изменения в ценностной ориентации сказались и на отношении к Дому: в первую очередь, на содержании проводимого при его создании эксперимента.

В 1922 году Гинзбург публикует книгу «Ритм в архитектуре», ставшую со временем, как и появившийся через два года труд «Стиль и эпоха», всемирно известной. В книге «Ритм в архитектуре» автор задался целью описать в геометрических параметрах художественно-эстетически осмысленное состояние движения в пространстве, что позволяет рассматривать эту книгу как вводный раздел в теорию современного архитектурного формообразования, по аналогии с появившейся в то же время «Кинематикой механизмов» Н. И. Мерцалова – вводного раздела к теории машин и механизмов. Однако Гинзбург писал при этом, что машины и инженерные сооружения не могут служить методологическим эквивалентом для теории архитектурного творчества, «выразительного пространственного решения, составляющего истинный признак архитектуры». Книга «Ритм в архитектуре» служит «пластическим шарниром», коэффициентом перехода между двумя системами (научно-технической и художественно-эстетической) теоретического описания пространственного движения.

Книга «Стиль и эпоха» – о современной архитектуре, понимаемой автором в контексте своего времени как Начало формирования нового Большого стиля. В 1924 году, когда была издана книга Гинзбурга, написан классический труд Эрвина Панофски «IDEA (к истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма)». У этих работ неожиданно много общего: главным «героем» обеих работ становится понятие «прекрасное», именно вокруг него строятся теоретические концепции и научно творческие идеи авторов. Для Гинзбурга, также как и для Панофски, существенна продолжительность во времени обсуждаемой им проблемы и, как стало очевидно позднее, такой подход характерен для всего его научно-творческого пути.

Гинзбург всячески фиксирует внимание читателя и на проблематике протяженности, и на необходимости исторического напластования смыслов обсуждаемой проблемы. Отсюда стиль и эпоха. Отсюда и эпиграф из Г. Вельфлина, из его книги «Ренессанс и Барокко».

Эпиграф открывается словом «Движение...». Это было важно для Гинзбурга. Важно это и для нас. Концептуальное Движение (IDEA), зародившееся в 1920-е, со временем пришло и в 60-е годы и не исчерпало себя по наше время...

Если книга Э. Панофски формирует знание о движении понятия «прекрасное» в историческом времени, то книга Гинзбурга его проектирует для будущего. Очень важно воспринимать эти работы в неразрывности общего архитектурного знания.

История в работе Гинзбурга не ориентирована, как принято, в прошлое, а развернута в будущее. Диалог между требованиями художественной культуры и возможностями, предлагаемыми цивилизацией, в трактовке Гинзбурга стал основой конструктивистского мышления и деятельности. Гинзбург-исследователь реализовал его в полной мере в научном творчестве, обосновав переход «от атавистического понятия «стройка» к современному понятию «монтаж». Более того, уходят десятилетия на вращение нового в культуру и только затем начинает постепенно срабатывать формула Вельфлина: «Новый стиль становится фактом». Но в этой логике эпоха стиля, время его существования в самых разных интерпретациях действительно выходит за определенные хронологические рамки. Получается, когда говорим о «стиле эпохи», то мы фиксируем некую характеристику, индивидуализирующую то или иное время, делающую его особым, отличным от других. Когда же речь идет об «эпохе стиля», т.е. о времени его бытования, то рационалистически, безэмоционально (о чем говорил Гинзбург, характеризуя разность отношения самих конструктивистов к своему методу и стилю), речь должна идти буквально о математическом понятии «область определения функции».

Гинзбург подошел к формированию оснований своей концепции сложения пары «стиль – метод» современной архитектуры методологически безупречно. Подтверждение этого тезиса можно найти в самой книге.

Гинзбург назвал свою книгу «Стиль и эпоха», зашифровав, закодировав в многозначительном «и» многообразие взаимоотношений стиля и метода. Строго говоря, и по сей день нет единого мнения в истолковании того, что есть «конструктивизм» – стиль или метод? Только в наши дни становится очевиднее, что эту дилемму стоит трактовать

иначе: когда конструктивизм являет себя как стиль, а когда – как метод? Появление нового, далеко не всеми и тем более не сразу, воспринимается как проявление нового стиля. В своей проектной практике в соответствии с вновь конструируемой методологией он предпочитал работать в формируемом им авторском коллективе, максимально выявляя приемы креативного творчества, основанного на взаимодополняющем диалоге соавторов.

Параллельно с научно-педагогической работой Гинзбург много проектирует, принимает участие практически во всех крупных конкурсах, начиная с конкурса на Дворец Труда в Москве в 1922 году. И далее: конкурс на Дворец Труда в Екатеринославле, 1926 (совместно с Б. Коршуновым); Дворец Труда в Ростове-на-Дону, 1926; Дом Советов в Махачкале, 1926; Университет в Минске, 1926; Политехнический институт в Иваново-Вознесенске, 1927; Дом Правительства в Алма-Ате, 1927 (при участии И. Милиниса); Большой синтетический театр в Свердловске, 1931; Дворец Советов в Москве, 1932 (совместно с Г. Гассенпflugом и С. Лисагором); Дом Наркомтяжпрома в центре Москвы, 1934 (совместно с С. Лисагором) т.е. на протяжении всего периода становления и развития конструктивизма – вновь нарождающегося творческого метода в архитектуре, одним из лидеров которого наряду с А. Весниным он стал. В 1925 году они организовали «Объединение современных архитекторов» (ОСА), в которое вошли основные участники архитектурной группы ИХУКа, ЛЕФа, а также последователи лидеров конструктивизма из МВТУ и МИГИ. В 1926 году ОСА начал издавать журнал «Современная архитектура» (СА). Его ответственными редакторами также стали М. Гинзбург и А. Веснин. Теоретическое осмысление этого направления в основном легло на Гинзбурга. Он пишет большую часть редакционных и теоретических статей в «СА». В этот период его внимание сосредоточено на разработке функционального метода в архитектуре и осмыслении социальных проблем, в первую очередь, в связи с жилищным строительством. В 1926 году он публикует в журнале «СА» статью «Новый метод архитектурного мышления». Именно здесь архитектор предъявил теоретические основы ориентированного на будущее профессионализма: «...метод функционального творчества вместо старого дробления на отдельные независимые и, обычно, враждебные друг другу задачи приводит к единому органическому творческому процессу, где одна из задач вытекает из другой со всей логикой естественного развития. Нет ни одного элемента, ни одной части замысла архитектора, который был бы стихией. Все находит объяснение и функциональное оправдание в своей целесообразности. Целое все объединяет, все уравнивает, создает образцы высочайшей выразительности, четкости, ясности, где ничего не может быть изменено». Этот текст Гинзбурга, в частности, позволил итальянскому архитектору и ученому Гвидо Канелла озаглавить вступительную статью к составленному им (совместно с Маурицио Мериджи) дайджесту журналов СА («Современная архитектура») «Моисей Гинзбург и евроконструктивизм», в которой он аргументировано доказывает, что московский конструктивизм наравне с функционализмом Ле Корбюзье заложили основание интернационального стиля.

Реализуя «новый метод», в этом же году Гинзбург проектирует и строит совместно с В.Н. Владимировым пятиэтажный жилой дом (с общежитием на верхнем уровне) для сотрудников Госстраха на Малой Бронной улице в Москве, а год спустя, в 1927-м, в соавторстве с И.Ф. Милинисом и инженером С.Л. Прохоровым начинает работу над проектом экспериментального жилого дома для работников Наркомфина на Новинском бульваре в Москве, ставшим программным произведением конструктивизма и, шире – архитектуры московского авангарда, со временем – памятником историко-культурного наследия мирового значения. По сей день трудная судьба уни-

кального Дома была «запрограммирована» много ранее. В стратегию Генерального плана реконструкции Москвы 1935 года Дом не вписывался. Эксперимент, связанный с его появлением, видимо, к этому времени считался уже завершённым. «Дом переходного типа» исчерпал, по мнению составителей Генплана, свое назначение и должен был в соответствии с новой концепцией жизнестроительства уступить место другой застройке – поквартальной. К счастью, эти планы не реализовались и мы пока не лишились этого памятника архитектуры XX века.

На первой выставке современной архитектуры в Москве (1927) Гинзбург представил проект коммунального дома. В дальнейшем он имел возможность осуществлять эксперименты в области массового жилищного строительства в государственных учреждениях. В 1928 году была организована секция типизации при Стройкоме РСФСР, где Гинзбургом сформирована концепция перехода от дома-коммуны к коммунальному дому, в котором сочетается поквартирное заселение с развитым общественным обслуживанием. В 1929 году при Госплане СССР на основе творческой группы, перешедшей из Стройкома, создана секция социалистического расселения. Здесь новые подходы к проектированию жилья формировались неразрывно с градостроительной проблематикой и в полной мере реализовались идеи дезурбанизма и линейной системы расселения, активно развиваемые Гинзбургом в эти годы.

В 1931 году научно-проектная мастерская Гинзбурга в полном составе переходит на работу в Гипрогор (Государственный институт проектирования городов). Не пригласили только экономиста М. Охитовича, одного из ведущих соавторов концепции дезурбанизма, разрабатываемой под руководством Гинзбурга. Отдел, в котором продолжалась начатая ранее работа, назвали «Секция сборного строительства и планировки». Этим названием удалось подчеркнуть, с одной стороны, программируемую неразрывность градостроительных и объемно-планировочных проблем застройки, а, с другой – именно здесь начинается длинный и тернистый путь к массовому, заводскому (сборному) домостроению. Уместно вспомнить, что Н.А. Ладовский к этому времени (с 1928 года) возглавлял выделяющуюся из АСНОВы АРУ (объединение архитекторов-урбанистов) и ему принадлежит концепция планировочной схемы динамического города и неотъемлемая его часть – авторское свидетельство на жилище из сборного железобетона с объемными жилыми ячейками-кабинами. Эта работа Н.А. Ладовского по своему комплексному содержанию вполне соответствует плану «секции сборного строительства и планировки» Гипрогора под руководством М. Гинзбурга.

В 1934 году выходит книга Гинзбурга «Жилище», в которой обобщен как теоретический, так и практический опыт проектирования и строительства жилья и жилых районов. Особое внимание уделено домам переходного типа и экспериментам в сфере массового жилищного строительства. В 1943–1944 годы в Академии архитектуры СССР Гинзбург возобновил эту работу и создал бюро типизации для разработки принципов послевоенного массового жилищного строительства.

Значительный путь «поиска и эксперимента» характеризует все проектное творчество Гинзбурга. При этом новые типы зданий различного назначения были предметом постоянного научно-творческого интереса. Наиболее полно это проявилось в санаторно-курортном строительстве, начиная с проекта Института инвалидов в Москве (1931), до курортного района на южном берегу Крыма (1932–1937), санатория им. С. Орджоникидзе в Кисловодске (1935–1937) и других. Все они трактовались Гинзбургом многофункциональными объектами, создаваемыми как самодостаточный «город в городе», обеспечивающий высокий уровень проживания. Функциональный метод проектирования он разрабатывал, со-

вершенствовал и углублял в течение многих лет. В конце 1930-х – начале 1940-х годов он вновь посвятил этой проблематике несколько работ, оставшихся по сей день в рукописях, опираясь, как и ранее, на методологическую универсальность понятия «функция», которую он вынес из ранних работ Э. Кассирера (в частности, «Познание и действительность», написанной в 1910 году и уже в 1912 опубликованной в русском переводе).

Сосредоточенное внимание на проблемах конструирования проектного метода в архитектуре, методологическая зрелость его исследовательского, системно-организованного по своей природе подхода к монтажному творчеству, сближает профессиональное мышление и деятельность М.Я. Гинзбурга с «жизнью и судьбой» С.М. Эйзенштейна в кинематографе. Их научно-творческое наследие, дополняя друг друга, наиболее полно передает ощущение современности в отпущенное им время.

С. О. Хан-Магомедов, осозная это, первую статью о мастерах архитектуры авангарда посвятил именно наследию М.Я. Гинзбурга (1962), и спустя 10 лет вышла его монография об этом же Мастере (1972), открывшая многолетний опыт издания монографий о лидерах и пионерах отечественного архитектурного авангарда.

Экспериментальный жилой дом на Новинском бульваре в Москве: содержание эксперимента

Экспериментальный жилой дом на Новинском бульваре архитекторов М. Гинзбурга и И. Милиниса, инженера С. Прохорова – вплоть до наших дней один из основных объектов многочисленных обсуждений и дискуссий. Буквально в наше время вновь обострилось обсуждение того, кто и как будет восстанавливать дом – памятник истории архитектуры Новейшего времени мирового масштаба. Подтверждением незатухающего интереса к судьбе дома может служить совсем недавно изданная Техасским университетом коллективная монография о нем [11]. Более того, «жизнь и судьба» дома, как правило, воспринимаются расширительно, поскольку с ним, в первую очередь, связывается осмысление появившихся в 1920-е годы основных понятий «нового мышления в архитектуре» (М. Гинзбург).

Именно в это время появились термины: «экспериментальное», «монтаж» (пора заменить атавистическое понятие «стройка» на современное понятие «монтаж», по выражению М. Я. Гинзбурга в начале 1930-х годов), разные ритмы и сроки физического и морального износа несущих и несомых архитектурно-строительных систем и их составляющих.

Действительно важно понять сегодня, какими именно были гуманитарные представления о содержании архитектурно-строительной деятельности в эпоху авангарда: что значили для мастеров того времени понятия «Новое», «эксперимент», «монтажная культура», «функция и форма», «время – место – пространство», «радикально изменившиеся социально-экономические условия», «жизнестроение» и т. д. Понимание новых ценностей архитектурного мышления, сформированных в ту эпоху, позволит значительно глубже выявить подлинные ценности архитектурного наследия и, как следствие, передать их общеисторическому знанию [12].

Разговор о Доме в наши дни принято начинать с того, что он находится в ужасном эксплуатационном состоянии. Это, к сожалению, верно. Потом принято уточнять, что в Доме разноуровневые и маленькие по площади квартиры (ячейки от F1 до F5). И это справедливо. Затем уточняют, что в доме не предусмотрены кухни, и вообще он рассчитан на малопонятный, далекий от реальности образ жизни «людей из будущего». А вот здесь, на мой взгляд, не стоит торопиться с выводами.

Дом Наркомфина задумывался и реализовался как экспериментальный [13]. Что строить, как строить, соотносаясь с минимальными возможностями своего времени? Авторам необходимо было понять, можно ли

организовать уклад жизни, отвечающий новым социальным условиям, т. е. совместить в едином объемно-пространственном целом личные интересы и общественные условия обслуживания жителей дома?

Есть у нас возможность сегодня судить о результатах такого эксперимента? Только гипотетически, рассматривая его в современном для нас контексте городской жизни в столичном мегаполисе, а на практике – нет, поскольку экспериментальное содержание в поисках современного уклада жизни в доме давно утрачено. Сегодня, строго говоря, в доме Наркомфина жить вообще нельзя. Но вряд ли можно жить в любом доме, а не только в экспериментальном, если его практически 80 лет серьезно не ремонтировали, общественный корпус давно не функционирует, а все то, что соответствует полноценному качеству жизни и располагается в наших квартирах (кухня, ванна, лифт, отопление), регулярно отключается. И жить в доме приходится не по гордому желанию повседневному пребыванию в ауре уникальной архитектуры, а зачастую от безысходности и невозможности сменить «среду обитания».

Эксперимент в доме на Новинском бульваре предполагал множество достаточно очевидных (для профессионального архитектора уже в те годы) допущений – авторы искали приемы организации минимально необходимого для повседневной жизни пространства. Но дом был ведомственный, и авторы ориентировались в основном на компактную семью служащих в Наркомате финансов. Меняется состав семьи – корректируется образ жизни, можно сменить жилье. Нам трудно понять такое допущение по сей день, поскольку рынок жилья до сих пор полноценно не сформирован.

Как мы можем углубиться в суть эксперимента в укладе повседневной жизни в Доме, если не функционируют ни общественный корпус, ни прачечная, а сад перед домом?.. Умолчим о саде, хотя стоит вспомнить, что школьниками мы играли здесь в футбол. Несколько моих одноклассников жили в этом доме. Жили они, кстати, в отдельных квартирах, что такое печи для отопления дровами и углем, они знали, только побывав в гостях у тех, кто жил в «коммуналках». В те годы от того, что кухни маленькие, интеллигентные жители дома страдали больше, чем в более близкое нам время. «Кухонный уклад» совмещения интересов личной и общественной жизни в середине прошлого века был весьма распространен в нашей стране. Сегодня в повседневном быту возможность посетить кафе и провести время «на людях» стала настолько общепринятой, что общественный корпус дома мог бы обрести в полной мере «второе дыхание» и помог бы вернуться и в наши дни к полноценному прочтению сути эксперимента в двадцатые годы.

Обретение полноценного знания о творческом замысле, градостроительном размещении жилого комплекса, объемно-пространственном и конструктивном решении Дома имеет значение не только как вклад в историческую науку, но и как документированное основание для формирования предмета охраны памятника, создания аргументированного проекта его реставрации.

Обратимся к архивным документам.

Размещение дома Коммуны для сотрудников НКФ РСФСР и Росгостраха на выделенном под его строительство участке во владениях № 113–115 по Новинскому бульвару [14]. Вторым апреля 1929 года датировано письмо на имя Министра Н.А. Милютинина о том, что распоряжением зам. председателя Моссовета передан под постройку Дома коммуны согласованный ранее участок.

Двадцать третьего мая датировано письмо в Московское управление Строительного Контроля, подписанное М. Я. Гинзбургом, но не как автором, а как членом Строительной комиссии РСФСР. В письме содержится несколько определений и характеристик проекта. Проект в первом его предъявлении называется «Проект опыт-

но-показательного коммунального дома» и «составлен на основе проделанной Стройкомом РСФСР работы по типизации жилья». Далее в документе зафиксировано, что дом состоит из отдельных корпусов:

«а) собственно жилье

б) коммунальный центр (столовая, зал физкультуры, читальня и др.)

в) ясли и детские помещения

г) служебный корпус (прачечная, сушильня и др.)».

Затем автор фиксирует внимание Управления контроля на тех аспектах проектного решения, которые приводят к экономии средств. Гинзбург объясняет коридорную (галерейную) структуру Дома необходимостью объединить жилой и общественный корпуса «горизонтальными связями». В нижнем уровне компоуются 2-этажные квартиры, «в нижней части которых прорезан коридор, а верхний ряд, – как написано в письме, – небольшие полуторно-комнатные квартиры, в которых один коридор приходится на 2 этажа, что позволяет при 50 квартирах обойтись лишь двумя лестничными клетками».

Далее Гинзбург объясняет ставший классической «визитной карточкой» конструктивизма прием, при котором жилой корпус на Новинском бульваре поднят на 2,5 метра над землей «на отдельных столбах», неровностями на участке и перепадами высот. «Обычно в подобных случаях, – пишет он в письме, – приходится делать протяженный цоколь. Принятое решение является значительно более экономичным и кроме того сохраняет нетронутой площадь парка» [15].

В архиве сохранились несколько генеральных планов участка, отражающих процесс проектирования и строительства жилого дома Нарокфина. Один из первых – генплан фрагмента квартала с обозначением границ землеотвода, датированный июнем 1929 года. Е. Г. Никулина, руководитель Мастерской № 20 историко-градостроительных исследований Моспроекта-1 им. М. В. Посохина, опубликовала материалы исследования поэтапной реконструкции формирования генплана участка под застройку Дома. «Под размещение комплекса отводилась территория двух городских усадеб с обширными садами, парадная застройка которых выходила на Новинский бульвар, – пишет она в одной из статей. И далее: «В какой-то степени можно сказать, что новый комплекс был преемственен московской городской усадьбе с ее композиционно и функционально целостным миром, где сад – неотъемлемая часть жизненного уклада. Основной объем жилого дома автор расположил на территории усадебных садов» [16].

На генплане видно, что прачечная (также поднятая на столбах над землей) расположена по красной линии застройки вдоль Новинского бульвара, поскольку здесь формируется «центральный вход» на территорию дома-коммуны. Через сад по диагональной дорожке можно было пройти к общественному корпусу, а напрямую – попадали к жилому корпусу и под ним далее – на смотровую площадку, уместную здесь в связи со значительным перепадом высот на участке застройке и расположенными рядом прудами, позднее ставшими стадионом «Метрострой». Но уже в середине 1929 года у заказчика и авторов проекта начались трудности с определением границ участка под застройку и утверждением разрешительной документации, позволяющей начинать строительные работы. Как свидетельствуют архивные документы, заказчик принял решение начать строительство, не имея на то согласований. Первым августа 1929 года датируется письмо в Хамовническую административную комиссию с требованием наложить штраф на инженера Сергея Львовича Прохорова за производство работ «без разрешения». Позднее еще несколько раз предлагалось прораба Прохорова привлечь к уголовной ответственности, а строительство остановить. Но заказчик и автор торопились как можно скорее завершить строительство

в границах изначально отведенного под него участка и к тому времени, когда разрешительные документы были готовы, дом-коммуна был практически возведен (за исключением детского сада).

Поскольку ситуация на участке строительства дома существенно изменилась, Гинзбург, стараясь сохранить первоначальную территорию застройки, предлагал рассматривать уже возведенные объемы как первую очередь строительства и разработать новое объемно-композиционное решение дома-коммуны, включив в него второй жилой корпус, общежитие и гараж. Однако, это проектное предложение не было принято и на спорном месте вскоре появилось другое жилое здание, никак не увязанное с концепцией дома.

Конструктивное решение экспериментального дома-коммуны. Конструктивное решение Дома было разработано инженером-технологом С.Л. Прохоровым – крупным специалистом и организатором строительного производства, который взял на себя и обязанности прораба по возведению комплекса на Новинском бульваре, поскольку здесь имел возможность использовать в реальном строительстве изобретенные им пустотелые блоки [17, с. 101–103]. По сути, совместная работа архитектора М. Гинзбурга и инженера С. Прохорова по проектированию и возведению дома – это анализ практического приложения и проектной интерпретации постулата Гинзбурга: «Пора заменить атавистическое понятие «стройка» на современное – «монтаж».

Расслоение строительного производства на построечные и заводские процессы – это, в конечном итоге, не столько вопросы технологии, сколько проблема системно-организационная. Структурирование пространства и проблемы формирования универсального пространства как диалога между не столько двумя принципами технологии, сколько культурными закономерностями и цивилизационными возможностями, так, как они виделись из середины 20-х годов прошлого века. В конструктивном решении дома на Новинском бульваре этот диалог внешне не предьявлен, но от этого он не менее значим. Разведение функций: каркас – бетонная колонна и заполнение – пустотелые блоки, которые Прохоров изобрел для этого экспериментального дома. Смысл пустот в блоках, предложенных по проекту, и которые так смущают при обследовании физического состояния дома, достаточно многофункционален: во-первых, они могут служить каналами для вытяжек; во-вторых, также предполагалось, что металлические газовые трубы будут располагаться в каналах, образованных при монтаже блоков. Но сделать это не разрешили пожарники. Боялись поврежденный металл и утечки газа. Предполагалась возможность заливки пустот между металлической трубой и отверстием в коробе жидким раствором. Фрагментарно этот прием удалось реализовать. Но на сегодня не это главное... Часть пустот залита плотным бетоном, что «по факту» резко повышает несущую способность и устойчивость дома. Поскольку полости в стене укрепляются, то работает вся стена, а не только «спрятанная» в ней колонна, благодаря чему получается практически полноценная стена жесткости.

И это только одно из возможных «дополнительных» слагаемых «инженерного» аспекта предмета охраны и содержательных оснований для составления проекта реставрации дома.

Теплые улицы-галереи в доме на Новинском бульваре. Гинзбург объяснял контролирующим организациям появление коридоров-галерей в основном экономическими соображениями. Но в неменьшей мере для него было актуально создание теплых улиц-галерей, существенно повышающих качество повседневной жизни в доме, особенно если вспомнить, что детский сад построить не удалось. Галереи зимой становились теплыми улицами – предпочтительным местом пребывания детей. Но это – внешняя сторона проблемы. Не менее существенно еще

одно обстоятельство, на котором нельзя не остановиться здесь. Речь идет о том, что дом Наркомфина лишается радиаторов отопления, которые в 1920–1930-х годах были не просто отопительными приборами, а знаком своего времени – мерилом уровня цивилизованности и качества городской жизни в Москве. Для подтверждения сошлюсь на работу великого философа XX века Людвиг Витгенштейна – основоположника современной аналитической философии. В нашей стране внимание к ней, т. е. к тексту «логики-философского трактата» (1914–1916 годы), в котором излагались основы аналитической философии, было достаточно многогранно. Сошлюсь на опыт аналитической живописи П. Н. Филонова в 1910–1920-е годы [18]. Но я не собираюсь здесь говорить о философии Витгенштейна, а хотел бы обратить внимание на то, что в том же 1928 году, когда начиналась работа над проектом дома, уже будучи авторитетным и популярным философом, он запроектировал и заказал на заводе угловой радиатор для нового дома своей сестры. (По первому образованию он был инженером.) Одна существенно важная деталь – автора батареи отопления не устроило качество радиатора, изготовленного на заводе в Австрии, и он заказал новую версию изделия на одном из заводов в Германии.

К сожалению, многие радиаторы в доме на Новинском утрачены безвозвратно, поскольку уже нет большинства квартир, где они располагались, в том числе в квартире Милутиных, мастерской Гинзбурга и др. Кроме того, радиаторы в галереях – теплых улицах также срезаны. Но некоторые еще сохранились, правда, вряд ли смогут участвовать во вновь создаваемой по проекту реставрации системе отопления как технологические приборы, но, несмотря на это, на мой взгляд, их необходимо сохранить как одну из ярких характеристик, примет своего времени.

Формируя «предмет охраны» выдающегося памятника архитектуры и работая над проектом его реставрации, необходимо учитывать не только внешне очевидные реалии застройки и устройства дома, но и гуманитарные основания диалога требований культуры и возможностей цивилизации, который столь многогранно и емко реализован при возведении экспериментального жилого дома Наркомфина на Новинском бульваре в Москве.

Литература

1. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. – М.: Прогресс, 1986. – С. 285–295.
2. Земпер Г. Стиль в технических и тектонических искусствах, или Практическая эстетика / пер. В. Г. Калиша. – М.: Искусство, 1970. – 320 с.
3. Архитектоника: пропедевтика и пролегомены (приглашение к диалогу) // Эстетика архитектуры и дизайна: материалы Всерос. науч.-практ. конференции (4–6 октября 2010 г.): сб. статей. – М.: Архитектура-С, 2010. – С. 50–58.
4. Флоренский П. А. Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии. – М.: Поморье, 1922. – 96 с.
5. Гершензон М. О. История Молодой России. – М.; Петроград: Гос. соц-эконом. изд-во, 1923. – 318 с.
6. Карпи Г. Достоевский – экономист. Очерки по социологии литературы. – М.: Фаланстер, 2012.
7. Малигина Н. М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения». – М.: ТЕИС, 2005. – 334 с.
8. Богданов А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2 кн. – М.: Экономика, 1989.
9. Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. – М.: Издание С. Дороватовского и А. Чарушниковой, 1911. – 94 с.
10. Гершензон М. О. Тройственный союз совершенства. – М.: Издатель Кушнерёв, 1918.
11. Narkomfin. Moisei J. Ginzburg, Ignatii F. Milinis. O Neil Ford Monograph: V. 6 – Texas: The University of Texas of Austin; Centre for American Architecture and Design. – 2015.
12. Хан-Магомедов С. О. 27 приоритетов советского архитектурного авангарда // Русский авангард 1910–1920-х годов в европейском контексте. – М.: Наука, 2000. – С. 216–220.
13. Седов В. Дом Наркомфина: эссе о значении одной постройки. – М., 2008.
14. ЦАНТД. Ф. 2, оп. 1, т. 11, д. 10024.
15. ЦАНТД. Ф. 2, оп. 1, т. 11, д. 10024, л. 6.
16. Никулина Е. Г. Дом Наркомфина на Новинском (1928 г. Архитекторы М. Гинзбург, И. Милинис). Реализованное и нереализованное // Городская ткань: архитектура и время. – М., 2011. – С. 150–156.
17. Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. – М., 2009. – С. 101–103, 190, 410–417.
18. Волчок Ю. П. Перспективы сохранения в XXI веке историко-культурного наследия советского времени // Архитектура изменяющейся России: состояние и перспективы. – М.: КомКнига, 2011. – С. 288–322.

References

- Arkhitektonika: propedevtika i prolegomeny (priglasenie k dialogu) [Architectonics: propaedeutics and prolegomena (call for dialogue)]. (2010, October 4-6). Estetika arkhitektury i disaina. Proceedings from the All-Russian research and practice conference. Moscow: Arkhitektura-C.
- Bogdanov, A. A. (1911). Kulturnye zadachi nashego vremeni [Cultural tasks of our times]. Moscow: Izdanie S. Dorovatovskogo i A. Charushnikova.
- Bogdanov, A. A. (1989). Tektologiya (Vseobschaya organizatsionnaya nauka) [Tectology (A general organizational science)]. In 2 books. Moscow: Ekonomika.
- Central Archives of Scientific and Technical Documentation (TsANTD), fond 2, inventory 1, vol. 11, file 10024.
- Florensky, P. A. (1922). Mnimosti v geometrii. Rasshirenije oblasti dvukhmernykh obrazov geometrii [Ostensibilities in Geometry. Enlarging the region of two-dimensional images in Geometry]. Moscow: Pomorie.
- Garin, E. (1986). Problemy italianskogo Vozrozhdeniya [Italian Renaissance problems]. Moscow: Progress.
- Gershenson, M. O. (1918). Troistvennyi soyuz sovershenstva [The triple alliance of perfection]. Moscow: Izdatel' Kushnerov.
- Gershenson, M. O. (1923). Istoria Molodoi Rossii [The History of Young Russia]. Moscow, Petrograd: Gos. sots-ekonom. izd-vo.
- Karpi, G. (2012). Dostoevsky – economist. Ocherki po sotsiologii literatury [Dostoevsky is an economist. Outline of sociology of literature]. Moscow: Falanster.
- Kazus', I. A. (2009). Sovetskaya arkhitektura 1920-kh godov: organizatsiya proektirovaniya [Soviet architecture of the 1920s: design management]. Moscow.
- Khan-Magomedov, S. O. (2000). 27 prioritetrov sovetskogo arkhitekturnogo avangarda [27 priorities of the Soviet architectural avant-garde]. Russkii avangard 1910-1920s godov v evropeiskom kontekste, 216-220. Moscow: Nauka.
- Malygina, N. M. (2005). Andrei Platonov: poetika "vozvrashcheniya" [Andrei Platonov: poetics of 'return']. Moscow: TEIS.
- Narkomfin. Moisei J. Ginzburg, Ignatii F. Milinis. (2015). O Neil Ford Monograph (V. 6). Texas: The University of Texas of Austin; Centre for American Architecture and Design.
- Nikulina, E. G. (2011). Dom Narkomfina na Novinskom (1928 g. Arkhitektory M. Ginzburg, I. Milinis). Realizovannoe i nerealizovannoe [Narkomfin house on Novinsky (1928. Architects M. Ginzburg, I. Milinis). Realized and unrealized]. Gorodskaya tkan': arkhitektura i vremya. Moscow, 150-156
- Sedov, V. (2008). Dom Narkomfina: esse o znachenii odnoi postroiki [Narkomfin house: an essay on the importance of one building]. Moscow.
- Semper, G. (1970). Stil' v tekhnicheskikh i tektonicheskikh iskusstvakh, ili Prakticheskaya estetika [Style in the technical and tectonic arts; or, Practical aesthetics]. (V. G. Kalish, Trans.). Moscow: Iskusstvo.
- TsANTD, fond 2, inventory 1, vol. 11, file 10024, fol. 6.
- Volchok, Yu. P. (2011). Perspektivy sokhraneniya v XXI veke istoriko-kulturnogo naslediya sovetskogo vremeni [Future preservation of the Soviet historical and cultural heritage in the XXIst century]. Arkhitektura izmenyayuscheysya Rossii: sostoyanie i perspektivy. Moscow: KomKniga, 288-322.

Одной из задач совмещения исторической и теоретической проблематики архитектуроведения на современном этапе вращая архитектурного мышления в пространство нелинейного миропонимания становится возрождение понятия «изящное». По сложившейся в научной практике логике принято считать, что в середине XX века происходил разрыв с ренессансной традицией. Важно восстановить реальную картину диалога этой традиции и направленных в будущее творческих устремлений в середине XX века в нашей стране.

Ключевые слова: триада изящного: архитектура – скульптура – живопись; внутреннее строение, восприятие внешнего, архитектурная форма, целостность, архитектоника большого времени, архитектура Новейшего времени, ренессансная традиция, архитектурное творчество. /

The revival of the notion of "the fine" has become one of the tasks in the framework of matching historical and theoretical issues related to architectural criticism at the present stage of architectonic thinking integration into the space of a non-linear world perception. 1954 - 1958. These years are a significant landmark in the history of Russian architecture of the Recent Time. There is the established scientific concept that these very years saw the break with the Renaissance tradition. It is really important to restore the real contents of the dialogue between the said tradition and creative aspirations addressing the future which existed in the middle of the 20th century in our country.

Keywords: fine triad: architecture - sculpture - painting; internal structure; perception of the exterior; architectural form; integrity; Grand-Time Architectonics; Recent-time architecture; Renaissance tradition; architectonic creativity.

Стремление к совершенству в обретении Нового Возрождение понятия «изящное» для осмысления диалога художественного образа и интеллектуальной идеи в современной архитектурной форме /

текст

Юрий Волчок /
text
Yuri Volchok

В чем видится потребность вновь вывести на авансцену архитектуроведения и шире – гуманитарно сосредоточенного знания – понятие «изящное»? По моему мнению, оно не только позволяет зафиксировать внимание на внутреннем устройстве (строении) всякого произвольно взятого целого, порождаемого в диалоге художественного образа и интеллектуальной идеи, но и служит импульсом для углубленного его восприятия, объемлющего визуальный анализ и реальное знание о произведении. Особенно, если возвратиться к пониманию сути изящного по А. Пуанкаре. Пуанкаре, в частности, пишет: «Впечатление изящного может быть вызвано неожиданностью сближения таких вещей, которые мы не привыкли сближать; и в этом случае изящность плодотворна, ибо благодаря ей обнажаются родственные отношения, которые мы не замечали до тех пор; она плодотворна и в том случае, если она обусловливается единственно контрастом между простотой средств и сложностью проблемы...» [1, с. 25].

Сегодня это существенно важно: в фокусе осмысливающего произведение внимания оказываются его индивидуальные характеристики, интегрируемые в архитектурной форме. Именно она (архитектурная форма) все более обретает самоценность и выходит на первый план многослойного анализа архитектуры. Стилистические и типологические обобщения отступают в тень, размываются в периферийном восприятии ценностных достоинств видимых результатов архитектурного творчества, нацеленных в основном на интеллектуальные усилия в обретении Нового. (Новое – с большой буквы, чтобы акцентировать внимание на том, что это всеобщее новое. Новое как результат стремления к совершенству.) Здесь необходимо подробнее обосновать свою мотивацию разговора о всеобщем Новом, поскольку в реальности архитектурная профессия в нашей стране существует в условиях «догоняющего развития». Несомненно это откладывает свой отпечаток на осмысление разнообразия того содержания, которое реализуется в понятии «Новое».

Коль скоро мы не утратили еще окончательно стремление вырваться из «объятий» вторичности, то закономерно возникает потребность по-иному, созвучно разговору о Новом интерпретировать содержание понятия «стрем-

ление». И здесь нет необходимости сочинять «Новое». У нас есть фундамент, на который можно опереться, если вернуться к истинному смыслу понятия «супрематизм» в трактовке К. С. Малевича. Для него, по моему убеждению, супрематическая архитектура – это не стилевое обозначение одного из направлений в архитектуре, а фиксация стремления к совершенству – «возведение в предел» авторских поисков в формообразовании, способных привести к обретению подлинно Нового в архитектурном творчестве [2].

Ощущение, возникающее при первом же знакомстве с произведением архитектуры, закономерно вызывает потребность углубиться в осмысление его внутреннего устройства в поисках аргументации для возможности оценить творческое решение как подлинно (а порой и восхищенно) «изящное». При этом приходит в очередной раз осознание того, что большой мастер-архитектор всегда «ткач» [3]. Он формирует художественно предьявляемое целое архитектурной ткани изнутри ее «полотна»: узлы, закрепляющие нити в процессе «ткачества» архитектурной формы, вяжутся изнутри строения. Они не видимы постороннему взгляду, но узнавание закономерностей их устройства раскрывает в полной мере художественный образ произведения и его интеллектуальную идею, которые объединены диалогом архитектурного осмысления формы.

1954–1958 годы. Для истории отечественной архитектуры Новейшего времени это знаковые годы. На них приходится перелом в осмыслении направленности архитектурного творчества. По привычно сложившейся научной традиции изменения в содержании профессиональной деятельности в этот период связаны с отказом от ценностей, в первую очередь ренессансного классического наследия. Принято считать, что именно в это время происходил разрыв с исторически сложившимися закономерностями в архитектуре и обострился интерес к обретению Нового.

Сегодня, спустя практически шесть десятилетий, стоя у порога вновь формирующегося тотального недовольства содержанием и художественными результатами в текущей отечественной архитектуре, важно более внимательно реконструировать картину полноценного диалога ренес-

Commitment to Excellence in the New. Revival of the Notion of "the Fine" for Comprehension of the Dialogue between Artistic Image and Intellectual Idea in a Modern Architectural Form

санной традиции и направленных в будущее профессиональных устремлений.

Фундаментальное исследование В. Н. Лазарева о началах итальянского Возрождения [4, 5] стало для нашей работы источником для осмысления того, каким мог быть этот диалог в архитектурном творчестве в первой половине пятидесятих годов. Впрочем, почему мог быть? Он и стал таковым, правда, в единичном случае – в творчестве И. В. Жолтовского и в эти годы. К тому же стоит заметить, что центральное для этой статьи событие – конкурс на фасады крупнопанельных жилых домов, в котором среди других принимала участие мастерская Жолтовского, состоялся в 1953 году и практически совпал по времени с выходом в свет первого тома капитальной работы Лазарева, при этом несколько опережая его по времени. На это стоит обратить внимание: Жолтовский и не мог быть знаком с этим трудом, размышляя над конкурсными проектом. Более того, интересующая нас в этом тексте работа В. Н. Лазарева опубликована в первой книге третьего тома «Начало раннего Возрождения в итальянском искусстве» в 1979 году [6]. Автор рассматривал этот труд как развитие того исследования, которое было опубликовано во второй половине 1950-х годов. Здесь важно зафиксировать концептуальную и методологическую последовательность авторской позиции. Мирвосприятие и понимание мироустройства эпохи Возрождения за прошедшие, как пишет автор, шестнадцать лет до подготовки рукописи третьего тома не изменились, хотя временные рамки исследовательского интереса были расширены. Тем ценнее многочисленные совпадения в понимании и трактовке ценностей ренессансного мировосприятия у обоих мастеров (архитектора и историка искусства и архитектуры).

В. Н. Лазарев фиксирует внимание читателя на том, что «в представлении более поздних поколений итальянских писателей существенные сдвиги в искусстве раннего XV века были вызваны тем, что художники начали работать в «античной манере» (all'antica). В действительности же в самой ранней фазе развития прямые заимствования из античного искусства играли весьма скромную роль, особенно в сравнении с проторенессансными пережитками» [6, с. 100].

Это одно из многочисленных наблюдений В. Н. Лазарева над эпохой начала Раннего Возрождения в Италии, которые могут быть созвучны истории отечественной архитектуры в XX веке. Так, в частности, взаимоотношения ренессансной традиции и наследия авангарда в тридцатые годы были также существенно сложнее, нежели представление о том, что один пласт архитектурного профессионализма заместился другим.

Здесь необходимо зафиксировать едва ли не решающую трансформацию в последовательности предъявления изящных искусств, которую предлагает и в полной мере реализует в своей работе В. Н. Лазарев: архитектура, скульптура, живопись, т. е. в последовательности, обратной традиционному привычной. Уместно вспомнить, что одну из своих статей хорошо известный в нашей стране итальянский исследователь культуры эпохи Возрождения Эдженио Гарэн опубликовал в 1967 году и назвал ее «Изящные искусства: архитектура, скульптура, живопись». Она вошла в переведенную на русский язык в 1986 году книгу Э. Гарэна [7].

Лазарев связывает фундаментальные завоевания итальянской архитектуры в XV веке с именем Филиппо Брунеллески и самым тщательным образом анализирует его многогранное наследие.

Сегодня вращение ренессансного мировосприятия в отечественный опыт архитектурного творчества XX века также уместно начать с Брунеллески и конкретнее с его работы по созданию церкви Сан-Лоренцо во Флоренции (1424–1476). Исторически сложилось так, что фасад церкви остался недекорированным, и благодаря этому удается переключить внимание на обсуждение проблемы целостности архитектурного решения, исключая разговор о декорировании фасада. Это существенное обстоятельство, так как отечественный опыт осмысления и применения возможностей ренессансной традиции концентрируется в основном на фасадной поверхности.

Сегодня вновь логика оптимизации форматворческих решений приводит к расслоению творческих поисков на художественное решение фасадов и универсальное технологическое строение архитектурного тела. И, как следствие, диалог требований культуры и возможностей, предоставляемых цивилизацией, замещается автономией

^ Ф. Брунеллески.
Базилика Сан-Лоренцо во Флоренции. Центральный неф. 1424–1446

^ Ф. Брунеллески.
Базилика Сан-Лоренцо во Флоренции. 1424–1446.

творческих усилий, направленных на поиски внешнего вида сооружения, не проявляя при этом особого интереса к устройству его объемно-пространственной структуры. В наши дни ситуация повторяется, пусть и зеркально по отношению к 1950-м годам. Тем более очень важно полноценно осознать ренессансную традицию в архитектуре, понимая при этом, что и в XV веке не удавалось в полной мере «ухватить» то, как думал, реализуясь в творчестве, мастер такого масштаба, как Брунеллески.

К. В. Сергеев книгу о деконструкции идеала креативности удачно назвал «Приближение к Леонардо» [8]. Разговор о Брунеллески, тем более что о нем также идет речь в этой книге, можно зафиксировать в границах приближения и к этому мастеру в данной статье – «приближаясь к Брунеллески».

Лазарев пишет о трудностях приобщения к новому подходу и распространению его: «Архитектурные формы Брунеллески широким потоком растекались по всей Италии, способствуя изживанию готики. К сожалению, в большинстве областей они были восприняты без должного понимания, как простые составные элементы новой архитектуры *all'antica*. Тем самым сущность искусства Брунеллески от многих зодчих ускользнула...» [6, с. 212]. Когда читаешь работу Лазарева, складывается ощущение, что он, занимаясь историей и будучи досконально глубоко погружен в осмысление нюансов нового знания об исследуемой эпохе, остается современником и для своего времени. Трудно отказаться от этой мысли, читая дальше: «Теперь, когда у нас есть возможность более объективно взглянуть на исторический процесс, архитектура Брунеллески полностью сохраняет свою безотносительную ценность – и как первое новое слово, и как отмеченная печатью высокого художественного совершенства, и как проникнутая духом «гражданственного гуманизма», и как по-весеннему свежая, открытая и радостная» [6, с. 214]. Создается ощущение, что В. Н. Лазарев сохраняет приверженность теплым настроениям в отечественной культуре после 1953 года. К этому разговору примыкает еще одно место в книге, сближающее сложившуюся ситуацию в формировании начала ренессансной традиции с ее прочтением спустя пять веков. Лазарев пишет о том, что «Филиппо пошел гораздо дальше гуманистов. Если многие из них увлеклись голый формой, придавая ей преувеличенное значение, то Брунеллески, творчески используя античное и проторенессансное наследие, сумел на языке искусства, на языке архитектуры воплотить сущность нового...» [6, с. 214] (здесь и далее выделено мною. – Ю. В.).

Увлечение «голой формой», пролонгированное во времени, было понятно Лазареву. Он знал многогранную суть этой проблемы не только благодаря, в частности, работам Г. Вёльфлина, но и по разнообразным творческим поискам авангардистов первых десятилетий XX века, как отечественных, так и зарубежных. Ощущение движения времени добавило определенности в формулу вновь обретаемого в эпоху Раннего Возрождения наследия – наследия, которое сформировало новое понимание содержания архитектуры не только в свое время, но и на века вперед.

Лазарев на протяжении всего исследования употребляет двучленную конструкцию – античное и проторенессансное наследие в неразрывном обобщении. В этой формуле понятие об античном наследии фиксирует ее культурологически полноценное наполнение, а «проторенессансное» наследие объемлет все то, что дала цивилизация к своему времени, будь то начало XV века, либо время на пять веков позднее. Полноценность этой второй составляющей двучленной формулы ренессансной традиции определяется ее динамикой, адекватной логике развития цивилизации в движении времени. Такое

понимание ренессансной традиции позволяет всякий раз уточнять ее содержательное наполнение.

Лазаревскую «формулу» становления Ренессанса подтверждает еще один фрагмент из текста нашего источника: «Для флорентийцев Брунеллески был не только великим зодчим, но и кладезем знаний. Вся его деятельность основывалась на глубоком проникновении в законы математики, геометрии, механики, статики. Его интересовали реальнейшие проблемы...» [6, с. 202].

И буквально современному нам архитектору, живущему в предвкушении скорого нелинейного ренессанса в понимании сути архитектуры, адресовано продолжение этого умозаключения историка, причем опубликованное тридцать пять лет назад: «Так Брунеллески, воздвигая одно прекрасное здание за другим, сумел обеспечить художнику уважение общества, добиться того, что архитектор занял место рядом с писателем и гуманистом, прервавшись из средневекового «мастера» в художника, чьи творения даровали ему бессмертие. И добился этого Брунеллески не только своими постройками, но и своими глубокими познаниями в области точных наук, намного превосходившими объективностью и конкретностью совокупность знаний даже у самого квалифицированного средневекового зодчего» [6, с. 202].

Историк искусства В. Н. Лазарев обращает внимание читателя на то, что Брунеллески обеспечил архитектуру высокий статус Художника, но при этом последовательно реализуя свой подход к формированию в профессии ренессансного мировосприятия, исследователь фиксирует закономерность двучленной конструкции архитектурного профессионализма. Брунеллески – не только автор «прекрасных зданий», но и ученый, при этом ученый в сфере разных наук. Уместно заметить, что позднее Л. М. Баткин, анализируя наследие Леонардо да Винчи, также размышляет о двойной природе его гения. Леонардо – и художник, и ученый [9]. В. П. Зубов в книге о Леонардо да Винчи большую, едва ли не центральную главу назвал «Математический рай» [10].

Это реконструкция понимания архитектурного профессионализма с позиции художественного творчества. Историки искусства и культуры (в нашем случае В. Н. Лазарев, В. П. Зубов, Л. М. Баткин) фиксируют внимание на дополнительной художественному началу научной, математически сосредоточенной составляющей изначальной для Брунеллески формулы архитектурного профессионализма. А если посмотреть на эту же формулу глазами историка науки? Б. Г. Кузнецов, кстати, в том же, что и В. Н. Лазарев, 1979 году, в частности, высоко оценивает то, что в «живописи Брунеллески обосновал введение перспективы и ее закона с такой общностью, которая сделала его идею (подлинный триумф воплощения идеи в образ и художественного образа в математическую идею) началом начертательной геометрии» [11].

Исходным для автора приведенного тезиса было высказанное им несколько раньше утверждение о роли живописи в миропонимании изучаемой эпохи: «Живопись Возрождения была наиболее эффективным для культуры пространственным представлением бытия. Она вернула миру его пространственную природу. Наиболее важное... открытие ренессансных художников – перспектива была существенным шагом подготовки пространственно-временной концепции мира, иначе говоря, науки XVII века» [11, с. 174].

И, как бы подытоживая свои размышления о роли художника, живописи в формировании логики понимания закономерностей мироустройства, Кузнецов пишет: «Живопись Возрождения должна была раскрыть структуру бесконечного пространственно-временного мира через структуру внутреннего мира...» [11, с. 178].

< Леонардо да Винчи. Тайная вечеря. Фреска в церкви Санта-Мария-делле-Грацие в Милане. 1495–1498

Важно, что понимание роли художественного образа в архитектурном творчестве у историка науки формируется на основе неразрывности двучленной конструкции (и диалога), образа и идеи. Более того, Кузнецов ищет аргументы, подтверждающие восприятие так устроенной формулы диалога образа и идеи, как нормы архитектурного профессионализма, закрепившегося в эпоху Раннего Возрождения и пролонгированного в дальнейшем на два века. «Архитекторы Возрождения, – пишет он, – сами принадлежали к той группе горожан, для которых математика и механика, с одной стороны, и ремесло, и искусство, с другой – были связаны тесней всего. Их интересы были мостом между искусством, производством и отвлеченными математическими концепциями. В этом отношении творчество Брунеллески показательно» [11, с. 178]. Наглядно это проявилось и в том, как он переводит живописное понимание возможностей перспективного построения в архитектуру.

И далее историк науки подробно анализирует тесные дружеские отношения Брунеллески и крупнейшего флорентийского математика своего времени Паоло Тосканелли. При этом последний обучал архитектора основам теоретической математики, а тот, в свою очередь, иллюстрировал полученные знания в образных интерпретациях различных прикладных дисциплин и житейских ситуаций. «Трудно найти, – пишет Кузнецов, – более отчетливую, чем эти беседы, картину соединения идеи и образа» [11, с. 188].

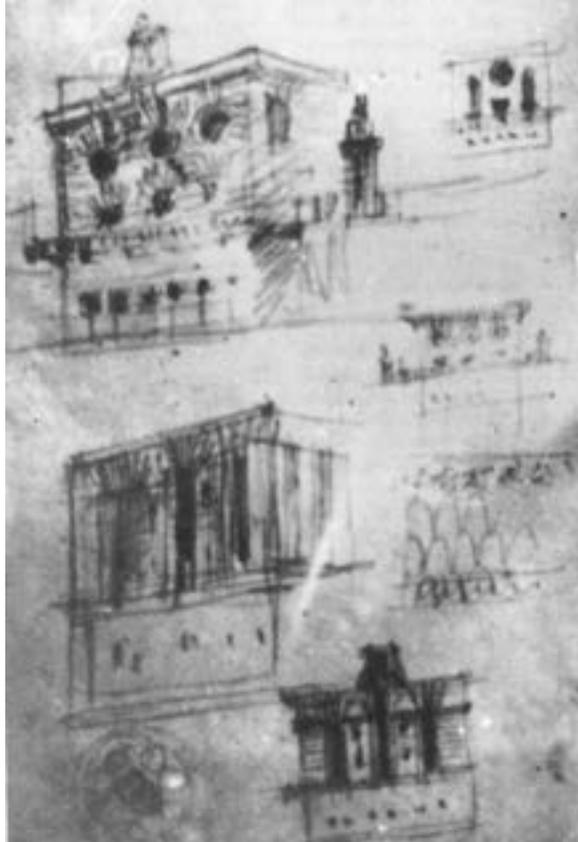
Вполне закономерно исследователь делает следующий шаг. Важно найти, как это соединение художественного образа и научной идеи сможет (или не сможет?) реализоваться в профессиональном мышлении одного человека, то есть будет характеризовать строение внутреннего мира творческой индивидуальности в эпоху Возрождения. Кузнецов находит формулу умозаключения, способную дать ответ на этот вопрос. «Если можно соединить в одном человеке такого конструктора, строителя и художника, как Брунеллески, и такого теоретика с великолепной гуманистической подготовкой, как Тосканелли, то такой человек – Леон Батиста Альберти», – пишет он и тут же объясняет, почему с его точки зрения, это важно. «Для него (Альберти. – Ю. В.) подъем художественного образа

до уровня научной идеи – это непосредственная реакция интеллекта. Он не вытесняет интуицию из искусства, а включает художественную интуицию в рамки теоретических конструкций» [11, с. 189].

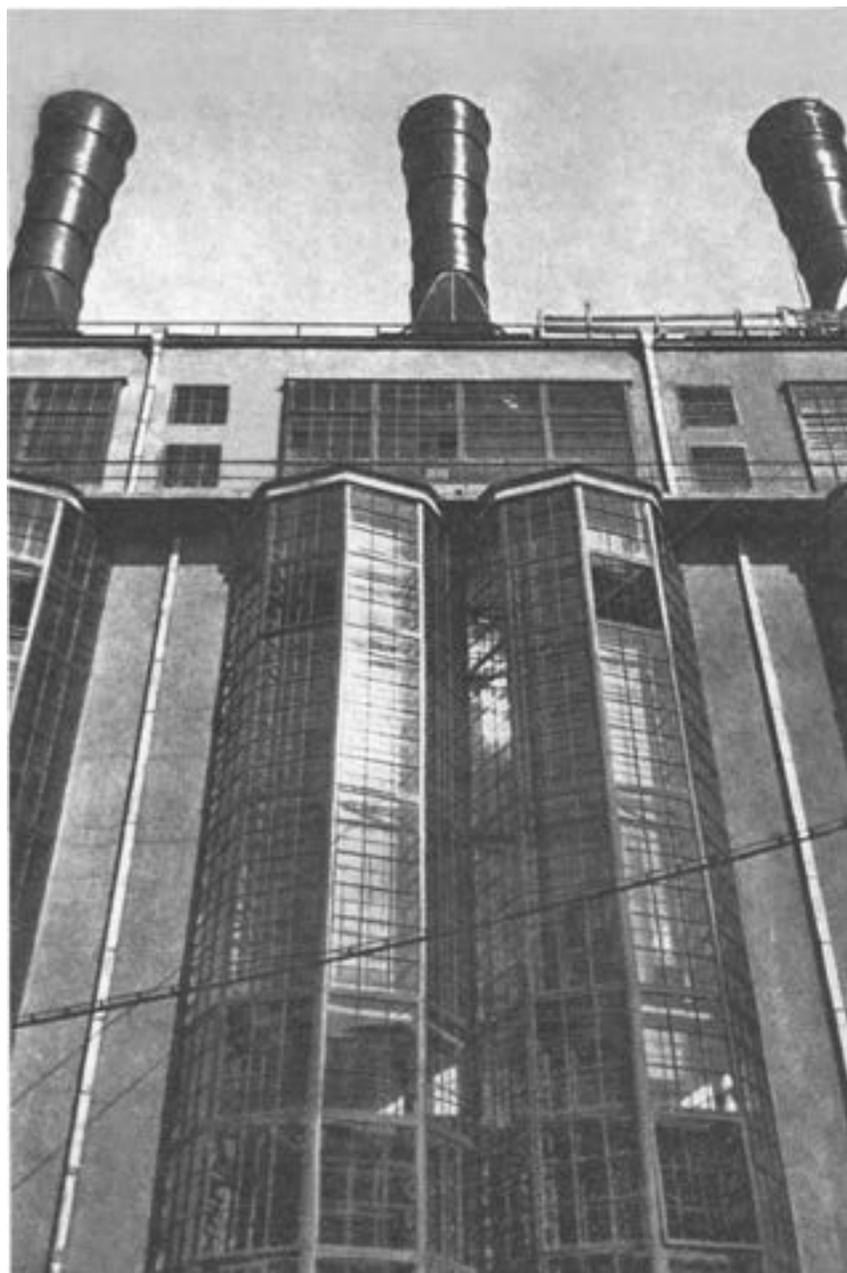
Что здесь удастся зафиксировать из опыта эволюции возрожденческого мировосприятия? Для современного нам читателя (поэта, художника, историка, архитектора, историка архитектуры) не столько интересен результат, то есть то, что предъявлено на «поверхности» исторического процесса, сколько осмысление того, как думали мастера, как поднимались до тех результатов, что вошли в историю (создавали ее предъявление). Однако «итальянским гуманистам, – пишет Л. М. Баткин, – было ничуть не проще, чем нам теперь, разобраться в собственных понятиях, сформировать их (и вместе с ними себя), переосмыслить на необычный лад архитектурные формулы «возрождения»... обновления (Renovatio), «золотого века». На это ушло почти два века...» И дальше автор подчеркивает: «Далось это... с громадным усилием, поскольку исходная посылка Возрождения, столь революционизировавшего культуру, по необходимости была традиционалистской» [12, с. 41]. Здесь формируется едва ли не основной узел, раскрывающий (способный раскрыть) содержание появления возрожденчески воспитанного Нового метода в творчестве спустя пять веков – у И. В. Жолтовского.

В. П. Зубов в своей работе о Леонардо да Винчи фиксирует внимание на том, что для Леонардо важно было не столько проследить едва ли не хронологическую последовательность в череде событий, которые по той или иной его заинтересованности попадали в поле его внимания, сколько охватить как можно более широкий круг сведений, способный обеспечить автору разнообразие связей между частями общего (целого), позволяющих сконцентрировать, собрать в «теперь» события прошлого и будущего. Понятие «теперь» становится в эпицентр обретения исторического знания. В. П. Зубов разъясняет смысл одномоментного эстетического постижения устройства целостности. Это такое «сразу», которое предполагает «прежде» и «после». И вслед за этим: «Живопись – это философия, говорит Леонардо, потому что она трактует о движении тел и быстроте их действия,

> И. В. Жолтовский. МОГЭС. Первые эскизы – поиски решения нового фасада здания котельной

v И. В. Жолтовский. Фасад здания котельной МОГЭС. Фрагмент. Фото начала 1930-х годов

а философия также имеет своим предметом движение». Существенно и то, что этот фрагмент из текста В. П. Зубова о философии живописи приводится историком науки Б. Г. Кузнецовым [11, с. 176].

Коль скоро последовательность разговора о становлении «Нового» вывела на этот уровень осмысления и трактовки ренессансного миропонимания, то важно в этот текст то, как понимает взаимосвязь прошлого и будущего в понятии «теперь» В. В. Биbihин в книге «Новый Ренессанс»: «Ренессанс в своем существе не склеивание прошлого из остатков, а искание настоящего. Настоящим оказывается то будущее, в котором настает древнее. Оно возвращается впервые, потому что было оно без того, чтобы вместить настоящее. Древности прошлого как настоящего еще не было, она будет. Для этого требуется не отстраивать музеи и реставрировать мертвые языки, формы культурной деятельности, а собирать все настоящее, т. е. мир. Ренессанс вводит в узел, в котором завязывается история, т. е. настоящее время, которое должно наступить... Дело... не в определении понятий и построении концепций, а в обращении внимания на вещи, в которые мы так или иначе уже втянуты» [13, с. 37, 38].

Необходимо зафиксировать напрямую увязанную с этим разговором тему «ценности». Сосредоточусь здесь на предъявлении этой темы также у В. В. Биbihина, поскольку оно неотторжимо от его трактовки Ренессанса, возрожденческой культуры. «Способность произведения собраться вокруг простого средоточия может быть большей или меньшей. Тем самым вводится тема ценности», – пишет он. И дальше: «Ценность здесь однако не этический и не эстетический, а онтологический и экзистенциальный критерий. Высшее, что может быть, сказано о произведении искусства, есть его необходимость. Наличие этой ценности делает второстепенной как психологию творчества, так и психологию восприятия; необходимое утверждает себя наперекор всякой личной и ситуационной оценке, невзирая на негативную или позитивную расположенность не только зрителя, но и самого художника к произведению» [13, с. 62, 63].

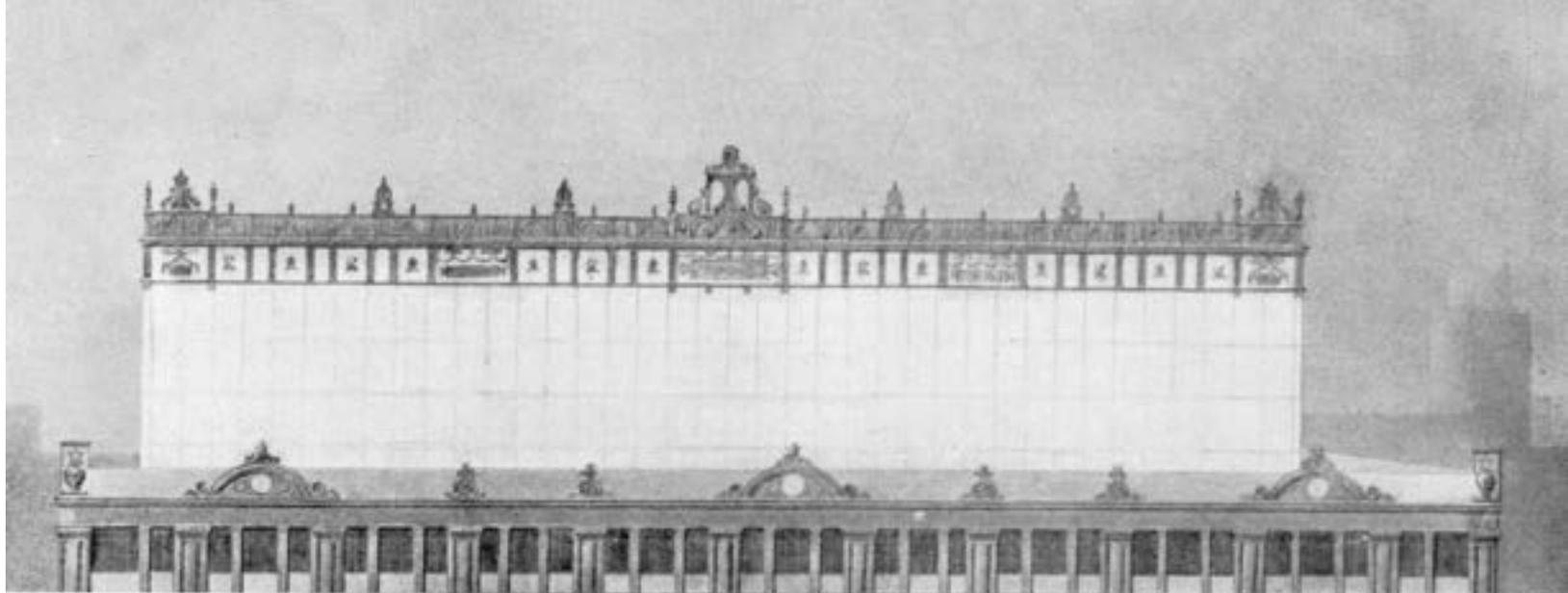
Нельзя при этом не отметить, что разговор о ценностях Биbihин ведет в контексте понимания Г. Вёльфлином целостности произведения, которое «держится его серединой, или сердцевинной» и в его терминологии становится «формообразующим зерном».

На этом фоне у нас появляются достаточные основания говорить о появлении Нового в творческом опыте И. В. Жолтовского, привлекая к этому разговору тот круг объектов, которые внешне не отвечают привычным «канонам» ренессансной традиции.

Обратимся к книге М. Я. Гинзбурга «Стиль и эпоха», опубликованной в 1924 году. Важно показать, как она задумана, как в ней решены возрожденческие мотивы становления нового стиля и какую роль в судьбе этой книги сыграл И. В. Жолтовский.

В науковедении привычно обсуждать проблемы стилесложения на историческом материале, иными словами, на материале прошлого, у Гинзбурга же история развернута в будущее, опорой для которого становится современность. Но в данном случае современность – это не результат творчества, а появление нового в процессе творчества. В качестве эпитафии для книги автор берет слова Г. Вёльфлина: «Движение начинается сразу во многих точках. Старое перерождается, увлекая все за собою, и наконец ничто уже не противится потоку: новый стиль становится фактом».

В книге есть еще два эпитафии: фото триплана Капрони и броненосец. Гинзбург втянул в представление о современности, о новой социальной реальности прошлое и будущее.

^ И. В. Жолтовский. Фасад здания холодильника на Открытом шоссе в Москве. 1951

v И. В. Жолтовский. Эскизы фасада здания холодильника на Открытом шоссе в Москве. 1951

Я сознательно собираю здесь «штрихи к портрету» – возрожденческому портрету книги Гинзбурга в соответствии с формулировками Нового Ренессанса по Библинину, чтобы подчеркнуть методологические ориентиры, фиксирующие то, что отечественная архитектура эпохи авангарда принадлежит в полной мере к «слою» основателей, фундаторов нового стиля и, как следствие, новой для своего времени трактовке понятия «современность» в общеевропейском контексте. Последний раздел книги «Стиль и эпоха» называется «Иллюстрации – отражение нового стиля в произведениях современных русских архитекторов». На мой взгляд, этот раздел имеет самостоятельное значение для понимания роли творческой личности в становлении того или иного нового стиля.

М. Я. Гинзбург открывает свой обзор работ коллег примерами из творческой практики И. В. Жолтовского и вот как объясняет этот выбор. «В выборе материала автор, – пишет он о себе, – старался быть по возможности объективным и представить различные группировки архитекторов, в работах которых сказалось в большей или меньшей степени чувство новой формы и, следовательно, которые могут иметь какую-либо генетическую значимость в образовании нового стиля» [14, с. 153, 154].

В книге «Стиль и эпоха» приводится пять объектов И. В. Жолтовского из числа сооруженных им на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в 1923 году. Стоит заметить, что братья Веснины в этом разделе книги упоминаются также пять раз. Правда, только двумя объектами. А. А. Веснин представлен ставшей уже тогда весьма популярной театральной работой – сценической конструкцией к спектаклю «Человек, который был четвергом» в Московской камерном театре. Думаю, что это численное преимущество упоминания А. А. Веснина было концептуально важно для М. Я. Гинзбурга. До появления классики конструктивизма оставалось еще несколько лет: до авторского дома на Новинском бульваре, равно как и до веснинских универмага на Красной Пресне, Дома политкаторжан, Дворца культуры Пролетарского района...

Таким образом, вполне осознанно для современников – читателей книги «Стиль и эпоха» – именно И. В. Жол-

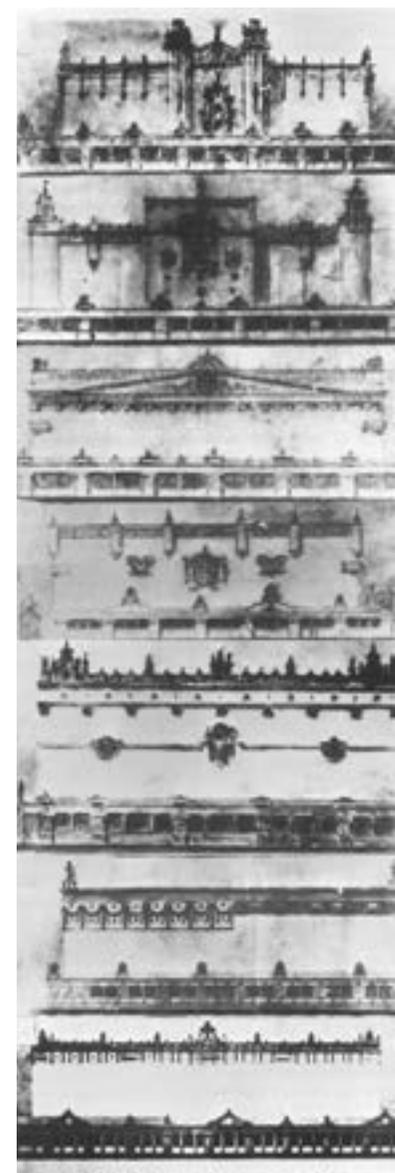
товский в первые годы предьявлял, если не олицетворял, появление нового стиля.

Надо сказать, что это не единственный случай в творческой судьбе Жолтовского. Похожая ситуация сложилась через несколько лет со зданием МОГЭС и после войны с построенным на Открытом шоссе зданием холодильника с навесными в крупнопанельном исполнении фасадами, а несколько позже – в конкурсных проектах фасадов крупнопанельных жилых домов. Именно с этими работами Жолтовского связывается понятие «новое» в эволюции стиля, его развития – в логике интерпретации понятия «современность». «Анализ истории архитектуры показывает, – пишет Гинзбург, – что в большинстве стилей прошлого новая архитектурная форма рождается большей частью как конструктивная... лишенная декоративных прикрас» [14, с. 120].

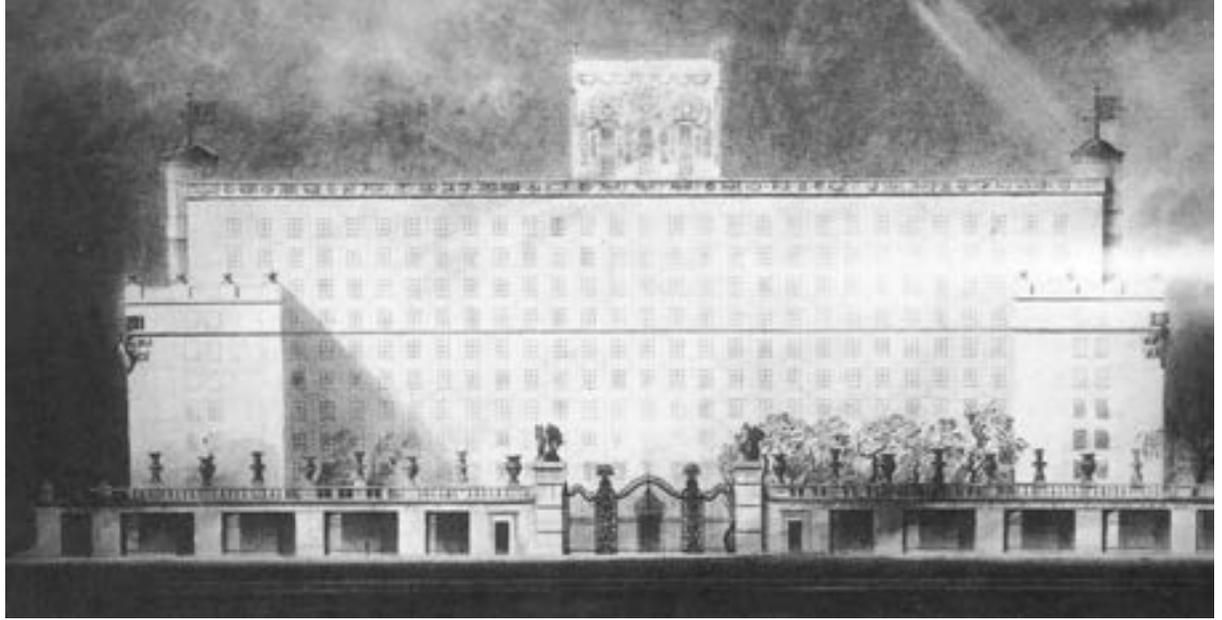
Конструктивизм как связность «стиль = метод» (на ранних стадиях его развития) достаточно полно сопрягается и с неразрывностью того, что именно А. Г. Габричевский назвал «методом логической тектоники» Жолтовского. Здесь интересна не только «связь времен», но и преемственность в формотворчестве, породившая или воспитавшая Новое в архитектурном формообразовании или, точнее, и то, и другое, и породившая, и воспитавшая, если вспомнить и подчеркнуть еще раз неразрывность эстетического и этического начал в методологии обретения Нового в проектах фасадов Жолтовского для МОГЭС, холодильника и крупнопанельных жилых домов. Отсюда необходимая «крастянность» во времени процесса этого обретения, вбирающего в свою орбиту действительно бесконечно отдаленные от сегодняшнего дня импульсы для созревания Нового.

В методе Жолтовского (и в эскизах это наглядно видно) действительно происходит процесс перерождения старого. Появляется нечто новое, которое далеко не всеми и уж тем более не сразу воспринимается как стиль. Более того, уходят десятилетия на преодоление негативного отношения к этому новому, и только затем начинает постепенно срабатывать формула Г. Вёльфлина. «Новый стиль становится фактом».

В случае с МОГЭС и фасадами холодильника убедительным подтверждением этому служат эскизы И. В. Жол-

> Мастерская И. В. Жолтовского. Фасад. Одно из предложений для конкурса на фасады крупнопанельных жилых домов. 1953

ского. В них видна последовательность, разворачивание логики размышлений, приведших автора к внутренне для него закономерному, но внешне не «рассказывающему» о себе решению. С конкурсным проектом на фасады крупнопанельных жилых домов сложнее. Аналогичных эскизов Жолтовского найти не удалось, и существуют ли они, неизвестно. Но откликнуться на авторскую потребность соотносить эстетическое ощущение, возникающее при решении вновь поставленной и весьма неочевидной в художественном отношении задачи с ренессансным опытом, представляется необходимым.

В конкурсном проекте мастерской Жолтовского помимо фасадов показана и перспектива улицы, сформированной разномасштабными и разнохарактерными зданиями в крупнопанельном исполнении. Что касается фасадов, то принципиальное, единственно возможное для авторов решение было найдено (и практически закреплено несколько ранее реализацией) в проекте фасадов холодильника на Открытом шоссе в Москве. Думаю, что именно этот прием – использование открытого технологического стыка между навесными панелями – стал побудительным мотивом для участия мастерской в конкурсе. Кстати, погружение в интуиции, порождаемые эскизами Жолтовского, наталкивает на мысль о том, что название Открытого шоссе могло стать импульсом для появления идеи технологически открытого стыка между панелями.

Перспектива улицы также возвращает нас к художественно обостренной работе памяти Жолтовского, закрепляющей полноценные в его «тектонической логике» приемы формирования той или иной целостности, восходящие к ренессансной традиции и способные сохранять ее. В данном случае улица крупнопанельных домов в конкурсном проекте отсылает нас к образу площади Синьории в Виченце – знаковому произведению А. Палладио. Если мысленно представить себе развертку застройки площади, то убеждаешься, что допущенные автором трансформации (перестановки) отдельных зданий – минимальны, а некоторые приемы, формирующие облик улицы, только подтверждают обоснованность выбора объекта для построения Жолтовским творчески необходимого ему диалога с профессиональной культурой мастеров итальянского Возрождения. Выведенная на

первый план башня в проекте Жолтовского приводит к башне, замыкающей периметр площади Синьории с правого внешнего угла, но с площади она не видна. «Башню Площади» Жолтовский в своем проекте интерпретировал как строящийся, незавершенный объект. И пожалуй, это наиболее емкое, глубокое развитие идеи доминантного объекта в композиции площади, «развернутой» в улицу. Предъявление улицы в перспективе, на мой взгляд, говорит о многом, в первую очередь призывая нас вспомнить о значимости вклада Ф. Брунеллески в становлении понятия «перспектива» и шифруя в этом предъявлении улицы ключевую роль, которую, по убеждению Жолтовского, призвана сыграть перспектива в том, как он реализовал ее возможности в плоскостях фасадов крупнопанельных жилых домов. Достаточно сегодня подойти к любому зданию, в котором удачно (качественно) реализован этот прием, чтобы убедиться в полноценности замысла Жолтовского: как преобразовать технологический способ индустриального домостроения в художественный прием.

В этой логике эпоха стиля, время его существования в самых разных интерпретациях при этом действительно выходит за определенные хронологические рамки. Получается, когда мы говорим о «стиле эпохи», то фиксируем некую характеристику, индивидуализирующую то или иное время, делающую его особым, отличным от других. Когда же речь идет об «эпохе стиля», то есть о времени его бытования, то рационалистически, безэмоционально (о чем говорил Гинзбург, характеризуя разность отношения самих конструктивистов к своему методу и стилю [14, с. 96, 97] речь должна идти буквально о физическом (математическом) понятии «область определения функции». Если же сохранять целостность восприятия и обретения стиля во времени, то его эпоха не может быть жестко ограничена, и это очень важно при установлении взаимоотношений стиля и метода. Гинзбург назвал свою книгу «Стиль и эпоха», зашифровав, закодировав в многозначительном «и» многообразие этих взаимоотношений. Строго говоря, и по сей день нет единодушия в истолковании того, что есть конструктивизм – стиль или метод? Или, точнее, эту дилемму надо трактовать иначе: когда конструктивизм являет себя как стиль, а когда – как метод?

Этот же «механизм» взаимоотношений стиля и метода срабатывал и при формировании ценностных предпочтений и ощущения перспективы в период становления крупнопанельного домостроения. И вновь этот процесс связан с именем Жолтовского. С его именем в первую очередь устойчиво во времени связывается понятие «качество архитектуры», благодаря традиции непрекращаемости для многих авторитета его профессионализма. Возможно, именно с понятием «качество», подразумевая за этим высокое качество и целостность многофункционального и технически совершенного архитектурного организма, необходимо связывать итоги конкурса на фасады крупнопанельных жилых домов.

Расслоение оценки итогов конкурса на два потока в полной мере характеризует размежевание профессиональных интересов и ценностных ориентиров. С одной стороны, они реализуются в недрах массовой культуры, с другой – в логике авторского, личностного отношения к осмыслению Нового в архитектурном творчестве.

Вслед за М. Л. Гаспаровым зафиксируем два (чередующихся, как правило) периода развития культуры – «распространение вглубь» и «распространение вширь». В первом случае мы сталкиваемся с постоянным продвижением вдоль «шкалы» смысловых структур, углубленного, уточненного их понимания.

Распространение культуры вширь ориентировано на иные ценности, на вовлечение в сферу творческой деятельности максимально широкого круга людей. Углубленное знание замещается достаточно поверхностным знакомством с предметом рассмотрения. Отсюда и необходимость сосредоточения максимально большего «набора» смыслов буквально на поверхности, повышенное внимание к деталям, архитектурному оформительству и описательности самого процесса формообразования. Анализируя и оценивая такие периоды развития культуры, очень существенно понимать, что «буквализм – не бранное слово, а научное понятие» [15, с. 11–15].

Анализ и формирование архитектурного профессионализма в его постоянном диалоге с двумя типами распространения культуры позволяют сделать еще один шаг для уточнения конструкции взаимоотношений архитектуры и диалога культуры и цивилизации. При этом важно,

что типы рас-пространения культуры не только чередуются между собой, не совпадая по времени с более привычной для истории архитек-туры периодизацией, ориентированной на чередование стилевых предпочтений, но и достаточно сложно сосуществуют в одно и то же время, хотя и в разных «культурных слоях» общества.

Отсюда накапливаются проблемы в формировании шкалы ценностей – как наследия, так и результатов современного творчества. Складывается, по сути, «патовая» ситуация: творческий процесс архитектора вынужденно адаптируется к массовым представлениям о ценностях архитектуры, а обсуждение проблематики сохранения наследия должно быть ориентировано на выявление и фиксацию индивидуальности, исключительности, уникальности объекта наследия, соответствие его мировому уровню архитектурного мастерства, динамике представлений о достоинствах подлинного профессионализма.

Сегодня поворот к интеллектуальному началу в разговоре об архитекторе – художнике и ученом – вновь набирает обороты. Внимание к нелинейной архитектуре, внутреннему изяществу строения формы закономерно выходит на первый план. Чисто визионерское восприятие архитектуры в этой ситуации едва ли непредусудительно, так как практически закрывает изначально дорогу к поискам Нового. Обреченность на «догоняющее развитие» становится удручающе неизбежной.

Вспомнить в этой связи подход к архитектуре Ф. Брунеллески совсем не бесполезно. В ней «...господствует разум, избегающий всего ненужного, лишнего, внутренне необоснованного. И в ней залогом гармонии неизменно служит соразмерность частей, их тщательно взвешенный пропорциональный строй. Что в корне отличает архитектуру Брунеллески от средневекового зодчества – это восприятие здания как целостного организма, в котором все взаимосвязано и в котором невозможны никакие изменения» [6, с. 205].

Осмысливая наследие И. В. Жолтовского, внешне никак не связанное с ренессансной традицией, нельзя отказаться и от убежденности М. Я. Гинзбурга в возможности и предшествующие работы Жолтовского (начала 1920-х годов) включить в единый пласт авангардной архитектуры. Что создавало ему основание для этого? На

^ Архитектурное решение улицы, застраиваемой крупнопанельными жилыми домами. Конкурсный проект мастерской И. В. Жолтовского. 1953

мой взгляд, именно восприятие архитектурного объекта как устройства целостного организма. Наряду с этим нельзя не вернуться к поискам закономерностей внутреннего строения, развивающих логику формообразования, реализуемую Ф. Брунеллески. В. Н. Лазарев утверждал в этой связи: «Такое понимание архитектуры открыло путь для всего дальнейшего развития ренессансного зодчества. В этом смысле Брунеллески можно смело назвать его родоначальником» [6, с. 207]. И. В. Жолтовский через века сохранил восходящий к Брунеллески подлинный смысл и изящество переосмысления и внутренних трансформаций традиционалистского подхода к обретенному Новому в эволюции архитектурного творчества.

Литература

1. Пуанкаре А. Наука и метод. – Одесса : Матезис, 1910.
2. Волчок Ю. П. Супрематическая архитектура // Энциклопедии русского авангарда. – М., 2014. – Т. 3, кн. 2. – С. 263–266.
3. Ямпольский М. Б. Ткач и визионер. Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. – М. : НЛО, 2007. – 616 с.
4. Лазарев В. Н. Происхождение итальянского Возрождения: в 3 т. Т. 1. Искусство Проторенессанса. – М. : Изд-во АН СССР, 1956.
5. Лазарев В. Н. Происхождение итальянского Возрождения: в 3 т. Т. 2. Искусство треченто. – М. : Изд-во АН СССР, 1959.
6. Лазарев В. Н. Происхождение итальянского Возрождения: в 3 т. Т. 3. Начало Раннего Возрождения в итальянском искусстве. – М. : Искусство, 1979.
7. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. – М. : Прогресс, 1986. – 396 с.
8. Сергеев К. В. Приближение к Леонардо: деконструкция идеала креативности. – М. : Летний сад, 2010.
9. Баткин Л. М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. – М. : Искусство, 1990.
10. Зубов В. П. Леонардо да Винчи. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962.
11. Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения. – М. : Наука, 1979. – С. 188–189.
12. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. – М. : Наука, 1989.
13. Биbihин В. В. Новый Ренессанс. – М. : Наука, 1998.
14. Гинзбург М. Я. Стиль и эпоха: проблемы современной архитектуры. – М. : Гос. изд-во, 1924.
15. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. – М. : Фортунa, 2012.

References

- Batkin, L. M. (1989). *Italianskoe Vozrozhdenie v poiskakh individualnosti* [The Italian Renaissance in search for individuality]. Moscow: Nauka.
- Batkin, L. M. (1990). *Leonardo da Vinci i osobennosti renessansnogo tvorcheskogo myshleniya* [Leonardo da Vinci and peculiarities of the Renaissance creative thinking]. Moscow: Iskusstvo.
- Bibikhin, V. V. (1998). *Novyi Renessans* [The new Renaissance]. Moscow: Nauka.
- Garin, E. (1986). *Problemy italianskogo Vozrozhdeniya* [Italian Renaissance problems]. Moscow: Progress.
- Gasparov, M. L. (2012). *Metri i smysl. Ob odnom iz mekhanizmov kulturnoi pamyati* [Meter and sense. About one of the mechanisms of cultural memory]. Moscow: Fortuna.
- Ginsburg, M. Ya. (1924). *Stil' i epokha: problemy sovremennoi arkhitektury* [The style and the epoch: the problems of contemporary architecture]. Moscow: Gos. Izd-vo.
- Kuznetsov, B. G. (1979). *Idei i obrazy Vozrozhdeniya* [Ideas and images of the Renaissance]. Moscow: Nauka.
- Lazarev, V. N. (1956). *Proiskhozhdenie italianskogo Vozrozhdeniya: v 3 t.* [The origin of the Italian Renaissance: in 3 vols.] (Vol. 1). Moscow: Izd-vo AS USSR.
- Lazarev, V. N. (1959). *Proiskhozhdenie italianskogo Vozrozhdeniya: v 3 t.* [The origin of the Italian Renaissance: in 3 vols.] (Vol. 2). Moscow: Izd-vo AS USSR.
- Lazarev, V. N. (1979). *Proiskhozhdenie italianskogo Vozrozhdeniya: v 3 t.* [The origin of the Italian Renaissance: in 3 vols.] (Vol. 3). Moscow: Iskusstvo.
- Poincare, A. (1910). *Nauka i metod* [Science and method]. Odessa: Mathesis.
- Sergeev, K. V. (2010). *Priblizhenie k Leonardo: dekonstruktsiya ideala kreativnosti* [Deconstruction of the creativity ideal]. Moscow: Letnii sad.
- Volchok, Yu. P. (2014). *Suprematicheskaya arkhitektura* [Suprematic architecture]. In *Entsiklopedia russkogo avangarda* (Vol. 3, book 2, pp. 263–266). Moscow.
- Yampolsky, M. B. (2007). *Tkach i visioner. Ocherki istorii representatsii, ili o materialnom i idealnom v culture* [A weaver and a visionary. Outlines of representation history, or about the material and the ideal in the culture]. Moscow: NLO.
- Zubov, V. P. (1962). *Leonardo da Vinci*. Moscow, Leningrad: Izd-vo AS USSR.

< Площадь Синьории в Виченце. Вид со стороны Лоджии-дель-Капитано Андреа Палладио

^ Средневековая башня у базилики на площади Синьории в Виченце Андреа Палладио

^ С. А. Скуратов. Жилой дом на Мосфильмовской улице. Фрагмент. Перспектива. 2011

Характеризуются два переломных этапа в истории профессии архитектора в СССР, когда партийно-государственное руководство волевым образом изменило все ключевые принципы архитектурного и градостроительного проектирования в стране: стилевые, социальные, финансовые, конструктивно-технологические, планировочные и т. п. Первый (1929–1932) – запрет архитектуры советского авангарда и переход к так называемому сталинскому неоклассицизму – осуществил Иосиф Виссарионович Сталин. Второй (1954–1970-е) – отказ от сталинского неоклассицизма и возрождение современной архитектуры, ориентированной на типизацию, стандартизацию и индустриализацию в строительстве, – Никита Сергеевич Хрущев.

Ключевые слова: реформа в архитектуре, панельное домостроение, коммунальное жилище, хрущевки. /

The article reviews two critical stages in the history of architectural profession in the USSR, when the party and state authorities imposed change on all the key principles of architectural and town-planning design in the country: stylistic, social, financial, structural-and-technological, planning and other principles. The first stage (1929–1932) implied prohibition of the Soviet Avant-Garde architecture and transition to the so-called Stalin's Neoclassicism and was implemented by Iosif Vissarionovich Stalin. The second stage (1954–1970s) implemented by Nikita Sergeevich Khrushchev consisted in renouncing of Stalin's Neoclassicism and a revival of modern architecture focused on the use of type designs, standardization and industrialization in the construction field.

Keywords: architectural reform; panel house building; communal dwelling; khrushchevkas.

v Дорогомилото, 1929 (<http://cocomera.livejournal.com>)

От реформы – к реформе / From a Reform to a Reform

текст

Марк Меерович /

text

Mark Meerovich

В истории профессии архитектора в СССР было два перелома, когда партийно-государственное руководство волевым образом изменило все ключевые принципы архитектурного и градостроительного проектирования в стране: стилевые, социальные, финансовые, конструктивно-технологические, планировочные и т. п.

Первый (1929–1932 годы) – запрет архитектуры советского авангарда и переход к так называемому сталинскому неоклассицизму (сталинскому ампиру).

Второй (1954–1970-е годы) – отказ от сталинского неоклассицизма и возрождение современной архитектуры, ориентированной на типизацию, стандартизацию и индустриализацию в строительстве.

Первую реформу осуществил Иосиф Виссарионович Сталин, вторую – Никита Сергеевич Хрущев, 11 лет правления которого вошли в учебники по истории Советского Союза под наименованием «период волюнтаризма». А в отношении архитектуры и градостроительства получили обозначение «хрущевский утилитаризм» [1].

Обе реформы были осуществлены за три-пять лет и реализованы в значительной степени одними и теми же архитекторами.

В обоих случаях полностью изменились:

– социальные предпосылки и архитектурно-градостроительные принципы формирования городской среды как в старых, так и в новых, на пустом месте строившихся городах;

– типология жилья и объектов соцкультбыта;

– нормы и формы обеспечения населения жильем и социально-бытовым обслуживанием;

– характер и объемы финансирования жилищного и коммунального строительства;

– методы, содержание и институциональная организация архитектурно-градостроительного проектирования¹;

– система государственного контроля за архитектурой и градостроительством;

– технологии и конструктивные системы зданий и сооружений, применявшиеся в строительстве;

– официальный архитектурный стиль.

От частной практики к государственной службе: сталинская реформа профессии архитектора

После прихода к власти большевиков архитектурная деятельность в СССР постепенно, но все в большей степени превращалась из свободной саморазвивающейся профессии в государственную службу: советской власти были не нужны профессионалы, преданные архитектурным и градостроительным идеям, следующие своему мировоззрению, воплощающие собственный творческий метод. Ей нужны были люди, следующие официально провозглашаемому архитектурным и градостроительным идеям, преданные официально вменяемому мировоззрению, реализующие официально утверждаемых творческий подход.

Ей нужна была армия послушных и старательных исполнителей диктуемых ею теоретических и нормативных

1. «В ходе реализации постановления Совета министров СССР «Об улучшении проектного дела в области гражданского строительства, планировки и застройки городов» от 21 августа 1963 г. все существовавшие проектные организации были либо упразднены, либо объединены, либо переподчинены – напрямую или через вышестоящий институт – Комитету по делам строительства при Госстрое СССР» [2].

> Фото предоставлено С. П. Степаненко

> Комплекс жилых домов по ул. Большой Почтовой, Рубцову переулку и ул. Новая Дорога (Буденовский поселок). Перспективные виды корпусов. 1927 [10]

^ Здание Наркомзема (арх. А. В. Щусев, Д. Д. Булгаков, И. А. Француз, Г. К. Яковлев). 1928–1934

^ Клуб имени Зуева в Москве (арх. И. А. Голосов). 1928

v Комплекс жилых домов РЖСКТ «1-е Замоскворечное объединение». Генеральный план застройки квартала. Дом-коммуна. Перспектива. Фасад. Планы этажей. Арх. С. Айзикович, Г. Вольфензон, Е. Волков, С. Леонтович, А. Барулин. 1928 [10]

предписаний свыше, а не «творцы, самостоятельно принимающие решения». Нужен был дисциплинированный контингент реализаторов гигантского объема проектных работ, связанных со строительством огромного количества новых промышленных производств, обслуживающих их объектов добывающей и перерабатывающей промышленности, селитьбы при них для размещения рабочих и членов их семей – поселений совершенно специфического типа и социально-организационного наполнения – «социалистических городов».

Существование свободной профессии противоречило превращению системы управления архитектурным проектированием в иерархическую выстроенную централизованную общегосударственную структуру, призванную обеспечивать плановое исполнение проектных работ в рамках программы индустриализации. Работа по государственному обустройству системы проектного дела шла с первых дней прихода большевиков к власти. Но план индустриализации заставил ужесточить и ускорить этот процесс. Так, в феврале 1929 года ВСНХ СССР, являвшийся в этот период, одним из двух главных «государственных субъектов» осуществления градостроительной и архитектурной политики в СССР, издал циркуляр под выразительным названием: «Упорядочить дело проектирования и экспертизы по строительству», призванный раз и навсегда пресечь выпадение каких бы то ни было проектных работ из-под неусыпного ведомственного контроля. Цель – борьба с частной проектной практикой, именуемой «квартирничеством», осуществляемой архитекторами вне стен проектных институтов, т. е. «на дому». Циркуляр предписывал: а) работы по проектированию передавать государственным проектным организациям; б) консультации и экспертизы передавать государственным строительно-техническим бюро «Стройконсультация», в)

отказаться от услуг частных консультантов.

Частнопрактикующие архитекторы, а тем более их группировки, не вписывались в представление о характере «государственной деятельности», в которую власть превращала архитектуру.

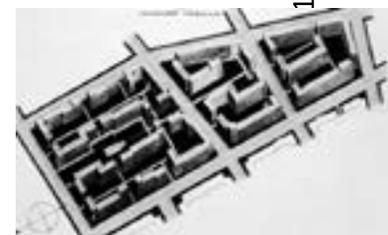
Личностное знание, на которое всегда опирается творчество, индивидуальное профессиональное мировоззрение, уникальный персональный метод работы, индивидуальные формальные предпочтения – все то, что было условием развития свободной профессии, оказывалось помехой для централизованного руководства процессами массовой проектной деятельности, потому что чиновник, руководивший этими процессами, лишался возможности содержательного воздействия. Советский административно-государственный аппарат всегда стремился упростить подчиненную ему деятельность, стандартизировать ее, потому что профессиональная культура архитектора не могла быть использована чиновниками в качестве критериев проверки правильности результатов, потому что для людей, не имевших специального образования, не впитавших в себя архитектурное содержание в течение долгих лет учебы, содержание архитектурной деятельности было непонятно и неочевидно.

Поэтому власть сначала запретила частную проектную практику, а потом ликвидировала творческие архитектурные группировки. Сталинская реформа профессии была направлена на то, чтобы энергичная архитектурная молодежь с присущим ей энтузиазмом решала те задачи, которые ставит перед ней власть (а не лидеры творческих группировок), чтобы молодежь разделяла ценности карьерного роста в рамках государственной системы проектного дела, принимала неразрывно связанные со служебной карьерой правила поведения и действия в рамках проектных организаций, проникалась идеями и смыслами архитектурно-градостроительной деятельности на благо государства (в том понимании, какое предлагалось властью).

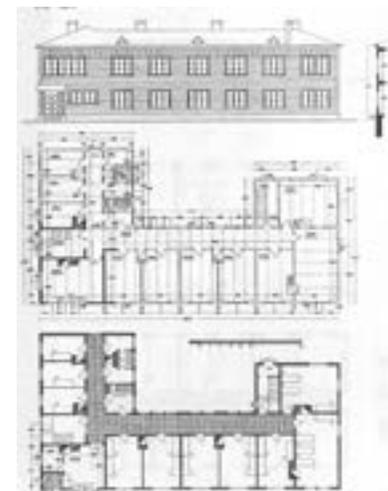
В ходе сталинской реформы профессии все, что не вписывалось в «командно-приказную» систему, все, что

> Общежитие (двухэтажное, деревянное) на 40 человек. Проект. 1929

v Комплекс жилых домов по ул. Русаковской (РЖСКТ «Красный Северянин», «Организатор», «Сокольники»). План застройки участка ул. Русаковской, 4–8. Перспективные виды. Планы этажей. Разрез. Арх. М. Мотылев. 1926 [10]

^ Комплекс жилых домов «Нижняя Пресня». Поселок имени 1905 года. РЖСКТ Трехгорной мануфактуры. Генеральный план застройки кварталов. 1928 [10]

< Жилой дом на Котельнической набережной. Арх. Д. Чечулин, А. Ростовский, инженер Л. Гохман

v Москва, ул. Горького. Жилые дома. Арх. А. Мордвинов, 1940

^ Дощатые бараки. Фото предоставлено И. В. Захаровой

оказалось несовместимо с функционированием «машин» архитектурно-проектного дела, было ликвидировано, а оставлено лишь то, что соответствовало идее общегосударственной системы организации архитектурной профессии.

От коммунальных барачков к индивидуальным квартирам: хрущевская жилищная реформа

Хрущев осуществил процесс обратный тому, который был запущен Сталиным в начале первой пятилетки. Он реабилитировал в СССР современную архитектуру, запретил сталинский ампи́р («архитектурные излишества») из-за его дороговизны и осуществил переход от элитарной архитектуры к массовой – правительство объявило о намерении решить жилищную проблему – обеспечить в недалеком будущем все население страны индивидуальными квартирами. Правда, выдвинуло требования перед проектировщиками и строителями о том, что по стоимости эти индивидуальные квартиры в новых домах не должны были превышать стоимости комнат, занимаемых одной семьей в коммуналках [3].

Основным типом жилой застройки было выбрано типовое крупнопанельное домостроение и создана новая строительная промышленность (более 400 заводов), обеспечивавшая темпы строительства жилых домов не-

измеримо более высокие, чем при Сталине. Это привело к десятикратному (по официальным данным) увеличению за 20 лет (с 1954 по 1974 год) общей площади городского жилья в СССР². При этом произошло кардинальное изменение приоритетов финансирования жилищного строительства и утверждение новых принципов распределения жилья среди широких слоев населения СССР: каждой семье – отдельную квартиру с кухней, теплым туалетом / ванной, централизованным отоплением, водоснабжением, канализованием.

Советские градостроители стали осваивать снова ставший доступным опыт западного градостроительства XX века. Также восстанавливалась прерванная нить преемственности с идеями советского авангарда 1920–1930-х годов, прежде всего онструктивизма. Монументальная перестройка центров городов в целях формирования парадных ансамблей сталинского ампира на какое-то время отошла на второй план, а основной задачей нового градостроительства стала разработка современной застройки городских кварталов (микрорайонов) с полноценной инфраструктурой обслуживания.

В то же время Хрущев сохранил саму государственную организацию проектирования, созданную в сталинское время, характеризующуюся превращением архитекторов в государственных служащих и, как следствие, их зависимостью от системы художественной цензуры и партийно-советского начальства. Сформированная еще при Сталине, процедура согласования и утверждения проектов сохранилась несмотря на то, что ведомственная подчиненность подавляющего большинства проектных институтов была кардинально изменена: в ходе реализации Постановления Совета министров СССР «Об улучшении проектного дела в области гражданского строительства, планировки и застройки городов» от 21 августа 1963 года все существовавшие проектные организации были упразднены, либо переподчинены – напрямую или через вышестоящую инстанцию – Комитету по делам строительства при Госстрое СССР [5], либо преобразованы в сеть региональных проектных институтов («гражданпроектов»).

Сочетание современных (на тот период) принципов формообразования домостроений, планировочной

организации городской среды и сталинской системы художественного контроля вместе с реформированием ведомственной организации проектирования не только предопределили специфику советского градостроительства хрущевского периода (1953–1963 годы), но и специфику последующего периода – брежневского (1970 – начало 1990-х годов); отразили как все достоинства, так и все недостатки государственной системы проектно-дела и организации строительного комплекса.

Специфика градостроительства эпохи Хрущева предопределила также и проблемы градостроительства постсоветской России, решать которые приходится сегодня.

Особенность каждого из переломов способно высветить их сопоставление.

С первых дней перехода власти в руки большевиков советская жилищная политика основывалась на использовании жилища в качестве средства управления людьми [6]. Для этих целей наилучшим образом подходило многоквартирное, многоэтажное жилище коммунального заселения, которое позволяло территориально концентрировать пролетариат (управлять рассредоточенными массами большевики не умели). Поэтому первыми же декретами советской власти индивидуальное усадебное городское жилище было муниципализировано, уплотнено насильственным подселением совершенно посторонних людей и тем самым превращено в коммуналки.

Советская власть за счет владения жилым фондом довольно эффективно манипулировала людьми и, присвоив себе единоличное право наделять рабочих и служащих крышей над головой, обрела огромную мощь воздействия на население, поскольку в климатических условиях России под навесом или в шалаше ее презимуешь. Здесь жилище всегда являлось основополагающим условием существования. Предоставлением жилья власть поощряла верное служение себе; принудительным выселением наказывала; формированием коммунального жилого фонда, благодаря «прозрачности» переуплотненного быта, обеспечивала осуществление догляда и контроля; за счет широкого спектра организации населения (в том числе и пространственно-территориальной) по месту жительства получала безграничные возможности вторгаться

внешним нормирующим воздействием в пространство, традиционно являвшееся сферой личной жизни и т. д. Именно потому государственная жилищная политика с первых дней прихода к власти большевиков была направлена исключительно на возведение коммунального жилья, представляющего собой либо бараки, либо рабочие общежития (в таких же бараках), либо многоквартирные секционные дома [7]. Эта политика была последовательно и неуклонно продолжена с началом индустриализации сталинским руководством, поскольку в максимальной степени отвечала задачам привязки трудовых ресурсов к производству; принуждения населения к труду за счет ведомственных форм возведения, владения и распределения жилища; эффективного контроля над бытовыми процессами, образом мысли и высказываниями; упрощало внешнее регулирующее воздействие на поведение людей [8].

Какой бы тип жилья с началом индустриализации не возводился в соцгородах-новостройках (кроме особняков для начальства), заселялся он исключительно коммунальным образом: в каждую комнату многокомнатной квартиры – по семье. При этом основным типом массового жилища были бараки – в них обитало около 90 % трудовых ресурсов первенцев первой пятилетки [9]. Причем значительная часть населения соцгородов-новостроек в дальнейшем, несмотря на обещания переселения в благоустроенное жилище, так и не получила никакой иной крыши над головой и продолжала обитать в бараках и после окончания первой-второй пятилеток, и до Великой Отечественной войны, и после нее – вплоть до осуществленного Хрущевым «великого переселения народов» из барачных и землянок в пятиэтажные «хоромы». Коммунальное жилище являлось базисом стратегии расселения, воплощавшейся партийно-государственным руководством СССР вплоть до хрущевской реформы.

Эта стратегия базировалась на формировании и управлении специфическими «социально-производственными единицами общества» – трудобытовыми коллективами. Совместное обитание членов одного трудового коллектива обеспечивало за счет пространственной организации формирование социально однородных, зависимых, контролируемых, управляемых, прикрепленных к месту

2. К концу 1974 г. размер городского жилищного фонда достиг 1 млрд 865 млн кв. м общей площади, а средняя обеспеченность составила 11,9 кв. м общей площади на одного человека [4].

^ Москва. Жилой дом. Арх. В. Руднев. 1950–1957

^ Иркутск, ул. Литвинова

труда и месту жительства «единиц» нового общества. Таким образом, в СССР жилищная политика была изначально накрепко сращена с общегосударственной социально-организационной и административно-управленческой политикой.

Следует, однако, заметить, что индивидуальное жилище в Советском Союзе все же возводилось. Правда, в очень незначительных масштабах. В виде квартир и отдельно стоящих коттеджей, которые заселялись одной семьей. Эти типы домостроений играли роль премиального вознаграждения для советской элиты. Предоставление советскому человеку отдельного (не коммунального) жилья было чуть ли не самой значимой мерой социального поощрения особо отличившихся или приближенных к власти. Индивидуальное жилище в СССР в течение всего сталинского периода было наиболее показательным социальным маркером должностного, партийно-административного положения.

Сегодня нет ответа на вопрос: по каким причинам Н. С. Хрущев принял решение отменить жилищную стратификацию советского общества, так эффективно функционировавшую в сталинский период? Какие формы социального управления в рамках хрущевской жилищной реформы были выдвинуты взамен основополагающей советской управленческой доктрины «контроля над трудовым и бытовым поведением людей посредством жилища»? Чем был вызван отход от базового постулата ленинско-сталинской организационно-управленческой модели – примата «трудодытового коллектива» (а не отдельной семьи) в социальной организации общества? Почему хрущевская реформа изменила ряд базовых установок советской жилищной политики, притом остальные ключевые положения оставила неизменными? Например, на протяжении всего советского периода, вплоть до горбачевской перестройки, продолжали существовать и реализоваться такие принципы, как прямая зависимость государственных расселенческих программ от планов ресурсного и производственного освоения территорий, ведомственный характер планирования и распределения финансовых и материальных ресурсов на жилищное строительство, прямая зависимость объемов возведения селитбы от мощности градообразующего производства,

композиционной ориентации планировки поселений на градообразующий промышленный объект и т. п.

Не отменяла хрущевская реформа и другого фундаментального положения советской жилищной политики: предоставление населению возможности иметь крышу над головой в городах являлось в Советском Союзе исключительной прерогативой государства. Неизменным оставалось положение, согласно которому жилище предоставлялась исключительно трудящимся – тем, кто работал на фабриках, заводах и в советских учреждениях, кто являлся членами государственных профессиональных творческих союзов (архитекторов, художников, литераторов, музыкантов, актеров и проч.). Получить хоть какое-то городское жилище можно было только из рук администрации предприятия или учреждения, где работал человек или на основании ордера муниципалитета, но также только лишь на основе справки-ходатайства с места постоянной работы. Неучащиеся бездельники, безработные, вольноопределяющиеся, надомники-предприниматели, лица творческого труда, не желавшие «прикрепляться» к соответствующим творческо-производственным институциям и т. п. были лишены права получения ордера на жилплощадь.

Наличие частного жилища допускалось лишь в сельской местности. А в существовавших или строившихся городах оно появлялось только самовольно, на периферии поселений, в подавляющем большинстве случаев нелегально – в результате неофициального, не имевшего разрешения строительства (так называемые нахаловки)². Подобное жилище, как правило, всегда оставалось неблагоустроенным (без подключения к городским инженерным сетям) и находящимся под угрозой сноса.

Почему Н. С. Хрущев взял курс на строительство отдельных квартир для отдельной семьи (пусть и крохотных, расположенных в многоэтажных, многоквартирных домах)? «Массовое ожидание населением перемен», на которые указывает ряд исследователей – милая выдумка: если подобные надежды и существовали после окончания Второй мировой войны, то за послевоенное семилетие «куверенной поступи сталинского социализма» они полностью и без остатка были развеяны... Какими же причинами было предопределено принятие Постановле-

^ Иркутск. Хрущевки на набережной Ангары. 1960-е годы

^ Москва. Проект планировки и застройки Юго-Западного района. 1958

ния ЦК КПСС и СМ СССР от 31 июля 1957 года «О развитии жилищного строительства в СССР», предписывавшего: «Начиная с 1958 года в жилых домах, строящихся как в городах, так и в сельской местности, предусматривать экономичные благоустроенные квартиры для заселения одной семьей».

* * *

Следует констатировать: тот очевидный факт, что история профессии архитектора в СССР пережила два кардинальных перелома, никак не отразился в содержании нашего знания о существовании этих переломов. Их содержание отечественным архитектуроведением так и не раскрыто: сегодня отсутствует научный анализ ключевых аспектов как сталинской, так и хрущевской реформы профессии, изменения ее архитектурно-градостроительного содержания. Отсутствует внятное описание существа той профессии, которая сложилась в послереволюционный период, заменив частную практику государственной службой и той, которая сформировалась в результате второй реформы, вновь кардинально изменившей художественные и социальные критерии массовой проектной деятельности.

Литература

1. Хан-Магомедов С. О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы [Электронный ресурс] . – <http://niitiag.ru/publications/biblio/52-hrushevskiy-utilitarizm-plyusy-i-minusy.html> (дата обращения 02.01.2016).
2. Задорин Д. Не от добра к добру, или История советского типового домостроения // Проект Россия. – 2015. – № 77. – С. 94.
3. Там же. С. 88.
4. Мясников А. Н. Государственная политика в жилищном строительстве СССР. Историческая справка [Электронный ресурс] . – http://best-stroy.ru/articles/r25/r25_3/2310/print (дата обращения 02.01.2016).
5. Задорин Д. Не от добра к добру, или История советского типового домостроения // Проект Россия. – 2015. – № 77. – С. 94.
6. Меерович М. Г. Как власть народ к труду приучала: жилище в СССР – средство управления людьми. 1917–1941 гг. – Штутгарт, 2005. – 138 с.

7. Меерович М. Г. Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920–1930-х гг. [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. – 2010. – http://archvuz.ru/2010_3/6.
8. Меерович М. Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.) : дисс. ... докт. ист. наук. – Иркутск, 2004 – 659 с.
9. Меерович М. Г. «Награжденные трудом», или Кочевники поневоле // Проект-Байкал. – 2010. – № 24. – С. 114–118.
10. Соловьева Е. Е., Царева Т. В. Новые дома. Архитектура жилых комплексов Москвы 1920–1930-х годов. – М. : План, 2012. – 608 с.

References

- Khan-Magomedov, S. O. (n. d.). Khrushchevsky utilitarianism: plyusy i minusy [Khrushchev's utilitarianism: pluses and minuses]. Retrieved January 2, 2016 from <http://niitiag.ru/publications/biblio/52-hrushevskiy-utilitarizm-plyusy-i-minusy.html>
- Meerovich, M. G. (2004). *Sotsyalno-kulturnye osnovy osuschestvleniya gosudarstvennoi zhilishchnoi politiki v RSFSR (1917-1941gg.)* [Socio-cultural basis of implementation of the state house-building policy in the RSFSR (1917-1941)] (Doctoral dissertation). Irkutsk.
- Meerovich, M. G. (2005). *Kak vlast narod k trudu priuchala: zhilishche v SSSR – sredstvo upravleniya lyudmi 1917-1941 gg.* [How the power taught people labour: dwelling in the USSR as the means of people management. 1917-1941]. Stuttgart.
- Meerovich, M. G. (2010a). "Nagrazhdennye trudom" ili kochevniki ponevole ["Awarded by labour" or nomads against will]. *Project Baikal*, 7(24), 114-118. doi: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.24>
- Meerovich, M. G. (2010b). Typology of mass-built housing in relation to housing developments of the 1920-1930s. *Architecton: Proceedings of Higher Education*. Retrieved from http://archvuz.ru/2010_3/6
- Myasnikov, A. N. (n. d.). *Gosudarstvennaya politika v zhilishchnom stroitelstve SSSR. Istoricheskaya spravka* [State house-building policy in the USSR. Historical reference]. Retrieved January 2, 2016 from http://best-stroy.ru/articles/r25/r25_3/2310/print
- Solovieva, E. E., & Tsareva, T. V. (2012). *Novye doma. Arhitektura zhilykh kompleksov Moskvy 1920-1930-kh godov* [New houses. Architecture of residential complexes in Moscow of the 1920-1930s]. Moscow: Plan.
- Zadorin, D. (2015). Ne ot dobra k dobру, ili istoria sovetskogo tipovogo domostroenia [Not seeking after anything better, or the history of standard Soviet home-building]. *Project Russia*, 77, 88-94.

3. В лучшем случае потом это жилище в судебном порядке узаконивалось.

Советский авангард 20–30-х годов уже давно приобрел мученический венец. Считается, что поворот к сталинскому ампиру был резким и беспепелляционным. Это не совсем так. Он был растянут во времени, по крайней мере на пять лет. Здания и сооружения переходного периода легко опознаются. Почему Сталин не поддержал идеологически близких архитекторов советского авангарда – загадка. Возможно, потому, что их представления о пролетариях, пролетариате и о том, как эти «новые люди» должны жить в «новой архитектуре», были беспредметной абстракцией. Необходимость в монументальной пропаганде средствами архитектуры и театрализованных декораций, прикрывающих нищету советского быта, – очевидна, однако почему необходимо было строить эти декорации на основе архитектуры императорского Рима – вопрос. Подобных вопросов, на которые еще должны ответить теоретики и историки советской архитектуры много. По сути, история советской архитектуры еще толком не исследована.

Ключевые слова: советский авангард 1920–1930-х годов, схемы и социальные абстракции, поворот к сталинскому ампиру, монументальная пропаганда, театрализация. /

The Soviet avant-garde of the 20s-30s has been wearing the crown of martyrdom for a long time. It is generally thought that the turn to Stalin's Empire style was sharp and dogmatic. It is not quite the case. It was extended in time for at least five years. The buildings and constructions of the transition period are easily identified. It is a mystery why Stalin did not support the ideologically close architects of the Soviet avant-garde. Probably, because their understanding of proletarians and proletariat, as well as of how these 'new people' should live in 'new architecture' was a pointless abstraction. The necessity for monumental propaganda through architecture and theatrical decorations covering the poverty of Soviet life was obvious, but why was it necessary to build those decorations on the basis of the architecture of the Roman Empire? There are a lot of such questions to be answered by theorists and historians of the Soviet architecture. In fact, the history of the Soviet architecture is not yet completely studied.

Keywords: Soviet avant-garde of the 1920s-30s; schemes and social abstractions; turn to Stalin's Empire style; monumental propaganda; theatricalization; unanswered questions.

О демонах / About Daemons

текст

Елена Багина /

text

Elena Bagina

Даймониум (греч. daimonion – «божественное») – философское понятие, встречающееся у Сократа и Платона. Означает способность людей, выступающих в качестве советников, предлагать рациональные решения в общих интересах. Это качество толковалось как божественное. Даймониум Сократа Ксенофонт считал искусством предсказания, Платон – совестью.

Не только у Сократа был демон, но и у Гинзбурга с Ладовским тоже... Только эти лукавые духи не обещали, что архитектура, отказавшаяся от художественного языка прошлого, будет развиваться стремительно и безоблачно, что достаточно поддерживать большевиков, чтобы власти поняли и дали «зеленый свет» экспериментам. Не обещали демоны и то, что появятся новые, «перекованные в горниле социализма» пролетарии, которые обретут свою культуру, поймут и оценят минималистическую современную архитектуру.

И Моисей Гинзбург, и Николай Ладовский давно боги архитектурного Олимпа. Уже и мифология сложилась. И мученический венец на советских авангардистов надели. И адепты этой религии есть. Многие туристы из разных стран не хотят смотреть ни на Кремль, ни на монастыри, ни на барские усадьбы XVIII века и особняки эпохи модерна. Они застывают в молитвенных позах перед полуразвалившимися домами-коммунами, фабриками-кухнями, клубами советских авангардистов, которых называют сегодня одинаково – конструктивисты.

Моисей Яковлевич был бы крайне недоволен таким поворотом, но он уже никогда ничего не скажет и не напишет: он умер в 1946 году, не дожив до публикаций С.О. Хан-Магомедова и В. Е. Хазановой. «Я умер. А теперь врите хоть на иврите», – мог бы он сказать, взирая с небес на свои разрушающиеся творения, экскурсоводов, экскурсантов и несчастных обитателей бывших домов-коммун...

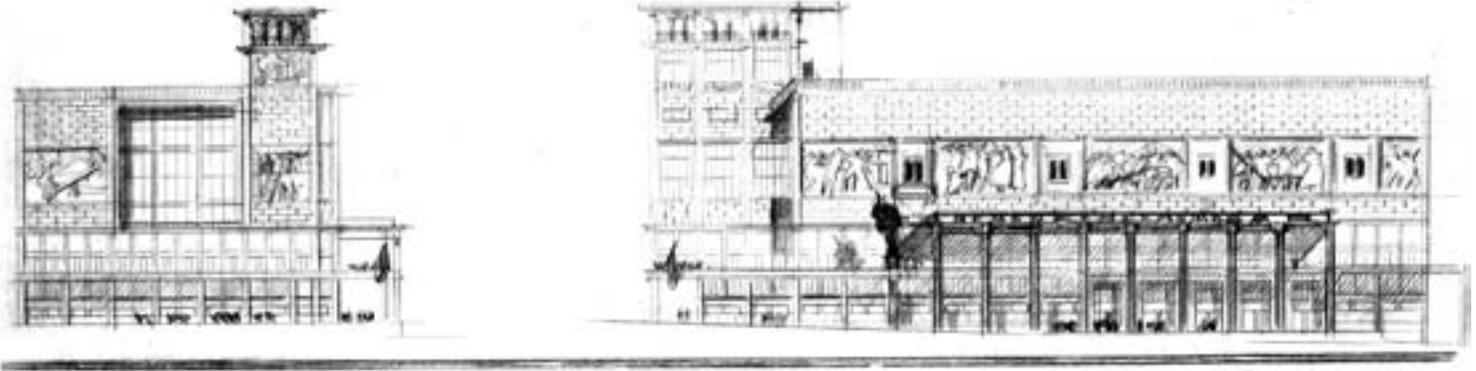
Власти не спешат принимать решения о реставрации этих памятников. Из жилых домов нужно отселить куда-то жителей, клубы как таковые не особенно нужны. Жизнь изменилась, и как использовать эти сооружения в новых условиях – никто не знает. Даже с домом Константина Мельникова в Кривоарбатском переулке, 10, огромные проблемы. Власть, как всегда, архитектурой

живо интересуется. Но власть когда нужно – далеко, когда не нужно – близко. Архитекторам дозволено власти советовать и множить в речах безличные глаголы: дают... разрешают... запрещают... платят. Но власти не решают внутри профессиональные проблемы архитектуры. У них свои, политические задачи и проблемы. И «король-солнце» не решал, и Сталин. Соглашались или не соглашались с предложенным – это верно. Но сами не проектировали. Авангардисты, пытаясь соответствовать революционной эпохе и людям «новой формации», создали сооружения, оригинальные и ни на что прежнее не похожие. Но реализации социалистической утопии не случилось, несмотря на все жертвы и лишения. Не удалось абстрактные представления о новой жизни сделать явью, не появилось и идеальных пролетариев.

На что же смотрят экскурсанты? Кого-то, конечно, интересует советская утопия, которую, слава богу, попробовали реализовать только в отдаленно взятой стране. Архитекторы же смотрят на архитектурные формы, в которые эта утопия могла бы одеться. Эти шершавые, изображающие бетон стены, эти плоские крыши, где должны были располагаться солярии, эти цилиндрические объемы быстро стали стилевыми приемами. В стиле конструктивизма проектировать было даже много легче, чем, например, в русско-византийском.

До сих пор многие архитекторы ищут вдохновения в формально-композиционных приемах архитектуры советского авангарда. Бог в помощь. Но игра в кубики безобидна только в дошкольном возрасте. Если же в кубики играют взрослые архитекторы, что же мы получаем на выходе? В этой архитектуре ведь нет уже концептуальных идей группы «Де Стил», социальных иллюзий Ле Корбюзье, неотомизма Мис ван дер Роэ, конструктивизма Веснинных и Лисицкого... Вряд ли кто-то из проектировщиков, называющих свои жилые комплексы «Малевич» и «Кандинский», считают себя последователями философии этих ниспровергателей основ. Что же в сухом остатке? Красные квадратики, черные квадратики, желтые квадратики...

Или чем бы дитя ни тешилось, лишь бы коммунистическими жизнестроительными идеями не увлекалось? Архитектурные теоретики-структуралисты пытаются

расшифровать композиционную грамматику советских авангардистов, чтобы играть в кубики было осмысленней и легче. Но демоны водят их за нос... Мельникову и не снилось, что он, оказывается, строил свою архитектуру на основе «преобразования линейных и плоскостных элементов в пространственные построения» (см. диссертацию А. Б. Якушиной) Но раз ученый совет и оппоненты решили, что все верно... значит, чего-то Константин Степанович в себе самом не углядел...

Кое-кто задает себе вопрос: «Как развивалась бы архитектура, если бы авангардистов не остановили на взлете в начале 30-х годов?» На этот вопрос могло бы быть два ответа: советская архитектура была бы самой передовой в мире (так хотелось бы многим поклонникам конструктивизма) или, наоборот, энергия авангарда могла иссякнуть очень быстро, поскольку утопия хороша только на бумаге. И в СССР появилось бы нечто, напоминающее европейское ар-деко. И для второго ответа есть некоторые резоны: в массе то, что мы называем конструктивизмом в России, на самом деле ближе к европейскому ар-деко, чем к тому, что создавали Мельников, Гинзбург, Ладовский. Проще вопросов не задавать и считать, что Сталин, во всем виноват и за все в ответе. Авангардистов задушил одним приказом и стал сам (руками архитекторов, конечно) проектировать Дворец Советов: «Нэ справились товарищи с заданием партии. Нэ смогли для народа дворец сдэлать... Но коммунисты нэ сдаются...» А ведь мог бы приказать всемерно развивать авангардную архитектуру. Мог. И кто бы с ним в 1930 году уже спорил? Что же его склонило в пользу освоения наследия и поддержки Щусева, Жолтовского и их единомышленников? Можно предположить, что Сталин с большим удивлением смотрел, на то, что проектировали и строили конструктивисты. Его личные предпочтения в архитектуре не очень понятны, в жизни у него были задачи от архитектуры весьма далекие. Мог, конечно, произвести на него впечатление в детстве храм Баграта, величественный, украшенный мозаиками и резьбой... И в Петербурге, и в Москве, и за границей что-то могло нравиться «замечательному грузину». Свидетельств об этом самого Сталина у нас нет. О языкознании писал. А об архитектуре ни слова. Правда есть исторические анекдоты. Говорят, сказал на

^ Театр им. В. Мейерхольда. Арх. А. Щусев

< v Морской вокзал в Сочи. Арх. Л. Карлик, инж. А. Кузьмин, скульптор А. Ингал, художник Е. Протопопов. 1950. Построен в 1954 году

> Дом Наркомфина

> Дом Наркомфина

место поставить храм Василия Блаженного, когда его с макета хотели убрать во время обсуждения проекта дома Наркомтажпрома.

Конструктивисты и рационалисты рассуждали о пролетарских массах, перестройке быта и перековке мозгов. До поры до времени рассуждения и деяния лидеров ОСА и АСНОВА были для власти приемлемы, но к 1930 году авангардисты с их страстью к переустройству быта стали, вероятно, крайне неудобными. То, что они успели построить, могло выглядеть в глазах обывателей конца 20-х годов XX века столь же странно, как и эксперименты Всеволода Эмильевича Мейерхольда в театре. Не смогли убедить Гинзбург и его соратники, что архитектура, вырастающая из умозрительных абстрактных представлений о будущей коммунальной жизни пролетариата будет

агитировать за советскую власть своей функциональностью, аскетичностью и простотой. (Кстати, что это такое – пролетариат, какова его культура и идеология – так до сих пор и не ясно. Да и существовал ли этот самый пролетариат в действительности? Ну как же, скажете, а рабочий класс? Класс буржуазии? Это модель, хорошо выстроенная схема, которой удобно было оперировать.) Утопию социализма и коммунизма в архитектурных образах, скорее всего, большинство людей представляло собой так, как представляют себе рай – цветы, зелень, сверкающие мрамором дворцы, простор, чистота... Образ дворцов социализма в представлениях народа был, скорее всего, рожден теми дворцами, в которых жила элита до революции: портики, колоннады, залы с лепниной – все пышно и красиво до слез. Что же могли противопоставить авангардисты таким представлениям – аскетические сооружения со стеклянными стенками? Они не были дворцами в традиционном понимании. Там, конечно, было то, что ныне называют сложными пространственными построениями. Но сложность – это одно, а представления о пышности и богатстве дворцов – другое. Николай Ладовский и его ученики (АСНОВА) с их экономией психической энергии и странным словечком «выявление» тоже вряд ли могли удовлетворить своей архитектурой потребность в пышных декорациях. По внешним признакам они делали то же самое, что и конструктивисты. Композиционные эксперименты Ладовского и его странные задания ученикам даром, конечно, не прошли. Работа над глиняными моделями имела свою логику и результат, который был далек от «выявления» в композиции параллелепипеда или куба. На самом деле шли эксперименты по созданию новых композиционных построений на основе геометрических тел. По сути, то же самое, что в живописи и графике делали футуристы-беспредметники в начале XX века. В 1930 году и экспериментаторам ОСА, и экспериментаторам АСНОВА, и прочим архитекторам, претендующим на научность подходов и верность советской власти, предложено было объединяться во Всесоюзное архитектурное научное общество (ВАНО) и вместе заниматься под эгидой этого общества экспериментами. Заметьте, никаких погромов. Только частную архитектурную практику запретили и

< Клуб строителей в Ереване. Арх. М. Мазманиян, Г. Кочар. 1926

новые реальные постройки уже не заказывали, а готовую строительную документацию спешно переделывали: пышные декорации на фасады пририсовывали архитекторы, которые в этом хорошо разбирались с дореволюционных времен. Конкурсы в конце 20-х годов выигрывали одни, а реализовывали их проекты, навешивая на фасады классические детали, – другие. Мягко и мирно все получилось. Объявление об учреждении ВАНО напечатано на обложке журнала «Современная архитектура» № 1 за 1930 год.

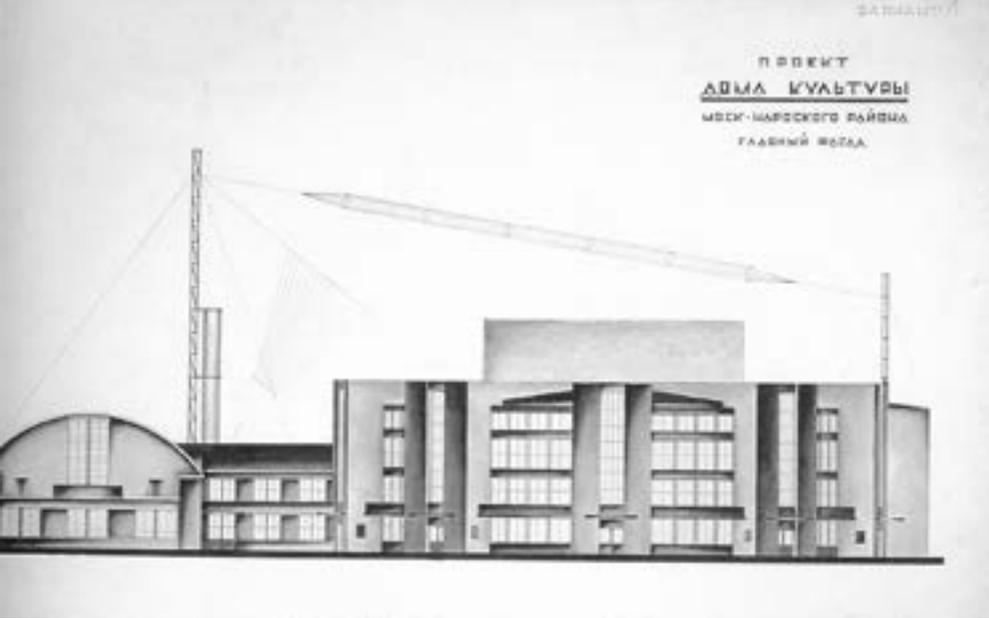
Журнал СА, конечно, был обречен, но и его закрыли не сразу. Вышло еще пять номеров. С 1931 года журнал не выходил. ОСА без журнала как-то незаметно прекратило свою деятельность. Гинзбург и его соратники не пропали – трудились на благо промышленной архитектуры. Благо их аналитический метод весьма неплохо подходил для проектирования зданий для промышленных процессов и агрегатов. Хуже пришлось тем, кто хотел «выявлять» сущность геометрических тел и помогать человечеству ориентироваться в пространстве, экономя психическую энергию. Так что Николай Александрович Ладовский так ничего и не построил, кроме входа на станцию метро «Красные Ворота». Его достижения в области преподавания и эксперименты с моделированием «научно обоснованных» архитектурных композиций, имеющих определенный свойства при восприятии, повлияли на профессиональное сознание и нашли свое место в архитектурной пропедевтике. Это действительно так. Но с 1930 года времена изменились. И архитектурные волки от испуга кушали друг друга на завтрак, обед и ужин. А когда волки в таком состоянии этого не делают?

Ученики Н. А. Ладовского В. Ф. Кринский, М. А. Туркус и И. В. Ламцов в 1934 году издали книгу «Элементы архитектурно-пространственной композиции» с предисловием, где истово каялись в формализме, где даже само слово ВХУТЕМАС побоялись упоминать. И о Ладовском там ни слова, хотя именно его разработки легли в основу этой книги... Страх сквозит в каждом предложении предисловия. Страх даже в том, что в подписях фотографий построек советских авангардистов не указаны фамилии авторов. Но неужели имена Константина Мельникова и Ильи Голосова авторы запаматовали? Книга была

рекомендована как учебное пособие. В 1938 году она была переиздана, но авторов у нее осталось только два – Ламцов и Туркус. Книга стала называться «Элементы архитектурной композиции» Куда-то испарилось слово пространство. Наверное, демоны сторонников классики его выкинули из названия и Кринского выгнали из авторского коллектива. Исчезли и фотографии построек Корбюзье, Весниных, Голосова, Мельникова. А вот сам текст изменился мало. В тексте слово «пространство» рядом с ключевым понятием архитекторов-рационалистов «выявлять» осталось, поскольку текст кардинально не переписывали. Такая игра словами означала, что изменился категориально-понятийный аппарат профессии. Понятие «пространство» в профессиональном лексиконе потеряло свою былую значимость. В конце 30-х годов XX века это слово уже не употреблялось на каждом шагу. Все, казалось бы, вернулось «на круги своя»: пришли туда, откуда стартовали в 80–90-х годах XIX века. Но не все так просто. В середине 30-х выпускники ВХУТЕМАСа, «пересмотревшие» свои позиции, не забыли то, чему их

< Братья Веснины. Конкурсный проект здания акционерного общества «Акрос». 1924

^ Ной Троицкий. Проект Дома культуры

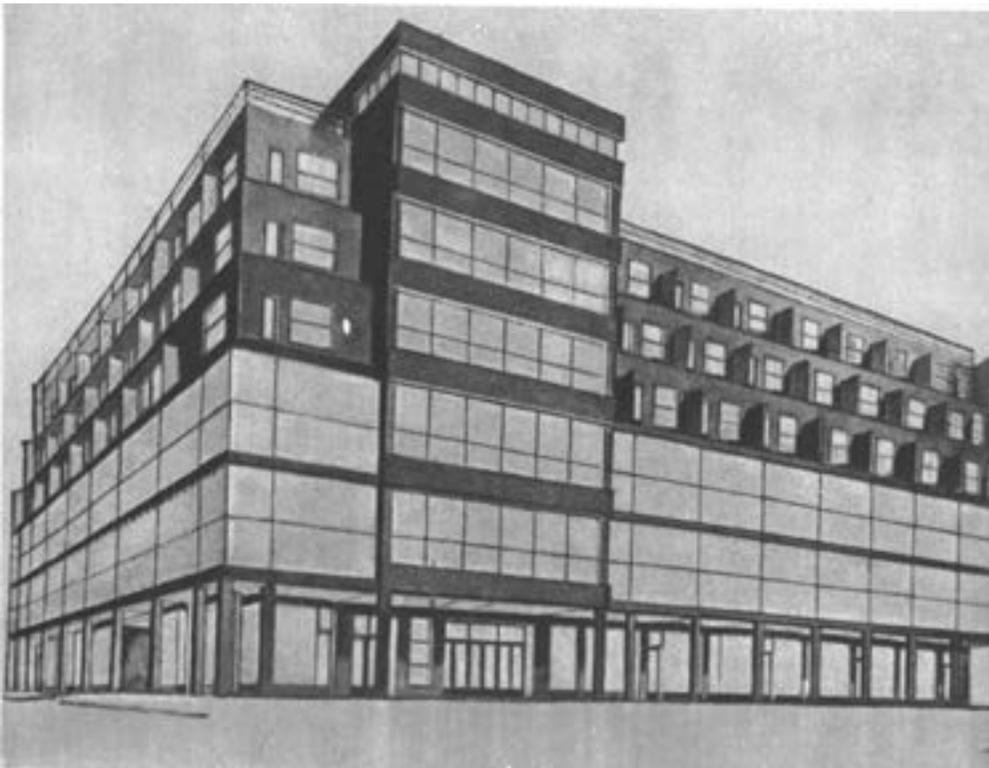
учили в 20-х годах. Ранний сталинский ампи́р (1930–1937 годы) еще несет на себе печать авангарда. Эти постройки имеют зачастую павильонную структуру, более «легкие», «пространственные» планы и гораздо более сдержанные фасады. После 1935 года ситуация меняется.

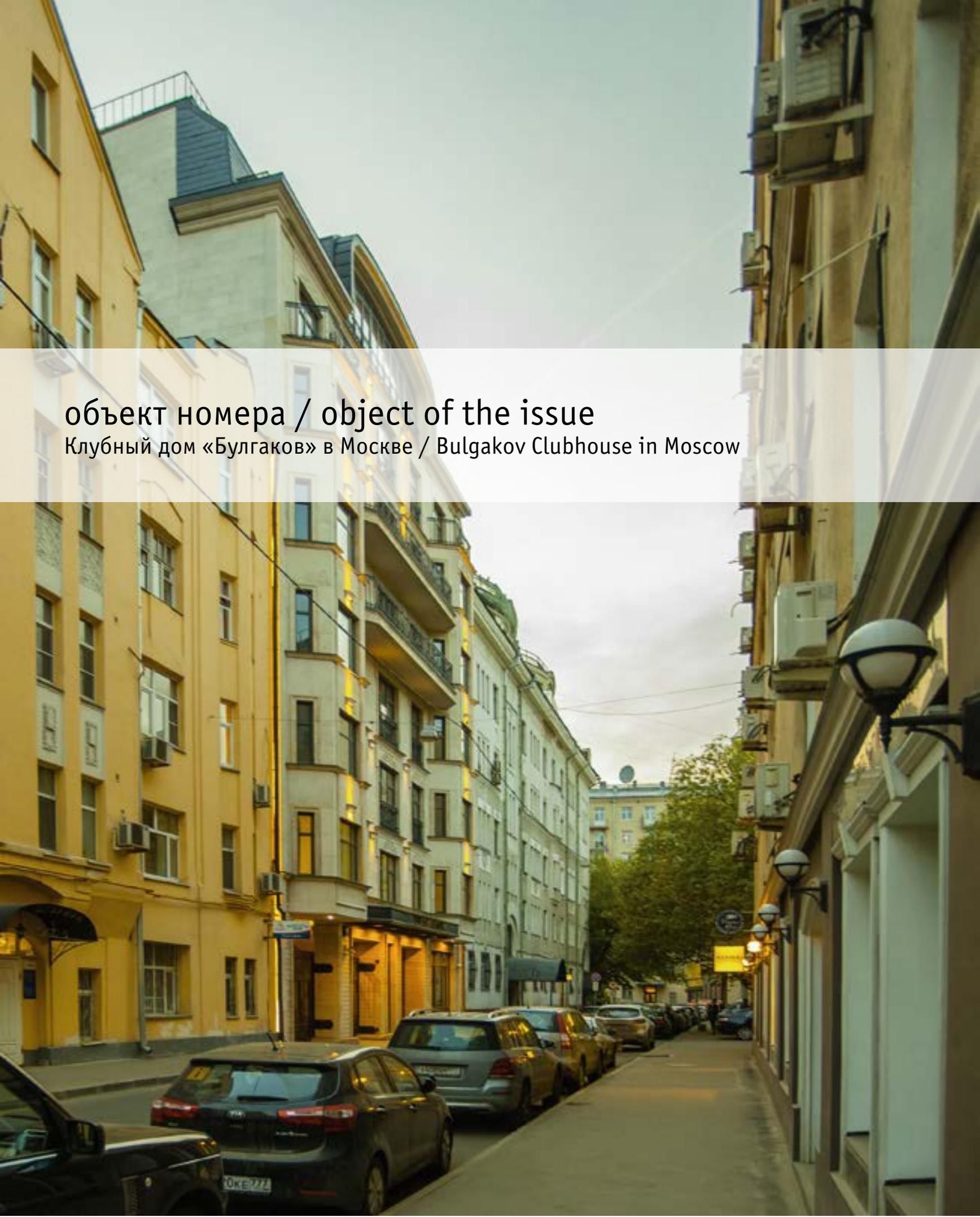
Была ли возможность у авангардистов защищать свои позиции? Нет, конечно. Пришлось привыкать к жизни в условиях двоемыслия и страха. Моисей Яковлевич Гинзбург в 1937 году натужно произносил речи о пользе постижения уроков прошлого... Советской власти необходима была монументальная пропаганда средствами архитектуры, также как и средствами литературы, театра, кино... Нужна была гигантская декорация новой богатой

жизни, прикрывающая невзрачные кулисы реальной нищенской действительности. Так что обращение к проверенным методам и мастерам, которые понимали толк в историческом наследии и дворцах, было абсолютно логичным.

А как же демоны? А демоны тоже бывают разные и поддерживают разные стили и методы. Те, что дружили с Жолтовским, Щусевым, Троицким, Фоминым, тоже кое-что в архитектуре понимали и были гораздо старше и опытнее юных демонов Гинзбурга, Мельникова и Ладовского. Зато в начале XXI века эти некогда юные демоны взяли реванш, хотя они тоже повзрослели и нет уже в них былого энтузиазма и задора.

v Каро Алабян. Проект торгового дома с магазинами, конторой и гостиницей, 1927 г.

A street view in Moscow showing multi-story buildings, parked cars, and street lamps. The buildings are a mix of yellow and white facades. The street is lined with cars, and there are street lamps on the right side. The sky is overcast.

объект номера / object of the issue

Клубный дом «Булгаков» в Москве / Bulgakov Clubhouse in Moscow

БУЛГАК

25

В течение последних пятидесяти лет качество строительства непрерывно снижается в соответствии с идеологией быстрого обновления всей сферы потребления. В результате дома, построенные в 1950-х годах, продолжают оставаться элитными, несмотря на почтенный возраст. Дом «Булгаков» (объект номера) построен в историческом центре Москвы. Качество проекта и постройки, бережное и внимательное отношение к исторической среде места делают этот объект примером настоящей элитарности.

Ключевые слова: элитная недвижимость, современная архитектура, историческая среда. /

Over the last fifty years, the quality of construction has been constantly declining in light of the ideology of fast updating of the whole sphere of consumption. As a result, the houses built in the 1950s remain elite, despite their respectable age. Bulgakov House (the object of the issue) is built in the historical center of Moscow. The high quality of its design and construction and careful and attentive treatment of the historic environment make this house an example of true elitism.

Keywords: elite real estate; contemporary architecture; historic environment.

Новая элита предпочитает качество / The New Elite Prefers Quality

КОНСТАНТИН ЛИДИН / KONSTANTIN LIDIN
социальный психолог / social psychologist

да! «Свое», даже очень хорошее, не выдерживает конкуренции с таким же, но импортным. Другое дело – дом. Его из Италии не привезешь, так что приходится как-то строить элитное жилье самим. В основном критериями служат простые и понятные элементы – подземная парковка, бесшумные лифты, охраняемая территория, высокие потолки и красивый вид из окон. Имеет также влияние довольно смутное понятие престижности места, в котором расположен дом. Вроде бы богатая история, связь с громкими именами повышают престижность (и, соответственно, стоимость) квадратного метра.

И вот тут выясняется, что жилье, построенное в пятидесяти годах прошлого века, остается элитарным, несмотря на свое сугубо отечественное происхождение и антикварный возраст. Стоимость жилья в сталинских высотках зашкаливает за миллион рублей на квадратный метр, вполне конкурентоспособно с самыми элитными новостройками. Покупателей винтажных квартир можно понять: эти дома уже доказали свою надежность, а вот сохраняют ли новостройки свою первоначальную элитарность через шестьдесят пять лет?

Поразительная добротность и долговечность вещей – оборотная сторона консерватизма и неторопливости эпохи сталинского ампира. Строили мало, но строили честно, прочно, надолго. С хрущевской программой

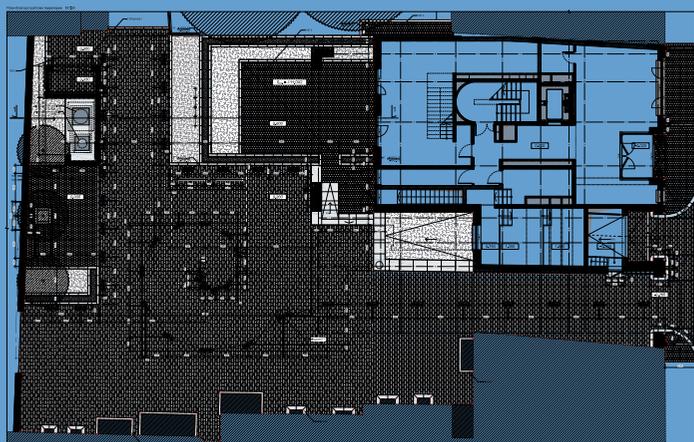
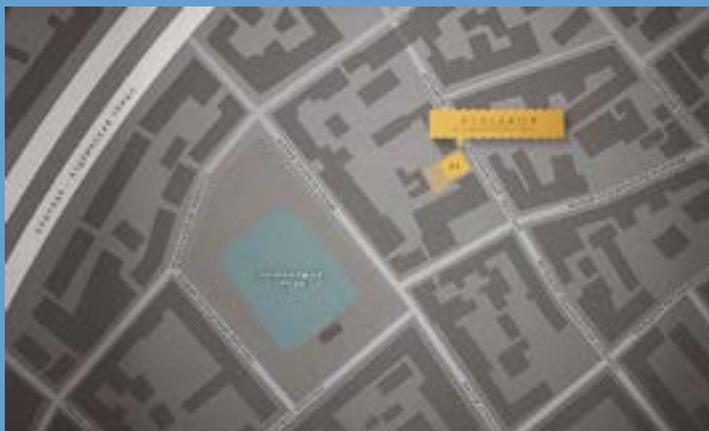
массового строительства пришла новая идеология, основанная на приоритете новизны. Адхократический экстремизм под лозунгами «Любое новое всегда лучше любого старого!» породил эпоху короткоживущих вещей. Поначалу, правда, еще продолжали строить по-совести. Первые хрущевки, рассчитанные на двадцать пять лет эксплуатации, уже простояли вдвое дольше и продолжают пользоваться спросом. Несносимые серии должны были простоять пятьдесят лет, но сегодня им уже пророчат в три раза дольше срок жизни. Вряд ли почтенные «панельки» так окрепли за полвека. Скорее сползли вниз критерии и нормы качества строительства, так что сегодня на фоне уже привычного потока одноразовой халтуры «временки» пятидесятилетней давности выглядят весьма солидно.

Объект этого номера ПБ, дом «Булгаков», – объект во всех смыслах средовый. Особая среда Патриарших прудов пропитана причудливой и противоречивой историей российского государства, церкви и культуры. Четыреста лет назад пламенный патриарх священномученик Гермоген основал тут свою резиденцию. Сто лет спустя другой патриарх выкопал пруды для разведения рыбки к постному столу. В гостях у Ивана Дмитриева здесь бывали литературные знаменитости золотого века русской литературы, и здесь же родилась Марина Цветаева, а на переходе от Серебряного века к «железному» Булгаков развернул на этих подмостках свою мистерию.

Скажите, будет ли считаться элитарным автомобиль ЗИС выпуска 1950 года? Или, скажем, мебель ленинградской фирмы «Интурист» примерно тех же лет? Термос «Ласточка фабричная марка» китайского производства? Вряд ли. Причуда коллекционера, забавные, ностальгичные, даже чуть эпатажные – на фоне бурных дискуссий о сталинизме – вещи. Но не элитарные! Другое дело – сталинские жилые дома.

С элитарностью в архитектуре у нас вообще как-то неясно. Все, что можно привезти из-за границы (лучше всего с Запада, несколько слабее смотрится Япония) элитарно уже по факту своего происхождения. Итальянская мебель – да, немецкая домашняя техника – о

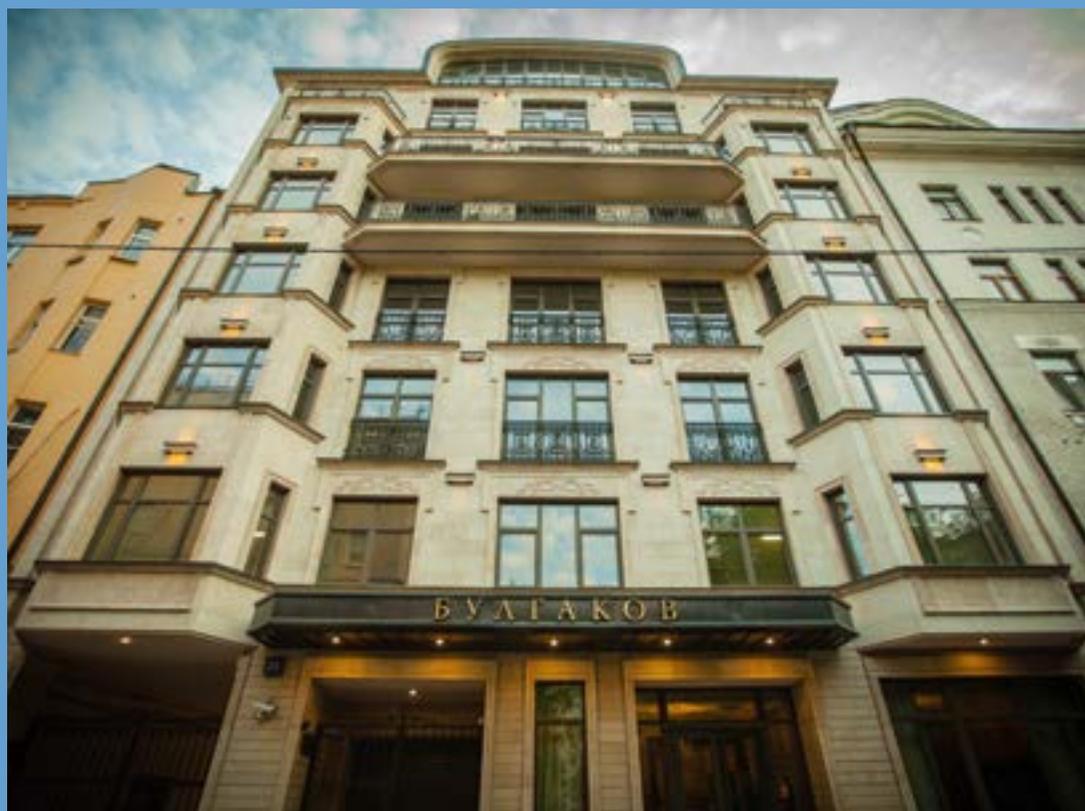
Жилой дом со встроенными нежилыми помещениями. Москва, Большая Козихинский пер., 25, стр.1
Заказчик:
ТСЖ «ВЕКТОР»
Проектировщик:
ООО «А-Б студия»
генеральный директор
А. Чельцов
ГАП А. Сергеев
ГИП М. Сундеев
главный конструктор А. Бочков
конструктор А. Газин

В домах по проектам Жолтовского и учеников жили купцы Тарасовы и военачальники Красной армии. Здесь же стоит дом «Патриарх» (С. Ткаченко), многократно обруганный, отнесенный З. Паперным к «худшим образцам лужковской архитектуры» и принятый в коллекцию Архитектурного музея им. Щусева. Кстати, качество декора на доме «Патриарх» вполне современное: конструкции на крыше из обычного дерева уже подгнивают, а псевдоантичные статуи изготовлены из дешевого стеклопластика с покрытием «под камень».

Дом «Булгаков» вряд ли вызовет такие ожесточенные споры. Он мирно, культурно и деликатно вписан в среду. Главный фасад (со стороны Большого Козихинского переулка) выглядит несколько антропоморфно. Его массивные «плечи» возвышаются над соседними зданиями. Контраст с округлым силуэтом «головы» пентхауса такой, как будто дому отвели мало места, он с трудом туда втиснулся, но терпит из уважения к соседям. Нет впечатления тянущихся вверх, встающих на цыпочки сталинских высоток. Но нет и вальяжной, расплывающейся тучности «лужковского стиля». Дисциплинированный такой дом, как очень крупный, хорошо воспитанный человек в тесной и старой, заставленной антиквариатом комнате.

Дом «Булгаков» в меру эклектичен. В пропорциях объемов, в немногочисленных элементах декора, в материале облицовки можно заметить аллюзии на тему и

модерна, и классицизма. Кованые перила французских окон перекликаются с чикагской школой Салливана. Добротность постройки и отделки ощущается даже снаружи, как у зданий пятидесятих годов. Впрочем, автор обошелся без прямого цитирования: одни тонкие намеки, отдаленное эхо смыслов и приемов, как в классической китайской поэзии.

Если посчитать, что дом «Булгаков» отражает собой образ новой московской элиты, то получается очень даже оптимистично. Сдержанное и внимательное отношение к сложной, противоречивой, насыщенной яркими образами среде – это как раз то, чего так хочется вот уже несколько десятилетий. Весь предыдущий период модно было реагировать на эту непростую среду

очень нервно: кто ее пытался изо всех сил игнорировать, а кто – истерически с ней сражался. А тут вот взял архитектор и не стал ничего доказывать, опровергать, дерзить и демонстрировать. Просто сделал свое дело честно и аккуратно, да еще и добился такого же отношения от строителей. И получилось хорошо.

КОММЕНТАРИЙ АРХИТЕКТОРА / THE ARCHITECT'S COMMENTS

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВ / ALEXEI SERGEEV
автор / author

Клубный дом «Булгаков» расположен в Большом Козихинском переулке, близ Патриарших прудов. Это самое сердце старой Москвы, где встречаются все ее истории: архитектурная, литературная, аристократическая, деловая, творческая.

«Булгаков» – восьмиэтажный жилой дом с двухуровневым подземным паркингом на 26 автомобилей. 12 квартир площадью от 150 до 340 кв. м имеют свободную планировку. На 1-м этаже размещены ресепшен, комната консьержки, гостевая зона и лобби. Со стороны двора на 1-м и 2-м этажах расположена двухуровневая квартира со своей собственной лестницей и террасой. Далее до 7-го этажа – по две квартиры на этаже. Седьмой этаж занимает самая большая квартира, площадью 361 кв. м. На 8-м этаже находится просторный пентхаус с великолепным видом на центр Москвы.

Проект имеет долгую историю. На начальном этапе над ним работал архитектор, который связывал образ здания с более современной архитектурой. Была пройдена экспертиза, но проект перешел в руки другому заказчику. Новый заказчик поставил другие задачи, которые привели к корректировке проекта с прохождением повторной экспертизы. Основная цель заключалась в создании дорогой классической архитектуры. Предполагалось элитное жилье с большими квартирами и современной инженерией, при этом заказчик ориентировался на французскую архитектуру.

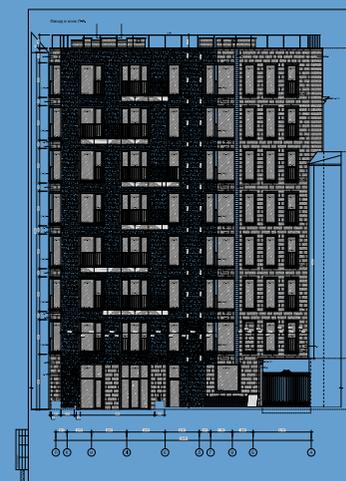
Первые мои эскизы напоминали скорее современную архитектуру с элементами классики, отдаленно напоминающие проекты И. В. Жолтовского. В ходе показов удалось соединить основную идею с желанием заказчика воплотить элементы французской архитектуры со стороны главного фасада (строгость, симметрия, эркеры, французские балконы с коваными ограждениями, скатная кровля с большим витражом по центру). В решении внутренней части здания был применен современный подход, но с использованием классических вставок для сохранения целостности архитектурного замысла (легкость, асимметрия, прыгающие балконы, угловые окна и отсутствие скатной кровли).

Главный фасад имеет условные элементы, которые только напоминают классику. Мы создали свою систему с подробной разработкой всех элементов фасада по прин-

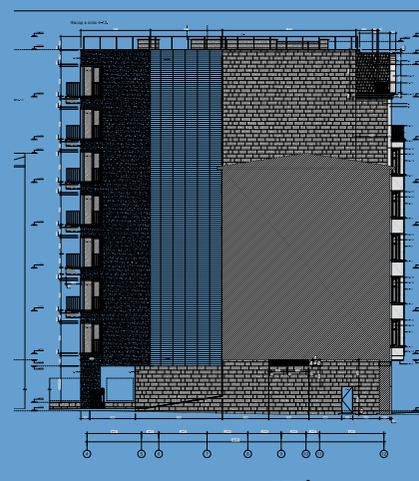
ципу модульности, что позволило легко играть элементами и быстро выстраивать нужный образ как для главного, так и для дворового фасада. Основным материалом здания стал натуральный камень толщиной не менее 30 мм немецкой компании «Франкен-Шоттер».

Главный конструктор проекта А. А. Бочков в соответствии с задачами заказчика реализовал идею подвесить левую часть здания со стороны главного фасада над аркой. Конструкция придумана таким образом, что полностью висит, опираясь на стену вдоль ramпы для подземного гаража. Левый торец с главного фасада не опирается на соседнее здание, а только прикасается к нему. Левая колонна под аркой является с конструктивной точки зрения муляжом и выполняет декоративную функцию для сохранения образа симметричного фасада.

Четкие линии и строгий ритм объемов клубного дома создают легкую эмоциональную картину и не нарушают общую, исторически сложившуюся архитектурную композицию. Главный фасад здания выходит на Большой Козихинский переулок. Сдержанный и интеллигентный облик здания лишен сложных и перегружающих элементов декора, что создает гармоничный образ дома. Основным украшением фасада стали французские балконы: их точечные кованые перила призваны добавить изящества, а широкие окна максимально наполняют квартиры воздухом и светом. Внутренний двор дома отличается не

167

только его обрамление, но и наполнение: терраса и балконы выходят в милый зеленый двор. А фасад здания, обращенный во внутренний двор, задает тональность современной городской жизни за счет своего архитектурного решения.

КОММЕНТАРИЙ РЕДАКТОРА, любителя качественной архитектуры и качественной литературы / COMMENTS OF THE EDITOR, Who Likes Architecture and Literature of High Quality

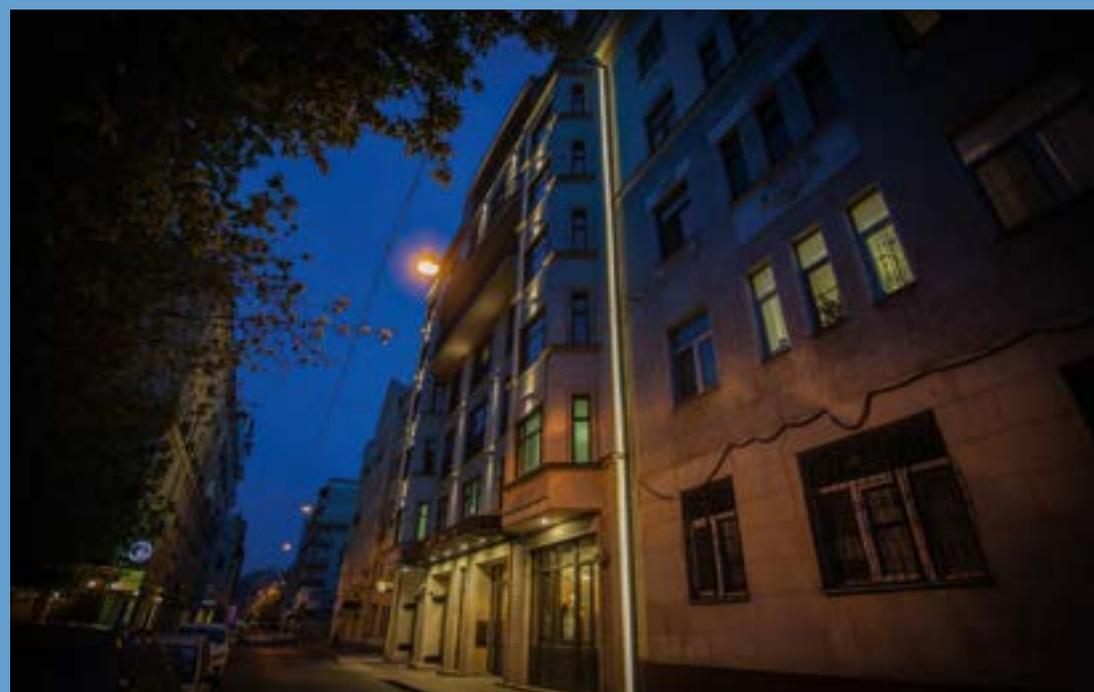
ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА / ELENA GRIGORYEVA
главный редактор ПБ / editor-in-chief

На Большой Садовой
Стоит дом здоровый.
Живет в доме наш брат –
Организованный пролетариат.
И я затерялся между пролетариатом,
Как какой-нибудь, извините за выраже-
ние, атом.

Михаил Булгаков, 1920-е

Этот дом имеет имя.

Думаю, что назван так он был не только потому, что под этим звучным именем легче продать дорогие квартиры в центре столицы. Могу предположить, что он и ориентирован был именно на тех, кто гонялся за номерами журнала «Москва» в конце 60-х, мечтал попасть на легендарного таганского «Мастера» в 77-м – и тем не менее разбогател настолько, что в новом тысячелетии (и в новой общественной формации) оказался способен решить свой квартирный вопрос покупкой жилища в центре Москвы. Неплохая компенсация за то, что в 73-м ему,

конечно же, не досталась заветная книга, выпущенная до смешного малым для СССР тиражом в 30 тысяч экземпляров.

Дом находится в одном квартале от Патриарших, почти одинаково близко от Большой Садовой, 10, с ее нехорошей квартирой и от театра «Варьете». Из его окон открывается вид на гостиницу «Пекин» и дом «Патриарх». Его местоположение легко сформулировать: рядом с... А это есть верный признак элитарности. Так что с качеством места, его уникальностью и выявленной идентичностью здесь все нормально.

Качество проекта и его исполнения, что немаловажно и, увы, не само собой разумеется в нашей практике, – тоже достойное. Думается, что высота потолков, как и высота технологий вполне удовлетворили бы даже профессора Преображенского. Здесь присутствуют благородство, элегантность, легкость и сдержанный стиль. Четкие линии и строгий ритм объемов не нарушают историческую сложившуюся архитектурную композицию развертки фасадов зданий по Большому Козихинскому переулку.

Можно предположить, что именно уместность и чувство собственного достоинства, заложенные в архитектурном решении, обратили симпатии высокого жюри ЗВС-15 на этот дом, ставший лауреатом в номинации «Жилые здания» раздела «Постройки».

Авторам приносим поздравления: еще один неплохой памятник, как раз к 125-летию со дня рождения любимого писателя. И жильцам – поздравления с удачным решением квартирного вопроса. Если позволят себе завести кота, наверняка назовут Бегемотом...

> Рис. 1. Заха Хадид на обложке журнала El Croquis / Zaha Hadid on the cover of El Croquis

Abstract: Starchitect Zaha Hadid won the bid to design one of the planned stadiums for the 2022 FIFA World Cup event in Qatar. Her design for the Al-Wakrah stadium became the centerpiece of a discussion on the role that starchitects play in society. That debate reached a boiling point in August 2014, and resulted in a digital lynching party that sheds serious doubts on the ethics and professionalism of architectural critics and journalists alike.
Keywords: starchitect; Zaha Hadid; Al-Wakrah stadium; 2022 FIFA World Cup; Qatar; migrant workers; Nepal; India; deaths; architectural critics; Martin Filler; The Guardian /

Архитектурная звезда Заха Хадид выиграла тендер на проектирование одного из стадионов, на которых планируется проведение Чемпионата мира по футболу в Катаре в 2022 году. Ее проект стадиона в Аль-Вакре вызвал множество споров на тему того, какую роль в обществе играют выдающиеся архитекторы. Эти споры достигли критической точки в августе 2014 года и привели к «цифровым гонениям», которые ставят под сомнение этику и профессионализм как архитектурных критиков, так и журналистов. Ключевые слова: архитектурная звезда, Заха Хадид, стадион в Аль-Вакре, Чемпионат мира по футболу – 2022, ФИФА, Катар, рабочие-мигранты, Непал, Индия, смертельные случаи, архитектурные критики, Мартин Филлер, «Гардиан».

Бессильная звезда архитектурной элиты

О том, как Заха Хадид стала первым человеком, действительно скончавшимся во время строительства стадиона «Аль-Вакра»

текст

Франк ван дер Хувен /
text
Frank van der Hoeven

Возможно, причиной стало то, КАК она это сказала. В конце концов, разве она должна была обсуждать ситуацию в Ираке? Вполне вероятно, сыграл роль тот факт, что сказала это именно ОНА. Ведь, мягко говоря, пресса не очень-то любит Заху Хадид. А возможно, просто САМ ФАКТ, что она это сказала. Архитекторам нравится считать себя значимыми. Им неприятно слышать обратное.

Неважно как, но высказывание Захи Хадид по поводу условий, в которых трудятся рабочие-мигранты в Катаре (и ее заявление, что она не может сделать что-либо для улучшения этих условий), вызвало настоящий «поток нечистот» (Pedersen, 2014) в архитектурных интернет-СМИ в конце августа 2014 года. Для тех, кто не посещает архитектурных блогов и у кого в списке друзей на «Фейсбуке» нет архитекторов или архитектурных критиков, необходимо дать краткую характеристику.

Кем была Заха Хадид?

Сначала Заха Хадид рисовала здания лишь на бумаге. Затем она стала известным архитектором, и этой профессией она владела превосходно. Она – первая женщина в мире, ставшая лауреатом Притцкеровской премии в области архитектуры (The Hyatt Foundation, 2004). Для архитекторов Притцкеровская премия значит то же, что Пулитцеровская премия значит для журналистов, а Нобелевская – для физиков. Заха Хадид также стала первой женщиной-лауреатом Золотой медали Королевского института британских архитекторов (RIBA) (Royal Institute of British Architects, 2016). Она стала дамой-командором ордена Британской империи. Кроме того, Заха Хадид появилась на обложке журнала El Croquis, а ведь El Croquis для архитекторов – то же, что Vogue для моделей. Фото на обложке – атрибут большого успеха. Несомненно, Заха Хадид добилась успеха в мировой архитектуре, став настоящей звездой. Она также слыла личностью одиозной. Эти две характеристики хорошо сочетались, принося ей успех до самой ее смерти, которая внезапно наступила 31 марта 2016 года.

Какова ситуация с рабочими-мигрантами в Катаре?

В сентябре 2013 года британская газета «Гардиан» опубликовала репортаж о плохих условиях труда рабо-

чих-мигрантов в Катаре. Стоит отметить, что в Катаре подавляющее большинство (94 %) трудящегося населения составляют рабочие-мигранты. В статье «Гардиан» говорится о том, что сегодняшнее положение рабочих, близкое к статусу рабов в Катаре, подрывает репутацию ФИФА, и приводятся примеры эксплуатации и жестокого обращения со строителями из Непала. По данным «Гардиан», во время подготовки к Чемпионату мира по футболу – 2022 уже погибло несколько десятков преимущественно молодых непальцев.

Вслед за своей первой статьей газета «Гардиан» публикует вторую статью, где приводится предупреждение Международной конфедерации профсоюзов о том, что строительные работы для подготовки к предстоящему Чемпионату мира к 2022 году могут унести жизни до 4 тыс. рабочих. Такой прогноз был основан на экстраполяции данных о смертельных случаях среди рабочих-мигрантов на конец 2013 года.

В следующей статье, вышедшей в январе 2014 года, акцент был перемещен с условий труда на рост количества жертв. Были процитированы официальные документы, где речь шла уже не о десятках, а о 185 молодых выходцах из Непала, умерших в 2013 году в Катаре (Pattison, 2013)

Месяц спустя «Гардиан» объявила, что в результате подготовительных работ к Чемпионату ФИФА – 2022 умерло около 500 мигрантов из Индии: 237 рабочих в 2012 году и 241 – в 2013 году. В статье приводится распределение рабочей силы по национальностям: Индия – 22 %, Пакистан – 22, Непал – 16, Иран – 13, Филиппины – 11, Египет – 8 и Шри-Ланка – 8 %

Что говорят критики о стадионе Захи Хадид?

Одновременно газета «Гардиан» критикует проект Захи Хадид для стадиона в Аль-Вакра (بن دو عرس بعلج). В ноябре 2013 года выходит статья под заголовком «Спортивный стадион Захи Хадид: "Слишком большой, слишком дорогой, слишком похож на вагину"» (Wainwright, 2013). Я не считаю себя экспертом ни в газетной этике, используемой архитектурными критиками. Но заявление, что стадион «Аль-Вакра» похож на «вагину, которую видно из-за

Maybe it was simply the WAY she said it. Why did she have to bring up the situation in Iraq anyway? Quite possibly it was that fact that SHE said it. The press doesn't exactly love Zaha Hadid (to put it mildly). Perhaps it was just THAT she said it. Architects like to think they matter. Pointing out that they do not isn't a message they like to hear.

No matter the reason, the Zaha Hadid's quote concerning conditions for migrant workers in Qatar (and her statement that she couldn't do much about it) caused a true 'shitstorm' (Pedersen, 2014) in the architectural online media in late August 2014. For those who don't visit architecture blogs, or who haven't got any architects or architectural critics among their Facebook friends, some introduction may be required at this point.

Who was Zaha Hadid?

Zaha Hadid used to paint architecture. She then became a famous architect. She was pretty good at it. She is the first ever female laureate of the Pritzker Architecture Prize (The Hyatt Foundation, 2004). The Pritzker Prize is to architects what the Pulitzer Prize is to journalists, or what the Nobel Prize is to physicists. Zaha Hadid was also the first female recipient of the RIBA Royal Gold Medal (Royal Institute of British Architects, 2016). She was a Dame of the British Empire. Zaha Hadid also appeared on the cover of El Croquis. If you don't know

what that is: El Croquis is to architects what Vogue is to supermodels. If you get a cover there, you've made it. There is no doubt that Zaha Hadid has made it as starchitect. She was also a controversial persona. Luckily for her, these two qualifications went together well, until she suddenly died March 31st, 2016.

What is the Qatari case about?

In September 2013, the British newspaper The Guardian broke the news on the poor labour conditions to which migrant workers in Qatar are exposed. Bear in mind that almost everyone is a migrant worker in Qatar: a whopping 94% of the working population. The Guardian stated that modern-day slavery in Qatar was putting FIFA's reputation on the line. Its article reported on the exploitation and abuse of Nepalese construction workers in particular. It mentioned dozens of deaths among predominantly young Nepalese men, which occurred in the preparations for the 2022 FIFA World Cup.

Alongside the initial article, The Guardian ran a second article quoting the International Trade Union Confederation warning that the construction work, necessary to host the FIFA World Cup, could claim the lives of as many as 4,000 workers by 2022. The figure of 4,000 deaths was an extrapolation of the details on migrant worker deaths available in late 2013.

The powerless starchitect

How Zaha Hadid became the first person working on the Al-Wakrah stadium that actually did die

огромной вульвы, выпирающей посреди катарской пустыни, вызывает сомнения, имеет ли «Гардиан» какие-либо внутренние языковые нормы и компетентный редакционный совет, следящий за соблюдением этих норм.

Разве проблема в том, что проект похож на «вагину»?

Возможно, задумывалось простое оскорбление. Но, по словам Анни Чой, в проекте «вагины» нет ничего плохого. Анни Чой опубликовала интересную статью в студенческом журнале *Pidgin*, выпускаемом Принстонской архитектурной школой два раза в год, под заголовком «Уважаемые архитекторы, меня тошнит от вашего дерьма» (Choi, 2007).

В своей статье она говорит о связи между хроническим недосыпом (распространенным среди архитекторов) и проектами домов, которые напоминают стеклянные фаллосы. Напротив, здания, напоминающие вагины, по ее словам, создаются архитекторами, которые от недостатка сна не страдают. Чой ошиблась, приписывая авторство подобных зданий Рему Коолхаасу, а не Захе Хадид. Коолхаас и Хадид работали вместе в ОМА (Office of Metropolitan Architecture). Имеются редкие фотоматериалы, на которых оба звездных архитектора еще молоды. Но это совсем другая история.

Обладает ли звезда архитектуры реальной силой?

Две сюжетные линии, широко обсуждаемые в СМИ и касающиеся смертей рабочих-мигрантов и чувственных очертаний стадиона, сошлись в одной точке в конце февраля 2014 года, когда Заха Хадид выступила с речью в Лондонском центре водных видов спорта. Как потом было изложено в прессе, на вопрос об условиях труда рабочих-мигрантов в Катаре Заха Хадид ответила, что гибель рабочих-мигрантов, возможно, и является серьезной проблемой, но ее решением должно заниматься правительство Катара, а не она как архитектор.

Когда ее спросили, обеспокоена ли она этой проблемой, Заха Хадид добавила: «Да, но я еще и обеспокоена гибелью людей в Ираке, но что я могу сделать? Я не принимаю это с легким сердцем, но думаю, что именно правительство должно решать подобные проблемы. В мои обязанности архитектора это не входит... Я ничего не

могу сделать, так как не обладаю необходимой для этого властью. Полагаю, такая проблема может возникнуть в любой точке мира. Но, как я уже сказала, во всем мире можно встретить несоответствия» (Riach, 2014).

Архитектор упомянула ситуацию в Ираке – в ее родной стране, истерзанной войной. Возможно, она намекнула на роль Великобритании в дестабилизации обстановки в Ираке, пытаясь достойно ответить на острый вопрос британского журналиста.

Сколько рабочих умерло в результате строительства стадиона в Аль-Вакре?

Сначала появился газетный репортаж, согласно которому в Катаре умерло 185 непальцев. Затем последовал прогноз о том, что до 2022 года (года проведения Чемпионата мира по футболу) среди рабочих-мигрантов могут произойти еще 4 тыс. смертельных случаев. Сюда добавилось число умерших индийских рабочих: 500 человек. В июне 2014 года «Нью-Йоркский книжный обзор»

^ Рис. 2. Рабочие-мигранты в Дохе (Катар) / Migrant workers in Doha, Qatar

A January 2014 follow-up article shifted the focus away from working conditions and zoomed in on the increasing death toll instead. The article cited official documents which revealed that, not dozens, but a total of 185 young Nepalese men had died in 2013 during their stay in Qatar (Pattison, 2013)

One month later, The Guardian reported that some 500 Indian migrant workers had also died as a result of the preparatory work for the 2022 FIFA World Cup: 237 Indian migrant workers in 2012, and 241 in 2013. The article also provided a breakdown of the workforce by nationality: Indian 22%, Pakistani 22%, Nepalese 16%, Iranian 13%, Filipino 11%, Egyptian 8%, and Sri Lankan 8%: totalling 100%.

What do the critics say about her stadium?

In parallel, The Guardian was criticising Zaha Hadid's design for the Al-Wakrah stadium (مدرج لادبوع نب دوعس بعلم). In November 2013, it ran the headline: "Zaha Hadid's sport stadiums: 'Too big, too expensive, too much like a vagina'" (Wainwright, 2013). Personally, I am not an expert on newspaper ethics, nor on the vocabulary used by architectural critics. But stating that the Al-Wakrah stadium resembled "a vagina, rising out of the Qatari desert in a great vulvic bulge" makes you wonder if The Guardian has any internal guidelines on the use of language, and if there is a qualified editorial board to enforce them.

But is there a problem with designing 'vagina'?

Maybe it was meant as a plain insult. But according to Annie Choi there is in fact nothing wrong with designing 'vagina'. Annie Choi wrote a must-read article in Pidgin magazine, the biannual student publication of the Princeton School of Architecture: "Dear Architects, I am sick of your shit" (Choi, 2007).

In this article she links chronic lack of sleep (common among architects) to designing buildings that resemble glass dildos. On the contrary, buildings that resemble vaginas, she argued, are the result of designers who had enough sleep. Choi makes a mistake by attributing the design of buildings that resemble vaginas to Rem Koolhaas and not to Zaha Hadid. Koolhaas and Hadid worked together in the 1970s in the Office of Metropolitan Architecture (OMA) and there is some rare photographic material that testifies that both starchitects were once young. But that is a whole other story.

Does a starchitect actually have power?

The storylines on migrant worker deaths and the sensually shaped stadium converged in late February 2014, when Hadid was speaking at the London Aquatics Centre. Asked about the migrant workers' conditions in Qatar, Hadid was quoted as having said something to the effect of dying migrant workers perhaps being a serious problem but

в Рис. 3. Стадион «Аль-Вакра» по проекту Захи Хадид / Al-Wakrah stadium by Zaha Hadid.

that it was more a matter for the Qatari government to sort out, not for her as an architect.

Asked if she was concerned, Hadid added: "Yes, but I'm more concerned about the deaths in Iraq as well, so what do I do about that? I'm not taking it lightly but I think it's for the government to take care of it. It's not my duty as an architect to look at it... I cannot do anything about it because I have no power to do anything about it. I think it's a problem anywhere in the world. But, as I said, I think there are discrepancies all over the world" (Riach, 2014).

By pointing to the situation in Iraq she referred to the war-torn country in which she was born. She may have hinted at the role the United Kingdom played in destabilising Iraq in an attempt to hit back at the British journalist who posed the thorny question.

How many workers supposedly died as a result of the construction of the Al-Wakrah stadium?

It started with a newspaper report on the 185 Nepalese who died during their stay in Qatar, and a forecast that 4,000 more migrant worker deaths could follow up to 2022, the year of the FIFA World Cup. The numbers for Indian workers were then added to this: 500 dead. In June 2014, the New York Review of Books published a review of Rowan Moore's 'Why We Build: Power and Desire in Architecture'. The review

mentions a total figure of 1,000 deaths.

That review was written by Martin Filler, a prominent American architectural critic, someone who may have studied architecture but then decided to make a living by writing about it with a venomous pen. In his review Filler stated: "She has unashamedly disavowed any responsibility, let alone concern, for the estimated one thousand laborers who have perished while constructing her project thus far" (Filler, 2014a).

By 'her project' Filler was referring to Zaha Hadid's Al-Wakrah stadium. Apparently all the hardship experienced by 1.39 million migrant workers cumulates in just one building. No critic or journalist cared to make a comment or reference to the Lusail Iconic stadium designed by Norman Foster (Walker, 2015), or to the Doha metro stations designed by Ben van Berkel (UNStudio, 2012) to name just a couple of projects by British and Dutch architects who are also working on the infrastructure for the 2022 FIFA World Cup in Qatar. The Lusail Iconic Stadium (يلودلا لىسول بعلم) is the main venue of the World Cup and more important than the Al-Wakrah stadium.

When Filler wrote his inflammatory comments, he even ignored the fact that construction at the Al-Wakrah site had not yet started. Thousands of poor workers dead because of the indifference of a

опубликовал рецензию на книгу Рована Мура «Почему мы строим: сила и страсть в архитектуре». В обзоре упоминается общее количество смертей – тысяча.

Рецензия была написана Мартином Филлером, знаменитым американским архитектурным критиком. Возможно, он когда-то учился архитектуре, но потом решил зарабатывать тем, что напишет его язвительное перо. Вот что он говорит в своей рецензии: «Она беззащитно отрицает какую-либо ответственность, не говоря уж о беспокоестве за жизни тысячи рабочих, угасших при строительстве ее объекта» (Filler, 2014a).

«Ее объектом» Филлер называет стадион Захи Хадид в Аль-Вакре. Судя по всему, все тяготы, которые довелось испытать 1,39 млн рабочих-мигрантов, сконцентрировались в одном здании. Ни один критик или журналист не уделил внимание стадиону в Лусаиле (Lusail Iconic Stadium) по проекту Нормана Фостера (Walker, 2015) или станциям метро в Дохе, спроектированным Беном ван Беркелем (UNStudio, 2012). Это лишь пара проектов британского и голландского архитекторов, которые также работали над инфраструктурой для Чемпионата мира по футболу – 2022 в Катаре. Стадион в Лусаиле (يلودلا لىسول بعلم) – ключевое место проведения Чемпионата мира и имеет большее значение, чем стадион в Аль-Вакре.

В своих провокационных комментариях Филлер обошел вниманием тот факт, что строительство стадиона на участке в Аль-Вакре еще не началось. Тысячи несчастных рабочих умерли из-за безразличия высокомерной женщины – элитного архитектора – такую картину Филлер хотел изобразить в ярких касках.

Можно ли подать в суд на критика, обвиняющего тебя в массовом убийстве?

Прошло целое лето, пока инцидент дошел до точки кипения. К концу августа 2014 года Заха Хадид подала в суд и на Филлера, и на «Нью-Йоркский книжный обзор» (Schellenbaum, 2014). С этого момента дело получает широкую огласку, взорвав блоги и социальные сети. К обсуждению конфликта присоединились и ведущие СМИ: Architect (журнал Американского института архитекторов), Architizer, Curbed, Dezeen, Dozen, Global Construction

Review, Huffington Post, Metropolis Magazine и даже Vanity Fair.

Нехорошо возбуждать иск против архитектурного критика. Настолько нехорошо, что многие, не обращая внимание на факты, охотно приняли участие в «цифровых гонениях». «Эта женщина намного глупее, чем я думал», «Ей надо было подать в суд на умерших рабочих», «Она еще должна подать в суд на "Господа Бога" за то, что он сделал ее лицо похожим на башмак» – одни из самых «дружелюбных» онлайн-комментариев, попавшихся мне на глаза тем летом. И что интересно, чем грубее становились комментарии, тем больше «лайков» она получала. Несомненно, Заха Хадид перешла Рубикон.

Но была ли она права?

Перспектива судебного процесса в Верховном суде штата Нью-Йорк сыграла свою роль. «Нью-Йоркский книжный обзор» поспешил опубликовать открытое письмо, чтобы взять обратно первоначальное заявление (Goldberger, 2014).

«В моей рецензии на книгу Рована Мура «Почему мы строим: сила и страсть в архитектуре» [NYR, June 5] я процитировал слова архитектора Захи Хадид, автора проекта стадиона «Аль-Вакра» в Катаре, сказанные в феврале 2014 года в Лондоне в ответ на вопрос, касающийся смерти сотен рабочих-мигрантов при строительстве объектов в Катаре (по данным газеты «Гардиан», опубликованным неделей раньше). Я написал про «жизни тысячи рабочих, угасших при строительстве ее объекта».

Однако работы на участке под строительство стадиона в Аль-Вакре спустя два месяца после вышеупомянутого ответа госпожи Хадид еще не начались, их начало запланировано лишь на 2015 год. Соответственно, ни один рабочий не умер во время строительства стадиона в Аль-Вакре, а процитированные мною слова госпожи Хадид по поводу Катара не имеют никакого отношения ни к участку в Аль-Вакре, ни к любому другому ее проекту» (Martin Filler, 2014b).

Значит, архитекторы не виноваты?

Как только в 2013 году появились сообщения о гибели рабочих-мигрантов, правительство Катара попросило

> Рис. 4. Архитектурное бюро ОМА: молодые Рем Коолхаас, Заха Хадид (стоят), Элиа Зенгелис, Зои Зенгелис и Маделон Фризендорп в 1975 году / OMA with a young Rem Koolhaas, Zaha Hadid (standing), Elia Zenghelis, Zoe Zenghelis and Madelon Vriesendorp in 1975

международную юридическую компанию DLA Piper заняться этим вопросом. В апреле 2014 года DLA Piper опубликовала обзор состояния условий труда в Катаре (DLA Piper, 2014). Это первый документ, содержащий подробный анализ условий труда рабочих-мигрантов. В нем приводится длинный перечень рекомендаций по улучшению прав рабочих, особое внимание в котором уделено принятию мер и участвующим сторонам. В нем представлен интересный анализ (полезный, в частности, для решения споров вокруг стадиона «Аль-Вакра») так называемых сфер ответственности: названы общественные и частные лица, которые непосредственно могут повлиять на улучшение условий труда рабочих-мигрантов в Катаре, учитывая особенности различных юрисдикций. При этом среди влиятельных лиц архитекторы не упоминались. К трем главным группам влияния относятся:

«1. Государство Катар (а именно Министерство иностранных дел Катара (включая Бюро по вопросам прав человека), Министерство труда и социальных дел, Министерство внутренних дел (включая Управление по правам человека), Верховный совет по вопросам здравоохранения и судебная система);

2. Правительства государств, из которых прибыли рабочие-мигранты;

3. Негосударственные организации, такие как Фонд Катара, Верховный комитет, Национальный комитет по правам человека и другие представители частного сектора, в особенности крупные и ведущие международные компании» (DLA Piper, 2014).

И все же, на самом ли деле в Катаре среди рабочих-мигрантов зафиксирована чрезмерная смертность?

Рабочие-мигранты действительно умирают в Катаре, но противоречивость ситуации состоит главным образом в предположении, что смерть 185 непальских и 241 индийского рабочего-мигранта в 2013 году произошла в результате тяжелой подневольной работы в экстремальных климатических условиях. Если мы хотим зафиксировать «чрезмерную смертность», необходимо принять во внимание, что смерть может наступить и в «нормальных» условиях. Не хочется об этом думать, но молодые люди

female starchitect with an attitude; that was the picture Filler wanted to paint in vivid colours.

Can you sue a critic if he accuses you of mass murder?

It took most of the summer before the case reached a boiling point. By late August 2014, Zaha Hadid sued both Filler and the New York Review of Books (Schellenbaum, 2014). From that moment the case went viral. Blogs and social media exploded, and mainstream media joined the fray: Architect (the journal of the American Institute of Architects), Architizer, Curbed, Dezeen, Dozen, Global Construction Review, Huffington Post, Metropolis Magazine and even Vanity Fair.

Suing an architectural critic looks bad. So bad, that most of us were no longer willing to look at the evidence and willingly participated in a digital lynching party. “That woman is more stupid than I thought,” “Instead she should sue the workers that died,” “She should also sue ‘God’ for making her face look like a foot” were among the more friendly online comments I read during that summer. And boy, the more brutal the comment, the more likes it received. Zaha Hadid had obviously crossed the Rubicon.

But was she right?

The looming lawsuit before the New York State Supreme Court had a direct impact. The New York Review of Books hastily retracted its

действительно могут умереть и в «нормальных» условиях. Они не бессмертны: дорожно-транспортные происшествия, самоубийства и болезни – лишь некоторые причины смерти молодых людей.

В 2013 году в Катаре работало 1,39 млн рабочих-мигрантов, примерно 22 % (306 тыс.) из них – выходцы из Индии и 16 % (222 тыс.) – из Непала. Тогда при грубом подсчете показатель смертности равен 0,8. Предположим, что возраст этих рабочих был в пределах 25–34 лет. Тогда этот показатель вполне типичен для развитых стран. Ни потрясения, ни удивления он не вызывает. По сравнению с показателями развивающихся стран он очень даже хорош.

В 2011 году уровень смертности мужского населения Непала в возрасте 25–29 лет составлял 2,2. Для возраста 30–34 лет этот показатель был равен 2,5 (Central Bureau of Statistics, 2014). Для Индии соответствующие показатели равны 2,1 и 2,9 (Open Government Data Platform India, 2016).

Если представить, что непальские и индийские рабочие-мигранты не поехали в Катар, а остались работать у себя на родине, то по статистике за год от 488 (222 x 2,2) до 555 (222 x 2,5) непальских рабочих умерло бы в Непале, и от 642 (306 x 2,1) до 887 (306 x 2,9) индийских рабочих в Индии. Это приблизительно в три раза превышает число погибших в Катаре в 2013 году. Статистически пребывание рабочих-мигрантов в Катаре оказывает позитивное влияние на показатель их смертности.

До сих пор еще никто не производил этого простого подсчета, но DLA Piper уже процитировала слова индийского посла о том, что «большинство смертей произошло по естественным причинам, поэтому было бы неправильно использовать эти данные в искаженном виде».

Значит, профсоюзы представляли нам картину в искаженном виде?

Международная конфедерация профсоюзов успешно привлекла внимание разных стран к положению рабочих в Катаре. Есть реальные, требующие безотлагательного решения проблемы. В отчете DLA Piper перечислено множество таких проблем: агенты по найму и оплата за наём рабочей силы; спонсорская система Kafala; искажение

initial statement in an open letter (Goldberger, 2014).

In my review of Rowan Moore's 'Why We Build: Power and Desire in Architecture' [NYR, June 5], I quoted comments by the architect Zaha Hadid, who designed the Al Wakrah stadium in Qatar, when she was asked in London in February 2014 about revelations a week earlier in The Guardian that hundreds of migrant laborers had died while working on construction projects in Qatar. I wrote that an "estimated one thousand laborers... have perished while constructing her project thus far."

However, work did not begin on the site for the Al Wakrah stadium until two months after Ms. Hadid made those comments; and construction is not scheduled to begin until 2015. There have been no worker deaths on the Al Wakrah project and Ms. Hadid's comments about Qatar that I quoted in the review had nothing to do with the Al Wakrah site or any of her projects.

Martin Filler (2014b).

So, architects are not to blame?

As soon as the news on migrant workers' conditions broke in 2013, the State of Qatar asked DLA Piper to look into the matter. DLA Piper is a global multinational law firm. In April 2014, DLA Piper published its

review of the labour situation in Qatar (DLA Piper, 2014). This report is the first document to provide a good analysis of the overall conditions that migrant workers were exposed to. It details a long list of recommendations on how to improve workers' rights, focussing on actions and stakeholders. It contains (in the context of the Al-Wakrah controversy) an interesting analysis of the so-called spheres of responsibility: those who can actually influence migrant workers' conditions in Qatar, involving multi-jurisdictional considerations, and implicating both public and private actors. Architects were not singled out as being part of one of these spheres of responsibility. The three major stakeholder groups were:

1. "The State of Qatar (particularly the relevant Ministry of Foreign Affairs (including the Bureau of Human Rights), the Ministry of Labour and Social Affairs, the Ministry of Interior (including the Human Rights Department), the Supreme Council of Health and the Judiciary);
 2. The governments of the States of Origin of migrant workers;
 3. Non-State actors, such as the Qatar Foundation, the Supreme Committee and the National Human Rights Committee, and other public contracting entities and the private sector, particularly large multi-nationals and Lead Contractors."
- (DLA Piper, 2014)

^ Рис. 5. Стадион в Лусаиле Нормана Фостера / Lusail stadium by Norman Foster

Before we forget, is Qatar really the scene of excess migrant worker mortality?

Migrant workers did die in Qatar, but much of the controversy is based on the assumption that the deaths of 185 Nepalese and 241 Indian migrant workers in 2013 were the result of working in an extreme climate under conditions that equal modern-day slavery. If we want to establish 'excess death' we need to consider that deaths occur in 'normal' situations as well. We may not like to think about it, but young people do die in 'normal' situations. They are not immortal: traffic accidents, suicides and disease are the some of the key causes of death among young people.

In 2013, there were 1.39 million migrant workers in Qatar, of which roughly 22% (306,000) were Indian and 16% (222,000) Nepalese. These numbers roughly translate to a mortality rate of 0.8. Let's assume that these workers were somewhere between 25 and 34 years of age. Then, that number is rather typical for developed countries. It is neither shocking nor surprising. Compared to developing countries it is actually pretty good.

In 2011, the estimated age-specific death rate for males in Nepal in the age range 25–29 years was 2.2. For the age range 30–34 years this figure was 2.5 (Central Bureau of Statistics, 2014). Corresponding

figures for India are 2.1 and 2.9, respectively (Open Government Data Platform India, 2016).

Imagine if the Nepalese and Indian migrant workers hadn't travelled to Qatar but stayed and worked at home instead. In this case, statistically between 488 (222,000 x 2.2) and 555 (222,000 x 2.5) Nepalese workers would have died in Nepal, and 642 (306,000 x 2.1) and 887 (306,000 x 2.9) Indian workers in India, all in a year's time. That is roughly three times as much as the death toll in Qatar in 2013. From a statistical point of view, there seems to be a significant positive effect on migrant workers' mortality as a result of their stay in Qatar.

So far, no one has done this simple math, but DLA Piper already quoted the Indian ambassador saying that "most of the deaths are due to natural causes, and therefore, it would be inappropriate to use this data in a distorted manner."

Did trade unions then present us a distorted picture?

The International Trade Union Confederation successfully raised international awareness on the labour situation in Qatar. The issues here are real and urgent. According to the DLA Piper report, multiple problems need to be addressed urgently:

– Recruitment Agents and Recruitment Fees

и подмена контрактов; заработная плата; здоровье и безопасность; условия пребывания; инспекции; свобода участия в ассоциациях и коллективных переговорах; доступность правосудия.

В связи со смертностью рабочих-мигрантов удалось включить эти проблемы в политическую программу. Однако остается очевидным тот факт, что объявленное количество смертей не указывают на повышенный уровень смертности. В случае с непальскими и индийскими рабочими оказалось, что жизнь в Катаре лучше, чем на родине. К сожалению, претензии по поводу смертности завышены, умышленно или неумышленно.

А архитектурные критики?

Некорректное использование показателя смертности рабочих-мигрантов в Катаре открыло темную сторону так называемых архитектурных критиков. Предполагается, что критики должны подходить к вопросу критично, опираясь на тщательный анализ. По сути, главная стратегия в этом случае – откопать наибольшее количество грязи и бросить ее в ближайшую самую большую по величине цель, не заботясь о критическом самоанализе.

Все хорошо, что хорошо кончается?

В конце концов Заха Хадид согласилась принять от Филлера и «Нью-Йоркского книжного обзора» определенную неразглашаемую сумму, которую она пожертвовала в защиту прав рабочих. Архитектурные критики продолжают говорить, что Заха Хадид поступила неправильно, подав в суд на Филлера и «Нью-Йоркский книжный обзор» (Stott, 2015). Журналисты продолжают цитировать недостоверную информацию о смертности рабочих-мигрантов. Ответ Захи Хадид мог бы быть предсказуем: ни один из рабочих не умер на строительной площадке в Аль-Вакре. Но умерла она сама, став первым человеком, действительно скончавшимся во время строительства стадиона в Аль-Вакре. Хорошо знакомое выражение *De mortuis nil nisi bonum* (о мертвых дурного не говорят) дало возможность говорить начистоту. Архитекторы сразу стали рассуждать о дискриминации женщин в производственной сфере, отдавая дань уважения Захе Хадид. Лучше поздно, чем никогда.

Следовало ли ей воспользоваться своей исключительной властью, и, если да, то в чем состоит эта власть?

Представим себе, как Заха Хадид, стоя у ворот в небесную канцелярию, пытается подытожить свои самые явные грехи: то, как она раздражала прессу своим поведением, как она разрывала студенческие макеты и как работала с диктаторами. Она размышляет, могла ли она поступить иначе в противоречивой ситуации, связанной с Катаром. Представим себе, какие варианты она могла бы рассмотреть:

1. Я могла бы подать в суд на государство Катар. Но где, в Дохе? Шариат – главный источник законодательства Катара. В нем свидетельские показания женщины стоят лишь половины показаний мужчины. А иногда женщина вообще не признается в качестве свидетеля. Это не подходит.

2. Вместо этого я могла бы принять разумные меры. Да, пресса не очень-то любит изображать меня в таком виде. Могла бы я лично научить этих исламистских лидеров тому, как нужно обращаться с правами рабочих-мигрантов? Они бы меня послушали? Эти мужчины в робах, возможно, так же ущемляют права женщины, как это делают архитекторы и подрядчики.

3. Я бы могла возмущенно покинуть проект, нарушив мои контрактные обязательства. Тогда в суд подали бы на меня. Не пойдет!

4. Возможно, я могла бы воспользоваться общественным резонансом, чтобы надавить на государство Катар. Властям бы это не понравилось, и у меня могли бы отозвать заказ. Так я серьезно рискую. Совсем недавно японский премьер-министр отменил строительство олимпийского стадиона в Токио по моему проекту. Второй раз это не должно произойти. Я должна подумать о 400 рабочих, трудящихся над реализацией моего проекта.

Но почему я вообще должна выбирать какой-то из этих неблагоприятных для меня вариантов? Потому что непальским и индийским рабочим лучше живется в Катаре, чем у себя на родине? Разве в этом есть какая-то проблема?

Итак, какой следует вывод?

После просмотра анализа, сделанного DLA Piper, и изуче-

- Kafala Sponsorship System
- Contract Misrepresentation and Substitution
- Wages
- Health & Safety
- Accommodation
- Inspections
- Freedom of Association / Collective Bargaining
- Access to Justice

Using migrant workers' mortality did help to put these issues on the political agenda. However, the fact is that the numbers reported do not seem to point to excess mortality. In the case of Nepalese and Indian workers, it appears that life in Qatar is better than life back home. The claims on mortality are unfortunately overstated, intentionally or unintentionally.

And the architectural critics?

The inaccurate use of the migrant workers' death toll in Qatar did reveal the dark side of so-called architectural critics. One would expect critics to be critical, to come up with good analyses. But, in fact, the main strategy used in this case was to find as much dirt as possible and to throw it at the biggest target nearby, without any sense of critical self-reflection.

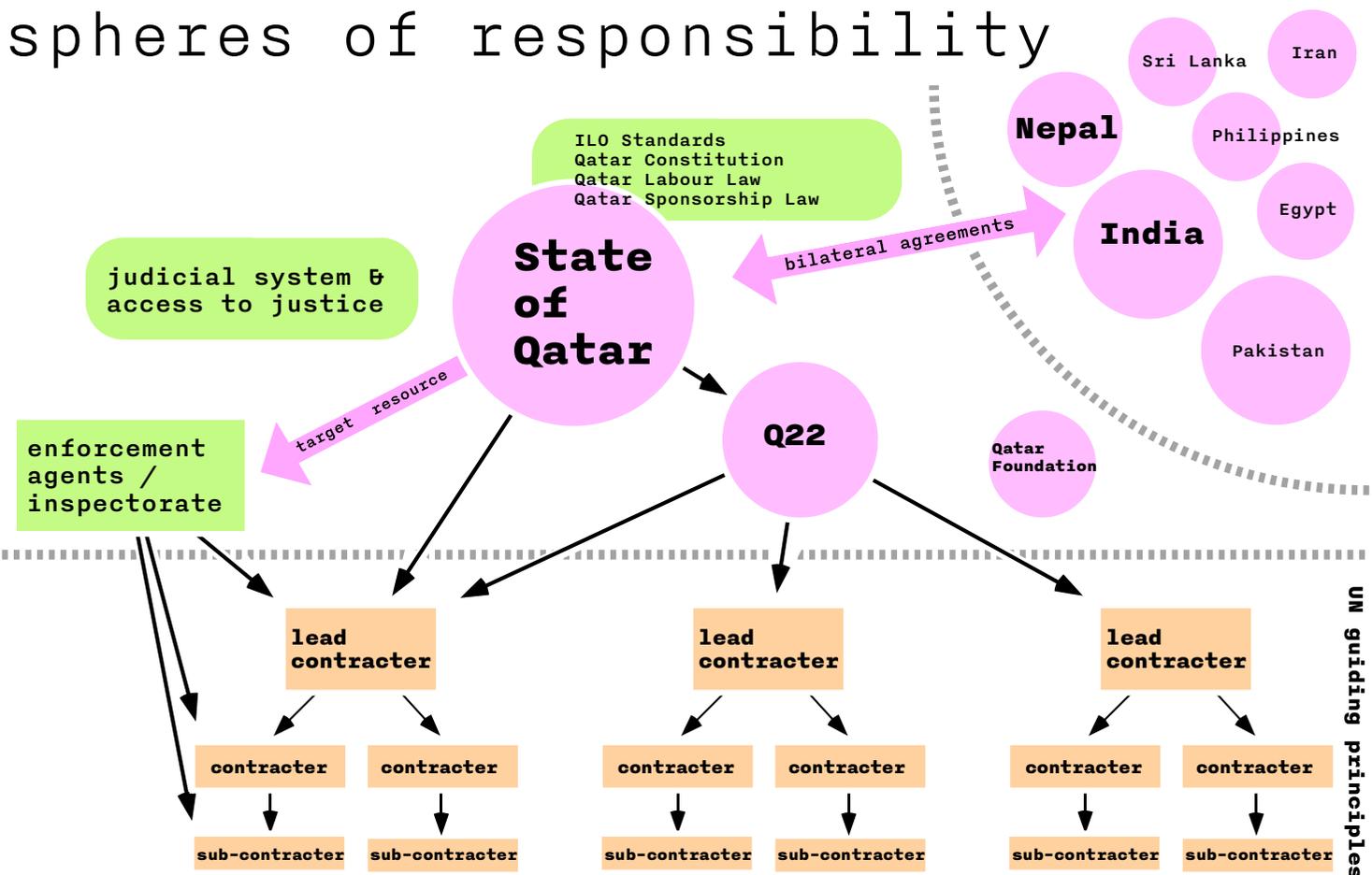
All's well that ends well?

In the end, Zaha Hadid settled with Filler and the New York Review of Books for an undisclosed amount, which she donated to a charity for workers' rights. Architectural critics continue to state that Zaha Hadid was wrong to sue Filler and the New York Review of Books (Stott, 2015). Journalists are still quoting the misleading information on migrant workers' mortality. Zaha Hadid's response was a predictable denial: no workers died at the Al-Wakrah site. Then she died herself. That would make her the first person to actually die while working on the Al-Wakrah project. A typical De mortuis nil nisi bonum (Of the dead, nothing unless good) provided a rare opportunity to speak one's mind more freely. Suddenly architects addressed industry sexism in tributes to Zaha Hadid. Better late than never.

Should she have used her extra special architect's powers, and if so: what are these powers?

Just imagine Zaha Hadid arriving at heaven's door, trying to sum up her obvious sins: pissing off the press, tearing apart the models of students, working with dictators. She stands there and contemplates if she could have done something different in the Qatar controversy. Imagine what she could have come up with:

1. I could have sued the State of Qatar. But where, in Doha? Sharia

^ Рис. 6. Сферы влияния в ситуации с рабочими-мигрантами в Катаре (источник: DLA Piper, 2014) / The spheres of influence in the case of migrant workers in Qatar (after: DLA Piper, 2014)

is the main source of Qatari legislation. A woman's testimony is only worth half a man's testimony. Sometimes a female witness is not accepted at all. That would not have worked.

2. I could instead have played it reasonable. Okay, this is not really the way the press likes to portray me. Could I have taught these Islamic leaders privately how to deal with migrant workers rights? Would they have listened to me? These men in white robes are probably just as sexist as architects or contractors.

3. I could have angrily walked away from my design. I would have broken my contractual obligations. Now, I would have become the one being sued. Not good!

4. Maybe I should have used publicity to put pressure on the State of Qatar. Qatar may not have liked it and revoked my commission, a serious risk. Japan's Prime Minister just cancelled the construction of my design for the Tokyo Olympic stadium. That should not happen twice. I need to think about the 400 workers I employ.

But why should I have chosen one of these unfavourable options in the first place? Because Nepalese and Indian workers are better off in Qatar compared to staying in their home countries? What is the problem with that in the first place?

ния обозначенных в нем сфер ответственности, ситуация, когда архитектор имеет власть над влиятельными лицами, участвующими в подготовке к Чемпионату мира по футболу – 2022, кажется мне абсолютно нереальной. Анализ DLA Piper подтверждает правильность слов Захи Хадид о том, что она не обладала достаточной властью, чтобы как-то улучшить ситуацию с рабочими-мигрантами.

Показатель смертности рабочих-мигрантов соответствует показателю смертности в развитых странах. Анализ возрастного показателя смертности молодых мужчин в Непале и Индии показывает, что их пребывание в Катаре, очевидно, спасает их жизни (по сравнению с их пребыванием на родине). В борьбе за улучшение условий труда проблема смертности среди рабочих-мигрантов в Катаре была вырвана из контекста и представлена в искаженном виде.

Журналисты и архитектурные критики в своих статьях о Захе Хадид воспользовались незитичной тактикой, в том числе преувеличенными фактами о смерти рабочих-мигрантов и сравнением ее проекта с половыми органами. Откровенно говоря, вызывает недоумение недостаток профессионализма критиков и журналистов, который они продемонстрировали в своих комментариях по поводу данного произведения искусства. Возможно, внезапная кончина Захи Хадид положит конец этой злостной клевете.

Литература / References

- Central Bureau of Statistics. (2014). Population Monograph on Nepal. Kathmandu, Nepal: Government of Nepal, National Planning Commission Secretariat, Central Bureau of Statistics.
- Choi, A. (2007). Dear Architects, I am sick of your shit. PIDGIN—a publication of the graduate students of the Princeton School of Architecture, (2), 266–269.
- DLA Piper. (2014). Migrant labour in the construction sector in the State of Qatar. Retrieved from <https://www.scribd.com/doc/225897899/Qatar-Dla-Final-Report-May-2014-For-Publication>
- Filler, M. (2014a). The Insolence of Architecture. *The New York Review of Books*. Retrieved from <http://www.nybooks.com/articles/2014/06/05/insolence-architecture/>
- Filler, M. (2014b). A Letter Correcting and Apologizing for a Statement About Zaha Hadid. *The New York Review of Books*. Retrieved from <http://www.nybooks.com/articles/2014/09/25/apology-zaha-hadid/>
- Goldberger, P. (2014). Zaha Hadid is Still Wrong About Construction Worker Conditions. *Vanity Fair*. Retrieved from <http://www.vanityfair.com/culture/architecture/2014/08/zaha-hadid-worker-conditions-lawsuit>

So, what can we conclude?

Considering the analysis made by DLA Piper, and looking at the spheres of responsibility it identified, it seems unrealistic for an architect to hold power over the stakeholders involved in the case of the 2022 FIFA World Cup event. DLA Piper's analysis confirms Zaha Hadid's initial statement that she had no power to do anything about the migrant workers case.

The mortality of migrant workers is actually in line with that of developed nations. Considering the age-related mortality of young males in Nepal and India, it seems that their stay in Qatar actually saves lives (compared to a stay in their home country). The aspect of mortality among migrant workers in Qatar was placed out of context in a fight over labour conditions, and misrepresented as a result.

Journalists and architectural critics used unethical tactics in reporting on Zaha Hadid, including the use of inflated statements on migrant workers' deaths and the comparison of her work to genitalia. The lack of professionalism displayed by critics and journalists in critiquing artistic work is frankly quite embarrassing. Her sudden death may put that slander finally to rest.

Office for National Statistics. (2014). How have mortality rates by age changed over the last 50 years? Retrieved from <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160105160709/http://www.ons.gov.uk/ons/rel/vsob1/death-reg-sum-tables/2013/sty-mortality-rates-by-age.html>

Open Government Data Platform India. (2016). Estimated Age-Specific Death Rates by Sex - 2006–2011. Retrieved from <https://data.gov.in/catalog/estimated-age-specific-death-rates-sex>

Pattison, P. (2013). Revealed: Qatar's World Cup 'slaves'. *The Guardian*. Retrieved from <http://www.theguardian.com/world/2014/jan/24/qatar-2022-world-cup-185-nepalese-workers-died-2013>

Pedersen, M.C. (2014). Governments, Not Architects, Should Shoulder Responsibility for Worker Deaths, Says Hadid. *Metropolis*. Retrieved from <http://www.metropolismag.com/Point-of-View/February-2014/Governments-Not-Architects-Should-Shoulder-Responsibility-for-Worker-Deaths-Says-Hadid/>

Riach, J. (2014). Zaha Hadid defends Qatar World Cup role following migrant worker deaths. *The Guardian*. Retrieved from <http://www.theguardian.com/world/2014/feb/25/zaha-hadid-qatar-world-cup-migrant-worker-deaths>

Royal Institute of British Architects. (2016). ROYAL GOLD MEDAL 2016 - ZAHA HADID. Retrieved from <https://www.architecture.com/Awards/RGM/RGM2016/ZahaHadid.aspx>

Schellenbaum, A. (2014). Here's What You Need to Know About Zaha Hadid Suing a Critic. *Curbed*. Retrieved from <http://www.curbed.com/2014/8/26/10056120/zaha-hadid-sues-critic-explain>

Shaw, M. (2014). Why Zaha Hadid Is Suing The New York Review of Books. *Architizer*. Retrieved from <http://architizer.com/blog/why-zaha-hadid-is-suing-the-new-york-review-of-books/>

Stott, R. (2015). The Critics Speak: 6 Reasons why Hadid Shouldn't Have Sued the New York Review of Books. *Archdaily*. Retrieved from <http://www.archdaily.com/542852/the-critics-speak-6-reasons-why-hadid-shouldn-t-have-sued-the-new-york-review-of-books>

The Hyatt Foundation. (2004). Zaha Hadid Becomes the First Woman to Receive the Pritzker Architecture Prize. Retrieved from <http://www.pritzkerprize.com/2004/announcement>

UNStudio. (2012). Qatar Integrated Railway Project (QIRP). Retrieved from <http://www.unstudio.com/projects/qatar-integrated-railway-project-qirp>

Vartanian, H. (2014). Zaha Hadid Is an Awful Human Being, Says "Not My Duty" to Prevent Migrant Worker Deaths. *Hyperallergic*. Retrieved from <http://hyperallergic.com/111665/zaha-hadid-is-an-awful-human-being-says-not-my-duty-to-prevent-migrant-worker-deaths/>

Wainwright, O. (2013). Zaha Hadid's sport stadiums: 'Too big, too expensive, too much like a vagina'. *The Guardian*. Retrieved from <http://www.theguardian.com/artanddesign/2013/nov/28/zaha-hadid-stadiums-vagina>

Walker, L. (2015). Foster + Partners win bid to design Qatar's Lusail World Cup stadium. *Doha News*. Retrieved from <http://dohanews.com/foster-partners-win-bid-to-design-qatars-lusail-world-cup-stadium/>

Статья посвящена творчеству Захи Хадид, представленному единственным реализованным в Москве проектом бизнес-центра Dominion Tower. Показано, как на этом проекте отразилось влияние на Заху Хадид творчества русских авангардистов и конструктивистов.

Ключевые слова: архитектор будущего, конструктивизм в современной архитектуре, авторский стиль. /

Zaha Hadid's works are represented in the article by the Dominion Tower Office Building – the only one project of hers realized in Moscow so far. Zaha Hadid's early creative work was inspired by Russian avant-gardists and constructivists. The article shows the impact it had on the Moscow project.

Keywords: the architect of the future; constructivism in modern architecture; author's style.

> Рис. 1. Бизнес-центр Dominion Tower

Московский опыт в творчестве Захи Хадид / Moscow experience in the work of Zaha Hadid

Возможно, именно благодаря интересу к русским авангардистам Заха Хадид в течение многих лет не оставляла попыток реализовать свои проекты в Москве. В результате в промышленном районе Москвы был построен бизнес-центр Dominion Tower ее авторства (рис. 1).

При проектировании офисного здания на Шарикоподшипниковской улице перед бюро Захи Хадид (Zaha Hadid Architects) стояла задача преобразовать функциональное пространство промышленного района в деловое бизнес-пространство. Несмотря на то что Шарикоподшипниковская улица находится в промышленном районе (возле Государственного подшипникового завода), выбор места застройки очень удачный. Рядом основные транспортные артерии столицы (Садовое и Третье транспортное кольцо), набережная Москвы-реки и Волгоградский проспект. Но бизнес-центр не первое офисное здание в этом районе. Можно сказать, что Dominion Tower находится в деловом центре промышленного района: напротив – здание Центрального НИИ технологии машиностроения, на одной стороне улицы – бизнес-центр «Прогресс Плаза», за ним, в глубине квартала, офисный центр «Просвет». Это позволяет говорить о роли бизнес-центра Dominion Tower как связующего акцента общественно-деловой жизни в Южнопортовом районе, который должен привлечь сюда больше инвесторов для полного преображения промышленного центра в деловой.

В уже сложившейся части города Dominion Tower вдыхает новую жизнь в периферийный район, организуя его пространство. Этот знаковый объект от именитого архитектора трансформирует значение этого района для городского пространства и, надо надеяться, положительно повлияет на его развитие. Следует отметить, что здание не нарушает первичную организацию пространства на промышленно-жилой улице, а лишь акцентирует внимание на себе, выходя за сложившуюся линию застройки. Бизнес-центр находится на небольшом расстоянии от зданий, построенных во второй половине прошлого века, и является неким монументом на площади, акцентом района, требующим от зрителя кругового обхода, возможного благодаря кубической форме, в которую вписывается весь объем здания. Такая форма и расположение ее в

пространстве улицы представляют Dominion Tower как «скульптурную» архитектуру, вид на которую частично открывается, как только попадаешь на Шарикоподшипниковскую улицу.

Башня Dominion Tower выше окружающей жилой застройки, что позволяет бизнес-центру выходить на первый план, но не доминировать, так как в структуре улицы в качестве высотных доминант выступают другие здания. Привлекая внимание к структуре улицы, белоснежное здание кубической формы «трансформируется» в зависимости от угла зрения, создавая ощущение некоторого движения, достигнутое смещением по горизонтали семи этажей. Такое закручивание движения при восприятии фасада придает зданию интересное прочтение, которое призвано «оживлять» здание. Однако эта динамика лишь слегка искажает объем здания, что позволяет воспринимать его как достаточно статичный объем, образованный кубической формой. Такое противостояние статической и динамической формы не характерно для творчества Захи Хадид, в архитектуре которой, бесспорно, преобладает динамика. Возможно, такой несогласованный диалог статики и динамики – результат неполной реализации изначального замысла проекта. Поэтому при его изучении необходимо рассмотреть эволюцию замысла, представленного в проекте Dominion Tower. При поиске иллюстраций московского бизнес-центра, разработанного Захой Хадид совместно с Кристофом Пассасом за 10 лет до его реализации, можно встретить разные изображения одного объекта. Такая ситуация может объясняться не только долгосрочной историей строительства и адаптацией проекта к московским условиям, но и поиском компромиссов в трактовке идеи, преобразованной в форме.

В эскизных вариантах читаются черты итогового проекта, однако они в разной степени проявляются в других проектах Захи Хадид, и трудно сказать, по какой причине они были переработаны в существующую концепцию и в какой последовательности были представлены. Основной чертой эскизных проектов бюро Захи Хадид является динамика внешнего облика, которой оказался лишен итоговый московский проект. Можно лишь предположить, что потеря динамики была результатом адаптации

текст

Татьяна Лебедева /

text

Tatyana Lebedeva

< v Рис. 2. Проекты Dominion Tower

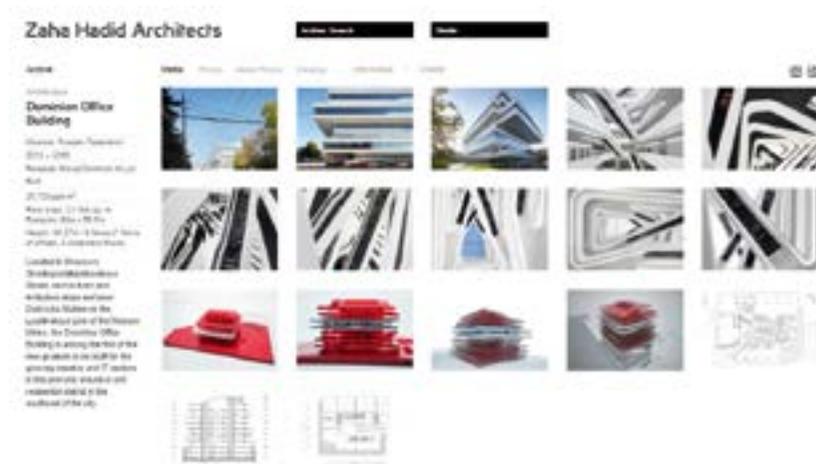

проекта с учетом климатических особенностей Москвы, но все же решающую роль сыграло желание удешевить проект в изменившихся экономических условиях.

Рассмотрев эскизные проекты (рис. 2), можно сказать, что итоговый проект сохранил четкость членений по горизонтали, сочетание плотного материала и стекла в своем чередовании, наличие консолей и смещений, монохромность фасада. Все эти черты можно увидеть в некоторых последних работах бюро Захи Хадид, но данный проект интересен еще тем, что время его разработки совпадает со временем перехода архитектора от четких геометрических форм к «аморфным» (текучим, живым). Это не могло не отразиться на объекте. У четких, геометрически правильных форм появились плавные переходы от одного яруса к другому, особенно это читается на северо-западном углу здания.

На официальном сайте компании-застройщика представлены фото и чертежи объекта (рис. 3) [1]. На первых трех иллюстрациях показан экстерьер: на двух – фрагмент здания, на третьей – его северо-западный угол, в котором видна самая большая консоль. На семи фотографиях изображена центральная часть интерьера – атриум с лестницей, что позволяет считать его гордостью бюро

v Рис. 3. Проект Dominion Tower [1]

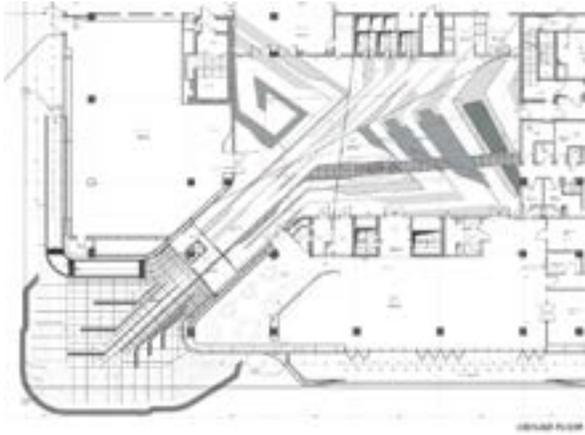

и жемужиной проекта. Представлены четыре снимка макета, показывающего слоистую структуру здания без наружной отделки стен, горизонтали бизнес-центра в правильных прямоугольных формах, что отсылает к закономерностям, присущим конструктивизму. Последние три изображения – это чертежи, помогающие восприятию внутреннего пространства. На них показаны входная часть и ее связь с атриумом на первом этаже; лестница на промежуточном этаже и разрез здания, обнажающий центральное ядро в целом (атриум, лестница).

Представляя проект Dominion Tower, бюро Захи Хадид показывает структуру, динамику, «фантастичность» нависающей консоли, диагональ в интерьере, т. е. то, что важно, и то, что удалось реализовать. Такое представление проекта говорит о важности интерьера как пространствообразующего импульса и о его значимости в структуре здания.

Как уже отмечалось, работы Захи Хадид испытывают на себе сильное влияние русского авангарда, которое проявляется в структуре Dominion Tower. Это влияние просматривалось на разных этапах реализации проекта. В частности, при строительстве ясно читалось четкое членение на горизонтальные объемы – ярусы (рис. 4). Прямоугольники, смещенные по горизонтали от оси, создают движение, именно поэтому для Захи Хадид были важны консоли, которые задают ритм внешнему облику здания (при адаптации проекта размер консолей уменьшили, тем самым сделав объект статичным). Четкие геометрические формы прямоугольников в своем сочетании дают динамические композиции. Диалог простейших фигур – квадрата и круга – в работах К. Малевича и Л. Лисицкого модернизируется в диалог «радиальных» фигур с «угловатыми» фигурами, рождая супрематически адресную композицию. В основе построения, как в архитектуре, так и в живописных произведениях, лежит игра между разноразмерными прямоугольниками и воздушными пространствами, создающими ритм и разнонаправленную динамику. Эта «игра» отображается как в представленном на официальном сайте макете, так и на промежуточной стадии строительства, когда еще при облицовке фасада не добавлены плавные линии. Но даже

> Рис. 4. Dominion Tower на этапе строительства
v Рис. 5. Фрагмент плана первого этажа Dominion Tower

при завершении отделки сохраняется прозрачность воздушных пространств за счет остекленной части, которая позволяет просмотреть объем здания насквозь, возвращая зрителя к диалогу прямоугольных форм.

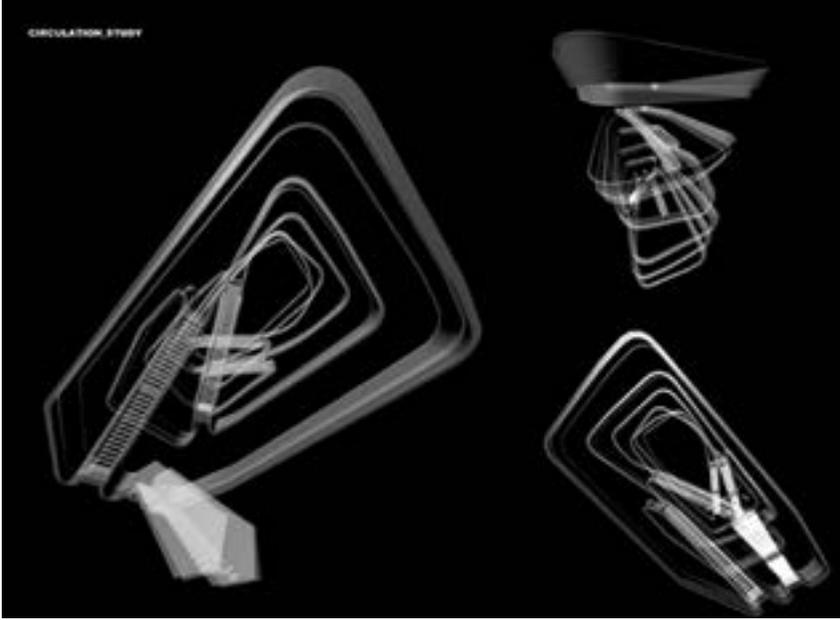
Как рассказал заместитель генерального директора бюро Захи Хадид Патрик Шумахер, «...в основу проекта легли принципы русского авангарда, которые получили развитие в современной архитектуре» [2]. Они реализовались не только в структуре здания, но и в организации его внутреннего пространства. Динамика диагонали фиксирует входную зону (главный вход находится в углу здания), при этом в экстерьере диагонального движения не читается, но если обратиться к плану первого этажа, то можно увидеть стремительную диагональ, ведущую в центр здания. Диагональ входа искусственно продлена и усилена за счет контрастных полос на полу и их чередования. Расположение лестниц в пространстве также поддерживает диагональ, закручивая ее движением вверх. Говоря о диагонали, пронзающей внутреннее пространство и ведущей вверх, нельзя не вспомнить уникальный и известный на весь мир проект павильона СССР в Париже архитектора К. С. Мельникова. Подтверждением этой аналогии является фрагмент плана первого (рис. 5) этажа и монтаж лестницы в интерьере бизнес-центра (рис. 6).

При проектировании московского бизнес-центра Заха Хадид отсылает нас к достижениям русских архитекторов, отдавая им дань уважения и цитируя их работы в своей уникальной интерпретации. В этом проекте на этапах строительства отчетливо читается обращение Захи Хадид к русским конструктивистам, архитекторам, представляющим пространство объемами и их членениями. Обращаясь к ним, показывая их приемы в основе здания, она развивает их, преобразуя в свой индивидуальный стиль.

В интерьере бизнес-центра можно выделить три основных объема – атриум, амфитеатр и лестницу, которые отсылают к ведущим конструктивистам XX века. Атриум, амфитеатр и лестница вместе создают уникальное пространство, где проработаны все детали – от мебели до элементов освещения. В интерьере центром здания является внутренний атриум с естественным освеще-

v Рис. 6. Монтаж лестницы в интерьере Dominion Tower

< Рис. 7. Атриум Dominion Tower

нием, пронзающий все семь этажей здания (рис. 7). Часть крыши над атриумом выполнена из стекла и имеет небольшой наклон, образуя плавную линию, вторящую небосводу. Обнаженные несущие конструкции атриума лишены четкой геометрии и подчеркивают плавность линий. Атриум опоясан цельными перилами белого цвета на каждом этаже здания. Образуя замкнутый контур, они не имеют острых углов и плавно переходят от лестниц на этажи, подчеркивая пластичность движения.

Городское пространство Москвы лишено правильно организованных общественных точек для массовых зрелищ. И Заха Хадид, как архитектор мирового уровня, принимает это во внимание при проектировании здания. Она включает амфитеатр в пространство под атриумом, предлагая разместить там центр общественной жизни не только для работников бизнес-центра, но и для посетителей (рис. 9). На церемонии открытия Dominion Tower Патрик Шумахер высказал надежду на то, что внутреннее пространство здания будет общедоступным. Это говорит о трактовке авторами данного пространства как общественно-городского.

В центральном атриуме расположены зигзагообразные лестницы, которые превращают бизнес-центр в нечто вроде клубного дома или дома-коммуны (рис. 9). По словам Патрика Шумахера, такая организация пространства поощряет социальные контакты: «Здесь очень важно особое отношение к пространству – это не только коммуникация с внешним пространством, но и пространство внутри самого здания. Здесь очень много общественных мест – кафе, конференц-залов, переговорных... Мы можем почувствовать, чем занимается каждый человек в этом здании. Это пространство, которое должно стать типичным для нашего информационного общества, для той среды, в которой мы живем» [3].

Динамическое переплетение лестниц напоминает пандусы в общежитии И. С. Николаева. Созданный им в 1928–1930 годах дом-коммуна в своем главном пространстве имел атриум как узловую точку, раскрывающую равномерное движение с помощью пандусов. В Dominion Tower атриум также выполняет роль связующего элемента, но организация движения более сложная. Лестни-

цы-пандусы переплетаются в пространстве атриума, наполняя его максимальным движением. Возможно, лестницы изначально предполагались как эскалаторы, подчеркивающие внутреннее движение, которое читается на эскизе атриума. При таком понимании движение уподобляется «бесконечному пути», устремленному ввысь.

Для Захи Хадид и ее команды не просто важно внутреннее пространство – они отводят ему главную роль как «сердцу» здания, связующему элементу, дающему импульс для работы «второстепенных» деталей. Роль динамики и движения становится лидирующей в данном проекте, движение от диагонали входа закручивается в зигзагообразном движении лестниц и выходит через стеклянную крышу вовне. Дизайн в детальной проработке внутреннего пространства, поражая классическим диалогом черного и белого, в неклассической форме движения подчеркивает диагональ входа, спиралевидный подъем, пронизывающий весь объем здания и выходящий за пределы «правильных» горизонталей вверх. Для Захи Хадид архитектура – живой организм. Вкладывая в свои проекты наработки советских архитекторов, она преобразует их в нечто новое, современное. Это подтверждают слова Кристопа Пассаса, главного архитектора проекта: «Я думаю, что Захе очень нравится интерьер: это уникальное пространство, атриум, можно рассматривать как картину. У этого визуального образа есть долгая традиция в рисунке – сложная перспектива и так далее. Мы попытались привести сюда эстетику, связанную с конструктивизмом и теми течениями, которые из него произошли. Но это, конечно, новая память о конструктивизме, это прежде всего очень современное здание. Это здание, над которым не властна сила притяжения, мы очень любим эстетику космических путешествий» [3].

Мастерство Захи Хадид заключается не только в создании принципиально новой архитектуры, но и в ее обращении к традициям той земли, на которой она проектирует. Создавая Dominion Tower, Заха Хадид умело использовала конструктивизм как основу, «одев» его в оригинальность своего стиля. И несмотря на то что проект был создан в 2004 году, а реализован спустя 10 лет, он все еще актуален благодаря неординарному

< Рис. 8. Амфитеатр
Dominion Tower

мышлению авторов. В здании читается и любовь к четким формам конструктивизма, и переход к плавным и текучим формам природы – основные черты двух этапов творчества Захи Хадид.

Появление здания такого уровня в Москве, безусловно, событие в архитектурной жизни [4, 5]. Развитие города должно сопровождаться строительством современных зданий, а задача архитекторов – не только адаптация современных проектов зарубежных архитекторов, но и создание новых. И осуществление таких проектов, как бизнес-центр Dominion Tower, – это своеобразный способ обучения, повышающий общий уровень культуры строительства и задающий культурную норму для понимания сути новой архитектуры в нашей стране.

Литература

1. Zaha Hadid Architects [Электронный ресурс]. – <http://www.zaha-hadid.com/architecture/dominion-tower> (пер. с англ. Т. Лебедевой).
2. Архсовет Москвы [Электронный ресурс]. – <http://archsovet.msk.ru/article/sobytiya/v-moskve-otkryli-biznes-centr-dominion-tower-zahi-hadid>.
3. Афиша [Электронный ресурс]. – <http://gorod.afisha.ru/architecture/dominion-tower-zahi-hadid-pervye-fotografii-i-vpechatleniya>.
4. Archi.ru [Электронный ресурс]. – <http://archi.ru/russia/55979/dominion>.
5. Профессионально о строительстве [Электронный ресурс]. – <http://newbud.shalb.com/architecture-and-design/v-moskve-dostraivayut-biznes-centr-po-proektu-zahi-hadid#ad-image-0>.

References

- Antsiperova, M. (2015, September 24). Dominion Tower Zaha Hadid: pervye fotografii i vpechatleniya [Dominion Tower by Zaha Hadid: the first photos and impressions]. Afisha Gorod. Retrieved April 29, 2016 from <http://gorod.afisha.ru/architecture/dominion-tower-zahi-hadid-pervye-fotografii-i-vpechatleniya/> (дата обращения: 29.04.2016)
- Archcouncil of Moscow. (2015, September 28). V Moskve otkryli biznes-tsentr Dominion Tower Zaha Hadid [The Dominion Tower business center by Zaha Hadid opened in Moscow] Retrieved April 29, 2016 from <http://archsovet.msk.ru/article/sobytiya/v-moskve-otkryli-biznes-centr-dominion-tower-zahi-hadid>

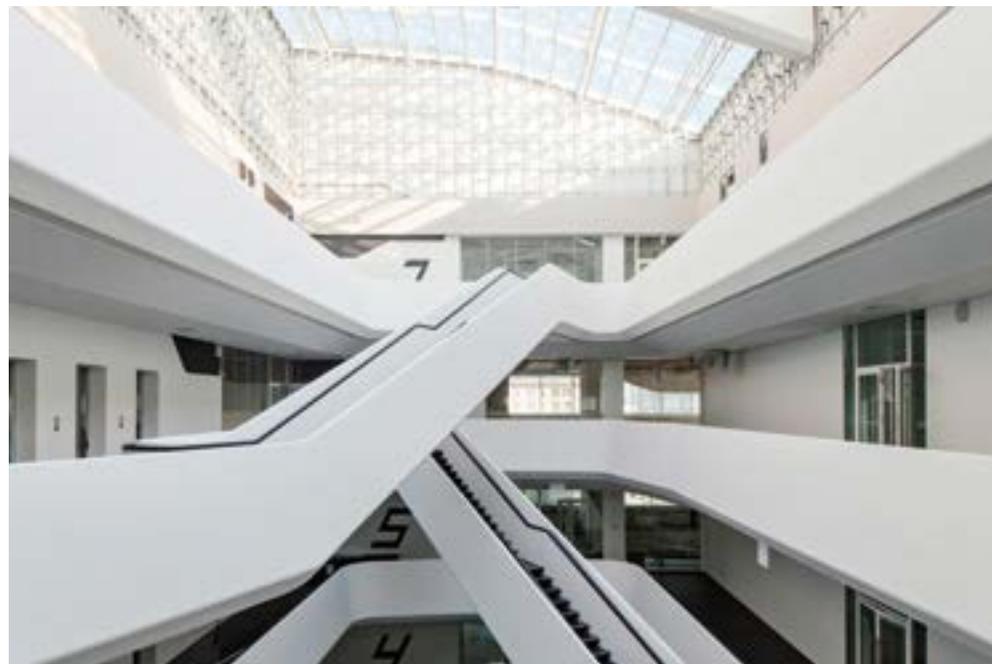
Frolova, N. (2014, July 3). Neprostay istoriya [An uneasy story]. Archi.ru. Retrieved from <http://archi.ru/russia/55979/dominion>

Newbud.ua. (2014, April 24). V Moskve dostraivayut biznes-tsentr po projektu Zahi Hadid [The construction of the business center by Zaha Hadid is being completed in Moscow] Retrieved from <http://newbud.shalb.com/architecture-and-design/v-moskve-dostraivayut-biznes-centr-po-proektu-zahi-hadid#ad-image-0>

Zaha Hadid Architects. (n.d.). Dominion Office Building. Retrieved from <http://www.zaha-hadid.com/architecture/dominion-tower/>

> v Рис. 9. Лестница Dominion Tower

Константин Лидин – кандидат технических наук, доцент психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения /
Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

В современном мире урбанизация принимает массовый характер. Мощные потоки людей переселяются из более бедных регионов в города, где уровень потребления выше. Отказ от традиционного аскетического образа жизни у мигрантов занимает не менее 15–25 лет. На протяжении этого срока «новые горожане» стремятся к образованию мест компактного проживания с архаичным укладом жизни, антисанитарией, высоким уровнем криминогенности и авторитарным местным самоуправлением. Процессы образования и распада аскетического анклава рассмотрены на примере торгового района Шанхайка в Иркутске.

Ключевые слова: урбанистика, миграция, сегрегация, образ жизни. /

In the contemporary world urbanization becomes a large-scale process. Huge flows of people migrate from poorer districts to the cities with a higher level of consumption. It takes migrants about 15–25 years to give up their traditional ascetic way of life. In this period the ‘new citizens’ try to arrange compact settlements with an archaic way of life, insanitary conditions, high criminogenity and an authoritative local self-government. The processes of formation and decay of the ascetic enclave are viewed through the example of the ‘Shanghai’ trading neighborhood in Irkutsk.

Keywords: urban studies; migration; segregation; way of life.

Урбанизация, миграция, информация / Urbanization, Migration, Information

Введение.

Урбанизация и миграция

На протяжении нескольких последних веков человеческая цивилизация переживает массовую и все ускоряющуюся урбанизацию. Фактически урбанизация представляет собой массовую миграцию людей из малых поселений в более крупные. В истории этого процесса можно обнаружить примеры миграции, носящей межнациональный (а по сути – межгосударственной) характер. Такой была урбанизация в США во второй половине XIX – начале XX века, которая происходила в основном за счет мигрантов из Европы. За период 1840–1920 годы население США выросло от 17,1 до 105,7 млн, при этом приток иммигрантов в первом поколении (foreignborn) возрос от 0,1 до 8,2 млн чел. за десятилетие, а процент городских жителей также непрерывно рос от 10,8 до 51,2 %. В 1840–1880 годы миграционные потоки происходили в основном из Ирландии, Великобритании и Германии, а в 1880–1920-е – из России, Австро-Венгрии, Канады, Италии, Балканских стран [1]. Но в любом случае мощный поток переселенцев из Старого Света преимущественно распределялся по крупным городам, обеспечивая быструю урбанизацию.

Урбанизация, которую в настоящее время переживают страны Юго-Восточной Азии и Африки, носит в основном внутринациональный характер. Так, по данным ООН, лидерами в скорости урбанизации на ближайшие десятилетия останут-

ся Индия (в период с 2014 по 2050 год ожидается прирост городского населения на 404 млн жителей), Китай (ожидаемый прирост жителей крупных городов составляет 292 млн) и Нигерия (212 млн горожан дополнительно в период 2014–2050 годы) [2]. Практически весь ожидаемый прирост городского населения произойдет за счет внутринациональной миграции сельских жителей в крупные города. В то же время события последнего времени свидетельствуют о новых волнах межгосударственной миграции из районов, охваченных военными действиями, в Европу. И в подавляющей массе своей эти мигранты оседают в городах.

В истории урбанизации можно выделить также еще один, «смешанный» тип, при котором миграция в крупные поселения происходит внутри одного многонационального государства и, по сути, является одновременно внутрисоюзной и международной. Наиболее массовым примером урбанизации такого рода является период сталинской индустриализации (1928–1941 годы) в СССР. Наилучшее представление о масштабах миграции дают сведения об изменении доли городского населения между переписями: с 17,9 % в 1926 году до 29,2 % в 1939-м. Количество городских жителей выросло почти на 30 млн чел., то есть на 112 % за двенадцать лет. Аналогичный рост городского населения в США потребовал около тридцати лет, с 1860 по 1890 год [3, 4].

При всех различиях, которые

можно отметить в каждом конкретном примере массовой крупномасштабной урбанизации, имеет место устойчиво повторяющийся элемент. Это мигранты, которые составляют страту «новых горожан» и являются в массе своей носителями особого аскетического образа жизни.

Миграция и информация

Центральное понятие теории информационных потоков – понятие информации – не имеет общепринятой дефиниции [5]. Адрианс и ван Бентем приводят более пятнадцати различных определений информации, начиная с Цицерона, древнекитайских и средневековых арабских мыслителей. Понятие информации используется в разных смыслах в физике, математике, логике, лингвистике и так далее. Свой обзор авторы заканчивают вопросом: а не следует ли рассматривать информацию лишь как метафору, вовсе не имеющую точного смысла?

В наших теоретических построениях мы определяем информацию как структурный аспект существования материи. Наряду с вещественным аспектом, отражающим способность материи покоиться, и энергетическим аспектом (способность материи меняться), информация отображает неотъемлемое свойство материи – структурированность.

Информация характеризуется двумя параметрами: количественным и качественным. При этом если количество информации выглядит достаточно объективно и может быть измерено независимым от

наблюдателя образом, то качество информации носит вполне субъективный характер. Качество, то есть соотношение полезной информации к ее общему количеству, полностью зависит от воспринимающего эту информацию субъекта. Релевантность, адекватность, полезность, истинность и прочие свойства информации полностью предопределены целями деятельности субъекта, интерпретирующего информацию.

Для рассмотрения проблем теоретической и практической урбанистики, однако, более полезным становится понятие не самой информации, а ее потока. Движение информации (то есть структуры) в пространстве во многих случаях остается процессом загадочным и слабо изученным. Наиболее простой и очевидный случай заключается в том, что информация движется вместе с некоторым материальным объектом (носителем информации) – тогда в пространстве перемещается одновременно вещество, энергия и информация. Например, если человек едет из Лиона в Париж, то его автомобиль одновременно перемещает в пространстве около семидесяти килограммов воды, примерно двадцать килограммов органических и неорганических веществ (тело человека), энергетическую систему мощностью около двухсот ватт и огромный «сгусток» информации размером около 1028 бит (или около миллиона зеттабайт). Движение информации вместе с ее вещественным носителем

происходит также при транспортировке бумажных книг и журналов, компакт-дисков, картин, постеров и так далее.

Движение информации на энергетическом носителе также выглядит вполне привычно. Сотовая связь, телевидение, оптические волоконные кабели – все эти каналы передают информацию в виде модулированных колебаний электромагнитных полей, которые практически не имеют массы (и, следовательно, почти полностью лишены вещественного, инерционного аспекта материальности). Глобальный поток информации на энергетических носителях сегодня составляет величину примерно 1–5 зеттабайт в год. Каким образом информационные потоки такой интенсивности влияют на человека – неизвестно, потому что подобная интенсивность даже приблизительно не достигается ни в одном из природных глобальных процессов движения информации.

Еще меньше изучены процессы движения информации «в чистом виде», не сопровождающиеся перемещением массы и энергии. Такие процессы можно наблюдать, например, при движении фронта кристаллизации в замерзающей воде. Структура льда движется по мере превращения жидкой воды в твердую, но ни сама вода, ни какие-либо электромагнитные поля при этом не перемещаются. Такого рода процессы применительно к человеку или человеческим сообществам остаются пока что полной terra incognita.

Тем не менее мы считаем, что понятие информационных потоков уже сегодня способно служить методологической основой для теоретической урбанистики.

Введем понятие места (place) как некоторого ограниченного фрагмента информационного поля, внутри которого производство и потребление информации носит равномерный характер: то есть все люди, находящиеся в данном месте, производят и потребляют информацию одинаковым образом. Заметим, что место может определяться не только географически (как некая область в пространстве), но и социально, как страта, внутри которой соблюдается единый образ жизни. Тогда поток полезной информации, производимой в данном месте, равен:

$$P = k_p \cdot P_i \cdot N, \quad (1)$$

где P – поток производимой полезной информации, k_p – качество производимой информации, P_i – поток информации, производимый одним жителем данного места, N – количество жителей в данном месте.

Аналогично поток потребляемой информации составляет:

$$C = k_c \cdot C_i \cdot N, \quad (2)$$

где C – поток производимой полезной информации, k_c – качество производимой информации, C_i – поток информации, производимый одним жителем данного места.

Потенциал данного места, таким образом, равен:

$$U = P - C = (k_p \cdot P_i - k_c \cdot C_i) \cdot N. \quad (3)$$

Теперь рассмотрим единичного иммигранта, недавно приехавшего в

данное место. Производительность его труда в основном определяется уровнем развития технологий, а не личными качествами. Поэтому производимый им поток информации (и количественно, и качественно) можно считать равным тому, который производит местный житель. Напротив, уровень потребления у иммигранта заметно отличается от такового для местных жителей:

$$\begin{aligned} k_p^n &= k_p^m \\ P_i^n &= P_i^m \\ k_c^n &> k_c^m \\ C_i^n &> C_i^m, \end{aligned} \quad (4)$$

где p показывает величины, относящиеся к местному жителю, а m – к иммигранту.

Таким образом, наличие иммигрантов аскетического типа создает добавочный потенциал места:

$$\Delta U = (k_c^{n*} C_i^n - k_c^{m*} C_i^m) \cdot M, \quad (5)$$

где ΔU – прирост потенциала места в результате иммиграции, M – число аскетических иммигрантов.

Однако в процессе ассимиляции аскетичность иммигрантов утрачивается, а уровень потребления – растет. Очевидно, скорость ассимиляции пропорциональна различиям в образе жизни мигранта и местного жителя. Поначалу, когда различия очень велики, изменения происходят быстро и зачастую болезненно. Затем изменения замедляются, и лишь какие-то незначительные детали аскетического образа жизни могут сохраняться долгое время:

$$d(k_c^{m*} C_i^m) / dt = \alpha (k_c^{n*} C_i^n - k_c^{m*} C_i^m), \quad (6)$$

где α – коэффициент, характеризующий соотношение привер-

женности мигрантов к привычному аскетическому образу жизни и того давления, которое оказывают на них местные жители, навязывая свою адхократию.

Из уравнения (6) следует:

$$\Delta U(t) = \Delta U * (1 - \exp(-\alpha t)), \quad (7)$$
 где $\Delta U(t)$ – величина прироста потенциала места в результате иммиграции с учетом ассимиляционных процессов.

Урбанизация и трущобы

Период, за который мигранты практически сравниваются по уровню потребления с местными жителями (период ассимиляции) в среднем составляет 15–25 лет [6]. За этот срок экономический эффект от приезда мигрантов исчезает. Для того чтобы сохранить «миграционную прибавку» потенциала места, необходимо либо поддерживать постоянный приток мигрантов, либо тормозить процессы ассимиляции (принимать меры к снижению величины параметра α). Во втором случае аскетические мигранты образуют изолированные анклав, сегрегируются от местных жителей и продолжают поставлять дешевую рабочую силу – настолько долго, насколько эффективна сегрегация.

В результате возникают трущобные поселения, в которых (с точки зрения адхократических горожан) царят нищета, дискомфорт, антисанитария и архаические социальные отношения. По данным ООН, максимальный процент людей, живущих в трущобах, наблюдается как раз в регионах с максимальной скоростью урбанизации. Так, в городах Южной Азии жители трущоб составляют от 25 до 35 % городского населения, а в африканских странах южнее Сахары – превышает 60 %. В глобальном масштабе число жителей городских трущоб на 2015 год составляет около 863 млн, в сравнении с 650 млн в 1990-м и 760 млн в 2000 году [7].

С точки зрения урбанистической теории информационных потоков аскетический (кинический, иктиральный) образ жизни является одним из четырех базовых стилей жизни [8]. Он отличается ориентацией на минимизацию потоков информации. Основной ценностью для него является стабильность и соблюдение традиций. В экономическом плане этот образ жизни тяготеет к дауншифтингу, к рентным отношениям (экономика строится в основном за счет использования прошлых накоплений) и к простейшим натуральным (дориночным) формам обмена. В политическом

плане аскетический образ жизни опирается на авторитет прошлого, традиций, устоявшихся ритуалов и архаичных социальных структур. В градостроительном плане он проявляется в виде стремления к замкнутым концентрическим структурам поселений, со слабо развитой транспортной и инфраструктурной сетью, стабильным населением и пониженным уровнем жизнеобеспечивающих технологий.

Аскетическому образу жизни противоположен адхократический (гедонистический, мегахарический), ориентированный на максимально плотные потоки информации, прогресс, демократию и линейные урбанистические структуры с развитыми системами транспортировки людей, товаров, энергии, то есть в общем случае информации.

Вывранный из «идиотизма деревенской жизни» (К. Маркс) [9], новый горожанин продолжает сохранять установки и ценности привычного образа жизни. Низкий уровень потребления, присущий аскетическому стилю, в сочетании с высокой производительностью труда (характерной для городской адхократии) приводит к тому, что новые горожане становятся чрезвычайно выгодными работниками. Дешевая рабочая сила вчерашних крестьян, готовых работать буквально за кусок хлеба, служит основой для быстрого экономического роста.

Наиболее обучаемые и гибкие представители нового горожанства быстрее осваивают адхократический стиль жизни, и их уровень потребления быстро растет. Они приобретают навыки демонстративного и символического потребления, вкус к роскоши и разнообразным излишествам – в результате нарастает разрыв между разбогатевшими представителями новых горожан и более инерционной аскетической массой. Лишь через 15–25 лет, когда вырастает новое поколение «рожденных в городе», разрыв между богатыми и бедными может стабилизироваться, а затем и сократиться. Так формируется широко известная «кривая Кузнецца» (график зависимости индекса неравенства доходов от скорости экономического роста) в виде перевернутой буквы U. Если же социальные лифты работают недостаточно активно и не стимулируют молодежь к смене образа жизни, аскеза может закрепиться и в последующих поколениях горожан.

Иркутский опыт. Убанизация, миграция и китайский рынок

Наглядный пример процессов, сочетающих миграцию, урбанизацию и «трусобизацию», представляет собой один из районов города Иркутска (Россия, Восточная Сибирь). Традиционно Иркутск является крупным торгово-транспортным узлом на пути между азиатской и европейской частями России и, шире, между Восточной Азией и Европой.

В начале 1990-х годов, на фоне ослабления центрального правительства и распада СССР, в Иркутск хлынул практически бесконтрольный поток мигрантов из стран Юго-Восточной Азии и постсоветских республик Средней Азии и Кавказа. Особенно многочисленными были мигранты из Маньчжурии и других северных провинций Китая, уровень жизни в которых тогда сильно отставал от промышленно развитого юга этой страны. Мелкие мигранты, сохраняя связи с родиной, занялись организацией торговли в обе стороны. Эту торговлю именовали «челноками», потому что они постоянно сновали из одной страны в другую, перевозили самостоятельно закупаемый товар. Они компактно селились в старом, преимущественно деревянном и неблагоустроенном районе Иркутска вокруг Центрального рынка, где быстро образовался специфический селитбно-этнический конгломерат под жаргонным названием Шанхайка (маленький Шанхай). Здесь же развинулась и стихийная торговля привозимым товаром – вещами, посудой, обувью, предметами домашнего быта и проч.

Шанхайка образовалась в результате того, что городские власти предложили «челнокам» уйти с улиц города в специально отведенное для них место. До этого торговля шла прямо на тротуарах, под самодельными навесами, в деревянных исторических зданиях, с незаконно выпиленными фасадными стенами что, естественно, вызывало массу конфликтов. Официально рынок был создан в начале 1993 года, а уже к лету 1993-го на этом стихийном рынке постоянно работало 500–600 продавцов. В целом (по данным областного статистического управления) средняя выручка за месяц достигала суммы, эквивалентной 1,8–2,2 млн долл. [10]. С учетом бушевавшей тогда гиперинфляции, получалась весьма впечатляющая цифра – 2–3 млрд руб., что примерно равнялось товарообороту всех остальных торговых

предприятий центральной части Иркутска.

В первые месяцы работы Шанхайка выглядела как огороженная забором и засыпанная гравием площадка. Товары раскладывались прямо на земле, а в случае дождя прикрывались сверху полимерной пленкой. Однако уже через несколько месяцев торговцами самостоятельно были построены деревянные прилавки и навесы над ними, примитивные туалеты и камеры хранения тюков с товарами. Каждый погонный метр такого прилавка представлял собой отдельное рабочее место торговца. Текущий запас товаров хранился под прилавком, а деньги – просто в карманах. К весне 1995 года число рабочих мест на рынке выросло до 1200, ежедневное число покупателей колебалось от трех до восьми тысяч в зависимости от сезона и дня недели. Обслуживало рынок сорок восемь человек [11].

В течение последующего десятилетия Шанхайка изменялась мало: такие же примитивные торговые места, скученность, дикая антисанитария и слабый контроль со стороны официальных органов правопорядка. Торговцы преимущественно ночевали недалеко от своих рабочих мест, иногда прямо на тюках с товаром. Тут же готовили еду и справляли минимальные гигиенические нужды. Санитарные и противозидемические службы города с ужасом списывали ситуацию, которая сложилась вокруг Шанхайки. Многие торговцы приезжали в Иркутск нелегально из районов, где в природных условиях сохраняются очаги особо опасных инфекций, вплоть до холеры, чумы, тифа и прочих страшных болезней, но какая-либо защита от этих угроз отсутствовала.

Не менее напряженно выглядела и криминальная обстановка в этом районе. Значительный товарно-денежный поток, лишь частично подконтрольный налоговым и таможенным службам, невнятный визовый статус многих торговцев, слабое знание русского языка и законов – все это создавало весьма благодатную почву для всех форм рэкета, мошенничества, воровства и коррупции. «В соседних с рынком домах и усадьбах открыта масса незарегистрированных частных столовых, кафе, общественных туалетов. Их регулярно закрывают санитарные власти, но они так же регулярно возрождаются. Имеется парикмахерская, фотография, платный переговорный пункт. Открыт

стоматологический кабинет. Есть бильярдная, залы игровых автоматов. Регулярно организуются собачьи бои. Функционирует нелегальное казино, с которым безуспешно борется милиция и налоговые органы. По сообщениям иркутских газет, оно прекрасно оборудовано и доходы его могут доходить до сотен тысяч рублей в день. В марте 2004 г. правоохранительные органы раскрыли подпольное предприятие по изготовлению поддельных документов для торговцев» [12].

Двадцать лет Шанхайка процветала в центре Иркутска. Некоторые торговцы рынка разбогатели и приобрели респектабельность, да и основная масса перестала производить впечатление нищих и униженных чужаков. Но лишь в 2013 году группа иркутских урбанистов инициировала переговоры с собственниками земельных участков в районе рынка о возможных проектах кардинального приведения этой территории в более цивилизованный вид.

Эксперты и добровольцы Сибирской лаборатории урбанистики приступили к комплексному анализу ситуации в этом районе. Была собрана вся доступная градостроительная документация, реестр собственников земельных участков, проведена опись и фотографирование каждого строения. Положение дел осложнялось тем, что в этом районе, одном из старейших в Иркутске, находится множество зданий и строений, обладающих статусом памятников истории и архитектуры. Был проведен анализ документации по охране памятников и сопоставлен с тем, в каком реальном состоянии находятся эти памятники. Так как на некоторые участки доступ был закрыт (собственники не соглашались впустить «шпионов» на свою территорию), урбанисты арендовали беспилотный летательный аппарат и часть съемок провели с воздуха.

Уже на этой стадии работ с участков начали вывозить железнодорожные контейнеры, которые торговцы в большом количестве (порой в несколько рядов – друг на друга) за прошедшие годы завезли и использовали в качестве складов товара, разбирать самостроенные сараи. Возможно, торговцев напугал вид летающего над ними дрона, а возможно тот факт, что к наведению порядка подключилась полиция. Как бы то ни было, собственники земли поменяли свое отношение, или сработала совокупность причин, но рынок со

всеми его вопиющими нарушениями законности исчез за три дня. На освободившейся площади около 43 гектаров начал разворачиваться комплексный проект «Иркутские кварталы» на принципах многофункциональности, соразмерности человеку, проницаемости, бережного отношения к культурному наследию и современности. Сегодня проект находится в стадии активной разработки, часть объектов уже реализована.

Итак, опыт периодов быстрой урбанизации – как внутринациональной, так и межгосударственной – позволяет сделать ряд выводов.

1. В отличие от естественной урбанизации, протекающей со скоростью не выше 1–5 % населения в год, возможна ускоренная (быстрая) урбанизация, когда в городе переселяются сотни тысяч и миллионы сельских жителей в год.

2. Быстрая урбанизация, вызванная массовой миграцией носителей аскетического образа жизни в адхократическую среду больших городов, может служить основой для быстрого экономического роста за счет разницы в производительности труда и низком уровне потребления «новых горожан».

3. Смена образа жизни мигрантов происходит в течение 15–25 лет, причем первоначально адхократический стиль жизни усваивают немногочисленные, наиболее гибкие представители «новых горожан». За счет этого растет разрыв в уровне доходов (индекс Джини) и формируется график, описываемый «кривой Кузнецца».

4. До тех пор пока аскетический образ жизни преобладает в среде мигрантов, они стремятся поселиться компактно, образуя поселения труппного типа. В этих поселениях наблюдается целый ряд архаических черт – антисанитария, высокая криминализованность, местное самоуправление с элементами феодального или даже рабовладельческого уклада.

5. В ситуации быстрой миграции попытки равномерно рассеять мигрантов в городской среде и помешать им компактно поселиться в труппах приводят лишь к росту социальной напряженности и массовым конфликтам между аскетическими и адхократическими жителями города. Эти конфликты носят глубокий характер (на уровне базовых жизненных ценностей) и не могут быть преодолены раньше, чем произойдет естественная смена поколений.

6. Теоретические положения данной статьи продемонстрированы на примере истории района компактного проживания иммигрантов в Иркутске. Район образовался как реакция городских властей на растущее недовольство горожан нашествием мигрантов (главным образом из Северного Китая). Сразу после создания район принял совершенно труппный облик с характерной антисанитарией, криминализованностью и архаичными формами самоуправления. Через двадцать лет после своего основания район Шанхайка исчез практически мгновенно, и на его месте началось строительство благоустроенного многофункционального комплекса.

**Константин Лидин /
Konstantin Lidin**

Литература

1. Barton J. J. Peasants and Strangers: Italians, Roumanians, and Slovaks in an American City, 1890–1950. – Cambridge : Harvard University Press, 1975.
2. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Highlights (ST/ESA/SER.A/352).
3. Kessler G. C. The Peasant and the Town. Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929–1940. PhD-thesis. – Florence : European University Institute, 2001.
4. Lorimer F. The population of the Soviet Union: History and Prospects. League of Nations. Geneva. – New York: Princeton University Press, 1946.
5. Adriaans P., Benthem J. van. Introduction: Information is what Information does // Handbook of the Philosophy of Science. Vol. 8: Philosophy of Information. – North Holland: Elsevier, 2008. – P. 7–33.
6. Glazer N., Moynihan D. P. Beyond the Melting Pot. – 2nd. edition. – Cambridge : M.I.T. Press, 1970.
7. Naison Mutizwa-Mangiza. Sustainable urbanization in the post – 2015 UN development agenda. – New York: UN-Habitat, 2015.
8. Лидин К. Горожанство. В поисках универсального определения городской среды // Проект Байкал. – 2015. – № 45. – С. 84–90.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – М. : Вагриус, 2007. – С. 27.
10. Дятлов В. И. Китайский рынок «Шанхай» в Иркутске: роль в жизни городского сообщества // Изв. Ирк. гос. ун-та. – 2014. – Т. 10. – С. 103–119.
11. Григорьева М. А. Территориальные особенности развития розничной

торговли в условиях экономических реформ: на примере Иркутска : дис. ... канд. эконом. наук. – Иркутск, 2004.

12. Дятлов В., Кузнецов Р. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Проект Байкал. – 2014. – № 42. – <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/798/789>

References

- Adriaans, P., & Benthem, J. van. (2008). Introduction: Information is what Information does. Handbook of the Philosophy of Science. Vol. 8: Philosophy of Information (pp. 7-33). North Holland: Elsevier.
- Barton, J. J. (1975). Peasants and Strangers: Italians, Rumanians, and Slovaks in an American City, 1890–1950. Cambridge: Harvard University Press.
- Dyatlov, V. I. (2014). Kitaisky rynek 'Shanghai' v Irkutске: rol' v zhizni gorodskogo soobshchestva [Chinese market 'Shanghai' in Irkutsk: its role in the urban community life]. Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 10, 103-119.
- Dyatlov, V., & Kuznetsov, R. (2014). "Shanghai" in Irkutsk Downtown. Ecology of the Chinese Market. project baikal, 11(42), 120-129. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.42.798>
- Glazer, N., & Moynihan, D. P. (1970). Beyond the Melting Pot (2nd ed.). Cambridge: M.I.T. Press.
- Grigorieva, M. A. (2004). Territorialnye osobennosti razvitiya roznicnoi trgovli v usloviyakh ekonomicheskikh reform: na primere Irkutsk [Territorial peculiarities of the development of retail trade in the context of economic reforms: Irkutsk case study] (PhD thesis). Irkutsk.
- Kessler, G. C. (2001). The Peasant and the Town. Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929–1940 (PhD thesis). Florence: European University Institute.
- Lidin, K. (2015). Urbanship: In search for a comprehensive definition of urban environment. project baikal, 12(45), 84-89. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.45.896>
- Lorimer, F. (1946). The population of the Soviet Union: History and Prospects. League of Nations. Geneva. New York: Princeton University Press.
- Marx, K., & Engels, F. (2007). Manifest Kommunisticheskoi partii [Manifesto of the Communist Party]. Moscow: Vagrius.
- Naison Mutizwa-Mangiza (2015). Sustainable urbanization in the post – 2015 UN development agenda. New York: UN-Habitat.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Highlights (ST/ESA/SER.A/352).

^ Альбом натуралиста. Улитка Мот

Мы продолжаем публиковать мифы 130-го квартала. Их рассказывает заслуженный байун, собиратель современного городского фольклора Козьма Кварталов. Просим не относиться к его байкам как к историческим свидетельствам. Это скорее сказки, где историческая правда переплетена с современным вымыслом. Появление таких мифов – признак живого интереса и развития города. Или хотя бы одного квартала.

Ключевые слова: Иркутск, 130-й квартал, мифология, современный фольклор, социальная психология, урбанистика./

We continue to publish the myths of the 130 Quarter. They are told by an honored crooner, collector of the modern city folklore Kozma Kvartalov. Please do not treat his stories as historical accounts. They are more like fairy tales where the historical truth is interlaced with contemporary fiction. The occurrence of such myths evidences a vivid interest and development of the city. Or at least a city quarter.

Keywords: Irkutsk; 130 Quarter; mythology; modern folklore; social psychology; urbanistics.

Мифы 130-го квартала. Продолжение / Myths of the 130 Quarter

текст

Козьма Кварталов

графика

Яна Лисицына /

text

Kozma Kvartalov

graphics

Yana Lisitsyna

Обманное богатство

Здесь, на этом месте, раньше жил один купец; с ним произошла удивительная история, когда после пожара 1874 года он начал на месте старого строить себе новый дом и обнаружил под фундаментом прекрасную резную шкатулочку, набитую разными драгоценностями. Кольца там были желтого и красного золота, перстни с печатками и камнями нездешними – изумрудами, рубинами и сапфирами. Купец сразу углядел масонские знаки на печатках, а еще сообразил, что камня в перстнях старой работы, индийской. Припомнил он, что вдова, у которой был куплен дом, много плакалась на покойного мужа, что ничего ей не оставил и приходится не только дом, но и все пожитки продавать за бесценок. Купец решил отыскать старушку и вернуть ей находку. Однако ж оказалось, что старая вдова давно уехала из города к родне на Рязанщину, а посланное ей письмо с рассказом о шкатулке вернула, приложив записку: «Не надо мне, батюшка, твоих колец. Да и сам остерегись: такие вот тайны моего супруга и разорили, и погубили». Купец, конечно, подумал, что бедняжка от горя умом подвинулась. Однако же других наследников у сокровища не отыскалось, и решил он понемногу распродать находку.

Раз нашел покупателя, уговорился, пришел на торг, достает из кармана кожаный мешочек с изумрудным кольцом, вытряхивает на подносик, а там – оловянная безделушка с мутным бутылоч-

ным стеклом. Еле замял скандал. Подумал, что обокрали его дорогой или кто из врагов шутку злую подстроил. Вернулся домой, открыл шкатулку, чтобы пересчитать, не пропало ли еще чего, а вопросный перстень с изумрудом – вот он, на самом верху лежит. Рассердился купец, подумал, точно кто-то с ним шутки шутит. Перепрятал шкатулку, взял на продажу другое кольцо. Золотую печатку.

До самой сделки на пальце ее носил, чтоб ни-ни... Пришел в дорогой ювелирный магазин на Амурской. Перчатку с руки снимает и видит что на пальце у него свинцовое кольцо с печаткой. А на печатке такое написано, что и сказать срамно.

И так оно пошло-поехало. Купец все упорнее старался продать свои сокровища, а по городу слухи поползли, что дела с ним иметь не надо: нечисто с ним что-то, чудной он стал. А для купца репутация что добрый капитал.

Стал и попивать наш купец. Вот под пьяную лавочку и поделился как-то с другом своими бедами про зачатые кольца из старой шкатулки. А друг его с китайцами знался, чаем торговал да шелком. И сразу купцу поверил. И предложил отнести всю шкатулку к одному давно знакомому старому китайцу, спросить – что-то тот присоветует.

Китаец шкатулку оглядел, открывать не стал, ухмыльнулся и спросил, сколько за нее хочет хозяин. А хозяин уже был готов отдать и даром, лишь бы сбыть. Так и отдал – почти даром, за тук дорогого чаю.

Китаец осторожно взял шкатулку в шелковый обрез, окурил палочкой и унес куда-то. С тех пор его в Иркутске не видали.

Потусторонний патруль

Не секрет, что на месте нынешнего квартала была старая малина – опасный и вонючий притон мелких воров, самогонщиков, нищих и дешевых девок. Возле церкви было обычное место сходок всего этого сброда, где случались и драки, и поножовщина, и грабежи с убийствами. Ходило много слухов о спрятанных у реки награбленных ценностях.

Когда клоповник волевой рукой снесли в одночасье, местный криминалитет рассеялся по городу. Кое-кто уехал, кое-кто помер. Землю выровняли, сложили новые фундаменты, построили канализацию, фонари везде поразвешали, улицы замостили и вообще облагородили местечко. Но, как водится, к словам экстрасенсов и просто понимающих людей не прислушались – ничего для реорганизации старой энергетике квартала не сделали.

Однако же каждый может заметить, что энергетика в квартале хорошая – спокойно, безопасно, ни драк, ни пьяных безобразий. А почему?

Видящие и слышащие люди говорят, что в квартале действует «потусторонний патруль». Это души невинных жертв, когда-то погибших в квартале, объединились в светлый отряд, который поклялся беречь и защищать людей от злых умыслов и

^ Иркутские листочки. Думка

^ Иркутские листочки. Ветер

преступных деяний. Тех, кто входит в квартал с дурными намерениями, преследуют навязчивые страхи.

Призраки и раньше являлись своим убийцам, пугали их, совестили, – в общем, сокращали им жизнь. За то, что свой срок на земле им дожить не дали, они злым людям спокойно доживать мешали. Вот и теперь они тем же заняты. Вору, пьянице непотребному, любителю драк – только подойдет они к кварталу – призраки то шепчут страшно прямо в уши, то могильным холодом в затылок подуют, а то и так сделают, что подвернется нога на ровном месте, в глазах потемнеет... и до сердечного приступа довести могут.

Поэтому в квартале так спокойно. Дети бегают, свадьбы фотографируются. Люди друг друга не боятся. Кто и не знает, а все равно чувствует: если уж человек в квартал вошел, – значит, хороший человек, с добрыми мыслями и намерениями.

Фэншуй сибирский

В прежние времена, когда крепкий хозяин собирался дом ставить, то загодя начинал, года за два. По осени в лес ездил, присматривал деревья на сруб – лиственницу на нижние венцы, сосну на остальные. Потом зимой, пока в бревне соков мало, эти деревья валили, сучковали да ошкуривали и оставляли сохнуть годика на полтора. Не то станет бревно в срубе сохнуть, да неровно – и поведет его, пойдет дом щелями, а то и вовсе перекосит его так, что и глянуть будет позор-

но. Вот, люди скажут, торопыга строился. Черти за ним гнались, не иначе.

А еще приглашали специального человека, чтобы место для будущего дома разведать. Под домом обязательно подвал рыли, да глубокий – чтобы не промерз за всю длинную сибирскую зиму. Метра два, а то и три глубиной должен быть подвал, тогда в нем круглый год будет одинаковая температура, градусов десять. В таких подвалах и соленья-квашенья всякие хранили, и муку, и ягоды сушеные (а без этих витаминов зиму не пережить). Небогатый купчина иногда и рабочий кабинет себе устраивал в подвале, поближе к припасам да запасам. Заодно и тихо, и укромно, и прохладно, чтобы за конторскими книгами в сон не тянуло.

Специальный же человек нужен, чтобы подвал получился сухой. Иркутск весь стоит на песке да галечнике, грунт рыхлый. Особенно по весне, как снег таять начинает – а снегу за зиму накопилось немало, – по этим подземным слоям целые реки текут. Если место неправильно выбрано, так зальет подвал, что и дом весь отсыреет, плесенью пойдет да и сгниет за три года.

Как раз в сто тридцатом (по-нынешнему) квартале в конце восемнадцатого века жил знаменитый на весь город знаток. Незнатного рода, да и собой невидный, обычный какой-то. Но место под будущий дом находил – безошибочно. Походит кругом, на солнышко поглядит, землю поковыряет. Травинку сорвет, пожует: много ли сока в

ней? В ближние колодцы аукнет: далеко ли до воды? В общем, то ли колдует, то ли посмеивается, только если уж указал место для дома, так и будет дом стоять триста лет сухой да крепкий.

Иркутские буряты его в шутку (а может, и не в шутку) прозвали «русский шаман». У самих-то бурят шаманы никогда под землю не заглядывали, им и незачем. Юрта без подвала стоит.

Приезжали в Иркутск китайцы, поглядели, как наш знаток работает, да и говорят: фэншуй, мол. Разговаривает он, дескать, с драконами, подземных вод хозяевами.

Но тут вышла история такая, по нынешним временам диковатая. Над кварталом-то, на пригорке, стоит церковь во имя Воздвижения Креста Господня. И вот, повадились в этой церкви попы да служки с черными книгами баловаться. Колдовские эти книги в Сибирь попадали вместе со ссыльными да беглыми церковниками, кто под искушение подпал. Власть сулили эти книги, богатство – вот братия и прельщались. А иных соблазняло, что в черных книгах якобы истинное Слово Божье обреталось, которое никониане от народа спрятали. Да еще язычники кругом – якуты да калмыки со своими шаманами, ламы из Тибета со своей суровой мудростью, китайцы лукавые. Даже из Индии буддийское учение доходило, о восьмеричном пути спасения от страданий.

И вот, в один из дней прибыла в Иркутск тайная комиссия от Святейшего синода. Сперва втихо-

молку слухи собирали. А церковная братия не особенно и пряталась. До сих пор на всех стенах Крестовоздвиженской церкви видны буддийские символы: тут тебе и колесо сансары с восемью спицами, и сандрики в виде языков пламени, знак майя, мировой иллюзии. Травками лечебными мирян в церкви пользуют по шаманским рецептам. Книжки хранят старообрядческие, до Никониной реформы писанные. В общем, начали церковную братию хватать да в застенки генерал-губернаторские упрявывать. А там, под кнутом да каленым железом, они уже многих оговорили, кто и был к чернокнижию причастен, а кто и не был.

И мастера нашего приплели. Схватили, да так и уморили в застенке. С тех пор бывали и другие мастера подземные воды угадывать. Многие дома в старом Иркутске на правильных местах стоят. Но таких точных мест, как в сто тридцатом квартале, уже не было. Каждый дом тут стоит верно, и, если его не трогать, не теснить новыми постройками – будет стоять триста лет сухой да крепкий.

Такой вот сибирский фэншуй.

В статье изложен опыт строительства новых типов планировочной единицы – квартала города и современных реконструкций кварталов для достижения лучшего качества проживания населения.

Ключевые слова: современный городской квартал, гуманизация жилой среды, внутренний двор, интегрированный квартал, комфортная среда. /

The article presents realizations of new types of urban quarters and present-day reconstructions of these urban units aimed to achieve the higher quality of life of the population.

Keywords: modern urban quarter; humanization of city environment; inner courtyard; integrated quarter; comfortable environment.

> Квартал «Сони-центр» в Берлине (арх. Хельмут Ян). Площадь в центре квартала – одно из любимых мест отдыха горожан

Развитие современного городского квартала на примере городов стран Западной Европы

Современное городское строительство, примеры которого мы наблюдали в новых районах Берлина, Мюнхена, Вены, Копенгагена, имеет некоторые общие черты. Обращает на себя внимание строительство новых жилых районов и кварталов на городских территориях, подвергшихся реновации. Промышленные в прошлом районы, как в Берлине, или бывшие военные доки, портовые склады, как в Копенгагене, Амстердаме, получившие новую функцию с сохранением рядовой исторически ценной застройки, показывают успешные примеры развития города. В Копенгагене в районе бывших казарм и военных доков, превращенных в жилые дома с элитными квартирами, морская вода подходит непосредственно к придомовым участкам, и жители этих домов имеют возможность сесть в свои лодки и байдарки почти у самого порога квартиры.

Подобные участки под жилую застройку характеризуются престижными градостроительными условиями – близостью к центру города, удобными транспортными связями, эстетической привлекательностью ландшафта. Наиболее яркая, выразительная жилая среда сформирована там, где активно использованы особенности ландшафта, часто это – раскрытие городской застройки на реку, на залив. Задача современных архитекторов состоит в создании живой и максимально взаимодействующей с природой архитектурной среды. Открытые к воде так называемые садовые дворы, крупные формы жилой

застройки, ассоциирующиеся с парковыми сооружениями эпохи барокко, выражали идеальные представления населения о городе и ландшафте как едином целом. Общественное развитие, рост материальных и духовных потребностей людей послужили толчком к созданию более комфортной среды, в которой функционально-практические и эстетические задачи решались одновременно. Вдумчивое и бережное использование естественного ландшафта, его сохранение и использование актуально для современного зарубежного средового дизайна, также прослеживается стремление к гуманизации среды. Хотелось бы, чтобы опыт европейских стран подтолкнул к восстановлению утерянного в нашей стране комплексного подхода к организации пространства жилой среды как к эстетическому объекту, дающему «удобство и удовольствие чувствам человека».

Жилые кварталы, в классическом значении понятия «квартал» как градостроительного образования, ограниченного сеткой улиц и застроенного по его периметру, возводятся на реконструируемой территории в центральной исторической части Берлина, в районе Фридрихштадт. После объединения Германии в 1989 году восточная часть столицы превратилась в огромную строительную площадку. Следствием долгих дебатов в архитектурной среде, в прессе с участием населения Берлина явилось решение вернуть городу не только его плотность, но и характерную

текстуру его исторической ткани. Градостроительная реконструкция после объединения Берлина основана на анализе довоенного исторического развития. Особенно насыщена примерами новой архитектуры в границах исторических кварталов юго-восточная часть района Фридрихштадт [1]. В результате проведенных международных архитектурных конкурсов, в которых приняли участие признанные мастера архитектуры, город приобрел уникальные по своему образному решению жилые кварталы с множеством пространственных типов вплоть до использования прямых цитат из архитектуры итальянского классического палаццо.

В организации новых кварталов Берлина наряду с немецкими архитекторами оставили свой след архитекторы из Италии, Австрии, Великобритании, США, Японии: Ханс Колхофф, Ричард Роджерс, Альдо Росси, Арата Исодзак, Питер Эйзенманн и другие. В результате совместных поисков создана городская среда, отвечающая местным градостроительным требованиям, – плотная квартальная застройка, дающая жителям новое улучшенное качество жизни: целостность и эстетичность жилого пространства наряду с удобством проживания в центре города, ощущение устойчивости и стабильности. Принятая за основу градостроительного развития послевоенного Берлина «критическая реконструкция» подразумевает строительство новых по характеру зданий при сохранении основных типологических черт

старой застройки и исторической сетки улиц: «Проект дальнейшего развития Берлина основан на принятой в 1999 году берлинским сенатом программе, главный пункт которой – решение вернуться к довоенной мелкой квартальной сетке» [1]. В районе Фридрихштадт знаменитый архитектор Альдо Росси создал необычный квартал Шютценштрассе, по проектам архитекторов Арата Исодзак, Питера Эйзенманна построены жилые дома с комфортными квартирами.

Таким образом, в центре Берлина в соответствии с правилами «критической реконструкции» восстанавливается историческая мелкая структура кварталов, особенно это заметно на Фридрихштрассе. Сблокированные с существующими историческими зданиями конца XIX – начала XX века новые здания образуют замкнутый контур квартальной застройки, характерный для Берлина, в котором объединяются старая и новая архитектура,

в Район Фридрихштадт в Берлине. Вид сверху на Фридрихштрассе и восстановленные в прежних границах кварталы

^ Набережные каналов в Копенгагене используются как придомовые участки с выходом к воде

^ Жилая застройка на набережной канала в Амстердаме

Development of a Modern Urban Quarter through the Example of Western European Cities

^ Примеры выравнивания высот карнизов зданий на Фридрихштрассе

^ Этажи выше уровня карниза отступают от фронта застройки

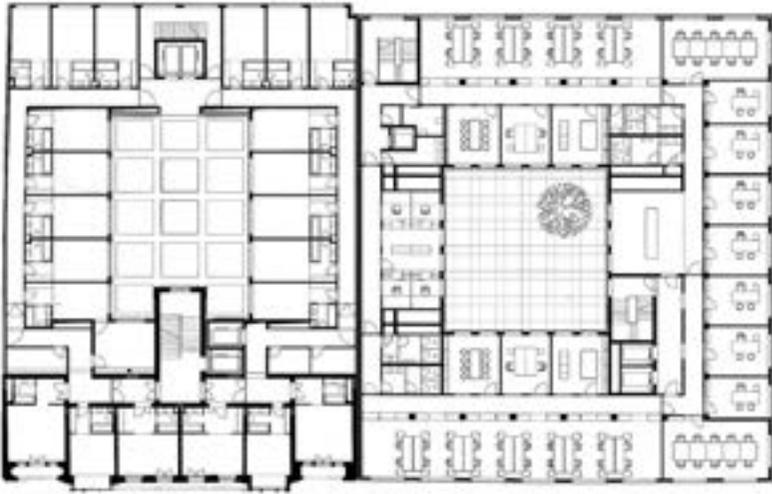
^ Характерная застройка обновленных кварталов в районе Фридрихштадт

часто вокруг внутреннего двора. Встречающаяся разноэтажность корпусов новых офисных, торгово-офисных зданий вокруг открытого внутреннего двора продиктована градостроительными условиями: карнизы зданий, пристраиваемых к существующим 5-этажным зданиям, выходящих на Фридрихштрассе, продолжают высоту карнизов исторического здания. Таковы требования строительных норм и правил для района Фридрихштадт, где высота карниза не должна превышать 22,5 м от отметки земли. Поэтому верхние этажи, обычно 6-й и 7-й, отступают от фронта застройки, образуя на крыше озелененные ступенчатые террасы. При проектировании новых зданий авторы реконструкции кварталов следуют за руководящими принципами «критической реконструкции» Берлин, такими как ограничение высоты дома, сохранение высоты карниза на уровне высоты соседних старых домов, для облицовки фасадов используется камень. В результате кварталы с сохранением рядовой исторически ценной застройки сохраняют градостроительный масштаб и, отвечая требованиям времени, получают новую функцию. Кварталы многофункциональны: магазины, кафе и рестораны, торгово-офисные центры, бюро, жилье на верхних этажах. Гаражи занимают подземные этажи. В соответствии с требованиями градостроительного закона Берлина на верхнем уровне предусматривается обязательное жилье с возможностью использо-

вания террас жильцами квартир. Это делает жизнь в квартале разнообразной и наполненной, а также безопасной для проживания, в отличие от даунтаунов крупных городов США.

Ниже приведены примеры кварталов в районе Берлина Фридрихштадт, восстановленных в полном соответствии с положениями «критической реконструкция», но с новыми функциями и характером зданий.

Квартал 50 (арх. У. Лаубер, В. Вёэр) – офисный и торговый центр на Фридрихштрассе – относится к комплексной застройке американского типа, расположен около контрольно-пропускного пункта Чарли. Основная сторона квартала выходит на Фридрихштрассе, остальные – на ул. Шютцен и Краузен. Угол ул. Шютцен имеет строгие границы квартала. На наземном этаже – два входных фойе с двухэтажными магазинами. Зона офисов размещена на верхних этажах и ориентирована на улицу и во внутренние дворы. В соответствии с требованиями градостроительного закона Берлина на самом верхнем уровне центра предусмотрено обязательное жилье. Жильцы квартир имеют возможность использования террас и обходных галерей. Квартал многофункционален: магазины на наземном этаже с аркадой, протянувшейся вдоль Ляйпцигерштрассе, функции бюро на верхних этажах (около 10 тыс. кв. м), жилье и еще бюро в трехэтажном аттике. Два подземных этажа занимают

^ Новое офисное здание по Фридрихштрассе, 29/30. Общий вид, план квартального комплекса. В блоке отеля жирными линиями обозначено историческое здание

v Новое офисное здание по Фридрихштрассе, 29/30

вокруг внутреннего двора, образуя замкнутый контур квартальной застройки, характерный для Берлина. Разноэтажность корпусов углового офисного здания вокруг открытого внутреннего двора продиктована градостроительными условиями: карниз крыла, пристраиваемого к существующему 5-этажному зданию отеля и выходящего на Фридрихштрассе, продолжает высоту карниза здания отеля на отметке не выше 22,5 м от уровня земли. Поэтому два верхних этажа, 6-й и 7-й, отступают от фронта застройки, образуя на крыше озелененные ступенчатые террасы, а общая высота

соответствует высоте мансардной крыши здания отеля. Башня, возвышающаяся над всем комплексом, обозначает угол перекрестка улиц Фридрихштрассе и Бессельштрассе. Фасады геометрически структурированы, первые два этажа, отмечающие основу здания, «одеты» в естественный камень, в то время как верхние этажи облицованы плиткой из искусственного материала. Мощение внутреннего двора гармонирует с цветом и материалом стен [1].

Квартал «ДВВ-Форум» можно назвать ансамблем, который в

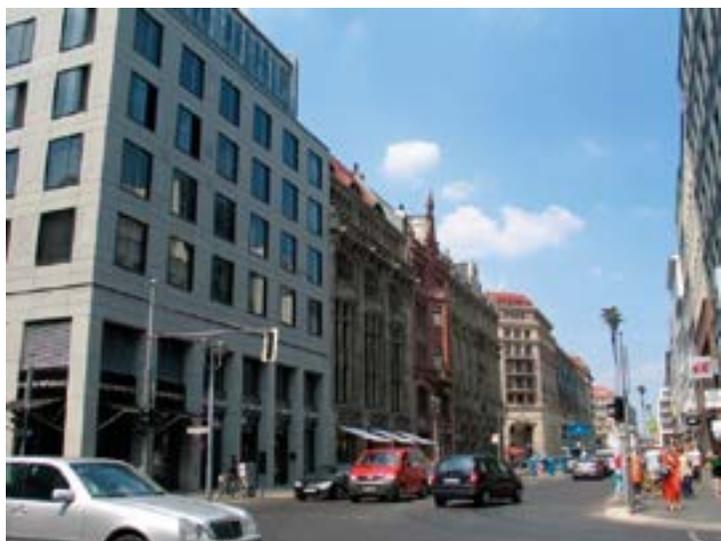
гаражи. Историческая традиция района Фридрихштадт продолжена каменными фасадами из черного полированного гранита с гранитной аркадой. Новые мотивы – это оконные стальные профили с зелеными стеклами окон. Комплекс зданий восстанавливает историческую мелкую структуру кварталов, характерную для Фридрихштрассе. В то же время ансамбль стилистически перекликается с архитектурным решением новых зданий правительства и парламента, возведенных в смежном районе. Новый квартал решен современными выразительными формами с большим количеством стекла, что отвечает архитектурной стилистике и масштабу застройки Фридрихштрассе. Архитекторы сделали акцент на поднимающейся в сторону реки высоте комплекса, на элегантно закругленных углах зданий, а также на стилистически последовательно развивающейся концепции решения фасадов.

Новое офисное здание по адресу Фридрихштрассе, 29/30. Главный фасад (арх. М. Дудлер) занимает северо-восточный угол перекрестка Фридрихштрассе и Бессельштрассе. Сблокированное с существующей гостиницей в историческом здании эпохи грюндерства новое офисное здание образует квартальный комплекс, в котором объединяются старая и новая архитектура.

Главный вход в восьмиэтажной части комплекса на Фридрихштрассе ведет в холл, расположенный на первом этаже нового здания. Первый этаж также занят магазинами, фирмами, доступ к которым возможен с обеих улиц. Все помещения входного этажа имеют связь с открытым внутренним двором. Проектом предусматривается реставрация и усиление конструкций существующего исторического здания. Этот репрезентативный старый дом, ориентированный на Фридрихштрассе, дополняется тремя новыми корпусами отеля

^ Квартал «ДВВ-Форум». Сверху – развертка по Фридрихштрассе, справа налево дома 165, 166, 167/168, 169/170. Внизу – развертка по Беренштрассе с новым зданием на месте снесенного панельного здания периода ГДР

^ Квартал «ДБВ-Форум». Современное состояние

основном был сформирован на рубеже XIX–XX веков. Четыре здания имеют архитектуру, характерную для Германии конца XIX века, – многостилье и эклектику, когда стиль ар-нуво уже сформировался в Испании, Франции, Бельгии. Однако некоторые черты дизайна имеют архитектуру, характерную для Германии конца XIX века, – многостилье и эклектику, когда стиль ар-нуво уже сформировался в Испании, Франции, Бельгии. Однако некоторые черты дизайна имеют архитектуру, характерную для Германии конца XIX века, – многостилье и эклектику, когда стиль ар-нуво уже сформировался в Испании, Франции, Бельгии. Однако некоторые черты дизайна имеют архитектуру, характерную для Германии конца XIX века, – многостилье и эклектику, когда стиль ар-нуво уже сформировался в Испании, Франции, Бельгии.

Фасад, облицованный плитами песчаника, отдаленно напоминает проект предыдущего здания [1]. В целом это здание в увязке с другими составило гармоничный ансамбль.

Можно упомянуть еще о нескольких кварталах Берлина в районе Фридрихштрассе, таких как квартал 108 (арх. Т. ван ден Валентин); «Розмарин-каре» (арх. Ж. Бюге и И.-Л. Бюге); «Розмарин-каре-Сити» – апартаменты (арх. П. и П. Кляйхус). И эти кварталы, и соседние объединяют схожие приемы: новые функции плюс жилье на верхних этажах, историчность гранитных фасадов нижних этажей с крупноразмерными стеклами окон и стальными оконными профилями, выделенные зоны центрального входа в здания.

Индивидуальностью образа отличаются квартал отеля «Аквариум», вблизи бульвара Унтер-ден-Линден, и квартал «Хакешен-Хоф» в Берлине. В одном случае новизна трактовки общественного пространства – крытый торговый пассаж между двумя зданиями, фактически являющийся частью улицы, в другом – реконструкция квартала как новый тип городского пространства с системами внутренних дворов, соединенных небольшими магазинами, ресторанами и апартаментами. В Мюнхене подобную структуру городского квартала «Пять дворов» авторы-архитекторы Херцог и де Мерон охарактеризовали как «европейский ответ американским торговым моллам». Пространствен-

ная сложность проекта квартала с функциями коммерции, культуры, искусства дала возможность разнообразить формы и дизайн дворов и пассажей.

«Дом-аквариум» (арх. С. Чобан и др.) – оригинальный городской квартал в центре Берлина, образованный в 2004 году. Новая трактовка общественного пространства – крытого пассажа между двумя параллельно стоящими зданиями и устройству в одном из них необычного аквариума – придают кварталу неповторимость и индивидуальность. Торговый пассаж площадью 6 тыс. кв. м, фактически являющийся частью улицы, предлагается как исключительное пространство для современной жизни рядом с известными достопримечатель-

ностями Берлина – бульваром Унтер-ден-Линден, Островом музеев, собором. «Дом-аквариум», расположенный в центральной исторической зоне, обеспечен оптимальными транспортными связями: рядом остановки электричек и поездов метро, трамвая, автобусов, такси, а также речной порт. Этот квартал представляет собой офисно-гостинично-жилой ансамбль с международной выставкой, который предлагает, кроме того, торговлю сувенирами, гастрономию, а также крупнейший в мире цилиндрический аквариум. Здесь стираются границы между жилищем и работой, общением и удовольствием. Такая концепция городского квартала – пространство многообразия, общения, функционального смешения – служит эффекту синергетичности:

^ План квартала «Дом-аквариум»

^ Элементы среды на территории квартала «Дом-аквариум»

^ Квартал Хакеше-Хоф. Первый двор

^ План квартала Хакеше-Хоф

в 5-звездочном отеле Радизон SAS возможна аренда офисов, более чем 75 эксклюзивных квартир-резиденций с многочисленными видами на берлинский Собор и реку Шпрее. Изюминка атриумного пространства фойе отеля – это аквариум высотой 11,5 м, вмещающий 1000000 литров воды. Посетители имеют возможность ощутить себя внутри подводного мира с красивым ландшафтом.

Прозрачный сердечник аквариума с лифтом поднимает посетителей на верхний этаж, где на высоте купола Собора проектом предполагался общественный бассейн. Гости могут наслаждаться аквариумом, комфортно расположившись в современных креслах [2].

Комплекс включает отель, жилой дом, два офисных здания с частными клиниками. Отель насчитывает 430 стандартных номеров, прези-

дентский и юниорский номера, номера для инвалидов и аллергиков; два ресторана, один из которых имеет открытую террасу с видом на Шпрее; конференц-залы. Индивидуальность образа городского квартала Дом – аквариум усиливается скульптурами человеческих фигур в натуральную величину, установленными в самых неожиданных местах и ситуациях, например, сидящими на парапете набережной.

Квартал «Шютценштрассе» представляет собой постмодернистский комплекс-коллаж, созданный знаменитым итальянским архитектором Альдо Росси. Расположенный между Шютценштрассе, Циммерманштрассе и Шарлоттенштрассе, квартал объединяет разные исторические сооружения, окрашенные в цвета терракотовый, зеленый, синий, желтый, охры... На фоне однотипных унылых берлинских

^ Общий вид квартала «Дом-аквариум»

^ Квартал «Пять дворов». Все дворы имеют индивидуальное образное решение

v Квартал «Шютценштрассе». На фото видны внутренние дворы

v Квартал «Шютценштрассе». Обрамление портала сквозного прохода между дворами

строений 6-этажные блоки зданий квартала выглядят довольно захватывающе и своей неожиданностью удивляют. Некоторая грубоватость форм жилых зданий, бросакая, но тяжеловатая цветовая гамма фасадов, выходящих на улицы, резко контрастирует с мягкой атмосферой внутренних дворов, размещенных в глубине квартала. Почти лиричную атмосферу создает система разных форм тихих, уютных, озелененных небольших дворов, с мощеными дорожками, белыми скамьями и фонарями на фоне фасадов, окрашенных в желтые, розовые цвета. Приятные ощущения вызывают утонченные формы и пропорции фрагментов фасадов итальянских палаццо – прямых цитат из архитектуры эпохи Возрождения, искусно вставленных в современные модернистские фасады.

Квартал Хакеше-Хоф (Хакские дворы) после падения Берлинской стены превратился в настоящий магнит как для любителей светской жизни, так и для гостей Берлина. Тщательно отреставрированные дворы располагаются в историческом квартале Шойненфиртель в Шпандауском предместье района Митте. Хакские дворы представляют

собой самый крупный в Германии закрытый комплекс дворов, находящийся с 1972 года под защитой государства как памятник архитектуры. Как и многие дворы Берлина, этот комплекс зданий, построенный в начале прошлого века, был смесью офисов, мастерских, мелких предприятий, крохотных фабрик (особенно в первых дворах) и квартир. В девяностых годах при реставрации к этой концепции было решено вернуться, что было успешно выполнено. На сегодняшний день восемь дворов между Розенталерштрассе и Софиенштрассе располагают площадью в 27 тыс. кв. м, на которых размещаются 40 предприятий, а кроме того – культурные учреждения, магазинчики, рестораны и жилье. Дворовый комплекс Хакеше-Хоф считается одним из прекрасных примеров индустриального модерна (югендстиля) в архитектуре Германии. После

всестороннего, тщательного обновления квартал был преобразован в одно из наиболее популярных мест города: теперь это новый развлекательный район с множеством баров, ресторанов и клубов. 1-й двор был разработан художником югендстиля и архитектором Аугустом Эндемем и включает кинотеатр, несколько баров и ресторанов, театр «Хамелеон». Второй двор объединяет театр Хакеше-Хоф, Театр культуры идиша, а также несколько офисов. Остальные дворы заняты небольшими магазинами и галереями. Квартал Хакеше-Хоф – одно из самых популярных мест ночной жизни [3].

Гармоничность жилой среды достигнута там, где учитываются особенности ландшафта (река, залив). Новый пример – это город на воде Шпандау в Берлине (первая премия открытого национального конкурса с международным участием). К воде обращены зоны общественного использования, коллективных форм жилища и жилых домов с открытыми площадками. Образное многообразие застройки достигнуто разделением на пять стадий, в которых участвовали различные архитекторы. Такой же принцип – раскрытие общественных и дворовых пространств к воде – стал доминирующим для реконструируемого промышленного в прошлом района Бухта Руммельсбург в Берлине. Согласно концепции проекта, «... в каждом дворе самое ценное качество – вид для всех на воду, что делает эту концепцию особенно удачной. Садовые дворы

образуются застройкой переменной этажности. Каждый двор получает тематически индивидуальный сад, образ и материалы дворовых фасадов включены в создание индивидуальности дворов и ландшафтных связей с озером». [4].

Квартал «Пять дворов» в Мюнхене (арх. Херцог и де Мерон) – это сложный лабиринт из магазинов, офисов, выставочных пространств и апартаментов, попытка интегрировать в единое целое функции коммерции, культуры, искусства, жилья. Авторы охарактеризовали этот проект как «европейский ответ американским торговым моллам». В новом типе городского пространства с системами скверов и пассажей, соединенных магазинами и апартаментами, была реализована идея еще 1947 года. Пространственная сложность проекта квартала дала возможность разнообразить формы и дизайн дворов и пассажей, каждый из которых имеет индивидуальный характер, продиктованный и функциональным назначением. Во дворы и пассажи ведут пять входов-выходов с улиц, ограничивающих квартал по его периметру. Двор прямоугольной классической формы – пассаж строгой архитектуры и высокий пассаж с верхним естественным освещением, с густо свисающими вниз зелеными ветками – лианами и светильниками на длинных шнурах, небольшой двор на входе в квартал с одной из центральных улиц со столиками ресторана и с огромным свисающим декоративным прозрачным шаром.

^ Амстердам. Одна из набережных залива, где жители имеют возможность позавтракать всей семьей или поплавать у своего дома
< Квартал «Пять дворов»

Во двориках, куда выходят окна жилых квартир, стоят состаренные скульптуры, скамьи, фонтан – все сомасштабно размерам двора, высажены деревья. Комплекс включает популярный современный музей, для зала искусств в котором были специально спроектированы световые короба, дающие полное ощущение естественного освещения. Пространства квартала способствуют эмоциональной разгрузке посетителей и дарят им эстетическое наслаждение [5].

В Копенгагене, Амстердаме и Мальме активно используется один из основных природных факторов – вода: разнообразные фонтаны, водоемы на открытых площадях, в парках, внутри кварталов. Амстердам и Копенгаген изобилуют каналами, проливами, обширными водными поверхностями, островами, полуостровами, набережными каналами с пришвартованными яхтами, небольшими парками, судами, в которых при желании можно жить или работать, как в офисе. Эти города являются одними из самых удобных мест для жизни. Городская среда в Копенгагене, Амстердаме, Мальме – это реализация принципа гуманизации пространственной среды, в основе которой лежит уважение к людям, забота о них, внимание к человеку и его потребностям. Физиологический и психологический дискомфорт, который испытывают жители города в холодные зимние дни, компенсируется визуальным и функциональным преобразованием урбанизированного ландшафта.

Вода и прибрежные территории с эффективным и малозатратным ландшафтным благоустройством (площадки для отдыха, детские игровые пространства, сезонные центры обслуживания), совершенствование визуальных качеств прибрежной среды поднимают настроение и положительно влияют на психологическое состояние человека. Используются такие архитектурные приемы, как достижение композиционного единства зданий, зеленых насаждений и малых форм, масштабирование среды в зависимости от характера использования пространства, создание визуальных акцентов и ориентиров, наконец, повсеместное применение натуральных материалов – природного камня и дерева – оживляют городской ландшафт и формируют набережные, повышают уровень комфорта. Для застройки города характерно максимальное включение природных компонентов в структуру реконструируемых и вновь проектируемых жилых кварталов и районов, бережное отношение к существующим природным ресурсам. Значимую роль этот принцип играет при регенерации прибрежных постпромышленных территорий, бывших военных доков и казарм. Большое внимание в этих городах уделяется функциональности, а именно реконструкции этих территорий по пути преобразования в элитное жилье, нежели сохранению традиций. При преобразовании складских, портовых зданий в выставочные или общественные пространства, рестораны датские

архитекторы демонстрируют минимальное вмешательство во внешний вид.

В качестве примера прибрежной жилой застройки можно привести район Борнео-Споренбург в Амстердаме. Узкие и длинные полуострова заполнены кварталами с плотной трехэтажной жилой застройкой, индивидуальными участками. Жилые дома в этих зонах выходят на незастроенную полосу, соединяющую параллельные улицы, где размещаются сады. Высотные блоки застройки являются акцентными и пространственно координируют весь район. Как и в исторических городах, предлагается высокий первый этаж (3,5 м) вместо голландского стандарта 2,4 м. Такой прием позволил приподнять застройку над водой.

Как показывает опыт проектирования и строительства новых городских кварталов, а также подвигшихся реконструкции, создание жилой среды в последние десятилетия основано на новой концепции проектирования. Идет поиск новой философии, привязанной к реальности, что является такой же трудной задачей, как и поиск новых форм. Наиболее выразительные и привлекательные районы города, жилые кварталы с точки зрения их положительного воздействия на жителей этих районов созданы там, где новая среда формирует переживания жителей. Основной принцип – проектирование эмоций. С этой целью используются такие природные элементы, как камень, вода, дерево, растительные формы

в виде группы деревьев, газонов и цветов, учитываются открывающиеся виды на пейзаж. Так образ жизни человека приближается к природе, и новые городские районы и кварталы проектируются как пространство, где человек связан с природными или искусственными элементами. При проектировании учитываются и удовлетворяются жизненные потребности горожан. Легкость передвижения, комфорт, удовольствие и вдохновение для разума и души можно определить как критерии оценки вновь созданной жилой среды в структуре современного города. Традиции стран Востока, искусство и наука проектирования местности и организации пространства, сохраняющиеся на протяжении более четырех тысяч лет, вдохновляют архитекторов, начиная с Ф. Л. Райта. Идеи приспособления к природе и окружающей среде, свойственные этой традиции, реализуются в проектах застройки в городах, проектах реконструкции, реновации бывших промышленных территорий.

Ирина Дагданова, Ирина Алсагаева / Irina Dagdanova, Irina Alsagaeva

Литература

1. Проект international : журн. по мировой арх. и дизайну интерьеров. – 2006. – № 3.
2. Meuser Ph. Vom Plan Zum Bauwerk. – Berlin : Braun, 2002.
3. Дагданова И. Б. Проблема архитектурного ансамбля на примере городов современной Германии»: статья // Изв. вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2013. – № 2 (5). – С. 100.

^ Амстердам. Одна из набережных залива, где жители имеют возможность позавтракать всей семьей или поплавать у своего дома

4. Дагданова И. Б., Козлов В. В. Исторический центр как ресурс развития крупного города // Изв. вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. – 2012. – № 1 (2). – С. 100.

5. The Phaidon Atlas of contemporary world architecture. – London : Phaidon, 2004.

References:

Dagdanova, I. B. (2013). Problema arkhitekturnogo ansamblya na primere gorodov sovremennoi Germanii [A problem of architectural ensemble through the example of the cities in modern Germany]. Izv. vuzov. Investitsii. Stroitelstvo. Nedvizhimost, 2(5), 100.

Dagdanova, I. B. Kozlov V. V. (2012). Istorichesky tsentr kak resurs razvitiya krupnogo goroda [The historical center as a resource for a big city development]. Izv. vuzov. Investitsii. Stroitelstvo. Nedvizhimost, 1(2), 100.

Meuser, Ph. (2002). Vom Plan Zum Bauwerk. Berlin: Braun.

The Phaidon Atlas of contemporary world architecture. (2004). London: Phaidon.

Project International: journal on world architecture and interior design. (2006). 3.

v Мальме. Искусственный бассейн в одном из дворов

авторы

Алсагаева Ирина Сергеевна – студентка Института архитектуры и строительства Иркутского национального исследовательского технического университета

Арефьева Евгения – руководитель департамента экономического анализа и исследований Института территориального планирования «Урбаника» (Санкт-Петербург)

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Волчок Юрий Павлович – кандидат архитектуры, руководитель отдела истории отечественной и зарубежной архитектуры и градостроительства новейшего времени НИИТИАГ, профессор кафедры советской и современной зарубежной архитектуры МАРХИ

Гнездилов Андрей Леонидович – первый заместитель директора архитектурного бюро «Остоженка» (Москва)

Григорьева Елена Ивановна – заслуженный архитектор РФ, член-корреспондент РААСН, вице-президент САР

Грязнова Надежда Владимировна – советник РААСН, кандидат архитектуры, начальник научно-организационного отдела отделения архитектуры РААСН, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ РААСН, профессор МАРХИ

Дагданова Ирина Баторовна – доцент кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и строительства Иркутского национального исследовательского технического университета

Дружинина Инна Евгеньевна – главный архитектор ПАМ «Аллегро», доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского национального исследовательского технического университета, член правления Иркутской региональной организации Союза архитекторов России

Жмыхова Анастасия Сергеевна – студентка Института архитектуры и строительства Иркутского национального исследовательского технического университета

Замотина Ирина – главный архитектор Института территориального планирования «Урбаника» (Санкт-Петербург)

Казакова Валентина Игоревна – магистрант Института архитектура и строительства Иркутского национального исследовательского технического университета, член Клуба молодых архитекторов (Иркутск)

Кварталов Козьма – заслуженный урбанист и кварталовед, магистр современного фольклора, народный баюн Восточно-Сибирского федерального округа, генеральный директор Пробирной палатки при Общественной палате Иркутской области

Козьмин Алексей Павлович – руководитель экспертного совета Сибирской лаборатории урбанистики, директор Центра урбанистики Томского государственного университета

Кудрявцев Александр Петрович – вице-президент РААСН, профессор, академик Международной академии архитектуры (Москва)

Лазуто Ляна Сергеевна – архитектор-дизайнер (Красноярск)

Лебедева Татьяна Викторовна – магистрант кафедры советской и современной зарубежной архитектуры МАРХИ

Левинтов Александр Евгеньевич – ведущий научный сотрудник Московского городского университета, руководитель мастерской НИР SEDEC при МВШУ «Сколково», кандидат географических наук (Москва)

Лежава Илья Георгиевич – заведующий кафедрой градостроительства МАРХИ, вице-президент РААСН, доктор архитектуры, профессор, заслуженный архитектор РФ

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения

Логвинов Виктор Николаевич – первый вице-президент Союза архитекторов России, член-корреспондент РААСН, действительный член МАА, руководитель мастерской «Архитектурный центр», заслуженный архитектор РФ

Меерович Марк Григорьевич – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, член-корреспондент РААСН, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета, заслуженный архитектор РФ

Наумова Надежда – магистрант Института архитектуры и строительства Иркутского национального исследовательского технического университета

Новикова Марина Федоровна – пресс-секретарь Союза архитекторов России, главный редактор газеты «СА» (Москва)

Нуянзина Валерия – архитектор (Иркутск)

Острогорский Александр – архитектор, преподаватель Московской архитектурной школы (МАРШ)

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член СМА, член Союза дизайнеров России

Распутин Владимир Викторович – главный архитектор ООО «Институт архитектурно-градостроительного проектирования», лауреат Губернаторской премии

Сергеев Алексей – архитектор (Москва)

Стегайло Владимир Борисович – заслуженный архитектор РФ, главный архитектор архитектурно-проектного центра группы компаний «Фортуна»

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГУЭП, сотрудник Центра независимых социальных исследований (Иркутск), член Союза журналистов России

Токарев Никита Владимирович – архитектор, директор Московской архитектурной школы (МАРШ)

Хмельницкий Дмитрий Сергеевич – архитектор, историк архитектуры, публицист (Германия)

Хувен, Франк ван дер – доктор философских наук, доцент кафедры градостроительного проектирования, директор по науке факультета архитектуры и строительства Дельфтского технического университета (Нидерланды)

Ямова Евгения Викторовна – заместитель директора Международного Байкальского зимнего градостроительного университета ИРНТУ, архитектор Международной научно-исследовательской лаборатории исследования и проектирования городской среды «Градостроительная школа»

authors

Irina Alsagaeva – student of the Institute of Architecture and Construction, Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Eugenia Arefieva – head of the department of economic analysis and research, Institute of Spatial Planning Urbanika (St Petersburg)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Yuri Volchok – Ph.D. in Architecture, head of the department of contemporary history of domestic and foreign architecture and town planning at the Research Institute of the Theory and History of Architecture and Town Planning (RITHATP) of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), professor of the Department of Soviet and Contemporary Foreign Architecture at Moscow Architectural Institute (MARCHI)

Andrei Gnezdilov – first deputy director of the architectural bureau “Ostozhenka” (Moscow)

Elena Grigoryeva – honored architect of the RF, corresponding member of the RAACS, vice president of the Union of Architects of Russia

Nadezhda Gryaznova – advisor of the RAACS, Ph.D. in Architecture, head of the scientific-organizational section of the Architectural Department of the RAACS, leading researcher of the RITHATP of the RAACS, professor of MARCHI (Moscow)

Irina Dagdanova – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of INRTU

Inna Druzhinina – member of the Board of the Irkutsk Organization of the Union of Architects of Russia, chief architect of the personal architectural bureau “Allegro”, Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of INRTU

Anastasia Zhmykhova – student of the Institute of Architecture and Construction, INRTU

Irina Zamotina – chief architect of the Institute of Spatial Planning “Urbanika” (St Petersburg)

Valentina Kazakova – graduate student of the Institute of Architecture and Construction, INRTU, member of the Club of Young Architects (Irkutsk)

Kozma Kvartalov – honored urbanist and quarter lore specialist, master of modern folklore, national crooner of the East-Siberian Federal District, director general of the Assaying Tent affiliated with the Public Chamber of the Irkutsk Region

Alexei Kozmin – head of the expert council of the Siberian Laboratory of Urbanistics, director of the Center of Urbanistics at Tomsk State University

Alexander Kudryavtsev – professor, vice-president of the RAACS, member of the International Academy of Architecture (Moscow)

Lyana Lazuto – architectural designer (Krasnoyarsk)

Tatyana Lebedeva – graduate student of the Department of Soviet and Contemporary Foreign Architecture at MARCHI

Alexander Levintov – Ph. D. in Geography, leading researcher of Moscow City University, head of the research project bureau of SEDEC at the Moscow School of Management Skolkovo (Moscow)

Ilya Lezhava – honored architect of the RF, doctor of architecture, professor, head of the Town Planning Department of MARCHI, vice-president of the RAACS

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Victor Logvinov – first vice-president of the Union of Architects of Russia, corresponding member of the RAACS, full member of the IAA, honored architect of the RF, director of the bureau “Architectural Center”

Mark Meerovich – Ph.D. of Historical Sciences, Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, Professor of INRTU, honored architect of the RF

Nadezhda Naumova – graduate student of Institute of Architecture and Construction of INRTU

Marina Novikova – Head of Press Office, Union of Architects of Russia, editor-in-chief of “SA” newspaper (Moscow)

Valeria Nuyanzina – architect (Irkutsk)

Alexander Ostrogorsky – architect, lecturer of the Moscow Architectural School (MARCH)

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the UMA, member of the Union of Designers of Russia

Vladimir Rasputin – chief architect of OOO “Institute of architectural and town-planning design”, laureate of the Irkutsk Region Governor Prize (Irkutsk)

Alexei Sergeev – architect (Moscow)

Vladimir Stegailo – honored architect of the RF, chief architect of the architectural center of the Fortuna Group of Companies

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at BSUEL, member of the Center for Independent Social Research (Irkutsk), member of the UJR

Nikita Tokarev – architect, director of the Moscow Architectural School (MARCH)

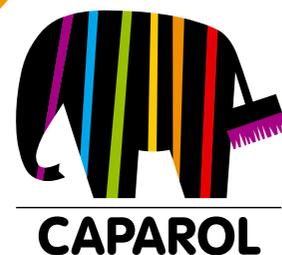
Dmitry Khmel'nitsky – architect, architectural historian, publicist (Germany)

Frank van der Hoeven – Ph.D., Associate Professor & Director of Research at TU Delft, Faculty of Architecture and the Built Environment (Netherlands)

Evgenia Yamova – deputy director of INRTU International Baikal Winter University of Urban Planning Design, architect of the Agency for Development of Territories “Urban Planning School”

Материалы для отделки фасадов. Системы утепления Caparol

Caparol-Center – это первый в Иркутске европейский салон, представитель немецкой компании CAPAROL. Компания CAPAROL разрабатывает, производит и реализует немецкие высококачественные краски, лаки, лазури, шпатлевки, штукатурки, а также фасадные и теплоизоляционные системы.

Caparol Center Irkutsk
тел.: +7(3952) 28-05-07
Иркутск, ул. Поленова, 6
caparolbaikal@gmail.com
caparol-baikal.ru

ОСНОВНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ТЕПЛОИЗОЛЯЦИОННЫХ СИСТЕМ CAPAROL:

- Сокращение расходов на отопление
- Сокращение расходов на кондиционирование
- Защита от воздействий окружающей среды
- 25 лет гарантии
- Защита от сырости, плесени и грибка
- Дополнительная звукоизоляция

Компания CAPAROL является лидером фасадных систем в Европе и России. CAPAROL предлагает широкий комплекс материалов, которые позволяют работать на абсолютно любых зданиях с фасадами любой сложности. Высококачественные, разработанные по новейшим технологиям фасадные материалы CAPAROL, позволяют не только придать внешности здания особый неповторимый образ, но и обеспечить долгосрочную защиту фасада от разрушительных погодных факторов и воздействия окружающей среды. Безупречное качество продукции CAPAROL позволяет с уверенностью заявлять: «Это одна из лучших систем теплоизоляции фасадов». Весь ассортимент поставляемой продукции сертифицирован на территории Российской Федерации. Уникальная технология ColorExpress позволяет колеровать краску в более 500000 оттенков цвета. Специалисты Caparol-Center помогут Вам в разработке цветового решения для фасада и создании индивидуального, неповторимого стиля Вашего дома.

Долговечность • Надежность • Качество

КМЕШ

Кей Эм Ю

Вентилируемые
ФАСАДЫ
ИЗ ЯПОНИИ

Официальный дистрибьютор
фасадных панелей КМЕШ в России
Компания «Фасадные технологии»
г. Иркутск, ул. Ф. Энгельса, 8, оф. 302
+7 (3952) 484-184

Объект: Жилой комплекс
Baukal Residence,
Иркутский район пос. Листвянка
Архитектурное бюро: АСП-ОСНОВА
Материал: фиброцементная
фасадная плита КМЕШ Ceradit 16 мм